

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НАКАНУНЕ
И В ЭПОХУ СТАЛИНСКОГО СОЦИАЛИЗМА 1917–1953 гг.

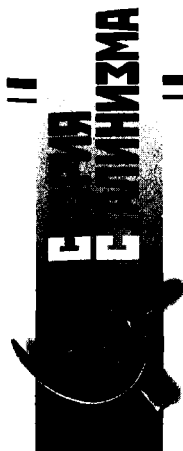
МИХАИЛ ОДИНЦОВ

МИХАИЛ ОДИНЦОВ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НАКАНУНЕ И В ЭПОХУ СТАЛИНСКОГО СОЦИАЛИЗМА 1917–1953 гг.

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Совет при Президенте Российской
Федерации по развитию гражданского
общества и правам человека**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Российский государственный архив
социально-политической истории**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),

Л. Виола (*Lynn Viola*),

А. Грациози (*Andrea Graziosi*),

А. А. Дроздов,

Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),

В. П. Лукин,

С. В. Мироненко,

Ю. С. Пивоваров,

А. Б. Рогинский,

Р. Сервис (*Robert Service*),

Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),

А. К. Сорокин,

Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),

М. А. Федотов,

О. В. Хлевнюк

МИХАИЛ ОДИНЦОВ

**ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА**

**РУССКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
НАКАНУНЕ И В ЭПОХУ
СТАЛИНСКОГО
СОЦИАЛИЗМА
1917–1953 гг.**

Москва
2014

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
благотворительного фонда Петра Авена «Поколение»*

Одинцов М. И.

О-42

Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / Михаил Одинцов. — М. : Политическая энциклопедия, 2014. — 424 с. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1821-0

Эпоха «сталинского социализма» была поистине критическим для русского православия временем, когда сомкнулись воедино трудности объективного и субъективного порядка.

К началу XX века Россия переросла идущие от предшествующих столетий формы своего политического бытия и сопутствующие им ложно называемые «симфоническими» государственно-церковные отношения. Страна оказалась перед неизбежной необходимостью внутренней и внешней «самоперестройки». Свобода желала Государственная Церковь и все другие религиозные организации. Свобода совести, мировоззренческих убеждений и мысли в значительной степени стала вожаемой целью большей части российского общества. Ее достижение увязывалось с «разрушением клерикального государства» и со строительством нового для России мировоззренческого типа государства — государства светского. Иными словами, России суждено было идти путем, по которому уже два, а то и три века, шли страны Старого и Нового Света.

Первые необходимые, но одновременно и самые трудные шаги на этом пути сделало Временное правительство. Стало понятным, что о светском государстве и плюралистическом обществе можно не только мечтать, но и созидать его. Может быть, путь постепенных вероисповедных реформ и позволил бы достичь цели с наименьшими потерями, но... История не знает сослагательного наклонения и бремя практического закрепления и налаживания новых механизмов взаимоотношения власти с религиозными организациями легло на Правительство Советское. Однако оно вскоре оказалось «в плену» идеологии правящей коммунистической партии, которая на рубеже 1920–1930-х годов вразрез «марксистским ценностям», в верности которым публично клялась, ставит задачу строительства бесклассового безрелигиозного общества и «атеистического государства». И это стало субъективным обстоятельством, чрезвычайно осложнившим государственно-церковные отношения в СССР.

В книге автор, привлекая широкий круг архивных источников, историческую литературу и периодические издания, воспоминания и свидетельства современников, стремится рассказать о судьбах русского православия в переломный момент отечественной истории.

УДК 322(47+57)"1917/1953"

ББК 86.372.24

За покровительство государственное
Церковь заплатила своей свободой,
свободой христианского духа,
христианского слова.
...Скованная золотыми цепями,
она должна была волей-неволей идти
всегда за колесницей победителя.

Б. В. Титлинов

ВВЕДЕНИЕ

НЕОБХОДИМАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

По меткому выражению лидера кадетов П. Н. Милюкова, атмосфера в российском обществе на рубеже 1916–1917 гг. была «насыщена электричеством, все чувствовали приближение грозы, и никто не знает, куда упадет удар». Удар разразился и пал на того, кого многие считали одним из главных виновников маразма, разъедавшего Двор. Был убит Распутин. В высших кругах, в Государственной думе, в политических партиях почти открыто говорили о зреющем дворцовом перевороте в пользу наследника Алексея. И это рассматривалось как возможный второй удар судьбы по дряхлеющему зданию абсолютистской монархии. Однако история распорядилась по-своему: назревавший переворот произошел не сверху, а снизу, не планомерно, а стихийно.

Уже 23 февраля 1917 г. появились первые признаки народных волнений. На следующий день мирные митинги уступили место первым вооруженным столкновениям с полицией.

25 февраля работа фабрик и занятия в учебных заведениях приостановились. Весь Петроград вышел на улицы. У городской Думы произошло крупное столкновение народа с полицией, а на Знаменской площади при таком же столкновении казаки приняли сторону народа, бросились на конную полицию и обратили ее в бегство.

26-го, в воскресенье, правительство приготвилось к решительному бою. Центр столицы оцепили патрули и были установлены пулеметы. Это, однако, не устрало толпу. В громадном количестве со знаменами люди ходили по улицам, собирались на митинги, происходили столкновения, при которых правительством были пущены в ход пулеметы. Чтобы усилить полицию, часть солдат были переодеты в полицейские шинели, что вызвало в полках гарнизона чрезвычайное негодование и дало толчок к переходу их на сторону народа.

А в это время в здании Святейшего синода собрались его члены. Но не все. Часть из них по тем или иным причинам не смогли прибыть. Не было и обер-прокурора Н. П. Раева. Вел заседание его заместитель князь Н. Д. Жевахов. Он призывал, настаивал, заклинал присутствующих не стоять в стороне от разыгрывающихся событий на улицах Петрограда, выступить на стороне правительства, выпустить воззвание

со словами вразумления к пастве и с грозным предупреждением к тем, кто отступает от принципа «за веру, царя и Отечество». Но предложение повисло в воздухе. «Это всегда так, — подал голос митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), — когда мы не нужны, нас не замечают, а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью»¹.

Князь пытался настаивать, уговаривать, но иерархи заупрямились, с воззванием ничего не получалось. Никто из присутствовавших и предположить не мог, на пороге каких событий оказались Государство, Церковь, Народ. По обыкновению последних лет участники собрания лишь «демонстрировали» свое недовольство сложившимися отношениями Синода с обер-прокурорской властью, но никак не вступали в оппозицию самодержавной власти. Волею обстоятельств это синодальное заседание, оказавшись последним при старом режиме, одновременно стало рубежом во взаимоотношениях Церкви и государства в новых политических обстоятельствах.

Власть в стране перешла к спешно сформированному Временному правительству. 3 марта оно опубликовало Декларацию с разъяснением своего политического курса и задач, к разрешению которых намеревалось приступить немедленно². Среди прочего обещались и «религиозные свободы». Однако порядок государственного управления церковными делами сохранился прежним: в отношении Православной церкви он осуществлялся через обер-прокурора Святейшего синода; а в отношении всех остальных культов — через Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел.

Обер-прокурор входил в состав правительства, а его права, обязанности и полномочия определялись, как и прежде, Духовным Регламентом Петра I и позднейшими к нему дополнениями. Фактическое всевластие обер-прокурора не было поколеблено: без его визы ни одно из определений Синода не приобретало юридической силы и обязательного характера.

Первым, как тогда говорили и писали, «революционным» обер-прокурором стал В. Н. Львов — сторонник партии октябристов, член Государственной думы и председатель думской комиссии по церковным вопросам.

К самой идее сохранения поста обер-прокурора отношение среди членов Временного правительства, в его министерствах и ведомствах было неоднозначным. К примеру, тогдашний товарищ обер-прокурора

---

¹ См.: Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. Т. 1. М., 1993. С. 288.

² См. подробнее о «религиозной политике» Временного правительства: Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Государственной думе (1906–1917 гг.): надежды, дискуссии и исторические уроки / Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. ст. Вып. 3. М., 2006. С. 481–563.

А. В. Карташев считал ее «недостаточно революционной, умеренной и компромиссной комбинацией», в которой изначально были заложены предпосылки к конфликтам и недоразумениям между Церковью и государством¹. Он предлагал В. Н. Львову тактический план, согласно которому старый Синод и обер-прокуратура распускались, а на их место Временным правительством назначался министр исповеданий, который должен был объявить о созыве Церковного собора и образовании «Временного Св. Синода» для его подготовки. Однако ни обер-прокурор В. Н. Львов, ни премьер-министр Г. Е. Львов, ни его помощники по Министерству внутренних дел Д. М. Щепкин и А. Г. Алексеев на такие шаги не дали согласия из опасения быть обвиненными в «насилии» над Церковью.

4 марта В. Н. Львов впервые появился в Синоде. Он объявил об освобождении Православной церкви от бывшей зависимости от государства и заявил, что отныне она вправе сама определить форму церковного самоуправления и может начать практическую подготовку к Поместному собору. А пока было предложено принимать к исполнению директивы правительства от обер-прокурора и через него же подавать в правительство просьбы и предложения. Тут же из зала вынесли стоявший многие годы у стены небольшой царский трон — символ прежней верховной власти. Эта сцена была тяжела не только для крайне консервативных членов Синода, но и для сравнительно умеренных и либеральных... — «сжигать» то, чему еще вчера поклонялись.

Временное правительство, формируя свою программу реформ государственно-церковных отношений, исходило из убеждения, что прежний их характер объективно изжил себя. В одной из записок Департамента духовных дел МВД в адрес правительства об этом сказано было вполне определенно: «Падение старого государственного строя привело к необходимости коренного пересмотра всех существующих в России вероисповедных отношений. Старый строй не признавал полной свободы совести и исповедания. Он не допускал свободы вероисповедных переходов, свободы религиозной пропаганды, равенства всех религий и культов перед законом»².

Принимая такую оценку и исходя из того, что Российское государство отныне не есть «христианское», а есть — «внеконфессиональное» государство, правительство через обер-прокурора намеревалось провести следующие меры: объявить амнистию всем, кто был осужден по «религиозным делам»; отменить вероисповедные, тесно переплетавшиеся с социальными и национальными ограничения;

---

¹ Карташев А. В. Революция и Собор 1917–1918 гг. (наброски для истории русской церкви наших дней) / Богословская мысль. Труды православного богословского института в Париже. Париж, 1942. Вып. 6. С. 76.

² Цит. по: Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Государственной думе...

обеспечить равенство религий, а также граждан независимо от их отношения к религии; отменить обязательное преподавание в государственных учебных заведениях Закона Божьего; передать в ведение Министерства народного образования церковно-приходские школы; снять ограничения на деятельность старообрядческих, католических, протестантских и иных религиозных объединений.

Практически сразу же представители ранее «терпимых» и «го-нимых» религиозных объединений признали «историческую закономерность» падения самодержавия, объявили о поддержке внутренней и внешней политики Временного правительства, а также и его программы по разрешению религиозного вопроса. В адрес правительства поступали приветственные телеграммы и обращения от мусульманских, старообрядческих, иудейских, армяно-григорианских, униатских, баптистских, евангельских и других общин. В них выражалась надежда на изменение в кратчайшие сроки прежней государственной церковной политики и утверждение в российском обществе принципов свободы совести. Неправославным объединениям особенно импонировал провозглашенный правительством принцип равенства религиозных объединений перед законом и их равноудаленность от государства. Как пример приведем фрагмент Резолюции, принятой в апреле 1917 г. съездом старообрядцев, воистину страстотерпцев российской истории: «Церковь не может быть в услужении государственной власти, Церковь должна отказаться от всяких поползновений к господству, должна отказаться от денежной поддержки государства... Полное отделение Церкви от государства и свобода религиозных групп, находящихся в России, послужит только к благу, величию и процветанию свободной России»¹.

Православная же церковь оказалась в сложном положении. К власти пришли политические силы, по отношению к которым в предшествующие десятилетия, особенно в думский период, она находилась в конфронтации, не принимая «покушений» с их стороны на «полноту самодержавия», права и привилегии Православной церкви, отвергая их видение реформ государственно-церковных отношений. Не случайно в сообщениях с мест, поступавших в адрес новой власти, отмечалось: «Священники, даже в пригородах Петрограда, продолжали поминать царя и держали себя так, как будто ничего не случилось... Наибольшие симпатии к старой власти и наименьшую активность в возвещении начала нового строя проявило, между прочим, повсеместно духовенство. Нет почти ни одного делегатского отчета, в котором не было бы указаний на это»².

---

¹ Русские ведомости. 1917. 18 апреля.

² Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Государственной думе...

Святейший синод, состав которого был утвержден еще императором Николаем II, был в замешательстве¹. Как писал в своих воспоминаниях об этом времени служащий Московской синодальной конторы А. И. Денисов, «в церквях по-прежнему, по заведенной рутине, молились “о благочестивейшем, самодержавнейшем”. Впрочем, здесь низшая братия была не виновата: она обращалась за разъяснениями и указаниями к церковным властям, но те как-то мялись и отнекивались либо отвечали: “живите как хотите”. Они ссылались при этом, что нет еще “указа” от Святейшего Синода. Рутинная царина вовсе, инициативе не было места»².

Наконец 6 марта было опубликовано синодальное послание, в котором «верные чада Православной церкви» призывались к поддержке Временного правительства. Синод принял к сведению акты об отречении от престола Николая и Михаила Романовых; отменил обязательное упоминание во время церковных служб имени императора и постановил «возносить моления о благоверном Временном правительстве». Епархиальному начальству рекомендовано было проводить съезды и собрания с непременно принятием резолюций в поддержку новой государственной власти и одновременно призвать приходское духовенство в проповедях и во внебогослужебное время разъяснять пастве общецерковную точку зрения на происшедшее в России. Указания добросовестно выполнялись, и в адрес Синода, и обер-прокурора потоком пошли телеграммы, обращения, послания и приветствия, в которых проклиналось «самодержавное прошлое», утверждалось, что «свершился суд Божий и грозный суд народной воли. Россия воскресла для жизни новой, на святых началах братства, равенства и свободы»³.

Поступавшие в адрес Временного правительства сведения из различных регионов России свидетельствовали о том, что словно по маговению волшебной палочки улетучивались монархические настроения в обществе. Правительственный отдел «сношений с провинцией» с долей удивления отмечал в своих отчетах: «Широко распространенное убеждение, что русский мужик привязан к царю, без царя “не может жить”, было ярко опровергнуто той единодушной радостью, тем вздохом облегчения, когда они узнали, что будут жить без того, без

---

¹ См. о деятельности Синода весной—летом 1917 г.: Любимов Николай, *протопресвитер*. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля — 12 июня 1917 г.) // Российская церковь в годы революции. (1917–1918). М., 1995. Публикация М. И. Одинцова.

² Денисов А. И. Первые дни Февральской и Октябрьской революций в 1917 г. в Московском Кремле // Исторический архив. 1997. № 3. С. 72. Публикация М. И. Одинцова.

³ См., напр.: Вестник Временного правительства. 1917. № 20.

кого они “не могли жить”. Распутинская история известна в самых дальних углах России. И крестьяне обыкновенно говорят: “Царь-то до чего себя довел! И нас разорил вконец”. Если и были у кого симпатии к монархии, то настолько было сильно противоположное течение, что монархистов совершенно не было слышно. Они притаились и если пробовали высказываться, пробуя почву, то скоро меняли тон, так как почва везде была недобрая»¹.

Чуть позже, в конце марта, свою лояльность к новой власти Синод проявил и тем, что принял специальное постановление «О содействии со стороны духовного ведомства успешному распространению займа свободы». Городскому и сельскому духовенству, учителям церковно-приходских школ вменялось в обязанность разъяснять значение займа, а церковным учреждениям (братствам, монастырям, приходам и т. д.) предписывалось все свободные средства обращать на приобретение облигаций займа.

Весна 1917 г. — уникальный период в истории России, характеризующийся бурным проявлением религиозной жизни во всем многообразии, религиозным возрождением и обновлением. Всколыхнулась и многомиллионная православная паства. Лозунг «демократизации» церковной жизни выдвигался чуть ли не повсеместно. Многочисленные съезды духовенства и мирян, наряду с внутрицерковными, выдвигали и политические вопросы. Порою «бунтующие низы» свержали нелюбимых епископов с кафедр из-за их «пристрастия» к прежнему режиму и требовали от Синода утвердить эти решения.

В поддержку таких требований зачастую выступали и новые местные власти. Из Рязани, к примеру, телеграфировали 13 марта 1917 г. обер-прокурору: «Учитывая всю предшествующую деятельность епископа рязанского Димитрия (Сперовского), стоящего во главе “Союза русского народа”, и принимая во внимание его широкую, все время возбуждавшую население агитационную черносотенную пропаганду во время богослужения, Рязанский исполнительный комитет просит принять меры к срочному удалению рязанского епископа Димитрия».

Чуть позже в Синод пришел доклад vicария рязанской епархии епископа Михайловского Павла (Вильковского), в котором он сообщал об обстоятельствах «удаления» епископа Димитрия. В нем с особенной горечью описывалась безучастность верующих масс — по церковной терминологии «тела церковного и семьи духовной», составлявших епархию. «Оказалось, — писал епископ, — ни “семьи”, ни “тела” как не бывало. “Тело” показало себя совершенным подобием бесчувственного трупа, семья — состоящей из одних почти младенцев, которые умеют кое-как лепетать свои молитвы в Божьих храмах,

---

¹ Красный архив. Т. XV. М.; Л., 1926. С. 35.

да крепко спорить о том, сколько пятаков и гривенников скостить по случаю “свободы” с своих попов на каждой требе, да с отца благочинного, когда он поедет за сборами на нужды епархии»¹.

Похожие ситуации складывались во многих других губерниях: Владимирской, Воронежской, Житомирской, Иркутской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Орловской, Харьковской, Черниговской...

Синоду приходилось выкручиваться из щекотливых положений. Оскандалившихся пастырей вывозили в Петроград, а затем, бывало и насильно, отправляли на покой, определяя новое место жительства².

В публичных выступлениях приходского духовенства и рядовых верующих все чаще звучали обличительные слова в адрес епископата. Накопившиеся за многие годы «обиды» на власть духовную выливались на страницы светской и даже церковной прессы. Широкий резонанс получило открытое письмо профессора Варшавского университета П. В. Верховского, опубликованное во «Всероссийском церковно-общественном вестнике», в котором были и такие слова: «С самого принятия Русью христианства русские епископы стали великими владыками с господствующей властью над огромными епархиями. Будучи нередко аристократами по происхождению и, безусловно всегда... монахами, русские епископы вознеслись высоко над простым клиром и мирянами и, упоенные своим величием и властью, почти забыли о морально пастырском характере своего “служения”. Великая гордыня духа при внешнем “смирении” стала отличительной чертой русского епископата, и он более всего был озабочен сохранением своего величия и пышности, требуя, особенно от рядового духовенства, безусловно “благопокорности”, рабского послушания и безгласности... В результате всего этого получилась глубокая рознь между православными епископами и духовенством в России и полный упадок веры и жизни церковной»³.

И в последующем на страницах этого издания (как и многих других) появилось немало аналогичных признаний со стороны иерархов и видных церковно-общественных деятелей. Приведем только одно, опубликованное по случаю празднования 1 мая в Москве в 1917 г., и принадлежащее епископу Бельскому Серафиму (Лукиянову): «Сегодня — “праздник свободы”. Кровью обливается наше сердце, и всей душой скорбим мы, что Церковь в Москве осталась сегодня совершенно безучастной к народному торжеству: храмы почти все заперты, как в обык-

---

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 550. Оп. 1. Д. 107. Л. 1а—1а об.

² См.: Любимов Николай, протопресвитер. Дневник о заседаниях...

³ Всероссийский церковно-общественный вестник (ВЦОВ). 1917. № 3.

новенный будний день, богослужения нарочито нет, звона колоколов не слышно... А народ ликует, радуется... Какая, по-видимому, глубокая пропасть между нами и народом — паствой нашей! Заперлись мы сегодня в своих комнатах и сидим, боясь выйти на улицу, как просидел весь день и я, совершенно отрезанный от людей, их дум и чувств».

На короткий период времени ключевой фигурой в проведении вероисповедной политики Временного правительства стал В. Н. Львов. Придя в Синод с желанием немедленно приступить к церковным реформам, он столкнулся с оппозицией и среди членов Синода, и за его пределами — среди епархиальных архиереев, которые в большинстве своем не желали каких-либо решительных преобразований. Именно о них протопресвитер армии и флота Г. Шавельский в воспоминаниях, хотя, наверно, и несколько нарочито утрированно, писал: «В предреволюционное время наш епископат в значительной мере своей части представлял коллекцию типов изуродованных, ничтожных для работы, вредных для дела. Тут были искатели приключений и авантюристы, безграничные честолюбцы и сластолюбцы, смиренные и “благочестивые”, изнеженные и избалованные сибариты, жалкие прожектеры и торгаши, не знавшие удержу самодуры и деспоты, инквизиторы, безразличные и безвольные в руках своих келейников, “мироносиц” и праздных проходимцев, на них влиявших... Каждый указанный тип имел в нашем епископате последнего времени по несколько представителей. Некоторые владыки “талантливо” совмещали в себе качества нескольких типов... Самая первая церковная реформа должна была коснуться епископата»¹.

Словно по подсказке протопресвитера, В. Н. Львов и занялся первоочередным делом — «очищением» епископата от лиц, запачканных связями с фаворитом царской семьи Г. Распутиным, состоявших в Союзе русского народа и придерживавшихся крайних монархических взглядов. Он самолично удалял их с кафедр или заставлял Синод принимать решения об этом. Первой «жертвой» обер-прокурора стал митрополит Петроградский Питирим (Окнов), которого принудили подать прошение об уходе на покой, после чего он покинул столицу².

---

¹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера армии и флота. Т. 1. М., 1996. С. 465–468.

² Нельзя не привести характеристику, которую давал Питириму помощник начальника канцелярии Святейшего синода С. Г. Рункевич: «Темные силы, безверные и беспринципные, пользуясь суеверным настроением царицы, при посредстве известного старца Распутина овладели влиянием на царя и, выдвинув ничтожного и недостойного архиепископа Питирима на пост Петроградского митрополита и не менее ничтожных лиц на посты государственных представителей в церковном правительстве, вносили в церковную жизнь ужасающее разложение» / Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 257. К. 8. Д. 2. Л. 8–9.

Затем настал черед и другого видного «распутинца» — митрополита Московского Макария (Невского), о котором отзывались как о человеке «праведной жизни», но «крайнем консерваторе»¹. Этот «сибирский миссионер» своим продвижением по иерархической лестнице во многом был обязан Распутину, но тем самым он заслужил нелюбовь паствы. Специальная депутация от приходов, духовных учебных заведений и церковных учреждений посетила комиссара Москвы Н. М. Кишкина, упрасывая его оказать содействие в «немедленном удалении из Москвы на покой правящего архиерея». Этого же от Синода добивалась группа посланных в Петроград от духовенства и паствы Московской епархии авторитетных церковных деятелей. Совместными усилиями они заставили Макария подать заявление об увольнении на покой и удалиться в Николо-Угрешский монастырь.

Очень скоро многие кафедры оказались вдовствующими: Петроград, Москва, Тверь, Чернигов, Харьков, Екатеринбург, Екатеринослав... Обер-прокурор настаивал, чтобы их замещение проходило в выборном порядке на епархиальных съездах с широким участием духовенства и мирян.

К правительственным мерам в религиозной сфере Синод в целом относился отрицательно, рассматривая их как покушение на «первенствующее» положение Церкви в государстве и обществе. Отсюда глухое сопротивление действиям обер-прокурора, стремление притормозить церковные реформы. Тогда В. Н. Львов воспользовался одной из неотмененных обер-прокурорских привилегий и предложил Временному правительству «состав зимней сессии Святейшего синода освободить от присутствования» и вызвать на летнюю сессию новый состав. «Отставленные» члены Синода, хотя и выразили повиновение воле правительства, но в специально составленном акте признали такой способ формирования Синода не соответствующим каноническим требованиям². Но их демарш остался незамеченным: правительство поступило по-своему, самостоятельно определив состав вызываемых в Синод представителей черного и белого духовенства. Из прежнего состава Синода оставлен был лишь архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский).

26 апреля члены нового состава Синода собрались на свое первое заседание. После бурных трехдневных споров было отредактировано и принято большинством голосов послание к «возлюбленным о Христе братьям архипастьям, пастырям и всем верным чадам Святой

---

¹ См. об этом: Розанов Н. П. Второе сословие (мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее пятидесятилетие перед революцией) // Исторический архив. 2000. № 3. Публикация М. И. Одинцова.

² ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.

Церкви». В нем первой задачей названа подготовка к Поместному собору и одновременно предлагалось провести «выборное начало» во все доступные для него формы церковного управления при самом широком участии всех членов Церкви в делах церковных. Кроме того, опубликован был ряд «Временных положений» о приходе, о епархиальном управлении, о выборах духовенства и епископов, на основе которых перестраивалась вся жизнь в епархиях. В течение марта—июня были приняты и многие другие синодальные постановления, менявшие положение и права, как духовенства, так и мирян. К примеру, в развитие принятого 25 марта 1917 г. постановления «Об отмене ограничений в правах белого духовенства и монашествующих, добровольно, с разрешения духовной власти, слагающих с себя духовный сан, а также лишенных сана по суду духовному», Синод 5 мая разрешил священнослужителям, вынужденным по независящим от них обстоятельствам оставить свои приходские места, занимать светские должности по государственной, общественной и частной службе, несение которых совместно со священническим саном. Из клировых ведомостей была исключена «доносительная графа» о поведении прихожан и членов их семей. Было разрешено поступление священнослужителей для продолжения образования в светские высшие учебные заведения. В духовных академиях установлена была выборность ректоров Советом академий и конкурсное замещение вакантных преподавательских мест; разрешалось студентам академии участие в политических партиях и проживание на частных квартирах.

Синод пришел к согласию о созыве 1 июня в Москве Всероссийского съезда духовенства и мирян, о скорейшем проведении выборов на Петроградскую и Московскую митрополии, а также о распространении выборного порядка замещения всех вакантных епископских кафедр.

Выборы митрополита на Петроградскую кафедру стали первым серьезным опытом «церковной демократии». Газеты пестрели заголовками: «Граждане Церкви! Идите в храмы, принимайте участие в выборах, созидайте обновленную церковную жизнь!»

С 11 мая в каждом из действующих храмов проходили собрания по выдвижению делегатов на епархиальный собор. Он открылся 23 мая в присутствии 1600 делегатов. Первый день его работы прошел в предварительных собраниях, на которых выдвигались и обсуждались кандидатуры. Всего их было названо одиннадцать: из епископов и духовенства. 24 мая в Казанском соборе после литургии и молебна началось предварительное голосование по кандидатам. Оно определило трех лидеров — архиепископа Финляндского Сергия, епископа Уфимского Андрея (Ухтомского) и епископа Гдовского Вениамина (Казанского). При окончательном голосовании абсолютное большинство делегатов отдали предпочтение епископу Вениамину. Синод

вынужден был признать итоги выборов и возвел Вениамина в сан архиепископа с правом именоваться архиепископом Петроградским и Ладожским.

Спустя месяц, 20–21 июня, прошли выборы на митрополичью кафедру во второй российской столице. На съезде духовенства и мирян Московской епархии в ходе ожесточенной дискуссии решено было выдвигать кандидатуры как из монашеской среды, так и из «достойных мирян». В результате после предварительного голосования в списке претендентов оказалось 13 человек: епископы, священники, миряне. Последующее тайное голосование выявило двух «лидеров», получивших по 297 голосов, — архиепископа Литовского Тихона (Белавина) и А. Д. Самарина.

Архиепископ Тихон жил в то время Москве, в Донском монастыре, в качестве «гостя» после эвакуации из своей Виленской епархии перед наступающими германскими войсками. Он не пользовался особой известностью ни в церковной сфере, ни в обществе. Мало кто его знал и в Москве. Не присутствовал он и на съезде, находясь в Петербурге, будучи вызванным в заседания Синода. Правда, о нем ходили слухи как об очень добром и гуманном владыке. Очевидно, его включили в список для голосования как «нейтральную фигуру» по отношению к сложившимся противоборствующим церковным группировкам среди московского духовенства, каждая из которых стремилась продвинуть своего кандидата. Но, как очень часто бывает в таких случаях, именно подобная «нейтральная» фигура, архиепископ Тихон, и собрала наибольшее число голосов из противостоящих лагерей.

Фигура А. Д. Самарина, опытного общественного деятеля, бывшего предводителя московского дворянства, была очень популярной в Москве. Представитель известной славянофильской семьи, он заставил заговорить о себе еще в 90-х гг. XIX столетия, выступая в качестве церковного публициста, оппонента В. С. Соловьева, а затем, став в 1915 г. на короткий срок обер-прокурором Святейшего синода. В значительной степени своей популярности и выдвижению кандидатом на митрополичью кафедру он был обязан окружавшему его ореолу «борца» с распутищиной, что подчеркивали многие выступавшие¹. Вместе с тем этого человека поддерживали и монархисты, среди которых ходили слухи об особой близости Самарина и последнего русского царя Николая II, якобы установившейся после их встречи в Ставке в 1915 г.²

¹ См.: Беляев А. Д. Материалы об избрании митрополита Московского. НИОР РГБ. Ф. 26. К. 15. Д. 12.

² См.: Одинцов М. И. Встреча в Ставке. Николай II и А. Д. Самарин. Июнь 1915 г. // Исторический архив. 1996. № 2.

Решающее голосование в присутствии В. Н. Львова проходило 21 июня в храме Христа Спасителя. В восемь утра съехались делегаты-выборщики. Миряне заняли левую сторону зала, а духовенство — правую. К половине десятого из Успенского собора Кремля прибыл крестный ход с чудотворной иконой Владимирской Божией Матери. По окончании литургии, которую служил наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кронид, на солею были выставлены две урны для голосования. По мере того как урны наполнялись бюллетенями, их относили в середину зала, высыпали на большой стол, стоявший на возвышении, тут же подсчитывали и объявляли результаты. В течение долгого времени никто из двух претендентов не имел преимущества, и лишь в самом конце вскрывавшиеся урны стали давать преимущество Тихону.

Ближе к обеду открылись двери храма, и публика, ожидавшая конца выборов, моментально заполнила собор. Из алтаря через открытые царские врата вышли шесть архиереев и встали лицом к народу. Выступивший вперед архиепископ Ярославский Агафангел (Преображенский) громко объявил имя новоизбранного московского митрополита: «Тихон!»

Сторонники Самарина тут же покинули храм, а там еще не менее часа оставалась толпа верующих, лобзая и поздравляя друг друга с избранием московского архиепископа.

Из почти восьмисот выборщиков А. Д. Самарина поддержали 303 депутата. За архиепископа Тихона отдал голос 481 депутат. Как выяснилось, победа была обеспечена голосами духовенства, в последний момент объединившегося в нежелании пропустить на место епархиального архиерея мирянина.

23 июня 1917 г. архиепископ Тихон получил указ из Святейшего синода об избрании его на «Московскую архиерейскую кафедру тайным голосованием». Ему «приказывалось»: «быть архиепископом Московским и Коломенским, Свято-Троицкой лавры священно-архимандритом, без возведения в сан митрополита до решения этого вопроса собором». Одновременно хозяйственному управлению поручалось незамедлительно выдать преосвященному Тихону «прогонные деньги на проезд от Петрограда до Москвы и сверх сего пособие на подъем и путевые издержки причитающуюся по расстоянию сумму», дабы он мог незамедлительно прибыть на новое место служения.

Политические изменения в России, ставшей самой свободной страной в мире, раскрепощение общества, а также объявленная Синодом демократизация церковной жизни вызвали необычайное оживление. Со своими программами к духовенству и верующим обращаются самые различные церковные группы и движения, что возникли либо еще в начале века, либо сразу же после Февральской революции. Назовем такие из них, как «группа 32-х священников»,

«Союз прогрессивного петроградского духовенства». В центре внимания их лидеров была не только церковная проблематика, но вопросы политические и экономические.

Один из лидеров движения за обновление Церкви петроградский священник А. И. Введенский в своих газетных статьях, проповедях, выступлениях на собраниях и митингах призывал «обратить самое серьезное внимание всех христиан на колоссальное значение экономического вопроса». Он упрекал и историческую, и современную Церковь в том, что она сознательно «закрывала глаза» на «вопиющую нужду и смертную бедность миллионов братьев-христиан». В своей программной статье «Христианство и социальный вопрос» Введенский призывал: «Теперь нам, духовенству, надо говорить правду, абсолютную правду, т. е. делать то, что мы привыкли делать менее всего. Однако это наш долг, и мы, теперь хотя бы волею судеб, не можем от него отвернуться. Будем же говорить правду»¹.

О какой же правде говорил Введенский? В чем смысл ее? По мнению священника, она в том, что «социализм не враг христианства, а друг, идейный брат». Социализм и христианство имеют совпадающую конечную цель: «Установить на земле такое высшее общечеловеческое состояние, когда будут вытерты все слезы, когда не будет более ни горя, ни печали, ни боли, ни наказания». Иными словами, перенести на российскую почву идеи «христианского социализма», более полувека распространявшиеся в Западной Европе, — вот цель и задача Введенского и тех, кто поддерживал его. Конечно, «совмещая» христианство и социализм, обновленцы имели в виду лишь этический аспект, а не политическую основу «правды» социалистического учения. «Ленинство, — как писал Введенский, — не состоятельно ни с какой точки». А потому отвергалось насилие, в том числе и революционное, как средство переустройства существовавшего порядка вещей.

Даже робкие попытки Введенского привлечь внимание русского духовенства к проблемам земного бытия паствы вызвали отповедь со стороны консервативной части православной иерархии и духовенства, выступавших против любых нововведений в церковной жизни. Со страниц «Всероссийского церковно-общественного вестника» профессор Т. Прохоров «строго указал» Введенскому на то, что ни при каких обстоятельствах учение Маркса и Энгельса не может быть «братом христианства» по причине его «революционности». «Христианство, — писал Прохоров, — призывает не к борьбе, не к насилию, не к диктатуре одного класса над другими, а к единению, к братской любви. Не насилие, с точки зрения христианства, должно создать братство, а христианская любовь»².

---

¹ ВЦОВ. 1917. № 9.

² Там же. № 11.

Еще одним вопросом, активно обсуждавшимся в церковной среде, был вопрос о форме и характере взаимоотношений Православной церкви с государством в новых политических условиях.

Росло число тех, кто призывал критически оценить прошлое во взаимоотношениях Церкви и государства, учесть настроения масс, пойти по пути демократизации данной сферы общественных отношений. Они были не только в столицах, но и в крупных промышленных центрах, и даже в далекой провинции. Так, в Томской губернии Народное собрание 9 мая 1917 г. рассмотрело доклад специальной комиссии по «церковному вопросу». В итоговом документе были сформулированы следующие принципы, на которых должны строиться отношения государства и Православной церкви в новой России: отделение церкви от государства и школы от церкви, равенство религий перед законом, национализация монастырской и церковной собственности и т. д.¹

Даже среди, казалось, проправославно настроенного крестьянства нашли поддержку новые идеи и настроения относительно государственно-церковных отношений. К примеру, на собрании представителей крестьянских депутатов от волостей Калужской губернии, собравшихся 29 мая 1917 г., были сформулированы следующие требования: «Обучение должно быть всеобщее, бесплатное и обязательное для всех, и школа должна быть едина от низшей до высшей... Отделить церковь от государства и школу от церкви»².

Зачастую на таких сходах духовенство обвинялось в антиправительственной и черносотенной агитации, что служило поводом для его удаления с приходов, преследования и даже арестов. Свидетельства нарастающего противостояния между крестьянской массой и сельским духовенством можно обнаружить и в частной переписке того времени. К примеру, профессор Петроградской духовной академии И. С. Пальмов, находясь весной 1917 г. в далекой провинции, в крестьянской среде, писал архиепископу Новгородскому Арсению (Стадницкому): «Живя сейчас в селе и наблюдая проявляющиеся беспорядки, связанные с происшедшими событиями, усердно прошу Вас доложить новому обер-прокурору Вл. Н. Львову, что сельское духовенство крайне нуждается в защите его безопасности от проявлений народной мести за какие-то старые счета по части взимания доходов»³.

Сводки Главного управления по делам милиции МВД о положении дел в губерниях переполнены были донесениями о повсеместно

---

¹ См.: Одинцов М. И. «Без отделения церкви от государства и школы от церкви нет освобождения от пут духовного рабства» (Из материалов Томского губернского Народного Собрания. Май 1917 г.) / Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. ст. Вып. 6. М.: СПб., 2008.

² ГА РФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 5. Л. 258.

³ Там же. Ф. 550. Оп. 1. Д. 384. Л. 52.

происходивших конфликтах селян с духовенством из-за конфискации крестьянами церковно-приходской земли, монастырских имуществ, лесных и покосных угодий и т. п.¹

Собравшийся в Петрограде в мае 1917 г. Всероссийский крестьянский съезд также рассматривал вопрос о ликвидации церковно-монастырской земельной собственности. В адрес съезда поступили сотни телеграмм, писем, наказов от крестьянских сходов и губернских съездов. В них требования: добиваться свободы совести и вероисповедания, отделения церкви от государства и обеспечения равноправия всех граждан вне зависимости от их отношения к религии, упразднения церковных школ и введения бесплатного светского образования. В проекте резолюции по аграрному вопросу указывалось, что церковные земли должны отойти народу без всякого выкупа.

В «Примерном наказе», составленном на основании наказов, доставленных делегатами съезда с мест, говорилось: «Должны быть признаны следующие неотъемлемые права человека и гражданина: свободы совести, религий; уничтожены — вероисповедные ограничения. Церковь должна быть отделена от государства, и религия должна быть частным делом каждого гражданина. Школы должны быть отделены от церкви. Церковно-приходские училища должны быть преобразованы в народные училища»².

Требования конфискации части церковно-монастырской собственности или даже ее полной национализации широко были распространены не только среди крестьянской массы.

Советами рабочих и солдатских депутатов были конфискованы типографии в Киевской, Почаевской и Троице-Сергиевой лаврах, в Московской синодальной конторе. При этом печатание молитвенников и иной религиозной литературы запрещалось под предлогом, что в них упоминалось царское имя³.

В Тверской губернии Осташковский Совет солдатских депутатов без согласия епархиального начальства провел ревизию хозяйства Ниловой пустыни. Власти Слуцка провели обыск в Слуцком Троицком монастыре, во время которого конфисковали брошюры с жизнеописанием мученика младенца Гавриила и 156 икон.

В Самарской губернии в г. Бузулуке по постановлению продовольственного комитета был произведен обыск в женском монастыре. Конфисковано 20 тыс. пудов муки, зерна и отрубей. В Терской области в г. Кизляре члены местного совета солдатских депутатов вмеши-

---

¹ См.: Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976.

² Там же. С. 142.

³ Русские ведомости. 1917. 8 июня.

вались в дела Кизлярского женского монастыря, возбуждая монахинь против начальства и обещая захватить монастырские земли.

В Тамбовской губернии в с. Поганки крестьяне во главе с комиссаром не допустили священника и прихожан в храм, ключи от которого были отобраны. В Шацком уезде Колобеевской волости той же губернии волостное собрание постановило отобрать у четырех церквей волости все серебряные сосуды и кресты и обратить их на нужды армии.

В Саратовской губернии комитет слободы Котовой (Камышинский уезд) приговорил отобрать церковную землю, при этом прихожане прекратили все выплаты духовенству, обрекая его на нищенство. В Воронежской губернии крестьяне деревни Сомовки Нижнедевицкого уезда с одобрения уездного исполнительного комитета поделили между собой землю Варваринского женского монастыря. Харьковский губернский общественный комитет решил выделить ссуду для своих нужд из средств монастырей¹.

Правительство, пытаясь приостановить натиск народных масс на церковно-монастырскую собственность, издало особый циркуляр, запрещающий исполнительным комитетам и вообще всем светским учреждениям вмешиваться в дела религиозных организаций и «чинить самоуправные действия». Однако многочисленные жалобы на «бесчинства» крестьян, на «беззаконное отобрание» собственности у монастырей, церковных учреждений и религиозных обществ, как в деревнях, так и в городах, по-прежнему продолжали поступать в государственные органы власти, к обер-прокурору, а затем и в Министерство исповеданий.

Вопрос о возможном отделении церкви от государства в России перестал быть запретным для православного духовенства. Весной и в начале лета он обсуждался даже на нескольких съездах духовенства — в Воронежской, Тверской, Орловской губерниях. Хотя в большинстве епархий духовенство не желало отказываться от прежних воззрений на взаимоотношения Церкви и государства, согласно которым «Православная церковь не может быть отделена от государства, но должна быть свободна от всякого влияния на нее гражданского управления и управляться только церковными законами. Государство обязано признавать православную веру как первую между равными... обеспечить православное духовенство жалованием и пенсией, содержать на государственные средства учебные заведения, подготавливающие пастырей церкви, и установить во всех учебных заведениях

---

¹ См.: ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 2. Д. 151, 202, 302; Ф. 1791. Оп. 2. Д. 145, 589; Оп. 6. Д. 271.

преподавание Закона Божьего на одинаковых с другими предметами правил, оплачивая труд законоучителей»¹.

Но особенно оживленно обсуждался вопрос «отделения» в обеих столицах. Примечательна статья профессора Санкт-Петербургской духовной академии Б. В. Титлинова «Отделение церкви от государства», опубликованная во «Всероссийском церковно-общественном вестнике»². В ней разбирались различные точки зрения относительно возможных отношений между государством и религиозными объединениями в «демократической России». Автор, убеждал, что Церкви нет оснований страшиться «отделения» от государства, ибо в прошлом этот союз был и неравноправным, и тягостным для церковного института.

Хотя Титлинов видел множество «идейных выгод» в освобождении Церкви от государственной зависимости, предвосхищал в связи с этим рост нравственного авторитета русского православия и считал отделение «величайшим благом», все же он признавал такое решение для России преждевременным. Настаивал на постепенности в его реализации, выражая надежду, что и государство, на которое ложится моральная ответственность за создавшуюся ситуацию, «бросить церковь сейчас... не имеет права».

Но взгляды Титлинова не находили поддержки среди большей части духовенства и иерархии, которые выступали за сохранение союзнических отношений Православной церкви с российским государством и против каких-либо форм «отделения» церкви от государства. Наиболее наглядно эта позиция проявилась в ходе работы собравшегося в начале июня 1917 г. в Москве Всероссийского съезда духовенства и мирян. Главными на нем были два вопроса: об отношении Церкви к свершившейся революции и о проблемах взаимоотношения государства и церковного института.

Показательно, что делегаты, как это ни трудно им было, не призывали к восстановлению поверженного самодержавия. Как выразился один из основных докладчиков на съезде, преподаватель Московской духовной семинарии М. И. Струженцов: «Царское самодержавие, как исполнившее в истории свое назначение внешнего собирания Руси, должно отойти в прошлое». Участники съезда весьма критично характеризовали состояние государственной и церковной жизни накануне Февральской революции. Популярный в церковных кругах князь Е. Н. Трубецкой говорил: «В те дни императорская Россия стала похожа на темное, бесовское царство, и случилось это именно вследствие глубокого упадка жизни религиозной, духовной. «Распутин роди

---

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 6 мая.

² ВЦОВ. 1917. № 9.

Питирима. Питирим роди Штюмера» — вот ходячая стереотипная фраза, которая всего несколько месяцев назад прекрасно резюмировала сущность создавшегося у нас положения. Россией правил бес, — нужны ли другие объяснения той грязи, которую мы видели, той атмосферы лжи, предательства и измены, которая нас окружала?»¹

Думается, что резкость публичных заявлений о сошедшей с исторической арены царской династии в связке с обличением распутщины объяснялась достаточно широко распространенными в российском обществе настроениями. Преподаватель духовной академии, доктор богословия А. Д. Беляев в своем дневнике под датой 23 марта 1917 г. записал: «Тысячи революционеров не уронили так самодержавия, монархию, трон и династию Романовых, как эта германка (имеется в виду императрица Александра Федоровна. — М. О.) со своим гнусным Распутиным, со своим германизмом, со своей сумасшедшей хлыстовщиной, со своей отчужденностью от России и чуть ли не изменами в пользу Германии, с отчужденностью даже от всех членов царского дома и чуть ли не с манией величия. А царь повредил себе и монархии безволием, ленью, беспечностью, пристрастием к вину (повидимому), тугоумным подчинением своей обер-кликуше, неумением управлять, нежеланием, хотя бы на время войны, составить кабинет по образу конституции. Жалкие люди и жалкая теперь, да и прежде, семья, несчастная семья! Нравственно, умственно и культурно обе главы семьи упали еще раньше переворота и окончательного падения»².

Общий политический настрой участников съезда проявился в призывах к пастве принять свершившиеся изменения государственного строя в России, поддержать Временное правительство, «подчинение которому необходимо во избежание губительного безначалия». В приветственной телеграмме Временному правительству съезд писал: «Собравшийся в Москве всероссийский съезд православного духовенства и мирян приветствует Временное правительство как опору порядка и законности в стране и выражает уверенность, что, опираясь на все здоровые силы России, правительство доведет страну до Учредительного собрания, которое организует новый прочный государственный строй»³.

Перед делегатами съезда выступил и обер-прокурор В. Н. Львов. Он подтвердил, что целью правительства является «отделение» Православной церкви от государства, но при этом подчеркивал, что «необходима долговременная подготовка к этому акту, так как существует тесная связь между Церковью и государством и немедленное

---

¹ Там же. № 42.

² Беляев А. Д. Дневник. Запись 23 марта 1917 г. НИОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Д. 6.

³ ВЦОВ. 1917. № 45.

отделение явится разрухой и для Церкви, и для государства. Итак, предварительно необходимы: 1) дарование Церкви свободы, 2) разграничение сфер церковной и государственной и 3) через очень долгий промежуток времени полное отделение Церкви от государства»¹.

Съезд почти единодушно не принял такой позиции. Отдельные попытки в защиту «отделения» потонули в общем хоре его противников. Их позицию сформулировал тот же Е. Н. Трубецкой в краткой, ставшей поистине крылатой, фразе: «Лозунг отделения Церкви от государства выдвигается против Церкви людьми ей враждебными или к ней равнодушными. И в наших рядах, и на епархиальных съездах он может быть поставлен только по недоразумению. Отделение Церкви от государства есть полное упразднение Церкви, коего мы допустить не можем и не должны»².

Это мнение и было закреплено в единогласно принятой резолюции, зафиксировавшей православное видение основных принципов церковно-государственных отношений:

«1. Отделение Церкви от государства не может быть допущено, но должна быть объявлена и последовательно проведена свобода вероисповедания и культа.

2. Православие признается первой среди других исповедуемых в России религий.

3. Соответственно с этим православная вера пользуется преимуществом во всех актах государственной жизни, в которых государство обращается к религии, и в публично-богослужебных действиях, а равно сохраняет силу православно-богослужебный календарь. Православная вера не может подвергаться оскорблениям ни в обществе, ни в печати.

4. Глава Русского государства и министр исповеданий должны быть православными от рождения.

5. Православная церковь является институтом публично-правового характера, коему государство оказывает покровительство в законах и материальную поддержку»³.

Работа Всероссийского съезда, принятые на нем решения, воспринятые в церковных кругах как голос всей Церкви, идущей к своему Поместному собору, однозначно свидетельствовали, что иерархия практически в полном составе и большинство духовенства выступали за сохранение российского государства как «христианского государ-

---

¹ ВЦОВ. 1917. 13 июня.

² Там же. № 47.

³ Там же. № 49. В пункте 5 имелось примечание: «Значение институтов публично-правового характера и материальная поддержка в силу признания свободы вероисповедания могут быть предоставлены и другим вероисповеданиям».

ства», неразрывными узами связанного с православием. По существу эта позиция «корпоративного интереса» противопоставила Церковь всему разбуженному революцией российскому обществу.

Во-первых, подавляющее большинство неправославных религиозных организаций выступали за строительство новых государственно-церковных отношений на принципах отделения церкви от государства, правового равенства религий и религиозных организаций.

Во-вторых, абсолютное большинство политических партий России, имевших значительную поддержку во всех слоях общества, в своих программных документах высказывались за строительство светского государства, осуждая прежнюю «религиозную политику» в Российской империи. Отсюда требования: отделение церкви от государства и школы от церкви, национализация церковно-монастырской собственности; равенство граждан независимо от их отношения к религии и религиозных организаций; отказ от государственного субсидирования деятельности конфессий; признание за гражданами права на вневероисповедное состояние.

Несовпадение взглядов политических организаций и Православной церкви на предпочтительный характер государственно-церковных отношений улавливалось пытливыми наблюдателями даже в церковной среде. Они не отрицали права Церкви на выявление своей собственной позиции, но подчеркивали, что вопрос этот будет и должен решаться в сфере политической, и государство при этом будет проводить собственную линию.

Передовая статья во «Всероссийском церковно-общественном вестнике» прямо указывала: «Проблема отношения государства и Церкви есть проблема политическая, и решаться она будет в политическом порядке. Чтобы ни сказал Церковный собор, для государственной власти это не обязательно. Поэтому самое достоинство Собора требует, чтобы он говорил лишь о том, что от него зависит, и установил твердо церковную линию поведения, не сбиваясь на политическую. В политике же проблема отношений к Церкви решится политическими силами, на Учредительном собрании, а если Церковь хочет реально воздействовать на решение, то она должна лишь иметь в Учредительном собрании побольше сторонников ее платформы. Это единственный правильный метод и по существу»¹.

Летом 1917 г., сразу же после Московского Всероссийского съезда духовенства и мирян, началась практическая подготовка к Поместному собору. Непосредственно ее осуществлял Предсоборный совет, сформированный из представителей синодальных учреждений, правящих иерархов, делегатов от духовных школ и монастырей. Его заседания

---

¹ Там же. № 90.

проходили в Петрограде. Руководил работой Предсоборного совета на правах исполняющего обязанности первенствующего члена Синода архиепископ Финляндский Сергей.

Особо бурная дискуссия в Предсоборном совете развернулась по вопросу восстановления патриаршества. Митрополит Волынский Евлогий (Георгиевский) спустя тридцать лет в своих воспоминаниях так описывал обстановку, в которой проходила работа Предсоборного совета: «Либеральные профессора стояли за синодальное, коллегиальное начало и высказывались против патриаршества, усматривая в нем принцип единодержавия, не отвечающий якобы требованиям данного исторического момента. Этот взгляд одержал верх, и патриаршество в Предсоборном присутствии (совете) провалили»¹.

Стоит добавить, что причину «провала» идеи патриаршества следует искать, очевидно, и в духовно-нравственном состоянии епископата, и в господствующих в обществе оценках и отношении к нему в момент крушения самодержавия². Этому подтверждение можно найти и в свободной от официальной лакированности частной переписке иерархов Русской церкви. К примеру, епископ Переславский Иннокентий (Пустынский) в конце марта 1917 г. писал своему духовному наставнику архиепископу Новгородскому Арсению: «Церковь Христова в свободной державе Российской ныне освободилась от векового рабства и для нее занялась заря апостольской жизни в свободной стране. Со свержением монархии Церковь избавилась от позора, от участия в навязанном ей грехе цезарепапизма... Нам теперь надлежит незамедлительно собраться вкупе для избрания патриарха и решения множества возникших вопросов. Воспитанные в рабстве, страдая слабоволием и будучи лишены инициативы, мы едва ли найдем в среде себя достойного кандидата на патриарший престол»³.

5 июля Синод утвердил дату начала работы Поместного собора — 15 августа. Одновременно он отверг притязания «консерваторов», настаивавших на недопущении к участию в Соборе мирян, и постановил: «Собор состоит из епископов, клириков и мирян». От каждой епархии избиралось по пять делегатов: два из клира и три от мирян. Члены Собора выдвигались также от армии и военного духовенства, от монастырей и духовных академий, от университетов и академии наук, от Государственной думы и Государственного совета.

---

¹ Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 268.

² См., напр.: Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера... Т. 1, 2. М., 1996; Розанов А. П. «Второе сословие. Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее пятидесятилетие перед революцией» / Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. Церковная история XX века и обновленческая смута. М., 2000. С. 120–176; Голубцов С. А. Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917–1922 гг. М., 1999 и др.

³ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.

Подготовка к Поместному собору проходила в условиях продолжающихся выступлений крестьян, захватывавших помещичьи и церковные земли, деморализации армии, обострения политической обстановки в стране, вызванного июньским кризисом в правительстве и расстрелом демонстрации 3–4 июля в Петрограде. Все это заставляло приходское духовенство, избиравшее на проходивших именно в эти дни епархиальных собраниях делегатов на Собор, «качнуться вправо» в поиске «сильной руки». Именно потому, как впоследствии вспоминал А. В. Карташев: «Приходское духовенство, увлекшееся в первые месяцы революционной новизной, в июле уже испытало достаточно испугов от страшного духа революции. На выборных собраниях произносились преимущественно речи консервативного характера, и в выборщики, и в члены Собора попали люди умеренные и право настроенные»¹.

Общественно-политическая обстановка в стране оказала влияние и на государственно-церковные отношения. Вынужден был уйти в отставку В. Н. Львов, что в православных кругах было воспринято с облегчением. Думается, что и правительство с легким сердцем рассталось с ним. Управляющий делами В. Д. Набоков следующим образом охарактеризовал «итоги» деятельности первого «революционного» обер-прокурора: «Несомненно, В. Н. Львов имел не одну положительную черту: он не был политическим интриганом, он всей душой отдавался той задаче, которую себе поставил: оздоровление высшего церковного управления. К несчастью, эта задача оказалась для него не по плечу... И несмотря на всю развитую им за пять месяцев пребывания в должности обер-прокурора энергию, я не знаю, оставила ли его деятельность хоть какие-нибудь следы в “ведомстве православного исповедания”»².

Партия кадетов выдвинула на освободившийся пост кандидатуру Ф. Ф. Кокошкина — специалиста по государственному праву. Мотивируя свое предложение тем, что основная задача деятельности обер-прокурора на современном этапе должна заключаться не в управлении Церковью, а в налаживании государственно-церковных отношений, в постепенной подготовке к превращению этого поста в пост министра исповеданий. А это, как утверждалось, требует познаний в области публичного и государственного права³.

Однако глава Временного правительства А. Ф. Керенский остановил свой выбор на другом видном деятеле партии кадетов —

---

¹ Карташев А. В. Революция и Собор... С. 87.

² Цит. по: Одинцов М. И. Вероисповедные реформы... С. 550.

³ См.: Русские ведомости. 1917. 23 июня.

А. В. Карташеве. Как объяснял Керенский, накануне Поместного собора должность обер-прокурора должен занимать человек особенно такта и деликатности и, кроме того, имеющий глубокие познания в области церковной истории и исповедующий идеи «партнерства» государства и Церкви¹. Эта кандидатура положительно была воспринята и в Церкви.

Июль 1917 г. можно считать рубежом в проведении вероисповедных реформ государства. До сего времени правительство неоднократно заявляло о том, что проблема взаимоотношений государства и религиозных объединений может быть решена только на Учредительном собрании. Потому оно сосредоточивало основное внимание на текущих проблемах бытия религиозных объединений, стремясь максимально использовать сохраненную от царских времен систему управления данной сферой общественных отношений, лишь приспособливая ее к новым условиям.

Значительная доля работы по-прежнему возлагалась на МВД и прежде всего на Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Именно он в этот период выстраивал новые отношения между государством и ранее «гонимыми» и «терпимыми» религиозными организациями. Здесь и проведение всевозможных съездов религиозных организаций, учреждение ими выборных органов управления, утверждение новых правил и инструкций о деятельности религиозных объединений, разрешение проблем, связанных с собственностью религиозных организаций. В системе МВД для изучения поступающей от представителей конфессий предложений и для подготовки вероисповедных законопроектов было создано Особое совещание по общим вероисповедным вопросам. В необходимых случаях вопросы жизнедеятельности конфессий выносились на рассмотрение Юридического совещания при правительстве. Департамент обеспечивал участие в разработке вероисповедных законопроектов представителей религиозных организаций, научных учреждений, общественности, организуя в этих целях специальные комиссии и совещания.

Теперь же, в конце июня — начале июля 1917 г., правительство пришло к убеждению, что следует переходить от простого отказа от норм религиозного законодательства царского времени к разработке самостоятельных вероисповедных законопроектов. Вновь встал вопрос о теоретических основах такой политики. Практика показала, что идею «внеконфессионального государства», на которую ориентировалось правительство в феврале—июне 1917 г. и в основе которой лежат принципы равенства всех религиозных объединений и рав-

---

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 238.

ноудаленности от них государства, независимо от его исторических связей в предшествующий период, реализовать в России не удалось. Осознавалась и необходимость глубокого реформирования государственных органов, осуществлявших до того вероисповедную политику государства.

Бремя перемен пало на вступившего 25 июля на пост обер-прокурора А. В. Карташева. В своей деятельности он руководствовался кадетской программой «по религиозному вопросу». Она подразумевала строительство светского государства, но с сохранением определенных «близких» отношений между государством и Православной церковью, некоторого покровительства со стороны государства в отношении Церкви. В этих случаях «отделение» трактовалось как «отдаление» Церкви от государства и не более того. К слову сказать, «приближение» касалось только Православной церкви, и в этом уже заключена была возможность конфликта между государством и неправославными объединениями.

Личное видение теоретических основ «церковной политики» государства в России Карташев изложил в одной из своих статей таким образом: «Церковь и государство не должны быть враждебны друг другу. Кесарево и Божие не должно быть в конфликте, но в полной гармонии и согласии, друг другу помогая, но не упраздняя свободы и самостоятельности каждого в его собственной автономной области. По официальной терминологии это “симфония”... Церковь ведаёт делами божественными, небесными. Государство — человеческими, земными. Но в то же время всемерно печется о хранении церковных догматов и чести священства. А священство вместе с государством направляет всю общественную жизнь по путям, угодным Богу. При таком единстве идеальной христианской цели государство и церковь мыслятся двумя различными функциями одного организма»¹.

Новый обер-прокурор вплотную занялся и проблемой учреждения поста министра исповеданий. К разработке законопроекта о министерстве были привлечены: от православных кругов — С. Г. Рункевич, П. В. Гурьев, от специалистов-юристов — В. Д. Набоков, барон Б. Э. Нольде, бывшие также членами кадетской партии. После обсуждения текста законопроекта в Юридическом совещании правительство 5 августа утвердило его. Инициатор реорганизации управления «церковными проблемами» — А. В. Карташев стал первым (и последним) российским министром исповеданий.

---

¹ Карташев А. В. Взаимоотношения церкви и государства (восточно-православная точка зрения) // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 131.

Один из ближайших его помощников, С. А. Котляревский, в интервью газете «Русские ведомости» следующим образом охарактеризовал задачу Министерства исповеданий: «Осуществление начал свободы совести, религиозная автономия отдельных церковных союзов. Православие не может остаться господствующим в прежнем смысле слова, но должно быть предметом культурного покровительственного отношения со стороны государства, отказавшегося от полицейской точки зрения на церковь. Роль государства ограничится надзором за закономерностью церковных союзов, без вмешательства в их внутреннюю жизнь»¹.

Прозвучавшие из уст Котляревского слова «культурное сотрудничество» и стали главной характеристикой политики Временного правительства в отношении Российской православной церкви с июля и вплоть до октября 1917 г.

Предложенное правительством новое видение сущности вероисповедной политики воспринято в обществе было неоднозначно. Многие расценили факт создания Министерства исповеданий исключительно как символический шаг, произведенный ради упразднения обер-прокурорской должности, бывшей синонимом тяжелой зависимости Церкви от государства. Поскольку сохранялось, хотя и в завуалированной форме, первенство Православной церкви, ибо и министр, и оба его заместители должны были принадлежать к православному вероисповеданию. К тому же вплоть до того момента, когда Поместный собор разработает и представит для «принятия государственной властью нового устройства высшего церковного управления», оставались незыблемыми все «прежние правящие установления Русской церкви, к учреждению коих государственная власть приложила печать своей санкции». А это, безусловно, давало преимущества Православной церкви. Очевидным для всех было и то, что «новая политика» выстраивалась исключительно в интересах и применительно к Российской церкви.

Левые партии восприняли все это как отступление от принципов светского внеконфессионального государства. Неправославные объединения расценивали новый курс как возвращение к временам существования «особых» (привилегированных) отношений государства и Церкви, что неминуемо отрицательно должно было сказаться на положении всех иных религиозных объединений. И вскоре с протестами в адрес Временного правительства обратились мусульмане и старообрядцы, лютеране и духовоборы, приводившие массу примеров неправомерного ограничения их национальных и религиозных прав.

Правительство свое новое отношение к Русской церкви объясняло тем, что именно предложенный курс способен помочь избежать

---

¹ Русские ведомости. 1917. 6 августа.

конфликтов в государственно-церковных отношениях, что он более ориентирован на постепенность реформирования, чем на кратковременный слом устоявшихся отношений. Карташев в ответ тем, кто обвинял его в отходе от принципа равенства религиозных объединений, разъяснял, что будучи «русским, национальным», правительство должно относиться к Православной церкви как «к исторически-первенствующей среди других исповеданий в русском государстве»¹.

Справедливости ради следует отметить, что «отступление» от ранее достигнутого в реформировании государственно-церковных отношений не было тотальным. Государство не отказывалось от принципа светскости, как и от тех законодательных актов по вопросам свободы совести, что были приняты в предшествующий период и самым существенным образом преобразовавшие общественную жизнь России².

Власть, вступая на путь сближения с Православной церковью, рассчитывала на взаимопонимание с ее стороны. Предполагалась, что Церковь осознанно и добровольно примет изменения, происшедшие в сфере государственно-церковных отношений, откажется от былых привилегий и преимуществ в пользу всех разрешенных законом религий, а также и от чрезмерных претензий на «господство» в обществе и государстве, ставших после Февраля 1917 г. уже иными, чем прежде.

Что касается иноверных и инославных объединений, то правительство подтверждало, что сохранит реальные достижения религиозных свобод, касавшиеся их жизнедеятельности. Среди них: изменение порядка пользования вакуфными землями; утверждение новых инструкций по управлению лютеранских приходов в Гдове, Ревеле и Пскове; беспрепятственное проведение протестантских, мусульманских и иных религиозно-общественных съездов; предоставление права ламаитам именоваться в официальных документах буддистами.

---

¹ Карташев А. В. Временное правительство и русская церковь // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 14.

² См.: Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994; его же: Русская православная церковь в XX веке / История религий в России. М., 2000; Редькина О. Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (Февраль—октябрь 1917 года). Диссертация канд. ист. наук. М., 1996.

Речь идет прежде всего о постановлениях: «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта 1917 г.) и «О свободе совести» (14 июля 1917 г.), а также об изменениях, внесенных в Законы о состоянии, Положение об инородцах, Положение о наказаниях уголовных и исправительных, Устав гражданского судопроизводства, Устав о воинской повинности, Уставы иностранных исповеданий. К примеру, отменены были наказания за вступление в брак лиц христианского исповедания с иноверцами; писание икон, изготовление крестов и торговлю ими нехристианами; устранялись запреты на: усыновление лиц христианского исповедания нехристианами, и наоборот; наследование нехристианами предметов христианского культа; принятие в число присяжных и частных поверенных лиц нехристианского исповедания без разрешения министра юстиции; политическую пропаганду римско-католического духовенства; отменены были ограничения на строительство синагог и мечетей.

Представителей неправославных объединений успокаивали, что государство и впредь будет руководствоваться и обеспечит принцип свободы вероисповеданий.

Последующие события показали, что правительству все же не удалось согласовать интересы различных религиозных объединений и предложить приемлемый для всех курс вероисповедных реформ.

Противоречивость «церковной» программы кадетов обрекла на противоречивость и курс правительства. Не смогли кадеты найти точки соприкосновения по этим вопросам с другими партиями и в правительстве, и за его пределами. Это существенно сужало социальную базу поддержки Временного правительства.

Более того, новый курс не спасал правительство от сложнейших коллизий в отношениях с Российской православной церковью. Будь то судьба церковно-приходских школ, находившихся в ведении Церкви, но субсидировавшихся из государственного бюджета; или проблемы «удельного веса» в государственном образовании светского и церковного начал.

Эти вопросы активно дебатировались политическими партиями, церковными кругами, школьным учительством. За пределами Церкви перевес был на стороне сторонников «возвращения» церковно-приходских школ в ведение государства, светской школы и отмены обязательности Закона Божьего в государственной школе.

В церковной среде большинство высказывалось за сохранение статус-кво. Хотя отдельные епархиальные и духовно-педагогические съезды, состоявшиеся весной—летом 1917 г. в Москве, Курске, Галиче, Симбирске и других городах, высказались за то, чтобы передать церковно-приходские школы и епархиальные училища в Министерство народного просвещения.

Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве, обращаясь к этой теме, также воспротивился возможному «отторжению» от Церкви церковно-приходских школ и соглашался лишь на некоторый контроль за их деятельностью со стороны Министерства народного просвещения.

Точку в этом споре поставило Временное правительство. Своим решением от 20 июня оно передало в ведение Министерства народного просвещения все школы, содержащиеся на государственные средства, в том числе и около 37 тыс. церковно-приходских и церковно-учительских.

Против этого решения выступил Синод, полагавший, что «насильственное отнятие» школ у Православной церкви ставит ее из «первенствующего» положения в состояние, наиболее, сравнительно с другими исповеданиями, обездоленное, а акт правительства признавался не только несправедливым, но и нарушающим законы.

Синод предлагал отложить окончательное решение по этому вопросу до Учредительного собрания¹.

Однако правительство полагало, что «школьный вопрос» давно и безвозвратно решен российским общественным мнением, и твердо придерживалось принятого закона. Более того, шум вокруг «школьного вопроса» квалифицировался как чисто политический. Разъясняя официальную точку зрения, Карташев писал: «Правительство не запрещает и не мешает Церкви создавать, сколько угодно, свои общеобразовательные христианские школы на собственные средства. Но все субсидируемые государством школы должны быть подчинены министерству... Государство не может продолжать политического дела старой власти»².

В тесной связи с судьбой церковно-приходской школы был и вопрос о преподавании Закона Божьего в государственной школе. Государственный комитет по народному образованию принял временное положение о преподавании Закона Божьего в учебных заведениях Министерства народного просвещения. Согласно нему во всех заведениях, кроме высших, должна была быть обеспечена возможность обучаться Закону Божьему, но обучение этому предмету не является обязательным, непрохождение его не ограничивает прав учащихся. Частным же лицам и обществам предоставлялось право открывать учебные заведения без преподавания Закона Божьего.

Синод в обращении к правительству от 28 июня 1917 г. предлагал «вопрос о коренных изменениях в положении преподавания религии в школах» вынести на обсуждение в Учредительное собрание. При совместном обсуждении в бюро Государственного комитета с членами Синода этой проблемы начались настолько серьезные пререкания, что было решено созвать экстренную однодневную сессию Государственного комитета, целиком посвященную этому вопросу. Однако согласие так и не было достигнуто.

В левой же прессе отмечался компромиссный характер принятого документа; подчеркивалось, что государство не выполняет своих обещаний о «полной светскости народного образования»; раздавались требования «удалить» раз и навсегда из государственной школы Закон Божий.

Думается, что июль—август 1917 г. можно охарактеризовать как период утраты Временным правительством инициативы в разрешении «религиозного вопроса». Многие из ранее обещанных «религиозных свобод» так и не были реализованы, а принятые решения нередко

---

¹ ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1449. Л. 1–6.

² Цит. по: Одинцов М. И. Вероисповедные реформы... С. 558.

буксовали в аппаратной «трясине». Нарастало ощущение, что правительство утратило некий стратегический ориентир в вероисповедных реформах. Дрейф правительства в сторону возрождения союза с Православной церковью, которая так и не была в правовом отношении «отделена от государства», при отказе учитывать многообразие интересов религиозных организаций, воспринимался как свертыwanie реформ в сфере государственно-церковных отношений. Правительство явно недооценило напора масс, требовавших радикализации вероисповедной политики, т. е. реального отделения церкви от государства, обеспечения действительного равенства религиозных объединений, полной национализации церковно-монастырской собственности, введения гражданской метрикации, освобождения Церкви от каких-либо государственных функций, признания за гражданами и вневероисповедного состояния, прав атеистов и неверующих

Государство и Церковь в равной мере надеялись, что разрешить многие сложные проблемы в их взаимоотношении, как и в целом обеспечить движение в сторону практического утверждения свободы совести в России, поможет Поместный собор. Для участия в нем в Москву съехались 564 члена Собора, представлявшие иерархию, духовенство, мирян.

15 августа, в день праздника Успения Божией Матери, начались церковно-общественные мероприятия, приуроченные к открытию Поместного собора. С раннего утра из московских церквей с различных сторон потянулись крестные ходы в центр города. На Красной площади собралась многотысячная толпа — лес хоругвей, выносных икон, крестов, многолюдное пение, напряженное ожидание.

В это время в Успенском соборе Кремля началась торжественная литургия. На особом возвышении отведено было место для епископов—членов Собора. Среди 80 епископов, впервые после двухсотлетнего «пленения Церкви» собравшихся вместе, выделялись белые клобуки четырех митрополитов — Владимира Киевского, Платона экзарха Кавказского и двух новоизбранных — Московского Тихона и Петроградского Вениамина. Последние надели свои белые клобуки (знаки митрополичьего отличия) лишь накануне, после того как Временное правительство особым законодательным актом отказалось в пользу Синода от доставшейся ему по наследству царской привилегии жаловать белые клобуки и митры.

Из членов Временного правительства присутствовали: премьер-министр А. Ф. Керенский, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, министр исповеданий А. В. Карташев. От Государственной думы — ее председатель М. В. Родзянко. Много было представителей дипломатического корпуса, российской и зарубежной прессы.

После окончания литургии митрополит Киевский Владимир огласил с амвона грамоту Синода об открытии Всероссийского церков-

ного собора. Присутствующие хором пропели Символ веры. Затем с песнопениями парами медленно прошествовали в Чудов монастырь на поклонение мощам митрополита Алексия. Соборная площадь Кремля представляла собой живописное зрелище. Широкою лентою, в два ряда, ее опоясывал церковный народ. Народом же были полны ярусы колокольни Ивана Великого, колокола которого торжественно гудели над Москвой. Золотым ручьем лилось из храма по площади духовенство в праздничных одеждах. Впереди несли святыни Успенского собора. Людская толпа, увидав в процессии среди иерархов Керенского, устроила ему овацию и разразилась громовым «ура» возможному «спасителю России». На Лобном месте Красной площади был отслужен особый праздничный молебен.

На следующий день в храме Христа Спасителя по окончании богослужения, которое возглавлял митрополит Московский Тихон, состоялось открытие заседаний Собора. Первым от имени правительства приветствовал собравшихся А. В. Карташев, картинно закончивший свою речь словами: «Осеняю себя вместе с вами широким православным крестом».

А далее последовали приветствия в адрес открывшегося Собора от Синода, Московской митрополичьей кафедры, различных церковных учреждений, академий, университетов, корпораций, армии, флота и проч. и проч.

Собор открылся в сложной политической обстановке. «Временное правительство, — как пишет современный церковный историк, — агонизировало, теряя контроль не только над страной, но и над разваливающейся армией. Солдаты толпами бежали с фронта, убивая офицеров, учиняя беспорядки и грабежи, наводя страх на мирных жителей, в то время как кайзеровские войска стремительно двигались в глубь России»¹.

К тому же и общественные настроения были далеко не в пользу Собора. Авторитетная в то время газета «Русские ведомости» констатировала «упадок веры», отсутствие интереса в обществе к Церковному собору, падение авторитета Русской церкви, в которой преобладали «мертвая обрядность и полицейские репрессии». Тому причиной, утверждалось в прессе, был тот факт, что «православное духовенство занимало привилегированное положение, но его нравственный авторитет среди населения пал до чрезвычайно низкой степени. Наверху стояли бесконечно далекие от мирян епископы, на которых бросила свою тень распутинщина, а внизу — “попы”, к которым народ относился с явной враждебностью»².

---

¹ Цыпин В. История Русской православной церкви. 1917–1990. М., 1994. С. 12.

² Цит. по: ВЦОВ. 1917. № 95.

Факт широкого и глубокого раскола церковного общества признавали и некоторые из православных архиереев. Так, епископ Уфимский и Мензелинский Андрей (Ухтомский) писал о противоборстве в Церкви монархического, оппортунистического и обновленческого направлений¹.

Нарастало недовольство вероисповедной политикой Временного правительства и со стороны неправославных объединений. В канун начала работы Собора в Москве проводилось Государственное совещание, целью которого была выработка мер «по спасению родины» от грозящих ей «хаоса и разорения». Среди членов Совещания были представители не только Русской православной церкви, но и ряда иных религиозных организаций: старообрядцев, евангельских христиан, мусульман, Грузинской православной церкви. В их выступлениях нередко звучали как упреки в адрес «старой власти» и ее церковной политики, так и недовольство медлительностью и непоследовательностью проведения в жизнь провозглашенных демократических свобод, в том числе и свободы совести; пассивностью и противоречивостью в деятельности правительства при проведении церковных реформ.

Председатель Высшего российского союза евангельских христиан И. С. Проханов прямо указывал, что верующие ждут от правительства таких шагов, как «1) раскрепощение государственной церкви и отделение ее от государства, освобождение ее от подавляющего влияния иерархии и церковного бюрократизма, 2) утверждение свободы совести в полном объеме, действительное уравнивание перед законом всех религий и церквей и вероисповеданий»².

17 августа в здании Епархиального дома (Лихов пер., 6) члены Поместного собора приступили к деловым заседаниям. Председателем Собора был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон, а его заместителями — архиепископы Новгородский Арсений (Стадницкий) и Харьковский Антоний (Храповицкий); протопресвитеры Успенского Кремлевского собора Николай Любимов и армии и флота Георгий Шавельский; а также — Е. Н. Трубецкой и М. В. Родзянко.

Особое внимание соборян, церковной и светской прессы привлекала деятельность Отдела по реформе высшего церковного управления. Здесь вновь, как и в предшествовавшие Собору месяцы, ожесточенно и жаростно повелись дискуссии о восстановлении патриаршества. Причем острота и основательность, с которыми отстаивали свои позиции сторонники патриаршества, фактически перечеркивали под-

---

¹ См.: Современные церковные нестроения // Заволжский летописец. 1917. № 21.

² См.: Государственное совещание: Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 69–70.

готовленные накануне проекты общецерковных документов, ориентированные на то, чтобы поставить во главе Церкви «коллегиальный орган». В соборных заседаниях страсти продолжали бушевать, и трудно было отдать предпочтение сторонникам или противникам восстановления патриаршества, трудно было предугадать, к какому же решению придет Собор.

Хотя в центре внимания Поместного собора с момента его открытия были вопросы собственно «церковного обновления», однако его деятельности был присущ и вполне определенный политический характер. В принятых Собором в августе—октябре посланиях и обращениях к «народу русскому», «армии и флоту», «чадам Православной Церкви» и в других Церковь заявила о своей поддержке Временного правительства, призывая верующих «без различия положений, сословий и партий» участвовать в «новом строительстве жизни русской».

Но эта «новая русская жизнь» складывалась совсем не такой, какой она представлялась гражданским властям и соборному большинству. В дневнике служащего Московской синодальной канцелярии А. И. Денисова она предстает следующим образом: «Поражения на войне. Дезертиры. Беженцы. Аграрные волнения, пожары, грабежи, убийства. Вскликивание цен, дефицитные товары, денежный кризис, полнейший внутренний развал. И при этом из Петрограда несутся истерические крики: “До победного конца!”... Керенский появляется то тут, то там. В одном месте кричит, в другом — молчит. Душная атмосфера никчемной суетливой безалаберщины. Вырисовывается фигура Ленина. Чувствуется приближение какого-то решительного поворота событий. Весь этот кошмар должен как-то распылиться, рассеяться, разрушиться, как леса строящегося дома. Наступает октябрь. Кошмар принял затяжную форму. Развал усилился донельзя. Россия трещит по швам. Автономия Польши. Самостийность Украины. Новоявленные кратковременные республики в Сибири, Поволжье, на Черном море. Немцы в России. Отчаянная борьба партий. Полная компрометация Временного правительства: его авторитет никем уже не признается»¹.

Осенью 1917 г. Церковь активно включилась в политическую жизнь страны, ведя усиленную полемику с социалистическими партиями, призывая отдавать голоса на выборах в Учредительное собрание за «православномыслящих» и «церковно настроенных» граждан. Официальное издание Собора «Всероссийский церковно-общественный вестник» на своих страницах так, к примеру, характе-

---

¹ Денисов А. И. Первые дни Февральской... С. 72–73. Публикация М. И. Одинцова.

ризовал все более и более набравших силу большевиков: «Что такое большевизм? Это смесь интернационалистического яда со старой русской сивухой. Этим ужасным пойлом опаивают русский народ несколько неисправимых изуверов, подкрепляемых кучей германских агентов. И давно пора этот ядовитый напиток заключить в банку по всем правилам фармацевтического искусства, поместить на нем мертвую голову и надпись “яд”»¹.

Но ощутимого успеха Церковь не имела. Недаром на страницах светской и церковной печати отмечалось, что избиратели отдавали свои голоса, не столько ориентируясь на вероисповедание кандидатов, сколько на их политическую программу. И здесь лидерство явно захватили представители партий социалистической ориентации, что в дальнейшем подтвердили и окончательные итоги выборов в Учредительное собрание.

Да и на заседаниях Собора неоднократно звучали слова о все большем «отдалении» крестьян и рабочих от религии и Церкви. Эмиссары Собора, развозившие религиозно-церковную литературу, воззвания и обращения Собора по воюющим войскам, с особым сожалением рассказывали об охлаждении религиозно-патриотического чувства у солдат².

На утреннем заседании Собора 25 октября продолжился горячий спор по вопросу о восстановлении патриаршества. Выступали и те, кто «за», и те, кто «против». Среди последних был и профессор Киевской духовной академии П. П. Кудрявцев, который говорил об «опасностях», подстерегающих Церковь и страну в случае восстановления патриаршества. К сожалению, к его словам не прислушались, тогда как некоторые из них оказались пророческими. В частности, обращаясь к «патриархистам», он говорил:

«Вы вводите патриаршество в то время, когда готова начаться борьба Церкви с государством. В лице патриарха вы хотите иметь предводителя в этой борьбе. Но ведь если будущий патриарх примет вашу программу, ему ничего не остается, как сделаться вождем определенной политической партии, чего-то вроде католического центра в Германии. Другими словами: учреждение патриаршества может повести за собой рост того явления, которое называется клерикализмом. Не знаю, как вы, но мы считаем это явление столь же вредным для Церкви, как и для государства, а потому опасаемся вводить институт, чреватый такими последствиями. Но и это не все. Вы учреждаете патриаршество в такой момент нашей истории, когда новые формы нашей государственной жизни еще не определились.

---

¹ ВЦОВ. 1917. № 29.

² См.: Священный собор православной Российской церкви. Деяния. Кн. II. Вып. 1. Пг., 1918. С. 402–403.

Во всяком случае, центробежные течения у нас теперь неизмеримо сильнее центростремительных, и возможность превращения нашего государства в федеративную республику или, по крайней мере, в республику, состоящую из ряда автономных областей, не исключается. Вы думаете, что патриаршество послужит к объединению России не только в церковном, но и в политическом отношении, а мы думаем, совсем наоборот: мы думаем, что патриаршество только усилит действие сил центробежных»¹.

В конце пленарного заседания приехавшие из Петрограда члены Собора сообщили о штурме Зимнего, низложении Временного правительства, решениях Всероссийского съезда советов — единственного на тот момент из оставшихся легитимных органов власти в стране.

В работе Собора объявлен был перерыв.

К вечеру уже вся Москва знала о событиях в Петрограде, о победе большевиков. Волна митингов, демонстраций, собраний прокатилась по заводам и фабрикам, учебным заведениям и воинским частям. Толпы людей вышли на улицы, потянулись в центр города. То здесь, то там возникали стихийные митинги. Из рук в руки передавались дошедшие из Петрограда газеты, а также московские социал-демократические издания с сообщениями о революции. На городских площадях появились автомобили, с которых разбрасывались листовки с лозунгами: «Да здравствует власть революционного пролетариата!», «Вся власть Советам!», «Да здравствует пролетарско-крестьянская республика!»

В городе сформировались два центра власти. С одной стороны — Комитет общественной безопасности при городской Думе во главе с эсером В. В. Рудневым и командующим Московским военным округом полковником К. И. Рябцевым. К городской Думе, где заседал этот орган, подтягивались офицеры, прапорщики и юнкера, оставшиеся верными Временному правительству.

С другой стороны — в бывшем доме генерал-губернатора на Скобелевской площади разместились Совет рабочих депутатов и Военно-революционный комитет. Сюда с рабочих окраин двинулись отряды Красной гвардии и добровольцев, по пути занимая почту, телеграф, телефонную станцию.

В ночь на 26 октября верные Рябцеву войска перешли в наступление. Продвигаясь к Кремлю, они первыми открыли огонь по отрядам противостоявших им сил, которые понесли серьезные людские потери. По сути именно эти военные действия развязали ожесточенную гражданскую войну в Москве. Затем юнкера блокировали и обстреливали Кремль, где оказались в заложниках отряд красногвардей-

---

¹ См.: Там же. С. 418–419.

цев и солдаты 56-го пехотного полка; заняли Манеж и прилегающие к центру города улицы и площади. Москва была объявлена на военном положении. Военно-революционному комитету был выставлен ультиматум о сдаче оружия и прекращении противодействия правительственным силам. Поскольку он был отвергнут, началась осада Кремля. Раздались ружейные и пулеметные выстрелы, вновь пролилась кровь. Войскам полковника Рябцева удалось проникнуть в Кремль, где они жестоко, без суда и следствия, расправились с солдатами и красногвардейцами, расстреляв безоружных и свалив трупы в общую яму. Информация об этом просочилась за стены Кремля, вызвав гнев и ожесточение среди большевиков и им сочувствовавших.

Епархиальный дом (Лихов пр., 6), где проходили заседания Собора, и здание духовной семинарии (Божедомский пер., 3), где жили члены Собора, оказались в зоне непосредственного вооруженного столкновения. К тому же немало иерархов и священников жили в Кремле при различных церковных учреждениях и фактически были блокированы в Кремле. В этих условиях соборяне не могли собираться на пленарные заседания, деятельность Собора была парализована.

Лишь утром 28 октября, хотя и не в полном составе, соборяне смогли собраться вновь. Главным вопросом, поставленным на обсуждение, стал вопрос о восстановлении в Русской церкви патриаршества. В ходе непростой дискуссии сторонникам патриаршества удалось убедить присутствующих прекратить прения и перейти к обсуждению практических мероприятий по восстановлению патриаршества.

30 октября незначительным большинством голосов (141 — «за», 112 — «против» при 12 воздержавшихся) Собор принял решение приступить к немедленному избранию патриарха.

В то время как на заседаниях Собора шли горячие прения о восстановлении патриаршества, дебатировался вопрос о порядке избрания патриарха и намечались кандидатуры на этот пост, в городе продолжались кровопролитные бои. Гремела непрерывная канонада — оружейная, пулеметная, ружейная. Пули летали и жужжали, как пчелы. Стекла домов пронизывали их уколы. Снаряды громыхали, разбивали стены домов, дырявили крыши, раскалывали мостовые на куски, которые готовы были убить, покалечить каждого, кто оказывался поблизости. Окружающие здания сотрясались и дрожали. Ночью можно было видеть зарева пожаров в различных районах города. Молнии выстрелов бороздили ночное небо и ослепительно сверкали. Большевики штурмовали Кремль, другие здания, занятые юнкерами и добровольными защитниками Временного правительства.

Соборяне были возбуждены. С вечера 31 октября и в течение всего дня 1 ноября, не имея возможности собраться в Епархиальном доме, они обсуждали создавшееся положение в частных собраниях в общешитии. Многие из ораторов требовали вмешаться в междоусобную борьбу, остановить кровопролитие. Поздним вечером 1 ноября приш-

ли к единому мнению о том, что нужно послать делегацию от Собора в Военно-революционный комитет.

Ранним утром сформированную накануне депутацию провожали буквально со слезами на глазах, не надеясь более увидеть этих людей. Все вместе соборяне перешли Садовое кольцо, дошли до Епархиального дома. Далее толпой идти было опасно, и депутация отправилась в путь одна. Впереди шли двое крестьян с флажками в руках, со скуфейками на головах. За ними — трое священников и двое епископов с евангелиями и иконой, с повязками Красного креста на рукавах. Позади шел митрополит Платон (Рождественский) — в белом клобуке на голове и омофоре на плечах¹.

Улицы были пустынные. Отдельные редкие прохожие передвигались от дома к дому, прижимаясь к зданиям, стрельба не затихала, и ходить было опасно. Увидав необычную процессию, они усердно крестили глаза.

Вот и дом генерал-губернатора, где их сразу же обступили озлобленные солдаты и люди в штатском. Раздались возгласы: «Эй, черти с крестом, чего надо? Проваливайте к юнкерам! Идите в Кремль, к своим “белым”! С криками: «Чего с ними церемониться!», все более распаляясь, толпа прижимала депутацию к стене дома. Положение было угрожающим. Ситуацию спасло появление красногвардейца с винтовкой, крикнувшего: «Кто тут митрополит от Собора! Проходи!»

Разговор внутри дома с одним из членов Военно-революционного комитета получился коротким. Митрополиту Платону сообщили, что практически центр Москвы в руках большевиков, с минуты на минуту ожидается сдача юнкеров.

Платон попытался выяснить судьбу Кремля и его святынь, которые, как утверждала молва, методически обстреливались из орудий, подверглись разрушению, осквернению и варварскому разграблению. Но услышал в ответ, что на Кремль не было направлено каких-либо специальных артиллерийских ударов и незначительно пострадал только Чудов монастырь.

Оставалась надежда, что делегацию пропустят в Кремль, к белым. Но когда митрополиту разъяснили, что на пути туда люди подвергнутся смертельной опасности, поскольку на подступах к Кремлю все еще велась беспорядочная стрельба, пришлось отказаться от этой идеи.

Делегация по возвращении из ВРК прибыла на Собор, где шло пленарное заседание. Рассказ ее членов об увиденном и услышанном лишь утвердил соборян в мысли, что надо спешить с восстановлением патриаршества.

---

¹ См. об этом: Юдин А. И. Воспоминания о революционных событиях с 1 ноября 1917 года и роли духовенства // Исторический архив. 1997. № 3. С. 65–69. Публикация М. И. Одинцова.

В течение нескольких последующих дней членам Собора удалось выработать порядок избрания патриарха и путем тайного голосования определить троих кандидатов на патриарший престол. Ими стали архиепископ Антоний (Храповицкий), архиепископ Арсений (Стадницкий) и митрополит Тихон (Белавин).

4 ноября 1917 г. большевики окончательно победили и заняли Кремль. И в этот же день Собор принял Определение о восстановлении патриаршества. На следующий день, в воскресенье, было назначено торжественное богослужение и выбор патриарха по жребию из троих кандидатов. Поскольку доступ в Кремль был закрыт и невозможно было провести выборы в Успенском соборе, где традиционно избирались русские патриархи, то решено было это сделать в храме Христа Спасителя.

5 ноября, в воскресенье, в храме Христа Спасителя соборяне и верующий народ, который, хотя с опаской и боязнью, но пришел на торжество, присутствовали на акте избрания патриарха. На століке, перед высокочтимой святыней России — Владимирской иконой Божией Матери, принесенной накануне из Успенского собора Кремля, — поставили запечатанный ковчежец с записками имен кандидатов в патриархи. По благословению митрополита Киевского Владимира, возглавлявшего богослужение, старец Зосимовой пустыни Алексей, трижды осенив себя крестным знаменем и не глядя, вынимает записку и передает ее Владимиру. Тот вскрывает жребий, читает, а затем внятно и громко произносит: «Тихон, митрополит Московский и Коломенский!»¹

---

¹ См.: работы и публикации архивных документов о жизни и деятельности патриарха Тихона: Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / На пути к свободе совести. М., 1989; его же: Жребий пастыря. Сцены и документы из жизни патриарха Тихона // Наука и религия. 1989. № 1, 4–6; его же: «Мы должны быть искренними по отношению к советской власти» (документы и материалы о патриархе Тихоне) / Вопросы научного атеизма. Вып. 39. М., 1989; его же: Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.) М. 1991; его же: Изъять из церковных имуществ // Гласность. 1991. 1 августа; его же: «Дело» патриарха Тихона // Отечественные архивы. 1993. № 6; его же: «Церковь отделяется от государства». Доклады эксперта Наркомюста М. В. Галкина // Исторический архив. 1993. № 6; его же: Государство и церковь в России. XX век. М., 1994; его же: Поездка на Всероссийский церковный сбор. Дневник настоятеля сухумского кафедрального собора протоиерея Г. С. Голубцова. Январь–апрель 1918 г. // Исторический архив. 1994. № 5, 6; его же: Митрополит Нестор (Анисимов). Мои воспоминания. Материалы к биографии, письма. М., 1995; его же: Российская церковь в годы революции (1917–1918 гг.). Сборник. М., 1995; его же. Золото Льва Троцкого / Религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. РАГС. М., 1995. № 6; его же: «Рю Дарю, 12, Париж». Письма митрополиту Евлогию. 1921–1927 гг. // Исторический архив. 1996. № 1; его же: Московский Кремль, осажденный революцией. Октябрь—

Возведение (интронизация) митрополита Тихона в сан патриарха Всероссийского было назначено на 21 ноября, в день праздника Введения Богородицы во храм, но уже в Успенском соборе Кремля, на что было дано разрешение новых гражданских властей. По просьбе Собора власти выдали из Патриаршей ризницы мантию и крест патриарха Никона, рясу патриарха Гермогена.

Литургию служили четыре старейших архиерея. Облачали патриарха среди храма. Поверх подрясника надели параман — наплечник в виде креста. При пении «Святый Боже» патриарха подвели к горнему месту, где стоял патриарший трон. Архиереи усаживали патриарха с возгласом «Аксиос!» («Достоин» — по-гречески). Патриарх встает, они снова его усаживают и снова возглашают «Аксиос!». И так до трех раз.

В слове митрополита Киевского Владимира говорилось о буре, которая бушует на Руси... о волнах, которые хотят поглотить корабль в Церкви.

Патриарх в ответном слове смиренно исповедал волновавшие его чувства, говорил о недостатке мудрости, неуверенности в своих силах, об уповании на помощь Божией Матери.

Полной радости на лицах тех, кому посчастливилось находиться в храме, не было. Да и не могло ее быть, ибо всех сковывало сознание того, что там, за стенами, царит удручающая православные сердца жестокая действительность.

По окончании богослужения согласно древней традиции новопоставленный патриарх должен был объезжать Кремль, окропляя святой водой его стены, богомольцев, да и просто встретившихся на его пути людей.

Около двух часов дня из Троицких ворот Кремля выехала процессия. Впереди, на первом извозчике, ехал патриарший иподиакон с патриаршим крестом. За ним, на втором извозчике — патриарх Тихон, по бокам которого стояли два архимандрита. Несметные толпы при

ноябрь 1917 г. Свидетельства очевидцев // Исторический архив. 1997. № 3; его же: «Подвергнуть аресту и привлечь к судебной ответственности». ВЧК—ГПУ и патриарх Тихон. 1917–1925 гг. // Исторический архив. 1997. № 4; его же: Русская православная церковь в XX веке / История религий в России. М., 1998; его же: Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999; его же: «Видно, не испили мы до дна всю чашу положенных нам испытаний». Письма епископа Ямбургского Алексия (Симанского) митрополиту Новгородскому Арсению (Стадниченко) // Исторический архив. 2000. № 1; его же: Всероссийский Поместный собор 1917–1918 гг.: споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью / Церковно-исторический вестник. 2001. № 8; его же: XX век в Российской истории (Государство. Церковь. Народ). На пути к Поместному собору (Февраль—август 1917 г.) // Религиоведение. 2001. № 2; его же: Мендельсон Н. М. Дневник. (Избранное. 1917–1928 гг.) / Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. ст. Вып. 6. М.; СПб., 2008.

приближении патриарха, следовавшего вокруг Кремля, опускались на колени. Солдаты снимали шапки. Патриарх благословлял народ. Но... никаких приветствий из толпы — благоговейная тишина. Кремлевская стража косо посматривала на процессию, но выражать недовольствие не решалась.

Спустя некоторое время, обогнув кремлевскую крепость, патриарший кортеж между Кремлевской стеной и собором Василия Блаженного въехал на площадь. Возле Спасских ворот — остановка: патриарх вошел в располагавшуюся здесь часовню Спаса, где отслужил краткое молебствие.

Далее путь лежал по Красной площади. В нескольких десятках метров от Спасских ворот, там, где в братских могилах были похоронены красногвардейцы, солдаты и другие сторонники большевиков, погибшие в ходе гражданской войны в Москве, стояла большая группа солдат. Патриарх хотел было и их окропить святой водой, но те демонстративно повернулись к нему спиной, а оркестр, стоявший среди них, грянул «Марсельезу».

...То была первая встреча патриарха Тихона с неведомой ему новой Россией!

Глава I

ВРЕМЯ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ ТИХОНЫ. 1917–1925 гг.

1.1. Поместный собор Российской православной церкви

Первая сессия, завершение работы. Ноябрь—декабрь 1917 г.

В конце ноября — начале декабря 1917 г. Поместный собор обсуждал проект определения «О правовом положении Российской православной церкви». Выступавшие признавали, что государственно-церковные отношения имперского периода отжили свое и возвращения к ним не может быть; но вместе с тем их новый характер не должен выстраиваться на принципе отделения церкви от государства. В устах одного из основных докладчиков, С. Н. Булгакова, этот посыл звучал так: «Бесспорно, что излишне тесная связь между Церковью и государством, как она существовала в России в прошлом, когда Церковь была окована цепями государства и в тело ее вьедалась ржавчина этих цепей, — эта связь порвана. Бедствие для Церкви было в том, что она была огосударствлена... Должно быть создано некоторое удаление между Церковью и государством, но отношения союза все же должны быть сохранены»¹.

Члены Собора, полагая, что «нынешние власти» не продержатся более одного-двух месяцев, ориентировались при разработке документа на сохранение «союзнических» отношений Церкви с государством и укрепление ее особого положения в обществе, расширение прав и полномочий. Не случайно тот же Булгаков говорил: «Законопроект вырабатывался именно в сознании того, что должно быть, в сознании нормального и достойного положения Церкви в России. Наши требования обращены к русскому народу через головы теперешних властей. Конечно, возможно наступление такого момента, когда Церковь должна анафематствовать государство. Но, без сомнения, этот момент еще не наступил»².

¹ См.: Священный собор православной Российской церкви. Деяния. Кн. IV. Вып. I. Пг., 1918. С. 55.

² ГА РФ. Ф. Р. 3431. Оп. 1. Д. 277. Л. 138.

2 декабря 1917 г. на пленарном заседании Определение Собора было принято. Этим документом Церковь, с одной стороны, выявляла свою официальную позицию в отношении «церковной политики» большевиков, а с другой — предлагала обществу и государству свое видение «идеальной» модели взаимоотношения государства и Церкви, к которой и той и другой стороне следовало бы стремиться.

Среди 25 пунктов Определения выделим такие, как требование обязательной принадлежности главы государства, министров исповеданий и народного просвещения (и их заместителей) к православному исповеданию; объявление православного календаря государственным, а православных праздников неprisутственными днями; передача записи и учета актов гражданского состояния в руки Церкви; введение в государственных школах обязательного преподавания Закона Божия; сохранение института православного военного духовенства и прав юридического лица за православными «установлениями»; незыблемость церковной собственности и льготное налогообложение; выделение государственных субсидий на нужды Церкви; сохранение за Церковью «первенствующего» положения и т. д.¹

Нетрудно убедиться, что Церковь последовательно и настойчиво отстаивала традиционную для нее идею «христианского государства» и неразрывного «союза Церкви православной и Российского государства». Голосуя за Определение, члены Собора не принимали в расчет происшедших в России политических изменений, казавшихся им «кратковременным страшным сном»; игнорировали правовые акты нового нарождавшегося государства — советского².

В этих условиях принципиальная направленность Определения и содержание его статей неизбежно обрекали Церковь на противостояние с государством, с обществом, с неправославными религиозными организациями и гражданами, их поддерживающими. Было очевидным, что удовлетворение всех требований, условий и обязательств, зафиксированных в Определении Собора, означает клерикализацию государства и общества, возвращение к институту государственной Церкви и ее монополии в духовной сфере. Все это, безусловно, перечеркнуло бы усилия демократической российской общественности, выступавшей с конца XIX в. за свободу совести и вероисповеданий, и те ее достижения, что обеспечило Временное правительство.

---

¹ См.: Священный собор православной Российской церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М., 1918. С. 6–8.

² По этому поводу даже современный церковный историк вынужден признать: «Отдельные статьи Определения носили анахроничный характер, не соответствуя конституционным основам нового государства, (отметим, правда, что Конституция еще не была принята. — М. О.) новым государственно-правовым условиям, и не могли превратиться в жизнь». См.: Цыпин В. История Русской православной церкви... С. 20.

Что же касается новой власти — советской, выступавшей с лозунгом строительства «светского государства», то для нее курс Церкви, изложенный в Определении, был и вовсе неприемлем. Большинство положений Определения Собора уже противоречило правовым актам, принятым новой властью. К примеру, Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов упразднил сословия и сословные деления граждан, а также сословные привилегии, ограничения, организации и учреждения; Декрет «О земле» передавал в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов все монастырские и церковные земли; «Декларация прав народов России», как и обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», отменяла все и всяческие национальные и религиозные привилегии и ограничения, деление религий на «господствующие», «терпимые и нетерпимые»¹.

9 декабря первая сессия Собора завершила свою работу. Одними из последних приняты акты, относящиеся к деятельности высших органов церковной власти. Так, патриарх наделялся правом созывать церковные соборы и председательствовать на них, сноситься с другими автокефальными православными церквями, обращаться с посланиями, посещать епархии и заботиться о замещении архиерейских кафедр, привлекать виновных епископов к церковному суду. Устанавливалась и ответственность патриарха в случае нарушения им своих обязанностей.

Постоянными органами Высшего церковного управления в период между Поместными соборами становились Священный синод и Высший церковный совет. Священный синод состоял из патриарха (председатель) и двенадцати членов из числа иерархов. Согласно определению Собора к компетенции Священного синода отнесены были дела вероучительного, канонического и литургического характера. Синод заботился «о нерушимом сохранении догматов веры и правильном их истолковании», контролировал перевод и печатание богослужебной литературы. Высший церковный совет состоял из патриарха и пятнадцати членов (из иерархов, священников и мирян). Он ведал установлением и изменением центральных и епархиальных церковных учреждений, назначением должностных лиц в них, пенсионным обеспечением духовенства и церковнослужителей².

По окончании первой сессии ее участники разъехались по епархиям, неся в массы, захваченные новым потоком революционной волны, общецерковное видение политических процессов в России и информацию об отношении Церкви к вероисповедной политике большевиков. Созыв второй сессии намечен был на конец января 1918 г.

---

¹ См.: Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1.

² См.: Священный собор православной Российской церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 1, 2. М., 1918.

К началу второй сессии, открывшейся 20 января 1918 г., в Москву съехались чуть более ста делегатов, и среди них — всего лишь двадцать четыре епископа. По Уставу, принятому на первой сессии, Собор мог принимать обязательные к исполнению решения только при наличии не менее половины своего состава. Выход найден был просто: постановили проводить заседания при любом количестве членов и считать принимаемые решения обязательными для исполнения.

На рассмотрение сессии запланировано было вынести вопросы, относящиеся к епархиальному управлению, приходской жизни и устройству единоверческих приходов. Однако проблемы церковного устройства были отодвинуты на второй план, а на первом оказались вопросы политические — отношение Церкви к советской власти, к внешней и внутренней политике правительства и, особенно, к нормативным правовым актам, касающимся положения Православной церкви.

В течение ноября—декабря 1917 г. Совет народных комиссаров (Совнарком) неоднократно обращался к вопросу об отделении Церкви от государства. Курс на строительство светского государства подтвержден был в последовавших декретах «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении актов гражданского состояния», которые устанавливали, что отныне церковный брак не имел юридической силы, а взаимоотношения между супругами регулировались государственными законами. Согласно постановлению «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного Комиссариата по просвещению» во всех государственных учебных заведениях упразднялись должности законоучителей. Тогда же в центральной печати опубликована была информация о скором принятии декрета об отделении церкви от государства, в котором будут учтены все положения ранее принятых актов по «религиозному вопросу».

С 11 декабря над выработкой проекта декрета об отделении Церкви от государства работала образованная Совнаркомом специальная комиссия. В ее состав вошли П. И. Стучка — нарком юстиции, А. В. Луначарский — нарком просвещения, П. А. Красиков — член коллегии Народного комиссариата юстиции (Наркомюста), М. А. Рейснер — профессор права Петербургского университета, М. В. Галкин — петроградский священник.

Безусловно, и большевики в целом, и комиссия в значительной степени были зависимы от настроения масс, которые настойчиво требовали «полной свободы совести». В адрес центрального правительства, местных органов власти поступали многочисленные петиции от солдатских и крестьянских съездов, от коллективов фабрик и заводов с требованиями отделения церкви от государства и школы от церкви, введения всеобщего обязательного светского образования, объявле-

ния религии частным делом каждого гражданина, национализации монастырской и церковной собственности, установления равенства граждан независимо от отношения к религии, обеспечения правового равенства всех религиозных объединений и т. д.¹

В редакции центральных и местных газет во множестве поступали письма из различных регионов России, в которых резко осуждалась политическая позиция Церкви не только в прошлом, но и в настоящее время. «Сотни лет, — можно прочесть в одном из них, — кучка дворян и помещиков угнетала миллионы крестьян и рабочих. Сотни лет лили кровь и расхищали труд народный. А вы благословляли тогда этот строй, говорили, что эта власть законная. А теперь, когда у власти встал сам народ, трудящийся народ, который стремится к миру, к братству, равенству, вы, «духовные отцы», не хотите признать его власти. Народ знает, кому нужны ваши драгоценные митры, золотые кресты и дорогие одежды»².

«Новые начала», вводимые в государственную и общественную жизнь страны, уже меняли положение религиозных обществ, центров, верующих различных конфессий: одни теряли бывшее экономическое могущество, первенствующее положение и привилегии; другие — приобретали или надеялись приобрести «свободы и права». Большинство религиозных объединений заняло в целом выжидательную позицию в отношении актов советского государства, затрагивавших их интересы. С одной стороны, ожидали декрета об отделении церкви от государства, который должен был прояснить содержание и направленность советской церковной политики. А, с другой — наблюдали за тем, как сложатся отношения между государством и бывшей государственной Российской православной церковью, правомерно полагая, что от их характера будут во многом зависеть государственно-церковные отношения в целом.

31 декабря 1917 г. в газете партии эсеров, чьи представители входили в состав Совнаркома, «Дело народа» был опубликован проект разработанного комиссией декрета. В нем религия объявлялась «частным делом каждого гражданина Российской республики», и потому каждый мог исповедовать какую угодно религию или не исповедовать никакой; запрещалось издавать законы, ограничивающие свободу совести; религиозные общества приравнивались к частным обществам; религиозные общества не могли иметь прав юридического лица и прав владения собственностью; имущество «церковных и религиозных обществ» национализировалось; отменялись религиозные клятвы и присяги, а также преподавание «религиозных предметов» в государственных учебных заведениях и т. д.

---

¹ См., напр.: Известия. 1917. 3, 12 декабря.

² Цит по: Емелях Л. И. Крестьяне и церковь... С. 154.

Полностью или в изложении, с соответствующими негативными комментариями, проект декрета опубликовала и церковная печать. Откликаясь на эти публикации, митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин (Казанский) в письме к Председателю Совнаркома В. И. Ленину отмечал: «Я, конечно, уверен, что всякая власть в России печется о благе русского народа и не желает ничего делать такого, что бы вело к горю и бедам громадную часть его. Считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим в настоящее время у власти, предупредить их, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого проекта декрета об отобрании церковного достояния. Православный русский народ никогда не допускал подобных посягательств на его святые храмы. И ко многим другим страданиям не нужно прибавлять новых»¹.

Таким образом, в вопросах о сущности свободы совести, о характере государственно-церковных отношений в новой России выявилось противостояние власти церковной и власти светской. Налицо было принципиальное столкновение различных идеологий, различного видения «духовной сущности» строящегося нового общественного строя. Как будто восстал из пепла «проклятый» и «кровавый» для многих столетий российской истории вопрос: что должно быть первенствующим — царство или священство? Каждая из сторон понимала, что ответ и окончательное решение в этом споре за народом, и каждая надеялась, что он будет на ее стороне.

Церковь предполагала, что по-прежнему может опираться на свою многомиллионную паству, которая будет на ее стороне и при обсуждении судьбы ее правового положения в новых политических условиях. Не случайно при открытии сессии патриарх Тихон в своем вступительном слове призвал членов Собора обсудить и решить, как относиться к правительственным декретам, «нарушающим положение Церкви», и «как им противоборствовать»².

Тогда же было оглашено и личное послание патриарха, в котором излагалась его позиция по «текущему моменту». Ключевой в нем стала следующая фраза, обращенная, как писал патриарх, «к явным и тайным врагам истины Христовой», к тем, кто сеет «семена злобы, ненависти и братоубийственной брани»: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это — поистине дело сатанинское, за которое подложите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной. Властью, данною нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские

---

¹ Цит. по: Одинцов М. И. Государство и церковь... С. 49.

² См.: Священный собор православной Российской церкви. Деяния. Кн. VI. М., 1918. С. 3.

и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: “измите злаго от вас самех” (1 Кор. 5, 13)»¹.

И вступительное слово патриарха, и его послание были присутствующими восприняты как выражение общецерковной политической позиции, как неприятие в целом власти большевиков и как вызов их «церковной политике». Дабы ознакомить приходское духовенство и верующих с точкой зрения патриарха на происходящие в стране события, в спешном порядке текст послания печатался, переписывался и распространялся по московским церквам и монастырям, специальными нарочными развозился по наиболее крупным городам. Духовенство обязывалось читать его во время богослужений и разъяснять пастве.

Политический смысл послания и его антиправительственная направленность были столь понятны приходскому духовенству, что далеко не все из них отваживались исполнять приказание, понимая, что вслед за этим может последовать и наказание за антиправительственную пропаганду. В дневниковых записях известного московского литературоведа Н. М. Мендельсона, относящихся к январю 1918 г., отмечалось: «Вчера у Хвостовых спросил батюшку Михайловского: “Что же, Вы будете в церкви читать послание Тихона, анафематствующее большевиков? — Нет, боязно, опасно”. А это еще приличный батя!»²

К вечеру 20 января о послании Тихона с анафематствованием «врагов Родины и Церкви» стало известно в Петрограде. Ближе к ночи созывается заседание Совнаркома, в повестку которого вносится дополнительный 32-й пункт — «Об отделении церкви от государства». Нарком юстиции левый эсер И. З. Штейнберг и заведующий отделом Наркомюста М. А. Рейснер представили доработанный проект декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». После оживленной дискуссии, внесения поправок и дополнений проект был принят. 21 января как ответ на «вызов Церкви» декрет был опубликован в центральных газетах «Правда» и «Известия», а затем и в провинциальных изданиях³.

---

¹ См.: Там же. С. 4–5.

² См.: Мендельсон Н. М. «Pro me». Дневник. НИОР РГБ. Ф. 165. Картон 1. Д. 1. Л. 50 об. Опубликовано: Мендельсон Н. М. Дневник. (Избранное. 1917–1928) / Свобода совести в России: исторический и современные аспекты. Сб. ст. Вып. 6. М.; СПб., 2008. С. 348–375. Публикация М. И. Одинцова.

³ 23 января 1918 г. в официальном правительственном органе — «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства», а 26 января — в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства» Декрет был опубликован под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Это название и дата 23 января, как дата его принятия, утвердились в официальных документах и литературе.

Безусловно, декрет был шагом вперед на пути к формированию светского государства и утверждению принципа свободы совести в государственной и общественной жизни России: он создавал правовые, материальные и организационные условия для того, чтобы каждый гражданин мог свободно определить свое отношение к религии и поступать сообразно своим убеждениям; гарантировал не только право на веру, но и право не иметь религиозных убеждений. Нельзя не видеть, что многие положения декрета находились в русле тех идей и требований, что провозглашала демократическая общественность России в начале XX в., борясь за свободу совести и вероисповеданий. К тому же, хотя об этом публично и не говорилось, но фактически в нем подтверждался ряд положений законодательных актов Временного правительства в области регулирования деятельности религиозных объединений¹.

И все же декрет вызвал к себе неоднозначное отношение в обществе. Протест вызывало даже не собственно «отделение» церкви от государства, ибо эта идея имела множество сторонников и ее практическая реализация ожидалась. Основной отпор в церковной и околоцерковной сфере вызвали статьи декрета о национализации церковной собственности и об отказе признать за религиозными объединениями прав юридического лица².

Но почему же большевики включили эти положения в декрет? Ответ, очевидно, следует искать в их идеологических воззрениях и политических программах. Церковь (прежде всего Православная), «сросшаяся» с государством, ставшая всего лишь одной из составных частей его бюрократического аппарата, должна была, по мнению большевиков, или кануть в Лету вместе с разрушаемыми революцией «старыми, отжившими порядками». Или, осудив свое прошлое, принять новую реальность — светское государство и секулярное общество. И выстраивать с ними отношения на основе светского законодательства о свободе совести и религиозных объединениях, базирующегося на принципах отделения церкви от государства, правово-

---

¹ Насущная необходимость «отделения» церкви от государства и его глубинная объективная потребность для российского общества подтверждается тем, что на протяжении XX в. положения Декрета будут повторяться во всех нормативных правовых актах советской эпохи. В современной России все 13 положений Декрета в полном объеме или с изменениями и дополнениями присутствуют в тексте как Конституции РФ (1993), так и в основном правовом акте по вопросам свободы совести — в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997).

² Укажем полный текст данных статей Декрета: ст. 12: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют». Ст. 13: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ».

го равенства церквей и деноминаций, равенства граждан независимо от их мировоззренческих убеждений.

Конечно, большевики видели в Церкви не только некий религиозно-бюрократический аппарат, но и объединение верующих граждан. Государство не отвергало их права верить и объединяться в религиозные общины. Последние при этом рассматривались властями в качестве союзов свободных граждан, за которыми признавалось как право выбора традиционной церковной юрисдикции, так и право образования новых и самостоятельных органов церковного управления.

Что же касается церковной собственности, то она рассматривалась большевиками, во-первых, как производное от государственного бюджета, от субсидий и пожертвований, выдаваемых церковному аппарату вне зависимости от того, хотели или нет этого подданные Российской империи, исповедовавшие самые различные верования или вовсе их не имевшие, и, во-вторых, как обобществление труда и собственности рядовых православных верующих. И то и другое, считали партийные идеологи, было узурпировано церковной «верхушкой» ради своих узкокорыстных целей и потому национализация церковной собственности есть акт справедливый, есть возвращение народу того, что у него в течение многих столетий было отнято.

В соответствии с этой позицией власть считала необходимым в первую очередь налаживать отношения не с органами административно-церковного управления, а с гражданами — членами религиозных объединений. Поэтому местным объединениям верующих передавалась бесплатно и в бессрочное пользование бывшая церковная (прежде всего приходская) собственность.

Важно иметь в виду, что не большевики инициировали процесс секуляризации церковной собственности. Их приход к власти осуществился тогда, когда практически вся она, за редчайшим исключением, была уже собственностью государства. В канун революций 1917 г. в Российской империи не было юридически оформленной и признаваемой государством общецерковной собственности, т. е. Российская православная церковь не рассматривалась как самостоятельное юридическое лицо, а признавалось лишь частью государственного бюрократического аппарата, одним из органов государственного управления. В Российской империи право собственности, весьма ограниченное и жестко контролировавшееся гражданскими властями, признавалось лишь за отдельными «церковными установлениями» — приход, монастырь, духовное учебное заведение и т. п.¹

Многое объяснялось и той политической обстановкой, которая складывалась в стране. Власть не желала, чтобы Церковь, занявшая

---

¹ Отметим, что в связи с вышеизложенным сегодняшние претензии на реституцию церковной собственности не имеют под собой никакой правовой основы.

откровенно антиправительственную позицию и включившаяся в политическую борьбу, использовала в этой борьбе материальные ресурсы, унаследованные от прошлого строя.

Стоит подчеркнуть, что декрет не ставил задачи разрешить раз и навсегда все проблемы, связанные с правовым положением религиозных организаций в новом, рождающемся обществе. Причастные к его разработке партийные и государственные деятели, правоведы и эксперты прямо указывали на спорность, нечеткость и двусмысленность некоторых положений декрета, которые предполагалось в дальнейшем при политической стабилизации устранить. Но... началась Гражданская война, и сила оттеснила право.

Послание патриарха Тихона и декрет об отделении Церкви от государства оказались в центре внимания Поместного собора. Ораторы признавали своевременность патриаршего послания. Одновременно все они сходились на том, что требуется конкретно указать «врагов Церкви и Родины» («масонов» и «жидов», как выражались некоторые соборные ораторы), назвать поименно тех, кто предан проклятию, и с кем православные не должны вступать в общение, и, наконец, довести до сведения верующих, что Собор не признает «слуг антихристовых, завладевших ныне Россией».

Общее мнение и настроение собравшихся выразил протоиерей одной из московских церквей Н. В. Цветков, заявивший: «Самое сильное место в послании патриарха — анафематствование врагов Родины и Церкви и запрещение входить с ними в общение. Хотя это место, при всей его краткости, очень выразительно, но все-таки оно требует объяснений... Собор должен бы выяснить, кого же анафематствует Святейший патриарх. Я высказался бы... за то, что анафематствованию подлежат власти, ныне существующие, которые замыслили предательски погубить Родину и Церковь. Но нужно иметь в виду, что в составе правительства есть лица, которых, по их вере и национальности, анафематствование не может касаться. Собору следует выразить свое отношение к этим нехристианским лицам, играющим большую и пагубную роль. Затем анафематствованию должны подлежать сознательные исполнители велений правительства и бессознательные элементы, которые по злой воле и трусости исполняют повеление этой власти»¹.

Единство мнений членов Собора проявилось также при выработке постановления относительно декрета об отделении Церкви от государства. С. Н. Булгаков на заседании одного из соборных отделов предлагал учитывать следующее: «Перед нами два положения: объявить народных комиссаров врагами Церкви и народа, и нужно самые

---

¹ Священный собор православной Российской церкви. Деяния. Кн. VI. М., 1918. С. 38–39.

действия объявить противохристианскими, сознательные исполнители коих подлежат отлучению. Пункт же о неповиновении декрету требует змеиной мудрости: некоторые пункты декрета (свобода совести, светская регистрация) приемлемы, и с ними можно согласиться»¹.

После этих свидетельств, а их число при желании можно умножать и умножать, трудно всерьез воспринимать утверждения церковных и околоцерковных авторов об аполитичности послания Тихона, о якобы заключенном в нем всего лишь нравственном осуждении зла, распространившегося по России.

Окончательная точка была поставлена Поместным собором, который в принятом 25 января постановлении Собора охарактеризовал декрет Совнаркома как «злостное покушение на весь строй жизни Православной церкви и акт открытого против нее гонения». Одновременно всякое участие «как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь» расценивалось как несовместимое с принадлежностью к Церкви, караемое вплоть до отлучения от Церкви².

В этот же день вечером на закрытом заседании Собор вынес специальное постановление о том, чтобы «на всякий случай болезни, смерти и других печальных для патриарха возможностей предложить ему избрать несколько местоблюстителей патриаршего престола, которые в порядке старшинства и будут блюсти власть патриарха и преемствовать ему». Патриарх Тихон выполнил это постановление, что в дальнейшем стало спасительным для сохранения каноничной высшей церковной власти в Русской церкви.

Реакция Церкви на политическую ситуацию в стране, на правительственные решения и акты относительно положения и деятельности религиозных объединений показала, что и патриарх, и Собор по существу отказались признать обязательным для Церкви исполнение основного правового акта советской власти в отношении религиозных организаций — Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Это было воспринято властями как открытое вмешательство Церкви в сложную политическую ситуацию в стране, как акт, ее дестабилизирующий, как призыв к верующим перейти к открытому неповиновению и сопротивлению существующим органам власти.

Тому подтверждением стала прокатившаяся по европейской части России в феврале—марте 1918 г. волна противодействия попыткам местных властей провести декрет в жизнь. Организовывались массо-

---

¹ Цит. по: Шпицберг И. А. Церковь в годы гражданской войны. Машинопись. М., 1933. С. 85. Из личного архива автора.

² См.: Священный собор православной Российской церкви. Деяния. Кн. VI. М., 1918. С. 72.

вые крестные ходы и богослужения на площадях в поддержку «гонимой Церкви». Кое-где возле церквей происходили столкновения, совершались акты насилия, вплоть до смертных случаев, в отношении работников советских органов власти.

Коллективные петиции с требованиями отменить декрет, с угрозами массового сопротивления направлялись в адрес правительства. Повсеместно распространялись листовки, прокламации и воззвания с призывами поддержать позицию патриарха и Собора в противостоянии «самозванной власти».

К примеру, в одной из листовок, изданной Поместным собором под красноречивым названием «Анафема патриарха Тихона большевиков», верующим разъяснялось, в отношении кого направлены меры церковного наказания. В частности, в ней можно прочитать: «Патриарх Московский и всея России в послании возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Христовой обнажил меч духовный против извергов рода человеческого — большевиков и предал их анафеме. Глава Православной Церкви Российской закликает всех верных чад ее не вступать с этими извергами в какое-либо общение».

Предлагалась и обязательная для всех верующих линия поведения в отношении анафематствуемых: «Родители, если дети ваши — большевики, требуйте властью, чтобы отреклись они от заблуждений своих, чтобы принесли покаяние в великом грехе, а если не послушают вас, отрекитесь от них. Жены, если мужья ваши — большевики и упорствуют в служении сатане, уйдите от мужей ваших, спасите себя и детей от заразы, губящей душу. Не может быть у православного христианина общения с слугами дьявола на небесах. Церковь Христова призывает вас на защиту православной веры»¹.

В подтверждение значимости анафемы патриарха она провозглашалась практически за каждым богослужением в действующих храмах, в том числе и Москве, и в Питере. Так, в воскресный день 24 марта ранним утром в храме Христа Спасителя началось совершение праздничной службы. Божественная литургия была отслужена патриархом Тихоном, которому сослужили митрополиты Антоний и Сергей, и еще с десятков архиереев, архимандритов, протоиереев. Храм, вмещающий около 20 тыс. человек, был переполнен. Посреди храма, где еще так недавно во время торжественных служб стояли высшие московские чины, заняли место члены Собора.

Наступил кульминационный момент богослужения. Архимандрит Константин Розов с необычайной силой начал говорить о тех, кто,

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-1235. Оп. 1. Д. 10. Л. 205–205 об. Опубликовано: Одинцов М. И. «Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти» / Вопросы научного атеизма. Вып. 39. М., 1989. С. 301–302.

считаясь в числе чад Православной церкви, не разделяет православной веры. Стал им провозглашать «анафема» с такой силой, что жутко становилось. На каждое «анафема» архиерея эхом звучало не менее сильное «анафема» пресвитеров Успенского собора. Было провозглашено «анафема» и властям предержащим, нынешним властям России по специально выработанной для этого формуле.

Спустя несколько дней, 28 марта, образованная Собором специальная комиссия во главе с А. Д. Самариным «для поддержания связей с властями», посетила Совнарком. Она была принята управляющим делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем, наркомом Д. И. Курским и М. Т. Елизаровым. Глава делегации А. Д. Самарин заявил: «Мы хорошо знаем, какое единодушное чувство глубокого и сердечного возмущения вызвали во всех преданных Церкви православных людях изданный вами декрет о свободе совести и все распоряжения ваши, коими Церковь стесняется в своей жизни и лишается своего достоинства. На все это Православная церковь смотрит и не может смотреть иначе, как на тяжелое и ничем не вызванное с ее стороны оскорбление религиозного чувства, и как на насилие, самым вопиющим образом нарушающее ту свободу совести и те начала нелицеприятной справедливости и равноправия, которые вы сами провозглашаете... Будет ведомо вам, что религиозное успокоение ста миллионов православных русского населения, без сомнения, необходимое и для государственного блага, может быть достигнуто не иначе, как отменой всех распоряжений, посягающих на жизнь и свободу Церкви»¹.

По сути властям был выставлен ультиматум: либо будет отменен Декрет об отделении церкви от государства, либо противодействие ему на местах примет массовый и жесткий характер. Заявление Самарина властью воспринято было как свидетельство того, что Церковь перешла грань, отделяющую собственно церковные проблемы от политики, и тем самым оказалась в лагере воинствующей политической оппозиции.

Зимой—весной 1918 г. противостояние Православной церкви и государства было налицо, и все же обе стороны предпринимали некоторые шаги к поиску компромисса. Немало обращений патриарха Тихона, Поместного собора, отдельных иерархов и священников рассматривалось в Совнаркоме, других ведомствах и учреждениях, и по ним принимались положительные решения. К слову сказать, и работа Собора, хотя и среди членов правительства, и среди видных и влиятельных большевиков не раз возникало желание закрыть его, не приостанавливалась. Властями разрешалось проведение богослужений в храмах Кремля.

---

¹ Деяния священного собора православной Российской церкви 1917–1918 гг. Т. 8. М., 1999. С. 58–59.

В личном архиве управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича сохранилась следующая, относящаяся к этому периоду времени запись: «После Октябрьской революции в Совнарком довольно часто заявлялись депутации от православных и православной церкви. Мне приходилось их принимать, беседовать с ними, защищать их от несправедливости власти и не только разрешать, но и даже охранять их крестные ходы, как в Петрограде, так и в Москве, отвечать на письма патриарха Тихона — все это делать с разрешения и указания самого Владимира Ильича (Ленина. — М. О.), потому что мы стояли всегда и в этих вопросах на принципиально выдержанной позиции»¹.

Вторая сессия Поместного собора, продолжавшая свою работу до 20 апреля 1918 г., рассмотрела и ряд проблем внутрицерковного устройства. Среди них вопросы епархиального управления.

Особенно бурные споры разгорелись вокруг процедуры выборов епархиальных архиереев и объема их властных полномочий. Явственно проявилось разделение Собора на две группы. Одна, в основном представители приходского духовенства и мирян, выступала за расширение прав клира и мирян при обсуждении и разрешении данных проблем. Другая, в основном иерархи, всячески отстаивала всевластие и решающую роль епископа во всех вопросах епархиальной жизни. В Определении об епархиальном управлении приоритет в разрешении общепархиальных дел отдан правящему архиерею. В нем же определены были порядок образования, направления деятельности и устройство некоторых иных органов управления епархиальной жизнью: епархиального совета, благочиннических округов и собраний².

Внимание соборян было обращено и к жизнедеятельности первичной ячейки церковного сообщества — приходу. Почти два месяца в заседаниях комиссий и на пленарных собраниях обсуждался проект приходского устава, цель которого — оживить деятельность приходов, способствовать сплочению верующих вокруг своего приходского храма.

В последний день работы Собор принял Приходской устав. Его первая статья определяла православный приход как «общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального архиерея, под руководством поставленного последним священника настоятеля»³.

---

¹ См.: Личный фонд В. Д. Бонч-Бруевича. НИОР РГБ. Ф. 369. К. 67. Д. 2. Л. 32.

² См.: Священный собор православной Российской церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. I. М., 1918. С. 17–33.

³ Там же. Вып. 3. С. 13.

Последующие главы Устава посвящены были приходскому и соборному храмам, причту, прихожанам, управлению приходскими делами, приходским собранию, совету и учреждениям, просвещению населения, имущественным вопросам причта, устройству кладбищ и, наконец, союзам приходов.

Кроме того, Собор принял решения по учреждению единоверческих кафедр, деятельности духовных учебных заведений, расширению внешней и внутренней миссии Церкви. Причислены были к лику святых Софроний Иркутский и Иосиф Астраханский.

В дни работы второй сессии Поместного собора в Москву стали поступать первые известия о столкновениях вокруг православных храмов и монастырей, об арестах и расстрелах епископов, священников, наиболее активных мирян. Откликаясь на них, Собор принял Определение «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную церковь» (от 18 апреля)¹. В нем устанавливался порядок произнесения в храмах за богослужением «особых прошений о гонимых ныне за православную веру и церковь, и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках», а также «ежегодное молитвенное поминовение... всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников». Епархиальным властям вменялось в обязанность собирать сведения об изъятом церковном имуществе, арестованных служителях культа и прихожанах.

Весной 1918 г. отчетливо проявилось и расслоение в православной пастве в связи с отношением к политическим событиям в стране. Многие и многие из числа рядовых православных верующих приняли новую власть и активно выступали в поддержку Декрета об отделении Церкви от государства.

Собор выразил свое отношение к этой части членов Церкви в Определении «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни» (от 19 апреля)². Предусматривались конкретные меры наказания для мирян, священников и епископов, «не покоряющихся и противящихся церковной власти и обращающихся в делах церковных к враждебному Церкви гражданскому начальству и навлекающих через то на Церковь, ее служителей, ее чад и достояние многообразные беды». К числу «богопротивных» дел были отнесены: обращение к гражданской власти и гражданскому суду, исполнение или участие в проведении в жизнь требований Декрета о свободе совести и иных актов государственной власти, относящихся к деятельности религиозных объединений, отобрание у монастырей и храмов земли и иной собственности. Соответственно определялось и возможное церковное

---

¹ Там же. С. 55–57.

² См.: Там же. С. 58–60.

наказание: запрещение в священнослужении, извержение из сана, лишение духовного звания, привлечение к церковному суду, отлучение от Церкви.

Оба Определения были непосредственной реакцией Церкви на происходящие в стране политические события, попыткой вовлечь верующих в противостояние власти, привлечь их к активному участию в антиправительственных акциях. Ситуация усугублялась тем, что Церковь заняла откровенно негативную позицию в отношении не только «церковной политики» советского государства, но и всей его внутренней и внешней политики. К примеру, патриарх Тихон и Собор в специальных посланиях осудили стремление правительства выйти из мировой бойни и заключить мирный договор с Германией. Содержавшаяся в них псевдопатриотическая риторика, призывы к продолжению войны «до победного конца», к защите «Земли Русской» несмотря ни на что, по существу, обрекали население на дополнительные тяготы и лишения, а в перспективе делали вполне возможным быстрое поражение в борьбе с превосходящим врагом, за которым мог последовать и распад Российского государства.

Хотя в советской исторической литературе весенние месяцы 1918 г. и рассматривались как период «мирной передышки», но название это условно. Подразумевается, что от заключения Брестского мира (март) до возникновения фронтов в Сибири, на Волге и Северном Кавказе (июнь) не велось широкомасштабных военных действий. Однако мира не было, шли локальные бои, происходило формирование вооруженных сил и «белых», и «красных», активно действовали подпольные антиправительственные вооруженные группы, вспыхивали мятежи и восстания, шел процесс стихийной национализации церковно-монастырской собственности. Налицо была эскалация насилия, жестокости, классового и социального противостояния, и каждая из сторон, считая себя «правой» и в защиту этой «правды», совершала шаги навстречу к столкновению, еще более жестокому и беспощадному.

Все это не могло не отражаться на настроении православной паствы. В ее рядах происходила ускоренная поляризация по политическим взглядам, а это, в свою очередь, отражалось и на отношении к Декрету о свободе совести. Как свидетельствовал В. Д. Бонч-Бруевич, «трудящиеся повсюду приветствовали Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, необходимость которого давно назрела»¹.

В редакции многих центральных и местных газет и журналов поступало множество писем от приходских священников и рядовых верующих, в которых они сообщали о поддержке Декрета, призывали

---

¹ См.: Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М. 1959. Т. 1. С. 81.

Церковь к прекращению противостояния власти. К примеру, в письме в газету «Знамя Христа» сельский священник призывал духовенство: «Наш долг, наша обязанность не возбуждать темные массы. Не творить тех бунтов, которых в России и так немало, а выяснять всем и каждому, что... отделение церкви от государства и другие запреты в связи с этим нисколько не унижают христианства... Когда вступишь вникающе во все происходящее, то невольно поднимается вопрос: от кого и от чего наши иерархи призывают спасти Христову веру?»¹

Проходившие в стране митинги, собрания, демонстрации, конференции различных общественных организаций нередко принимали специальные резолюции и обращения к власти с просьбой ускорить проведение в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. В подтверждение сошлемся на резолюцию Первой Московской конференции женщин-работниц, состоявшейся в начале 1918 г. В ней, в частности, говорилось: «Конференция считает необходимым энергично проводить в жизнь Декрет об отделении церкви от государства и школы, так как этот декрет уничтожает все религиозные гонения, существовавшие до сих пор, обеспечивает полную свободу совести, свободу вероисповеданий, делает религию делом совершенно свободного выбора, не обещающим никаких привилегий и не грозящим никакими стеснениями. Обеспечивает воспитание детей в духе истинного знания науки»².

И все же события зимы-весны 1918 г. были в определенной мере неожиданными для большевиков, рассчитывавших на быстрое и относительно безболезненное введение Декрета об отделении церкви от государства. Залогом тому были уверенность в полной дискредитации «политического лица» духовенства и органов церковного управления, рост антиклерикальных настроений в массах и ширящаяся поддержка идей светского государства во времена Временного правительства. Не случайно же, что большевики даже и не планировали создание специального государственного органа, ответственного за реализацию их программных установок в области отделения церкви от государства и школы от церкви.

Но провести в жизнь декрет, что называется, сходу оказалось невозможным. К политическому противодействию органов церковного управления и руководителей религиозных организаций присоединилось прикровенное, а где и откровенное недовольство со стороны многомиллионного крестьянства. Если в целом оно поддерживало меры экспроприации церковно-монастырской собственности, провозглашение равенства граждан вне зависимости от их отношения

---

¹ Цит. по: Наука и религия. 1987. № 11. С. 7.

² Цит. по: Плаксин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах. Л., 1987. С. 96.

к религии, расторжение «союза» Православной церкви и государства, введение гражданской метрикации, то относительно таких мер, да еще и проводимых «кавалерийским наскоком», как устранение из школы Закона Божьего, лишение прихода собственности и некоторых других, его позиция была не столь однозначной. И было бы упрощением утверждать, что на сторону Церкви встали лишь представители «свергнутых классов» да отдельные «верующие-фанатики».

Крестьянство выступало в тот момент против, как ему казалось, насильственного «обмирщения» своего традиционного уклада жизни, против ломки «незыблемых», в том числе и в силу «освящения» их православными канонами, устоев жизни «по вере» в российской деревне. Подтверждение тому можно найти и в переписке партийных лидеров. К примеру, Ем. Ярославский в письме В. И. Ленину отмечал: «Проведение декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви встретило особенно упорное сопротивление в деревне. Целый ряд иногда кровавых столкновений происходит на почве того, что население противится выносу икон и предметов культа из школ. Местные Советы совершенно не считаются с волей подавляющего большинства, а иногда и единодушной волей единоверческого православного населения. Во всех почти рабочих и крестьянских собраниях в провинции подают ораторам записки об этом. На этой почве ведется агитация против Советской власти вообще и падает на восприимчивую почву. На женском съезде в Москве мне было подано 16 записок почти однородного характера: зачем насильно выносят иконы. Были записки и заявления: мы со всем согласны с большевиками, а этот вопрос нас отталкивает от них»¹.

Мешало проведению декрета и отсутствие на местах подготовленных работников и специальных органов, занимающихся «церковной политикой». Непоследовательность местных властей, которые сами, а то и под нажимом различных социальных групп, явочным порядком, в силу своего разума, не дожидаясь указаний из центра, претворяли декрет в жизнь. Нередко их «инициативы» шли вразрез с законами, издаваемыми центром, что зачастую порождало многочисленные конфликтные ситуации между властями и верующими, выливалось в различные формы политического протеста.

Эмоционально и откровенно говорилось об этом в одном из писем (апрель 1918) петроградского священника М. В. Галкина в адрес управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича: «На почве издания декрета уже по местам возникали эксцессы, уже пролилась человеческая кровь, которой можно было бы избежать... Часть вины за эту кровь я чувствую на себе. Может быть, я недостаточно настойчиво стучался

---

¹ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 696. Л. 216.

в Ваши двери, чтобы повторить Вам о том, от чего Вы все равно не уйдете, — о необходимости координировать действия различных комиссариатов, направленные к ликвидации вековой связи между церковью и государством, в каком-то особом аппарате, каким должна явиться особая ликвидационная коллегия, непременно в Москве... Объединение вокруг клерикальных кругов политических элементов страны идет столь быстрыми шагами, что Вы бы ужаснулись, увидев эту картину во весь грозный рост. Отсутствием разясняющих положений уже ловко пользуются ваши политические противники... Создается и уже создана организация, вплоть до приходских, губернских и всероссийского церковных «комиссаров». Организации надо противопоставить организацию. Слову — убежденное слово. Силе, если угодно, ту правовую силу, которая могла бы заставить служителей алтаря стоять у алтарей и не вторгаться со специфическим «восторговским» духом в несродную их званию и сану область чистой политики»¹.

Нельзя сказать, что новая власть «не видела» этих процессов. Думается, совсем не случайно ЦК РКП(б), рассматривая на своем заседании 19 мая 1918 г. вопрос об «агитации духовенства», предложил к использованию следующие меры: «Повести против духовенства усиленную письменную агитацию. Поручить ее ведение тт. Сосновскому, Ем. Ярославскому и Демьяну Бедному, ассигновав необходимую сумму из кассы ЦК. Одновременно поручить тт. из президиума Московского совета принять меры по вселению городской бедноты в монастырские и иные духовные дома. Сообщать об этом решении ЦК партийным работникам, едущим на места для проведения его в жизнь»².

Осознала власть и необходимость создания специального органа в системе государственного управления, который бы взял на себя координацию действий в центре и на местах по реализации норм и положений декрета. Первоначально эти обязанности были возложены на образованную в апреле 1918 г. межведомственную комиссию при Наркомюсте. В ее состав вошли представители комиссариатов внутренних дел, просвещения, призрения, а также от православной, старообрядческой, римско-католической, греко-католической и других церквей³.

Несколько позже, 8 мая 1918 г., по поручению Совнаркома Наркомюст образовал специальный отдел (порядковый номер среди отделов — VIII) по проведению Декрета об отделении церкви от го-

---

¹ Брушлинская О. «Я чувствую правду вашего движения» // Наука и религия. 1987. № 11. С. 7–8.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 147.

³ См.: Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий... С. 29–71.

сударства и школы от церкви в жизнь во главе с П. А. Красиковым. За ним закрепилось и иное наименование — «ликвидационный отдел». Подразумевалось, конечно, не «ликвидация религий и церквей», а тех правоотношений между церковными сообществами и государством — «традиционных» для клерикального государства, что существовали на протяжении столетий в царской России.

Отдел должен был в своей работе опираться на Комиссию, состоящую из представителей заинтересованных государственных ведомств и религиозных организаций и имеющую характер консультативного органа. В. Д. Бонч-Бруевич, бывший одним из идеологов «церковной политики» советского правительства и практических деятелей по ее реализации, на совещании Комиссии так охарактеризовал ее основные задачи:

- «1. Разбор и разрешение многочисленных случаев прецедентного характера, могущих возникнуть при непосредственном применении декрета.
2. Осуществление почина в издании правительственных актов в развитие, дополнение и разъяснение декрета.
3. Выработка инструкции по применению декрета с целью исключения разного понимания его положений и введения единообразия “в осуществлении провозглашенных начал”.
4. Помощь другим органам власти в пресечении контрреволюционной деятельности религиозных объединений»¹.

14 мая состоялось первое заседание VIII отдела, на котором обсуждался план ближайшей его деятельности. Ведший его В. Д. Бонч-Бруевич отмечал, что деятельность отдела затрагивает «интимные интересы миллионов граждан Российской Федеративной Советской республики, причем, несмотря на наблюдаемое ослабление влияния религии на население, оно продолжает относиться с болезненной восприимчивостью ко всяким незаконным посягательствам на свободу религиозных убеждений и отправление религиозного культа».

А потому перед отделом была поставлена задача руководить «деятельностью мест и властей Российской Федеративной Советской республики, направленной к установлению новых, созданных Октябрьским переворотом, отношений между государством и исповеданиями на обеспечиваемых декретом Совета Народных Комиссаров началах свободы совести и отправления религиозных обрядов»².

Отныне все вопросы, касавшиеся взаимоотношения государства с Российской православной церковью, а также и другими религиозными объединениями, и требующие решения правительства, предва-

---

¹ ГА РФ. Ф. А–353. Оп. 2. Д. 688. Л. 11–12.

² Там же. Л. 4–5.

рительно обсуждались в этом отделе. Разъяснения и указания отдела вплоть до сентября 1918 г. были единственными правовыми документами, регламентировавшими порядок разрешения практических вопросов, связанных с отделением церкви от государства. На отдел же возлагалась задача по борьбе с нарушениями законодательства о культах со стороны как духовенства и церковных организаций, так и местных органов власти¹.

Не мог отдел обойти своим вниманием и такие острые и спорные вопросы, вызвавшие особый протест со стороны Российской православной церкви, как предоставление религиозным организациям прав юридического лица и прав на церковную собственность (12 и 13 пункты Декрета).

На заседании отдела 8 мая обсуждался доклад профессора М. Рейснера. В нем была сделана попытка определить правовое положение религиозных и церковных обществ в условиях новой социально-политической ситуации. Приведем фрагмент сохранившейся стенограммы заседания, из которого видно, что участники исповедовали различные взгляды и подчас занимали противоположные позиции по обсуждавшимся вопросам:

«**Гуковский** (сотрудник VIII отдела) — Доклад не разъясняет отмеченного в нем противоречия между предоставленным религиозным обществам правом владения и лишением их прав юридического лица. Ибо раз общество как таковое получает право владения, то оно, значит, становится субъектом права. Но быть субъектом права и не быть ни юридическим, ни физическим лицом — юридический абсурд.

Галкин (сотрудник VIII отдела) — Допуская, что лишение религиозных обществ прав юридического лица, хотя и грешит против юридической стройности, но теперь, в период борьбы, этого права предоставлять религиозным обществам нельзя по политическим основаниям, что особенно ясно хотя бы из патриаршего обращения.

Красиков (заведующий VIII отделом) — Также подчеркивает революционное время и то, что крупные церкви (православная, католическая), безусловно, враждебны Советской власти. Это враги, с которыми нужно бороться, и потому никаких послаблений к 12-му и 13-му пунктам декрета допускать нельзя»².

Сохранившийся чрезвычайно интересный архивный фонд ликвидационного отдела³, так до конца и не изученный исследовате-

¹ См. подробнее о работе VIII отдела Наркомюста: Персиц М. М. Отделение церкви от государства. М., 1959; Одинцов М. И. Государство и церковь в России. История взаимоотношений. 1917–1939 гг. М., 1991.

² ГА РФ. Ф. А–353. Оп. 6. Д. 689. Л. 9–10.

³ См.: Там же. Оп. 1.

лями, прежде всего в силу многолетнего его хранения на условиях «секретности», свидетельствует о включенности отдела во все перипетии «отделения» церкви от государства и строительства новых государственно-церковных отношений на протяжении первых лет советской власти, так называемого ленинского периода.

Третья сессия. Июль—сентябрь 1918 г.

Второго июля 1918 г. начала работу третья сессия Собора. Собралось всего 150 человек, из них 16 епископов¹. Поскольку к этому времени здание Московской духовной семинарии было национализировано и там проживали делегаты V Всероссийского съезда Советов, то участников Собора разместили при московских церквях и монастырях. Соборные заседания проводились либо в Епархиальном доме, либо на Троицком подворье, где располагался патриарх и органы высшего церковного управления.

На Соборе продолжилась работа по выработке Определений о деятельности высших органов церковного управления. Рассмотрен был вопрос о местоблюстителе патриаршего престола. Его избрание в случае «освобождения патриаршего престола» предполагалось на соединенном заседании Священного синода и Высшего церковного совета. Местоблюститель возглавляет Церковь в период междупатриаршества, и главная его обязанность состоит в проведении в трехмесячный срок Поместного собора для избрания патриарха. В специальном Определении (от 13 августа 1918 г.) устанавливался порядок избрания патриарха. В общих чертах он соответствовал процедуре избрания патриарха Тихона. Кроме того, принято было Определение «О положении и штатах Высшего церковного управления» (от 20 сентября 1918 г.)².

Некоторые Определения Собора касались вопросов организационно-административного порядка устройства Церкви, финансово-хозяйственной деятельности. Среди них: о временном Высшем церковном управлении на Украине, об устройстве Варшавской епархии, о церковных округах, об учреждении новых епархий и викариатств, о монастырях и монашествующих, о привлечении женщин к церковному служению, о прославлении местных святых и восстановлении празднования дня памяти всех святых Российских, о церковных сборах, имуществе, хозяйстве и т. д.³

---

¹ Позднее для участия в работе третьей сессии Собора собралось в общей сложности 178 человек, в том числе 33 архиерея.

² См.: Священный собор православной Российской церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 4. М., 1918. С. 3–8, 11–12.

³ См.: Там же.

В то время как на соборных заседаниях обсуждались и принимались решения о внутреннем устройстве Церкви, за стенами Епархиального дома в Лиховом переулке шел процесс государственного обустройства новой страны — Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

В центральной и местной прессе был опубликован проект Конституции, вынесенный на обсуждение Всероссийского съезда советов. В проект была включена специальная статья о свободе совести. Она гласила: «В целях обеспечения за трудящимися свободы совести церковь отделяется от государства, религия объявляется делом совести каждого отдельного гражданина, на содержание церкви и ее служителей не отпускается средств из государственной казны. Право полной свободы религиозной пропаганды признается за всеми гражданами»¹.

При обсуждении этой статьи и в самой правящей партии, и среди делегатов съезда столкнулись различные точки зрения относительно содержания «свободы совести» и мер ее обеспечения. Некоторые, например, нарком юстиции П. И. Стучка утверждал, что предложенная редакция статьи есть слепое копирование программ европейских социал-демократических партий, не идущих в «религиозном вопросе» дальше провозглашения свободы совести в ее буржуазном понимании. А потому предлагалось исключить из проекта положение о религии как о деле совести гражданина и о полной свободе религиозной пропаганды. «В самом деле, — рассуждал в связи с последними положениями нарком, — советским юристам придется призадуматься, как соединить некоторые статьи декрета об отделении церкви от государства с этой полной свободой религиозной пропаганды. Мне мерещится, что действительная свобода совести, как ее понимает Маркс, обеспечивается одной свободой антирелигиозной пропаганды, да и только»².

В окончательном тексте Конституции, утвержденной съездом 10 июля, статья о свободе совести (ст. 13) выглядела так: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»³.

В Конституции РСФСР (первой в истории России) были и некоторые другие статьи, касающиеся «религиозного вопроса»: предусматривалась возможность предоставлять «право убежища» иностранным гражданам, преследуемым за религиозные убеждения (ст. 12),

---

¹ Известия. 1918. 3 июля.

² Стучка П. И. Избранные произведения по марксистской теории права. Рига, 1964. С. 254.

³ Советские Конституции. Справочник. М., 1963. С. 133.

вводились ограничения политических прав в отношении монашествующих и служителей культа (ст. 65).

С принятием Конституции основные положения Декрета об отделении церкви от государства стали нормой конституционного права, а VIII отдел Наркомюста призван был теперь наряду с проведением декрета в жизнь обеспечивать и контролировать соблюдение 13-й статьи Конституции РСФСР. Чтобы добиться этого, Наркомюст разработал специальную инструкцию «О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви», которая была опубликована как постановление Наркомата внутренних дел (НКВД) 30 августа 1918 г.¹ Она состояла из шести разделов:

1. О церковных и религиозных обществах.
2. Об имуществах, предназначенных для совершения религиозных обрядов.
3. О прочих имуществах.
4. О метрических книгах.
5. О религиозных церемониях и обрядах.
6. О преподавании религиозных вероучений.

Работа третьей сессии Собора пришлась на самый кровавый этап Гражданской войны. Летом и осенью 1918 г. страна окончательно раскололась, начались масштабные военные действия противоборствующих сторон, арсенал гражданской войны пополнился еще одной формой борьбы — взаимным террором. Гибли верующие и неверующие, священники и комиссары, коммунисты и беспартийные, «красные» и «белые». Усугубило ситуацию в России и способствовало умножению жертв и страданий народа, сделало исход борьбы неопределенным и тем самым затянуло Гражданскую войну — вмешательство иностранных государств, вторжение на территорию России войск немецких, английских, японских, румынских. Добавим сюда и установление Антантой военно-экономической блокады Советской России, что было грубейшим нарушением международного права, акцией по существу террористической, немилосердной, варварской, способствовавшей усилению голода и распространению эпидемий в России, повлекших за собой гибель значительной массы населения страны.

Потому и вся работа третьей сессии Собора проходила в нервной, временами митинговой обстановке. Соборяне внутренне не могли, да и не хотели принимать новой власти, по отношению к которой считали себя противниками. Политическое неприятие всего и вся советского неотвратимо переносилось на все государственные акты, касающиеся Православной церкви. Это наглядно проявилось при обсуждении инструкции Наркомюста от 30 августа.

---

¹ Известия. 1918. 30 августа.

На частном совещании 1 сентября у патриарха Тихона в Троицком подворье предлагалось в качестве ответной меры ввести в стране интердикт: закрыть все церкви, прекратить повсеместно совершение всех религиозных обрядов и треб. Многие ораторы-епископы и влиятельные лица из мирян горячо ратовали за него. Однако немало было и тех, кто возражал, указывая на то, что рядовые верующие не поддержат решения Церкви об интердикте. Приведем фрагмент из сохранившегося протокола заседания:

«А. В. Карташев — Инструкция принуждает нас к принятию грудью боя. И хотя угадать дух перед боем не полагается, но я не считаю грехом в данном случае несколько сдерживать пыл наших речей. Открытый бой принимается стратегами, когда имеется налицо надлежащий дух в войсках и есть все технические средства. Если же этого нет, то приходится вести бой более уклончивый, более сложный. Того подъема духа в народе, при котором было бы возможно принять бой прямой, на почве принципиальной, — ожидать нет оснований. Итак, я рекомендую не надеяться на православный народ. Не считаю осуществимым интердикт, а предлагаю перейти к единообразной и упорядоченной борьбе на частных позициях, и в таком виде достаточно тяжелой и ответственной.

Иоасаф, епископ Коломенский — Подведомственное мне духовенство уже собирало прихожан и беседовало с ними. «У нас отобрали землю, — говорили священники, — проценты с капиталов и покосы, и дрова. Нам не на что жить, мы уйдем от вас!» И те отвечали: «Ну что же, уходите. Запрет церкви, да и так обойдемся». А потому считаю я, что закрытие храмов может вызвать вздохи лишь старых людей да плач женский. Надо бы лучше сделать так, чтобы в списки учредителей входили не люди холодные и безразличные, а записывать туда проверенных мирян да монахов с их мирскими именами.

Е. Н. Трубецкой — Если мы скажем, что интердикт издается потому, что отбираются церковные имущества, отбираются архиерейские дома, то народ нас не поймет, как не поймет и истинного значения этой меры»¹.

Думается, что в этих словах невольное и вынужденное признание того, что рядовая православная паства в своей большей части не поддерживала политическую позицию Церкви и не видела необходимости бороться с властью за церковную собственность.

В конце концов решение об интердикте не состоялось. Наоборот, было признано желательным всячески «возгревать» религиозные чувства верующих посредством общественных богослужений, канонизацией новых русских святых, крестными ходами. Тогда же избрали специальную комиссию, которой поручили выработать специальную программу мер противодействия «антихристианским» правительственным актам.

---

¹ См.: Шпицберг И. А. Церковь в годы гражданской войны. Машинопись. М., 1933. С. 85–87. Из личного архива автора.

6 сентября в обращении в Совнарком Собор заявил о своем непризнании Инструкции Наркомюста и потребовал ее отмены. 12 сентября Собор обсудил и принял Определение «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания»¹. В нем «под страхом церковного отлучения» верующим запрещалось участвовать в каких-либо мероприятиях по изъятию бывшего церковного имущества. То была еще одна отчаянная попытка не допустить национализации церковного имущества, «повесить замок» на соборы, храмы, часовни, монастыри, иные церковные дома, не допустить перехода в руки государства ни единого из «священных предметов», хранящихся в церкви. Каждый из верующих обязывался выполнять эти требования под страхом церковного наказания: отлучения, проклятия или закрытия храма.

Участие многих и многих тысяч верующих в религиозных церемониях и иных организованных Церковью мероприятиях ошибочно воспринималось патриархом Тихоном и его окружением, состоявшем в основном из сторонников абсолютной, никем и ничем не ограниченной свободы религии и церкви, как поддержка их политического курса, как демонстрация несогласия с новой властью. В этой эйфории, в ожидании близкого краха советской власти (от внутренних или внешних обстоятельств) к голосу более благоразумных лиц, которые были и в самой Церкви, и среди сочувствовавших ей, не хотели прислушаться. А они предупреждали, что политизация Православной церкви с неизбежностью «зачислит» ее в разряд «антиправительственных», «контрреволюционных» организаций, что неизбежно приведет к столкновению с властью; они указывали, что «белый террор» с его убийствами и покушениями в отношении «большевистских вождей» или рядовых граждан, с иными подобными акциями, дестабилизирующими политическую ситуацию в стране, неизбежно породит ответные со стороны государства меры. И об их характере уже можно было судить по постановлению Совнаркома от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре», согласно которому расстрелу подлежали «все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».

20 сентября в Епархиальном доме собрались члены Собора (немногим более ста человек) на свое последнее заседание. Настроение было подавленное. Попытки в предшествующие дни связаться с Совнаркомом для разрешения спорных вопросов о положении Церкви в новых условиях и касательно отдельных пунктов Декрета об отделении церкви от государства, оказались тщетными. Совнарком в своей официальной бумаге отписал, что в приеме каких-либо делегаций от Собора надобности не видит и предлагал впредь подавать письменные обращения в общем для всех граждан порядке. Надежды на пересмотр Инструкции от 30 августа 1918 г. улетучились.

---

¹ См.: Священный собор православной Российской церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 4. М., 1918. С. 28–30.

По областям и губерниям продолжалась национализация церковного имущества, закрывались монастыри, из школ изгонялся Закон Божий, всякая попытка духовенства выступить в защиту интересов Церкви все чаще трактовалась как «контрреволюция».

О сложной и противоречивой обстановке, в которой утверждались положения Декрета об отделении церкви от государства и конституционные нормы о свободе совести, можно найти многочисленные свидетельства в отчетах сотрудников VIII отдела. Один из самых активных, М. В. Галкин, совершив поездку в Северную область осенью 1918 г., писал: «Монастыри благоденствуют по-прежнему... духовенство как каста и как известная политическая сила в настоящее время... раздавлено. Крупных контрреволюционных вступлений, вдохновляемых служителями культа, не было... Посещаемость храмов сократилась до минимума, духовенство теряет свое влияние на народ, тем более что алчные действия некоторых его представителей дают богатую пищу для агитации и окончательно роняют духовенство в глазах народа». Стоит признать стремление Галкина к объективности, когда он пишет и об «огрехах» советской власти: небрежность в отношении церковных архивов и документации при выселении церковных учреждений из ранее занимаемых ими помещений; конфискация предметов культа и иного имущества без составления описей; проведение без всяких санкций обысков и арестов; расстрелы духовенства и церковного актива по подозрению в контрреволюционности и т. д.¹

Согласно ежедневно поступающим в Москву сообщениям с мест число лиц, «пострадавших за веру и церковь», увеличивалось. Устойчивые слухи предрекали, что вот-вот и сам Собор будет закрыт, а участники арестованы и высланы из Москвы. И хотя в одном из соборных решений предполагалось созвать следующий Поместный собор весной 1921 г., в это мало кто верил.

20 сентября 1918 г. состоялось последнее заседание Собора. К собравшимся с заключительным словом обратился патриарх Тихон. Он поблагодарил всех членов Собора и других лиц, принимавших участие в его деятельности, и объявил о закрытии Собора.

1.2. Государство и Церковь в годы Гражданской войны

К осени 1918 г. многие из членов Собора примкнули к «белому движению». Созданные здесь церковные структуры выполняли одновременно и роль идеологических организаций, воспитывая паству в «нужном» духе. Декрет об отделении церкви от государства был

---

¹ См.: Одинцов М. И. «Церковь отделяется от государства». Доклад эксперта Наркомюста М. В. Галкина. 1918 г. // Исторический архив. 1993. № 6. С. 162–170.

отменен, возвращаются старые порядки — Церковь служит властям предержащим, а те, в свою очередь, покровительствуют ей.

Патриарх Тихон оставался в Москве с немногими членами Синода и Высшего церковного совета. Епархиальный дом был опечатан, и вся церковная жизнь переместилась в патриаршее Троицкое подворье на Смотеке.

В начале ноября 1918 г. новая власть активно готовилась отметить парадами, демонстрациями, митингами и речами свою первую годовщину. Основные торжества должны были пройти на Красной площади.

Отозвался на годовщину революции и патриарх. В заседании Синода он предложил обсудить текст своего письма в адрес Совнаркома. Присутствующие поддержали главу Церкви, хотя и отдавали себе отчет в том, что обличительный характер послания может ей навредить. Патриарх, не желая ставить под удар членов Синода, подписал письмо единолично, как патриаршее обращение к пастве. И надписав на конверте: «Москва. Кремль. Ленину», отослал его в Совнарком.

В нем следующими словами охарактеризована была обстановка в стране: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду, и не предвидится конца порожденной вами войны, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции. Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела».

Патриарх увещевал: «Отпразднуйте годовщину вашего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани»¹.

Ответ не заставил себя ждать. Явившиеся на Троицкое подворье представители власти заявили Тихону, что он заключается под домашний арест, а деятельность Синода приостанавливается. Всякие посещения патриарха посторонними людьми и проведение каких-либо собраний в доме запрещались.

В трагических условиях Гражданской войны письмо патриарха властями было воспринято как «контрреволюционная пропаганда».

---

¹ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 162. Л. 33–36. Опубликовано: Одинцов М. И. «Мы должны быть искренними по отношению к советской власти» (документы и материалы о патриархе Тихоне) / Вопросы научного атеизма. Вып. 39. М., 1989. С. 302–306.

Несколько позже, когда секретным отделом ВЧК было установлено, что оно к тому же огромными тиражами печаталось и распространялось на территории подконтрольной Белой армии, а также конспиративно среди населения и воинских частей на «красной территории», было возбуждено дело против патриарха по обвинению в антисоветской деятельности¹.

Положение патриарха Тихона усугублялось тем, что официальные церковные органы вне пределов Советской России были политически ангажированы и тем давали возможность большевикам обвинять главу Российской церкви в политиканстве.

В ноябре 1918 г. в Томске состоялось Сибирское церковное совещание при участии 13 архиереев, возглавлявших епархии Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также 26 членов Всероссийского совета из духовенства и мирян, оказавшихся на территории, занятой войсками адмирала Колчака. На совещании было образовано Временное церковное управление во главе с архиепископом Омским Сильвестром (Ольшанским), которое признавало свою подотчетность патриарху Тихону и собиралось после победы «белого движения» дать ему отчет о своей деятельности.

На территории, подконтрольной Добровольческой армии во главе с генералом А. И. Деникиным, с апреля 1918 г. велась работа по созданию органа церковного управления. Окончательно вопрос решался на созванном Юго-восточном церковном соборе, заседания которого проходили в Екатеринодаре (ныне — Краснодар) в мае 1918 г. Участвовали епархиальные и викарные епископы, клирики и миряне, выбранные от Ставропольской, Донской, Кубанской, Владикавказской и Сухумско-Черноморской епархий, а также ряд членов Всероссийского собора, оказавшиеся на юге страны. На Соборе было образовано Высшее временное церковное управление во главе с архиепископом Митрофаном (Симашкевичем).

Генерал Деникин обязывал данный орган бороться с теми, кто, как он говорил, «безучастен к строительству государства», и одновременно «воодушевлять» и «объединять» духовенство для «живой пастырской работы». Во исполнение «наказа» генерала церковное управление обязывало подведомственное духовенство «проповедовать» и «осведомлять» население об идеях и целях Белой армии, раскрывать перед верующими «греховность» большевизма и необходимость борьбы с ним, поминая за богослужением «благодарных вождей и правителей».

---

¹ См.: «Подвергнуть аресту и привлечь к судебной ответственности». ВЧК—ГПУ и патриарх Тихон. 1917–1920 гг. // Исторический архив. 1977. № 5–6. Публикация М. И. Одинцова.

Сложно говорить об аполитичности действий церковной власти, особенно при знакомстве с пропагандистской «продукцией», которую она распространяла. В одной из листовок, предназначенной для солдат, непосредственно воевавших против Красной Армии, давался ответ на волнующие всех вопросы: дозволительно ли верующим участвовать в войне на стороне Белой армии, следует ли в отношении «социалистов-большевиков», тем более что среди них много русских, «братьев по крови и языку», соблюдать заповедь «не убий». Ответ был однозначен: участвовать в войне на стороне «доблестных» сибирских, чехословацких и южнорусских войск, вставших «на защиту угнетаемого большевиками русского народа», не только не грешно, но и представляет собой «величайший христианский подвиг». «Идите, — читаем мы в листовке обращение к солдатам, — с крестом на груди и с оружием в руках на предателей и мучителей народа. Если среди противников и есть русские, то знайте, что они отреклись от веры во Христа и от Церкви Святой, стали на сторону заклятых врагов России и перестали быть православными русскими людьми»¹.

О вовлеченности духовенства и активных мирян (не только православной церкви) в политическую борьбу в годы Гражданской войны свидетельствуют и еженедельные сводки ВЧК, представлявшиеся непосредственно высшему партийному руководству, членам правительства. В них был предусмотрен специальный раздел «Духовенство», в котором сообщалось о настроениях в церковной среде, об отношении к Декрету об отделении церкви от государства, к другим актам советской власти. В одной из таких Сводок за 1919 г., к примеру, сообщалось:

«г. Пенза. В городе есть общество евангелистов (баптистов), настроенное антисоветски. Замечаются отдельные случаи антисоветской агитации духовенства среди прихожан. Кулаки при каждом удобном случае провоцируют антисоветское настроение, духовенство идет с ним рука об руку.

Курская губерния. Духовенство с нетерпением ждет прихода Деникина. Духовенство, как в городе, так и в уездах ведет себя двояко: одна часть сочувствует коммунистам и агитирует за них, другая — по-прежнему держится на стороне деникинцев.

Орловская губерния. При занятии Ельца мамонтовским отрядом духовенство установило на колокольне пулеметы и совместно с контрреволюционерами стреляло по отступающим отрядам Красной Армии.

Царицынская губерния. Духовенство г. Николаевска встретило торжественным молебствием деникинцев, вступивших в город.

г. Тула. ЦК произведен осмотр церквей... обнаружены запасы продовольствия и оружия.

---

¹ Цит. по: Одинцов М. И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). М., 1991. С. 20–21.

Саратовская губерния. Духовенство относится враждебно к Советской власти.

Олонецкая губерния. Духовенство настроено контрреволюционно.

Витебская губерния. Среди духовенства за последнее время замечаются в проповедях враждебные нотки. Замечается также движение среди сектантов, особенно евангелисты враждебно настроены против Советской власти.

Воронежская губерния. Отношение духовенства к декрету об отделении церкви от государства враждебное, население же, по мере разъяснения его внутреннего содержания, признало его необходимость.

г. Владимир. Отношение духовенства к власти враждебное, открыто выступать не решается, но частенько в “религиозных беседах”, критикуя Советскую власть, ударяет по натянутым струнам населения — о продовольственном и других вопросах хлебной монополии, свободной торговле.

Смоленская губерния. Духовенство открыто не выступает, за исключением тех мест, где приближается фронт»¹.

Следует отметить, что осень 1919 г. уже свидетельствовала о переломе в настроении российского общества, на которое не мог не реагировать патриарх Тихон. Думается, что именно этим объясняется его первое «примирительное» в отношении власти послание от 8 октября 1919 г. В нем патриарх призывает паству: «Уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, “повинуйтесь всякому человеческому начальству” в делах мирских, не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти. Подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию»².

Гражданская война, оккупация части территории России, образование на территории бывшей Империи новых государств сделали затруднительным общение центральной церковной власти с епархиями. Особенно сложная обстановка сложилась на Украине, в Грузии и в Польше. Не могли правильно функционировать и высшие органы церковного управления: Священный синод и Высший церковный совет. Как правило, патриарх обсуждал и разрешал церковные проблемы, привлекая немногочисленных членов этих органов, а также архиереев, находившихся в Москве. В силу таких неблагоприятных обстоятельств патриарх Тихон и Священный синод принимают постановление о предоставлении епархиальным архиереям полной самостоятельности в решении церковных вопросов при невозможности

---

¹ Цит. по: Там же. С. 22–23.

² Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России. Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М. 1994. С. 164.

для них поддерживать устойчивую связь с каноническим центром. А спустя полгода, в ноябре 1920 г., епархиальным архиереям предоставлялось право «сношения» с другими архиереями для организации «Высшей церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях»¹. Эти документы явились основой для организации церковной власти на территориях, неподконтрольных центральной власти.

Что касается советского государства, то в годы Гражданской войны и интервенции «религиозный вопрос» для него отодвинулся на третьестепенное место, и если оно и обращалось к каким-либо его аспектам, то к тем из них, которые имели чисто практическое (военное или политическое) значение. К примеру, так было, когда решался вопрос о замене воинской службы в связи с религиозными убеждениями граждан или при освобождении от воинской и трудовой повинности служителей культа. Декрет Совнаркома РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» (4 января 1919 г.) предоставлял «лицам, не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, право по решению Народного суда заменить таковую на определенный срок призыва их сверстников санитарной службой, преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующей общепользующей работой по выбору самого призываемого»².

Заметим, что Советская Россия была в числе первых государств (после Великобритании и Дании), признавших в XX столетии право граждан на отказ от военной службы в связи с религиозными убеждениями³. Приведем в связи с этим высказывание известного российского религиозного деятеля И. С. Проханова, который в своих воспоминаниях писал: «Наиболее удивительным из законов был закон, разрешающий освобождение от воинской повинности на основании религиозных убеждений. Это был такой необычный закон, что ничего подобного не было ни в одном государстве на Земле. Это вызывало большое удивление, так как этот закон был опубликован атеистическим правительством»⁴.

---

¹ Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России. Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М. 1994. С. 169.

² Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 17. С. 192. Позднее циркуляром Наркомата юстиции и Верховного суда было уточнено, что освобождение от службы в армии касалось последователей тех религиозных направлений (духоборы, меннониты, молокане, нетовцы), которые и до революции отказывались от военной службы.

³ См.: Пчелинцев А. В. Право на альтернативную службу // Религия и права человека. На пути к свободе совести. Вып. 3. М., 1996. С. 53.

⁴ В котле России. 1869–1933. Автобиография И. С. Проханова. Чикаго, 1992. С. 244.

Весной—летом 1920 г. обозначился перелом в военно-политической обстановке в стране в пользу советской власти. Население, в том числе и его верующая часть, в большинстве своем высказывалось в поддержку новой власти. Это сейчас же сказалось и на позиции высших церковных органов.

В августе 1920 г. Тихон в обращениях к В. И. Ленину и М. И. Калинину признает, что Декрет и Конституция РСФСР, которые он еще совсем недавно не признавал и отвергал, провозглашают и обеспечивают полную свободу совести. Не вызывал у него возражений и сам принцип отделения церкви от государства, на котором отныне должны строиться отношения этих сторон. Не возражал он и против существования VIII отдела в системе Наркомюста, ведавшего церковными проблемами, хотя и оставляла за собой право критиковать его деятельность¹.

К концу 1920 г. в европейской части страны Гражданская война закончилась победой Советов, а остающиеся ее фронты все далее и далее откатывались за Урал — в Сибирь и на Дальний Восток.

Россия — страна крестьянская, и многое, если не все, определила позиция этой преобладающей части населения. «Мужик», страдавший более всех в кровавой междоусобице, на себе прочувствовавший и «красную», и «белую» власть, выбор все-таки сделал в пользу власти советской. Ибо он видел, что вслед за Белой армией идут «господа», возвращаются старые порядки, против которых он всегда восставал. И оказалось, что комиссары и большевики ближе ему, чем губернаторы и урядники.

К слову, это осознавалось не только властью и обществом внутри России, но и за ее пределами. П. Н. Милюков, лидер кадетов, на проводившемся в декабре 1920 г. в Париже партийном совещании, polemизируя с теми, кто в поражении «белого движения» винил «мужика», якобы не сумевшего сделать верный выбор между большевиками и кадетами, и кто открыто призывал с помощью Запада организовать новый поход интервентов против России, сказал слова, делающие честь этому человеку: «Вы пренебрежительно говорите о “мужиках”, которые не сумели выбрать из 21-й партии. Конечно, легче выбирать не мужикам по ограниченному цензовому закону. Но я начинаю уважать этих невежественных мужиков. Не мы, а они провели свою волю, инстинктивно и страстно противясь всем нашим попыткам их “освободить” извне. Они, очевидно, такого освобождения, в таком сопровождении, не хотят: и из-за этого затянулась гражданская война.

---

¹ См.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 56. Д. 26. Ч. 2. Л. 44–47 об. Опубликовано: Одинов М. И. «Мы должны быть искренними по отношению к советской власти» (документы и материалы о патриархе Тихоне) / Вопросы научного атеизма. М., 1989. Вып. 39. С. 307–313.

Пора же перестать упрямиться и всмотреться повнимательнее в то, что действительно происходит внутри России. Но и тут нельзя идти двумя путями. Если вооруженная борьба при благоприятных условиях каждый раз наталкивалась на сопротивление населения... то на что же можно надеяться теперь, без территории, когда карты открыты и отношения установлены?»¹

Победа советской власти в Гражданской войне означала окончание в основном внутривластного противостояния в Советской России. Понятно, что это невозможно было бы без поддержки новой власти со стороны большей части населения. Это осознавалось и патриархом Тихоном. Ни в одном из известных нам устных или письменных выступлений, в документах, посланиях и обращениях патриарха после Гражданской войны нет ни тени сомнения в легитимности новой власти или намека на непризнание ее со стороны Церкви. Наоборот, подчеркивалась необходимость для духовенства и верующих, а также Церкви в целом, лояльного отношения к власти. Сам патриарх с этого времени желал и стремился к сотрудничеству с властью.

Вскладывающихся новых политических условиях советская власть должна была, отказываясь от приемов и методов «военного коммунизма», находить иные подходы к государственному и общественному обустройству России. Применительно к проблемам государственно-церковных отношений в партийно-советских структурах столкнулись различные мнения. Одни (Ф. Э. Дзержинский, П. А. Красиков) продолжали видеть в религиозных организациях, прежде всего в Русской православной церкви, «политического противника», «рудимент» старого отрицаемого мира и считали необходимым проводить по отношению к ним жесткую политику, добиваясь их «развала» и «разложения». Другие (А. В. Луначарский, М. Лацис, а позднее отчасти и Л. Д. Троцкий) говорили о том, что в Церкви наряду с «консервативными» присутствуют и «прогрессивные» элементы, которые при соответствующей политике можно привлечь к «советской работе» и добиться того, чтобы и сама Церковь стала «советской».

В декабре 1920 г. нарком просвещения А. В. Луначарский направил Председателю Совнаркома В. И. Ленину несколько личных писем о необходимости и возможности изменений в политике партии и государства в религиозном вопросе. Содержавшиеся в них идеи в какой-то мере были обусловлены сближением наркома с бывшим архиепископом Владимиром (Путятой), лишенным сана собором епископов в апреле 1918 г. за «попрание канонических норм». Встречи с Путятой, с которым нарком был знаком еще с дореволюционных времен, всколыхнули в нем давние богоискательские настроения, породили предположение о возможности диалога партии и Церкви.

---

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 5. Д. 15. Л. 39.

В одном из таких писем мы читаем: «Сегодня был у меня архиепископ Владимир Пензенский, известный Вам по слухам, основатель так называемой свободной православной церкви, враг патриарха Тихона. Он утверждает, что Тихоновская церковь (черносотенная) переживает тяжелый кризис, что большинство духовенства, видя прочность Советской власти, тянется к официальному признанию ее, дабы разрядить атмосферу враждебности, которая, естественно, окружает официальное духовенство. По его словам, известный архиепископ — Огородник Варнава, целиком стал на его сторону. На днях будто бы официально перейдет к нему известный богослов и православный философ епископ Антонин, наконец, будто бы весьма склоняется в сторону свободно поставленной церкви митрополит Вениамин Петербургский. Все это, по словам Владимира, делает возможным при малейшей, отнюдь не официальной помощи Советской Власти опрокинуть Тихона и привести к признанию со стороны церкви принципов: 1) Богоустановленности Советской Власти; 2) Правильности принципа отделения церкви от Государства; 3) Полного согласования коммунистического идеала с истинным христианством»¹.

Сообщая обо всем, Луначарский желал получить, пусть и не официальное, но одобрение своих контактов с Владимиром и разрешение на продолжение их «приватных бесед» ради «информирования о происходящем в церкви брожении».

Прекрасно зная увлекающийся характер Луначарского, Ленин решил посоветоваться с председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским и заведующим «ликвидационным» отделом Наркомюста П. А. Красиковым. Но ни тот ни другой не поддержали почина Луначарского.

Дзержинский прислал Ленину доклады заведующих отделами, которые в своей непосредственной деятельности сталкивались с духовенством, верующими-активистами. А в сопроводительной записке к ним отписал: «Считаю, что официально или полуофициально иметь с попами дело не следует. Выйдет только компрометация».

Красиков также не поддержал идеи сближения власти и «тихоновской» церкви. Дал он и резкую отповедь личности Владимира, у которого, по его мнению, «нет за душой ничего, и никакой новой церкви он не представляет, никакого бунта против Тихоновской церкви поднимать не осмеливается, а просто желает восстановления себя в сане епископа, из коего извержен за довольно неприличные для епископа деяния... Способствовать созданию хотя бы бутафорской реформации считаю невыгодным для революции и предпочитаю непричесанного Русского попа, совершенно дискредитированного всем прошлым, причесанному Путяте, прошедшему иезуитскую школу»².

---

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 16341. Л. 1.

² РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16345. Л. 2 об.

На тот момент по-прежнему верх взяла «чекистская линия», она довлела над государством, а в какой-то мере и над большевистской партией. Православная церковь оставалась под неусыпным наблюдением ВЧК. По решению Коллегии ВЧК еще в феврале 1919 г. был организован специальный секретный отдел (СО), основной задачей которого была борьба с «антисоветской деятельностью буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп», а также «церковников и сектантов». А несколько позже, в январе 1921 г., борьба с «контрреволюционной деятельностью духовенства» выделяется в отдельное направление в работе Секретного отдела в рамках 6-го отделения СО ВЧК¹.

О характере и мерах этого «наблюдения» дает представление один из секретных докладов ВЧК, относящийся к 1921 г. В нем предлагается максимально «расшевелить» осведомительную и агентурную работу среди православного духовенства, используя при этом шантаж, запугивание, подкуп, провокации, инспирирование слухов, сглаживание. Ставилась задача готовиться к такой работе после «знакомства с духовным миром и выяснением подробных черт характера по каждому служителю культа», добывая необходимые материалы любыми легальными и нелегальными путями².

Одним из наиболее ревностных «контролеров» за деятельностью органов церковного управления был в те годы И. А. Шпицберг — до революции ходатай по бракоразводным вопросам, а после Октября — следователь ВЧК по особо важным делам, эксперт «ликвидационного отдела» Наркомюста. По его инициативе стали обычным делом обыски в канцелярии патриарха, многочасовые допросы иерархов, предписания об административных высылках епископов из Москвы.

Один из очередных приходов Шпицберга в конце марта 1921 г. обернулся тотальной проверкой всего и вся. Чекисты тщательно осматривали помещения Троицкого подворья, вскрывали ящики письменных столов и книжных шкафов, беззастенчиво рылись в бумагах Высшего церковного совета и канцелярии патриарха. Изымалась прежде всего переписка патриарха, как с иерархами внутри России, так и письма к нему из-за рубежа. Постепенно большая коробка, сто-

---

¹ В ноябре 1923 г. вследствие образования СССР и формирования новых «союзных» наркоматов и ведомств, Государственное политическое управление (ГПУ) реорганизовано в ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при НКВД РСФСР. «Контрреволюционная деятельность церковников и сектантов» отнесена была к ведению 6-го отделения секретного отдела ОГПУ.

² См.: Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 154–155. Заметим, что подобный характер деятельности спецорганов в отношении религиозных организаций не есть «изобретение» ВЧК, так действовали спецорганы Российской империи, так действуют и сегодняшние службы во всех странах, когда все средства хороши ради заявленной политическим патроном цели.

явшая на столе перед Шпицбергом, устроившимся в зале заседаний Синода, была заполнена десятками изъятых документов. Результат их «прочтения» в недрах ВЧК не заставил себя ждать.

Уже на следующее утро в кабинете Шпицберга сидел срочно вызванный митрополит Сергей (Страгородский). Без лишних слов следователь предъявил изъятое накануне в канцелярии патриарха письмо митрополита в адрес статс-секретаря Римского престола кардинала Гаспарри. Оно было написано Сергием по поручению Тихона еще в марте 1919 г. и содержало благодарность за обращение Римского папы с призывом к советским властям «прекратить гонения на представителей Православной церкви». Следователь зачитал митрополиту фрагмент из его письма: «Ваш благородный призыв не мог, конечно, изменить богоборной политики наших правителей и не привел их к осознанию их вины, как показывает наглый ответ Вам Чичерина, преисполненный беззастенчивого отрицания прямых фактов и явной лжи на нашу Церковь. Но в сердцах всех верных чад этой Церкви и нас, смиренных Ея служителей, этот истинно христианский акт Римского Престола, продиктованный сочувствием к беззащитным и страждущим и особенно для нас среди переживаемых нами всяких лишений, среди ужасов бесправия и неуверенности в завтрашнем дне — вызывает неизгладимый отклик и живейшее чувство благодарности»¹.

От Сергея потребовали объяснения и раскаяния за «клевету на Советскую власть», содержащуюся, по мнению ВЧК, в письме, настойчиво при этом допытываясь, кто и как передал его в Рим. После трехчасового разговора «на нервах» Сергей был упрятан в Бутырку по обвинению в распространении «контрреволюционных материалов».

К вечеру в Троицкое подворье явился сотрудник ВЧК и объявил о том, что патриарха вновь берут под домашний арест, поскольку в его бумагах был найден «антисоветский» документ — письмо митрополита Сергея (Страгородского). Попутно сообщалось и о том, что сам автор письма арестован и в отношении него началось расследование.

О настроении патриарха Тихона в тот тяжкий момент мы можем судить по одному из его писем митрополиту Евлогию (Георгиевскому) в Париж: «О себе можем сказать, что только что живы. Сошли почти на нет. Из Синода остались я (да и то под домашним арестом), митрополит Евсевий Крутицкий (бывший Владивостокский), да архиепископ Михаил Гродненский. В Высшем Церковном Совете — епископ Алексей Боровский... протопресвитер Любимов, протоиерей Станиславский и профессор Громогласов. Остальные, кто в темницах (митрополит Сергей, митрополит Кирилл, архиепископ Никандр), кто в рассеянии»².

---

¹ Наука и религия. 1997. № 11. С. 33.

² Цит по: Там же.

Хлопотать за Сергия взялся Владимир Путята. По его просьбе и под его поручительство «о лояльности Сергия» Луначарский письменно просил Дзержинского отпустить митрополита, намекая на возможность использовать его в «советских целях». Дзержинский желчно отписал: «Ей, право, не стоит поднимать старого вопроса. Это очередное увлечение “богоискателей”. Сергий уж совсем для этой цели негоден».

Но все же спустя месяц власти выпустили митрополита, правда, оставив за собой право выслать его в любой момент в административном порядке в Нижний Новгород.

После выхода Сергия из тюрьмы в его квартиру в доме на 2-й Тверской-Ямской (подворье Балаамского монастыря) зачастил опальный бывший архиепископ Владимир Путята. Он обхаживал митрополита, прося заступничества перед патриархом и Синодом в положительном разрешении своего дела.

Перед самой Пасхой Тихон, уступая Сергию, собрал членов Синода. Слушали дело бывшего Пензенского архиепископа Владимира. Тот был столь уверен в благоприятном исходе, что сидел в соседней комнате, балагурия и вслух строя предположения о своей дальнейшей судьбе, и видел себя в скором будущем чуть ли не митрополитом Казанским. Но то были лишь фантазии, ибо, как ни заступался за Владимира митрополит Сергей, Синод посчитал, что он не правомочен решить вопрос о возвращении Владимиру сана, так как это прерогатива собора епископов. Расстроенный и обозленный, Владимир Путята, устроив скандал с угрозами «посчитаться со стариком и синодалами», покинул Москву. Он вернулся в Пензу, где продолжал возглавлять самочинную «народную» православную церковь.

Весной 1921 г. партия большевиков объявила курс на новую экономическую политику. Он предполагал не только конструктивные изменения в экономической и хозяйственной жизни страны, но и в общественной жизни, в том числе и в «религиозном вопросе».

Определенные надежды на изменения в религиозной политике государства питали все религиозные объединения. Хотя они осознавали, что какого-либо отступления от принципиальных положений Декрета об отделении церкви от государства вряд ли можно было ожидать немедленно. Да и как свидетельствовали итоги проведенного НКВД в 1920–1921 гг. анкетирования губисполкомов, население, несмотря на все тревожления вокруг «религий и церквей», в целом поддерживало декрет. Можно привести высказывание из отчета Карельской трудовой коммуны, которое было типичным: «Случаев отрицательного отношения населения к проведению Декрета не было, ибо и самый Декрет вводится постепенно»¹.

---

¹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 27. Д. 1387. Л. 2.

Наибольшую активность в обращениях к государству с вопросом о либерализации вероисповедной политики государства проявляли протестантские объединения. В частности, они просили Совнарком разрешить религиозным организациям приобретение в собственность зданий и другого имущества, ведение благотворительной и иной социальной деятельности.

Однако ожиданиям не суждено было осуществиться, а все проекты религиозных организаций были отвергнуты. Государство в трудных условиях перехода к нэпу, когда резкий поворот политического курса надо было объяснить и совместить с широко распространенной в массах рабочих и беднейшего крестьянства революционно-разрушительной психологией, не смогло круто изменить церковную политику. Трудно было отказаться сразу от ставших привычными военно-административных мер ее проведения, так же как и трудно было отказаться от видения в религиозно-церковных организациях, хота и побежденных, но все же «политических врагов».

Груз военно-коммунистического прошлого, психологии политической борьбы с религиозными организациями сказались при проведении кампании по вскрытию «святых мощей» в 1919–1920 гг., и особенно трагически при массовом изъятии церковных ценностей в 1922 г.

1.3. Голод 1921–1922 гг. в России.

Изъятие церковных ценностей.

Зарождение обновленческого раскола

Весной 1921 г. небывалая засуха охватила наиболее хлеботорговые районы европейской части России и частично Украины. Летом для правительства РСФСР стало очевидным, что стране не избежать серьезных затруднений с продовольствием. По указанию Председателя Совнаркома В. И. Ленина республиканские наркоматы и ведомства начинают изыскивать продовольственные и иные ресурсы для борьбы с надвигающимся бедствием. Все чаще эти вопросы вносятся на рассмотрение властных инстанций: Политбюро, Пленума ЦК РКП(б), Совнаркома, Всероссийского съезда Советов. Привлекаются к работе по сбору средств самые различные общественные организации, профсоюзы, комсомол, армия.

Откликнулась и Российская православная церковь. Патриарх Тихон особыми посланиями в адрес восточных патриархов и глав других христианских церквей призывал провести сборы продовольствия и денежных средств для голодающих в России. Под председательством патриарха образован «Всероссийский общественный комитет помощи голодающим» (Помгол), кое-где в храмах стали собирать средства. Однако в конце августа 1921 г., когда еще трудно

было говорить о конкретной реальной помощи голодающим со стороны Церкви, ВЦИК распустил Помгол. Можно предполагать, что в основе такого решения, во-первых, мнение о «недопустимости» установления «в обход государства» каких-либо связей с заграницей; и во-вторых, установление всеобщего государственного контроля над делом спасения голодающих и оказанием разнообразной помощи пострадавшим от голода районам.

Не без колебаний, но все же советское правительство обратилось за помощью к правительствам и общественности западных стран, хотя и осознавало, что определенные круги на Западе, как и русская эмиграция, неизменно попытаются использовать голод в политических целях. Об этом в августе 1921 г. в своих «тезисах» для Политбюро и ЦК писал и размышлял Лев Троцкий. В «империалистических кругах» он выделял две разнонаправленные тенденции в вопросе о помощи страдающей в муках голода России: одни не хотели помогать и надеялись, что голод приведет к падению советской власти, а потому готовы были к новым «интервенционистским планам»; другие, хотя и не испытывали симпатии к Советской России, но видели экономическую выгоду в развитии с ней отношений, а потому можно было надеяться на предоставление с их стороны торгово-экономической помощи.

Что же касается русской белой эмиграции, то, — как писал Троцкий, — она воспринимает голод как последний шанс «свалить советскую власть», а потому увязывает возможную помощь голодающим с новыми планами иностранной интервенции, с надеждами на волнения голодающих и террористические акты. «Отношение белогвардейщины к делу помощи, — заключает Троцкий, — совершенно очевидно: если бы в их руках был конец фетиля, при помощи которого можно было бы взорвать 90 % рабочих и крестьян, чтобы подчинить себе 10 % остальных, белогвардейцы без колебания поднесли бы к фитилю огонь»¹.

Последующие события показали, что Лев Троцкий на этот раз во многом оказался прав, и политическому руководству России пришлось маневрировать между этими внешнеполитическими обстоятельствами: одних «прикармливая», с другими вступая в жесткую конфронтацию.

Сошлемся на два примера. На призыв А. М. Горького помочь России в борьбе с голодом откликнулась Американская администрация помощи (АРА), которую возглавил тогдашний министр торговли Герберт Гувер. АРА являлась ассоциацией нескольких благотворительных, религиозных и иных общественных организаций. Ее целью

---

¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.

было оказание продовольственной и другой помощи народам Европы, пострадавшим от войны. АРА стала спасительницей для многих десятков тысяч голодающих в России.

Со всем с другими трудностями столкнулся известный общественный деятель Фритьоф Нансен. В августе 1921 г. в Женеве на конференции представителей международных и национальных организаций Красного Креста он был избран главным уполномоченным организаций Красного Креста по оказанию помощи голодающим в России. В конце месяца Нансен заключил с советским правительством соглашение об оказании помощи голодающим. Всю работу по распределению доставленной в Россию помощи предполагалось осуществлять в сотрудничестве и взаимодействии с центральными и местными советскими органами власти. Но этой помощи было явно недостаточно, и Нансен активно и настойчиво стремился привлечь к делу оказания помощи голодающим крупные частные компании, правительства стран Антанты и Лиги Наций. Но наталкивались на непреодолимые препятствия. Позднее в своей книге «Россия и мир» (1923) Нансен указывал, что политические деятели Европы считали, что «помощь умирающему от голода и страдающему русскому народу была бы равносильна поддержке Советского правительства и большевиков».

Осень 1921 г. подтвердила чрезвычайность положения. Хлеба было собрано менее половины от обычного для этих мест урожая. В тисках надвигающегося голода оказалась территория с населением более чем 31 млн человек.

Каких-либо крупных запасов зерна страна не имела. Уже первые попытки закупить продовольствие или получить кредиты и займы в странах Западной Европы и США показали, что в условиях проводимого ими в отношении России политического и экономического бойкота осуществить это будет чрезвычайно трудно. Рассчитывать можно было лишь на отдельные частные компании, да на благотворительные организации и движение солидарности среди трудящихся Запада. Но в первом случае коммерческие операции возможны были исключительно на «золотой основе», а во втором — требовалось время, чтобы собрать и доставить помощь в Россию. Тогда как она требовалась немедленно, ибо число голодающих к концу 1921 г. приблизилось к 15 млн человек.

Где взять средства? Вот вопрос, который постоянно обсуждался в высших партийных и государственных органах. Необходимо было найти неординарные пути к выходу из кризисной ситуации. Одним из них стало намерение властей в кратчайшие сроки учесть, а затем изъять и вывезти в Москву золото, серебро, драгоценные камни, валюту, художественные и иные ценности, где бы они до этого ни находились.

11 ноября 1921 г. собралось на свое очередное заседание Политбюро ЦК РКП(б). Присутствовали: В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, секретарь ЦК В. М. Михайлов. Вопросы, обсуждавшиеся в этот день, были далеки от оптимизма недавних выступлений по поводу четырехлетия Октябрьской революции. Присутствовавшие осознавали всю тяжесть экономического положения страны. Объявленная весной новая экономическая политика пробуксовывала — одной из главных причин тому был крах финансовой системы, острая нехватка твердой валюты.

Заслушав в который раз доклад «золотой комиссии» Совета труда и обороны, ревизовавшей золотой запас страны, участники заседания утвердились в своих наихудших опасениях: казна была пуста. По данным комиссии, на начало сентября 1921 г. золотой запас России (золото, платина, серебро, драгоценные камни и т. п.) оценивался в 329,4 млн золотых рублей¹. Однако «свободными» были всего лишь 156,5 млн, из которых к тому же планировалось зарезервировать на 1923 г. «на непредвиденные обстоятельства» 15 млн руб. Таким образом, не только на восстановление разрушенного Гражданской войной и интервенцией народного хозяйства, но и непосредственно на зарубежные закупки продовольствия для голодающих мало что можно было выделить.

Конечно, какое-то время из имеющегося «резерва» можно было субсидировать кампанию по борьбе с голодом, и в последующем так и поступили, выделив на первоочередные продовольственные закупки за рубежом 20 млн рублей. Но долго так продолжаться не могло: нужно было не только восстанавливать резерв, но и практически с нуля формировать золотой запас страны.

По предварительной договоренности с Троцким, на одном из заседаний Политбюро осенью 1921 г. Ленин внес предложение «подключить» Троцкого к делу изыскания всего того, что может стать основой для становления советских финансов и что может пойти в уплату за продовольствие². В протоколе так и записали: «Назначить т. Троцкого ответственным за объединение и ускорение работ про учету, сосре-

---

¹ Накануне Октября 1917 г. золотой запас России оценивался в 1 млрд 181,3 млн золотых рублей. В последующем: 235,5 млн руб. было захвачено Колчаком, около 152 млн руб. было выплачено Германии, Эстонии, Латвии, Литве и Польше в соответствии с условиями заключенных с ними Россией мирных договоров. Еще более 460 млн руб. были выделены под различные программы, проекты, договоры Совнаркома и отдельных наркоматов как с иностранными государствами, так и внутри страны.

² См. одну из первых работ, посвященных деятельности Л. Д. Троцкого по изъятию церковных ценностей: Одинцов М. И. Золото Льва Троцкого / Религия, церковь в России и за рубежом. Информационный бюллетень. РАГС. № 6. М., 1995. С. 53–65.

доточению и реализации драгоценностей всех видов (драгоценные камни, митра и пр.), имеющихся в РСФСР, с тем чтобы 5 % с реализуемых сумм за эти драгоценности поступают в РВСР¹ на усиление обороны Республики»².

Дело «объединения и ускорения» оказалось даже для Троцкого более сложным, чем виделось вначале. Отведенных для подготовки плана работ двух недель не хватило. Но все же к середине декабря схема действий вчерне была определена.

В качестве координирующего и контролирующего органа под началом Троцкого была создана особая комиссия, для краткости именовавшаяся «Комиссия по драгоценностям». Сам Троцкий получил титул Особоуполномоченного Совнаркома и нескольких заместителей, которые денно и нощно продвигали его планы в жизнь. На местах создавались «чрезвычайные тройки» в составе председателей губчека и губвоенкома, заведующего финотделом губисполкома и с диктаторскими полномочиями в части изъятия ценностей. В первую очередь оно должно было коснуться банков, складов, хранилищ. Затем — недействующих монастырей, храмов и других культовых зданий. А немного спустя — музеев, дворцовых ансамблей, усадеб.

Планировалось всю работу провести в течение полугода и собрать ценностей на 5–6 млрд золотых рублей. Эта сумма должна была, по мысли организаторов, обеспечить выполнение тройкой задачи:

- 1) существенно пополнить золотой запас;
- 2) дать средства на восстановление народного хозяйства и закупку продовольствия за рубежом;
- 3) на повышение обороноспособности страны.

Последнее особенно волновало наркома по военным делам, рассчитывавшего таким путем разрешить финансовые проблемы военного ведомства. Поэтому он на заседаниях Комиссии по драгоценностям с особой тщательностью оговаривал условия участия армии в изъятии: военному ведомству немедленно открывается кредит в счет пятипроцентного отчисления, и оно занимается исключительно обеспечением сосредоточения ценностей. Участие армии в реализации признавалось возможным, но лишь при отчислении дополнительных средств. Чтобы заинтересовать военных, предусматривалось увеличение отчислений при досрочном проведении работ — за каждый месяц один процент³.

---

¹ РВСР — Реввоенсовет Республики.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 229. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 224. Л. 5.

Комиссия и ее представители на местах, а также местные власти, выполнявшие их распоряжения, действовали в условиях строжайшей секретности.

Официальным же органом, призванным от имени государства осуществлять кампанию по борьбе с голодом, стала образованная осенью 1921 г. Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) во главе с председателем ВЦИК М. И. Калининым. Ее усилия по мобилизации скудных внутренних ресурсов, сил и возможностей к январю—февралю 1922 г. дали некоторые результаты: в пострадавшие районы поступали перераспределенные остатки продовольственных фондов, медицинская и гуманитарная помощь; к оказанию помощи бедствующему населению подключились армия, профсоюзы, комсомол, общественные и религиозные организации; из тающего золотого запаса к ранее выделенным добавили еще 62 млн золотых рублей; оказывали необходимую помощь вывезенным в более благополучные районы детям и больным¹.

И все же одному Помголу овладеть ситуацией явно не удавалось: число голодающих уже превысило 15 млн человек, о чем свидетельствует приведенная ниже таблица (таблица 1.1).

Положение с продовольствием, особенно в Поволжье, становилось катастрофическим. Резко возросла смертность, начали возникать очаги эпидемий, отмечались случаи людоедства и трупоедства. Закупленные за рубежом более 6 млрд пудов продовольствия из-за отсутствия средств транспортировки все еще ожидали отправки в иностранных портах.

Безрадостную картину давали и сводки ГПУ, составлявшиеся для информирования членов правительства и высших партийных руководителей. В одной из них сообщалось:

«**Туркестан.** Положение беженцев Поволжья крайне тяжелое. Помощь, оказываемая им, слишком мала. Проценты смертности и заболеваемости высокие. Сбор в пользу голодающих незначителен.

Саратовская губерния. Голод усиливается. Число голодающих в уездах доходит до 80–90 %. Усиливается эпидемия.

Татреспублика. Эпидемии тифов, дизентерии, цинги, кори и желудочные заболевания на почве голода принимают массовый характер. Ежедневно почти в каждом уезде есть от 100 до 150 смертных случаев. Имеют место случаи людоедства»².

---

¹ См.: Хенкин М. Е. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом. Красноярск, 1988; Итоги послед. гол. Сб. статей. М., 1923.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2628. Л. 5, 9, 10.

Количество голодающего населения в районах, пораженных голодом¹

Название губ., обл. и республики	Число уезд.	В т. ч. голодающие	На 1 янв. 1922 г. всего	В % всего на- селения	На 1 апреля 1922 г. всего	В % всего на- селения	На 1 июля 1922 г. всего	В % всего на- селения
РСФСР								
Астраханская	3	3	21,9	5,6	30,2	78,0	33,3	86,0
Калмыцкая	8	8	184,6	88,7	205,4	98,7	187,0	89,9
Царицынская	7	7	574,4	47,9	834,8	69,6	881,5	73,5
Саратовская	13	13	1 338,9	43,7	1 868,6	60,9	2 090,6	68,2
Трудовая Ком. немцев			262,6					
Поволжья	3	3	2 429,5	57,8	272,1	59,9	329,8	72,6
Самарская	7	7	545,8	86,1	2 430,1	86,1	2 430,1	8,6
Симбирская	7	7	2 703,6	33,2	1 243,2	75,7	1 259,5	76,7
Татарская	11	11	373,4	93,7	2 703,6	93,7	2 785,0	96,5
Чувашская	3	3	219,5	86,4	743,4	86,4	773,1	89,9
Марийская	3	3	379,5	73,2	259,8	86,6	300,0	100,0
Вятская	10	5	259,7	38,9	599,4	61,5	763,7	78,3
Вотская	5	5	1 227,8	37,8	351,7	51,2	508,1	74,0
Уфимская	4	4	900,0	61,1	1 292,6	64,3	1 288,6	64,1
Башкирская	12	12	1 600,5	70,9	999,6	78,8	916,2	72,2
Киргизская	7	5	521,7	67,3	1 761,5	74,0	2 065,4	86,8
Челябинская	6	5	—	53,7	890,0	91,6	890,0	91,6
Пермская	7	3	—	—	—	—	469,9	57,2
Крымская	5	5	—	—	379,0	53,6	368,4	52,1
Итого:	121	109	13 913	58,8	16 865,0	71,3	18 340,2	77,6
Украина								
Запорожская	5	5	225,0	17,5	902,9	70,1	948,6	73,6
Донецкая	10	10	204,0	6,6	654,7	21,0	1 228,7	39,5
Николаевская	4	3	490,0	50,7	582,4	60,2	720,0	74,5
Екатериносл.	5	5	329,9	18,5	708,8	39,8	766,0	43,0
Одесская	5	3	—	—	400,0	35,4	555,0	49,1
Итого:	29	26	1 248,9	15,0	3 248,8	39,2	4 218,3	50,9
Всего: по УССР и РСФСР	150	136	15 162,3 а)²	47,5	20 113,8 б)³	63,0	22 558,5 в)⁴	70,7

Усугублялась и общая экономическая и политическая обстановка в стране. Железнодорожный транспорт был разрушен и едва справлялся с объемами перевозок в «голодные» районы. Города мерзли из-за нехватки топлива. Останавливались фабрики и заводы. Раскручивалась спираль инфляции. Росла безработица. Расширялась волна забастовок и отказа от выхода на работу. Сотни и тысячи рабочих покидали

¹ Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. Сб. статей и отчетов. М., 1922. С. 460.

² а) из них детей — 6 386 900 чел.

³ б) из них детей — 8 573 200 чел.

⁴ в) из них детей — 9 893 700 чел.

ряды коммунистической партии. В воинских подразделениях зрело недовольство, а кое-где вспыхивали волнения. В крестьянской массе царило настроение подавленности и страха перед возможной голодной смертью. Росло недовольство изъятием обязательного продналога, действиями продотрядов, подчистую вывозивших хлеб.

В обществе нарастало ощущение безысходности и приближающегося краха. Казалось, у государства исчерпаны все возможности и ничто не может дать надежды на спасение. Вопрос стоял так: либо будут найдены средства для закупки продовольствия, либо голод спровоцирует социальный взрыв и страна погрузится в пучину нового хаоса с неминуемым последствием — полным распадом целостного государства.

Правящие круги реально оценивали сложившуюся ситуацию и лихорадочно искали путь к спасению. В критической обстановке зимы—весны 1922 г. надежду на спасение увидели в бывшей церковной, а теперь национализированной собственности, традиционно считавшейся значительным состоянием. Предварительные подсчеты, сделанные тогда же, обнадеживали в том, что в православных храмах, монастырях и молитвенных домах хранятся, в пересчете на серебро, 525 тыс. пудов ценностей. А каждый фунт серебра мог спасти от голодной смерти семью из пяти человек.

Вряд ли сегодня можно с уверенностью назвать того, кто первым публично высказался за изъятие ценностей из действующих культовых зданий. Но еще в ноябре—декабре 1921 г. об этом, как о возможном шаге, говорили верующие, духовенство и отдельные епископы из голодающих районов, а поддерживали их крестьяне, рабочие и красноармейцы в относительно благополучных районах.

Откликаясь на подобного рода настроения, 9 декабря 1921 г. ВЦИК специальным постановлением разрешил «религиозным управлениям и отдельным религиозным обществам верующих» производить денежные и продовольственные сборы в пользу голодающих. Специальные инструкции, выработанные совместно представителями органов власти и религиозных организаций, предусматривали возможность пожертвования предметов культа, находившихся в пользовании общин.

В начале зимы 1922 г. в ряде районов страны верующие по собственной инициативе добровольно передавали на нужды голодающих отдельные предметы из церковного имущества. К этому их побуждали в своих устных и печатных обращениях руководители религиозных центров и организаций. Патриарх Тихон в послании от 6 февраля 1922 г., кстати, одобренном и распространенном с ведома Политбюро, информируя паству о достигнутом компромиссе между властью и церковью в борьбе с голодом, призвал жертвовать не только продукты, но и церковные ценности, не имеющие богослужебного употребления. «Протяните же руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам, — писал патриарх, — и не жалеите для них ничего,

деля с ними и кусок хлеба, и одежду по заветам Христа. Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи вследствие истощения средств их, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслет, ожерелье и другие предметы, используемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом), на помощь голодающим»¹.

Откликаясь на послания патриарха Тихона от 1921–1922 гг. о помощи голодающим в Поволжье, правящие архиереи многих епархий стремились выстроить отношения, с одной стороны, с верующими, а с другой — с властями. В частности, в Новгородской епархии, митрополит Арсений (Стадницкий) попытался образовать в епархии особый комитет помощи голодающим. Но власть не давала разрешения печатать сообщения об этом и помещать в газетах воззвания митрополита. Тогда он принял решение говорить о помощи голодающим во время богослужений, призывая верующих к милосердию, к оказанию сильной помощи. Сам Арсений передал в губернский комитет помощи голодающим имеющиеся у него личные драгоценности — награды за архипастырские труды: золотой крест с 11 бриллиантами, золотой наперсный крест, золотую панагию с золотой цепью. Примеру владыки последовали и многие новгородские священники. В храмах собирались деньги, продукты и все, что могло помочь голодающим. Устанавливался специальный церковный сбор в пользу детей Поволжья, оказывалась помощь детям, вывезенным в Новгородскую губернию из Поволжья.

Однако усилия такого рода не давали надежды властям, что будут собраны во всероссийском масштабе достаточные средства для спасения голодающих. Еще в конце 1921 г. Троцкий считал, что без изъятия всех и полностью церковных ценностей из действующих храмов и молитвенных домов не обойтись. В письмах к Ленину он говорил об этом как о задаче, к которой еще требуется подготовиться «политически с разных сторон», и поэтому не настаивал на ее немедленном осуществлении. К началу же февраля 1922 г., по его разумению, время «пришло». В телеграмме в адрес Президиума ВЦИК он пишет: «Мне кажется необходимым сейчас же подготовить постановление президиума ВЦИК о порядке изъятия и учета церковных ценностей, о порядке их сосредоточения и об установлении им особого государственного счета со специальным назначением на нужды голодающих (хлеб, семена, орудия труда и пр.)»².

---

¹ ГА РФ. Ф. А.-353. Оп. 2. Д. 254. Л. 4.

² Там же. Ф. 1235. Оп. 39. Д. 11. Л. 274.

В тот же день телеграмма была рассмотрена, и наркому юстиции Д. И. Курскому поручили в кратчайший срок представить проект такого документа. 23 февраля Президиум ВЦИК принимает, а 26 февраля публикует постановление (декрет), которое обязывало местные органы власти в месячный срок «изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, платины, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Наркомфина со специальным назначением в фонд Центральной комиссии помощи голодающим»¹.

Неожиданное для религиозных организаций решение ВЦИК в кратчайший срок изъять принудительно, повсеместно и полностью из молитвенных зданий ценности уже несло в себе предпосылки к конфликту между государством и верующими. Но большее всего оно ударило по Российской православной церкви, руководство которой обоснованно считало, что между правительством и Церковью к тому времени был достигнут определенный компромисс в вопросе об изъятии и что Церковь выступает в качестве партнера государства, добровольно жертвуя церковные ценности ради спасения людей.

25 февраля патриарх Тихон в письме М. И. Калинину призывает отказаться от принятого решения, чреватого, по его мнению, непредсказуемыми последствиями. И добавляет, что если не будет ответа, он оставляет за собой право разъяснить верующим в особом послании позицию Церкви в связи с действиями властей².

Остается неизвестным, показывал ли Калинин кому-либо из Политбюро это письмо. Но ответа от него патриарху не последовало. И тогда Тихон, как и обещал, обнародовал 28 февраля свое послание к верующим. В нем он назвал «актом святотатства» изъятие из храмов в числе «драгоценных церковных вещей» священных сосудов и богослужебных церковных предметов, «употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами». Разъясняя свою позицию, патриарх указывал: «Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвований церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих через церкви и ныне к таковым жертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное жертвование, освященных предметов, употребление коих не для богослу-

---

¹ Известия. 1922. 26 февраля.

² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 97. Д. 54а. Л. 38–39.

жебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается ею, как святотатство, мирян — отлучением от нее, священнослужителей — низвержением из сана»¹.

Позицию патриарха власть расценила как «контрреволюционную». На заседании Московской губернской комиссии по учету и сосредоточению ценностей, состоявшемся 7 марта 1922 г., заместитель председателя МЧК Ф. Д. Медведь заявлял, что «начинается война между церковью и государством», что патриарх выступил «против декрета ВЦИК, называя его «кошунством» и призывая «пастырей церкви не подчиняться ему». Одним из руководителей МЧК ставилась задача «идейно подготовить массы, затмить воззвание Тихона, а потом приступить к извлечению всех ценностей как из закрытых, так и из действующих храмов, без исключения»².

Все же отметим, что само по себе послание патриарха не привело тотчас к каким-либо драматическим событиям на местах. И в отношении Тихона репрессивных мер не принималось. Более того, «Известия ВЦИК» публикуют 15 марта беседу с патриархом³. В ней он излагает основные идеи своего послания от 28 февраля в части поддержки Церковью инициативы верующих жертвовать в пользу голодающих церковное имущество. Вместе с тем он полемизирует с властью, убеждая, что «в церквях нет такого количества драгоценных камней и золота, чтобы при ликвидации их можно было получить какие-то чудовищные суммы денег», что «при всем благожелательном отношении к делу помощи голодающим со стороны церковных общин» изъятие церковного имущества не даст ожидаемого результата. Одновременно Тихон говорит и о другой стороне дела — о том, что в ходе изъятия могут пострадать или вовсе быть утерянными многочисленные высокохудожественные и исторически значимые предметы, хранящиеся в православных церквях, монастырях и молитвенных домах⁴.

К середине марта все более очевидными становились трудности, с которыми столкнулись власти при выполнении постановления ВЦИК. По существу изъятие и не начиналось. На местах шли затяж-

---

¹ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 254. Л. 6. Опубликовано: «Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти» (документы и материалы о патриархе Тихоне) / Вопросы научного атеизма. Вып. 39. М., 1989. С. 317–319. Публикация М. И. Одинцова.

² Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 1. Д. 613. Л. 48–48 об.

³ Мистическое совпадение — именно в этот день произошли известные события в Шуе, которые в последующем были «использованы» Л. Троцким для административно-уголовного преследования духовенства и верующих и привнесения в Русскую церковь раскола.

⁴ Известия ВЦИК. 1922. 15 марта.

ные и трудные переговоры между верующими и властями. Последние на первых порах не торопились с применением принудительных мер и ограничивались тем, что отдавалось добровольно.

По мере проведения учета ценностей в храмах становилось ясным, что предположения об их количестве явно завышены. Во-первых, в годы Первой мировой и Гражданской войн многое из хранившегося в культовых зданиях оказалось утраченным, в том числе и вывезенным за рубеж бежавшими белыми частями. Во-вторых, набирал ускорение стихийный процесс сокрытия верующими наиболее ценной церковной утвари. В-третьих, верующие отвергали принудительное изъятие, и было ясно, что в наиболее богатых церквях полное изъятие могло быть проведено только насильственным путем.

Возникал вопрос: как быть? Отступить, довольствуясь добровольными пожертвованиями? Искать компромисс с религиозными центрами? Или... пойти на крайние меры, не останавливаясь и перед военно-административным насилием?

Колебались все: и «наверху» — члены Политбюро и Президиума ВЦИК, Совнаркома и ЦК Помгола, и «внизу» — партсовработники и актив в губерниях, городах и районах. Обстоятельства неопределенности и растерянности заставили Политбюро, в очередной раз рассмотрев 16 марта вопрос об изъятии, принять решение приостановить активные действия¹ и записать в протоколе: «Опросив товарищей, имевших отношение к делу изъятия ценностей из церквей, Политбюро пришло к заключению, что дело организации изъятия церковных ценностей еще не подготовлено и требует отсрочки, по крайней мере в некоторых местах»². Одновременно решено было «пойти на совет» с партийными массами — вынести вопрос на назначенный на конец марта 1922 г. XI партсъезд.

Но имелась и иная точка зрения, ее представители затруднения с изъятием склонны были видеть в противодействии узкой группы лиц из числа руководителей религиозных организаций, преследующих, как они считали, некие групповые и корыстные цели. К тому же, уверяли они, повсеместно хромает организация работы по изъятию ценностей, распространены недопустимые либеральничанье и уступки религиозным обществам.

Наиболее яркий представитель этой группы Лев Троцкий, появившись в Москве в начале марта после месячного отсутствия, сразу же выступил против замедления темпов изъятия. Он буквально атакует членов Политбюро предложениями по активизации изъятия ценностей, попутно обвиняя при этом всех и вся в медлительности, излиш-

---

¹ На тот момент информация о событиях в г. Шуе еще не поступила.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 282. Л. 2

ней уступчивости «церковникам». Он выражает недовольство действиями Президиума ВЦИК и ЦК Помгол, которые, по его мнению, «запутали» дело изъятия, взяв на себя слишком много полномочий, мешая деятельности «комиссии по драгоценностям». И сам декрет об изъятии называет актом неподготовленным, непродуманным, «холодным выстрелом, предупредившим попов о необходимости серьезной подготовки к отпору».

Троцкий считал необходимым поставить деятельность ВЦИК по изъятию церковных ценностей в зависимость от решений его комиссии. Одновременно он предлагал создать в Москве под руководством члена Президиума ВЦИК Т. В. Сапронова секретную комиссию, которая должна была взять на себя «политическую, организационную и техническую стороны дела»¹.

Уступая натиску Троцкого, Политбюро поручило Сапронову связаться с ним и запросить конкретные предложения по проведению всей кампании. В «совершенно секретном» письме членам Политбюро от 17 марта Троцкий формулирует свои 17 тезисов плана проведения кампании по изъятию ценностей. В них предусматривались: бурные агитация и манифестация на местах за изъятие; внесение раскола в православное духовенство и поддержка той его части, что выступала за безусловное выполнение постановления ВЦИК; постоянное наблюдение, контроль и арест лиц, противящихся изъятию; применение военной силы и полное изъятие в кратчайшие сроки, не останавливаясь ни перед чем.

В письме не упоминается имя патриарха Тихона, но общие «установки» относительно православного духовенства — вести слежку, предупреждать об ответственности и временно «не трогать», обличать «бесчеловечность» и жадность «князей церкви» — касались и патриарха.

Кроме того, план Троцкого предусматривал наряду с секретными комиссиями и организацию официальных комитетов помощи голодающим, которые могли бы вести переговоры с верующими, принимать передаваемые ценности, разрешать возникающие спорные вопросы, привлекать в качестве экспертов представителей духовенства и т. п.

В качестве первоочередных «жертв» изъятия рассматривались наиболее богатые городские храмы, прежде всего те из них, где служили «лояльные попы». Предварительным условием выдвигались такие меры, как активная пропаганда и агитация среди населения с подключением к ним представителей голодающих губерний, сосредоточение вокруг храмов частей особого назначения (ЧОН), коммунистов и сочувствующих.

---

¹ Там же. Д. 280. Л. 19.

Всю кампанию намечалось начать не позже 31 марта и рекомендовалось провести ее в кратчайший срок¹.

Жесткость позиции Троцкого объяснялась, с одной стороны, его представлениями о необходимости твердой политики при проведении изъятия ценностей, а с другой — тем, что он увязывал эту кампанию с активизацией борьбы с православной («тихоновской») церковью и поддержкой нарождающегося в ее недрах обновленческого движения. Для Троцкого последнее постепенно выдвигалось на первостепенное место. Не случайно еще 12 марта в письме членам Политбюро он указывал: «Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей. Так как вопрос острый, то и раскол на этой почве может и должен принять очень острый характер, и той части духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию, уже возврата назад к клике патриарха Тихона не будет»².

Обладая реальной политической властью, Троцкий методично и настойчиво проводил в жизнь избранный им план. События в г. Шуче Иваново-Вознесенской области, где 15 марта имели место волнения при изъятии ценностей из церквей, подавались им в письмах к членам Политбюро, и в первую очередь к Ленину как пример «контрреволюционности» церкви и как основание в пользу наступательности и решительности при проведении кампании по всей стране.

Заметим, Троцкий — единственный из членов Политбюро знал действительные обстоятельства инцидента в Шуче. Как куратор ВЧК—ГПУ и руководитель Красной Армии он обладал информацией о том, что в значительной мере столкновение вызвано было бездействием и преступной халатностью местных властей в период подготовки к изъятию, отсутствием информации у населения, для каких целей и каким образом оно будет производиться, что это был стихийный протест верующих, да и не только их, против силового решения вопроса; что ни о каких организациях, будь то «церковные» или «эсеровские», противившихся декрету, говорить не было оснований.

Официальное рассмотрение предложений Троцкого по проведению кампании по изъятию церковных ценностей предполагалось вынести на заседание Политбюро 20 марта. Там же предполагалось рассмотреть и события в Шуче, информация о которых поступила 17 марта. А до этого с тезисами Троцкого знакомились не только члены Политбюро, но и ряд партийно-советских работников, непосредственно занятых в кампании по борьбе с голодом.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 16–17. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 67–69.

² Там же. Л. 10.

Готовился к заседанию Политбюро, определял свою позицию и В. И. Ленин. 17 марта он получил телеграмму Ивано-Вознесенского губкома, который информировал председателя Совнаркома о том, что в Шуе «под влиянием попов, монархистов и социалистов-революционеров возбужденной толпой было произведено нападение на милицию и взвод красноармейцев. Часть красноармейцев была разоружена демонстрацией. Из пулеметов и винтовок частями ЧОН и красноармейцами 146-го полка толпа была разогнана, в результате 5 убитых и 15 раненых зарегистрировано больницей»¹.

По некоторым отрывочным и косвенным данным, сохранившимся в бывшем партийном архиве (ныне — РГАСПИ), можно утверждать, что в эти же мартовские дни Предсовнаркома неоднократно получал письма и информацию о ходе изъятия и о событиях в Шуе от Льва Троцкого. С уверенностью можно утверждать, что были и встречи Ленина и Троцкого, посвященные проблемам изъятия церковных ценностей. С совокупность всей имеющейся в нашем распоряжении информации позволяет делать вывод о том, что глава советского правительства по существу глазами Троцкого «видел» всю ситуацию в стране по изъятию и всецело доверял ему.

По состоянию здоровья Ленин не мог приехать в Москву на заседание Политбюро, поэтому свое мнение по повестке дня он продиктовал 19 марта стенографистке. Ленин не добавил ничего нового к предложениям Троцкого, полностью поддержав их, когда писал: «Именно теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий».

Жесткость позиции, риторика насилия и кровавой мести письма не были чем-то особенным для этого времени. Это язык ожесточенной эпохи, в которую вместились Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война и военная иностранная интервенция, голод и лишения, страдания и гибель миллионов людей. На этом языке «говорили» противостоявшие друг другу и взаимно озлобленные и ожесточенные классы, социальные группы, сторонники различных политических партий, лидеры всех политических движений.

---

¹ Там же. Л. 25. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 69–70.

В отношении патриарха Тихона в ленинском письме намечена была следующая политика: «Самого патриарха, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он, несомненно, стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы именно в данный момент. Обязать Дзержинского и Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно»¹.

День 20 марта был наполнен событиями чрезвычайной важности для развертывания плана Троцкого по изъятию церковных ценностей.

Состоялось заседание Политбюро, в котором, кроме Троцкого, участвовали Каменев, Сталин, Молотов, Цюрупа и Рыков. Каждый из них изложил свое мнение и о плане Троцкого, и о событиях в Шуче. Зачитано было и письмо Ленина, которое отдельно не обсуждалось, а было учтено как мнение отсутствовавшего члена Политбюро. Без каких-либо серьезных замечаний и добавлений план Троцкого был принят. Одновременно решено было послать в Шую комиссию ВЦИК для исследования столкновений вокруг храма при изъятии ценностей².

Прошедшее заседание было для Троцкого очень важным, ибо все могли убедиться, что он имеет поддержку вождя, а утверждение его плана членами Политбюро означало, что за Троцким признается отныне официально право общего руководства кампанией по изъятию ценностей из действующих культовых зданий.

В этот же день Троцкий созвал и заседание своей комиссии. В дошедшем до нас протоколе, начинающемся словами: «Архисекретно. Хранить конспиративно. Печатается в одном экземпляре», указаны 17 пунктов повестки дня, вокруг которых шла дискуссия. В результате была определена судьба храмов Москвы, Петрограда и Московской губернии, изъятие ценностей из которых решено начать в дни работы XI партсъезда; предложено было при опасности эксцессов вокруг храмов приостановить изъятие до съезда, а продолжать там, где обстановка в целом нормальная; определено отношение к духовенству: одних (несогласных) арестовывать, других (согласных) привлекать к сотрудничеству; предложено «разобраться» с теми рабочими, чьи подписи стояли под письмами с протестом по поводу изъятия и т. д.³

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 192.

² В Шую выезжала комиссия ВЦИК во главе с П. Г. Смидовичем. Один из членов комиссии — командующий войсками Московского военного округа Н. И. Муралов, представил свой доклад «о шуйских событиях» Л. Д. Троцкому. См.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 10. Д. 60. Л. 643–643 об. Опубликовано: Одинцов М. И. «Дело» патриарха Тихона. Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 57–59.

³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 59. Л. 89–90. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 70–73.

Характер обсуждавшихся вопросов и принимаемых по ним решений свидетельствовал, что именно комиссия Троцкого взяла на себя определение стратегии и тактики в борьбе за церковные ценности и, соответственно, порядка и характера действий партийных и правоохранительных органов, комиссий помощи голодающим и других государственных и общественных организаций.

И, наконец, тогда же с ведома Троцкого в ГПУ было проведено представительное совещание работников центральных и местных органов спецслужб с участием значительного числа духовенства из Москвы, Петрограда и «голодающих регионов», согласившегося «помочь» властям в изъятии церковных ценностей.

Получив «благословение» вождя и поддержку Политбюро, Троцкий развил бешеную деятельность, чтобы обеспечить перелом в настроениях партийно-советского аппарата и актива в пользу наступательности при проведении изъятия. Он постоянно ставил в Политбюро вопрос об ускорении хода кампании, забрасывал его членов все новыми и новыми предложениями по развертыванию «войны» с Церковью.

22 марта Политбюро обсуждало записку заместителя председателя ГПУ И. С. Уншлихта «О деятельности духовенства в связи с изъятием ценностей из церквей». В ней позиция Церкви обрисована была так: «Патриарх Тихон и окружающая его свора высших иерархов, членов Синода... в противовес декрету ВЦИК от 26/II–22 г. об изъятии церковных ценностей ведет определенную контрреволюционную и ничем неприкрытую работу против изъятия церковных ценностей»¹.

В этой записке впервые прямо ставился вопрос о возможности ареста патриарха. Его необходимость, среди прочего, увязывалась со стремлением создать благоприятные обстоятельства для «оппозиционных» патриарху архиереев. Они, как указывал Уншлихт, не решаются открыто выступить против патриарха и Синода и лишь после ареста патриарха способны будут «устроить церковный собор», избрать на патриарший престол и в Синод лояльных советской власти иерархов.

Политбюро санкционировало арест патриарха и членов Синода («через 10–15 дней»), а также жесткую линию в отношении духовенства, противящегося изъятию ценностей².

Опираясь на принятые решения, ЦК РКП(б) отправляет на места телеграмму с указанием «приступить к изъятию по всей стране» и прежде всего в церквях, где имеется значительное число ценностей.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 36–37. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 73–74.

² Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 284. Л. 4, 9.

Делегатам XI партсъезда предлагалось привести полные данные о предполагаемом к изъятию церковном имуществе, об обстановке вокруг молитвенных зданий.

В это же время, накануне открытия партсъезда, в письме к Ленину Троцкий предлагает предпринять и первые шаги по практической реализации тех ценностей, что уже имелись в Гохране, и тех, на скорое поступление которых надеялись. Речь шла о создании специального синдиката с предоставлением ему права на реализацию ценностей. А до того, писал Троцкий, «выгодной реализацией ценностей» могли бы заняться «товарищи», так или иначе участвующие в переговорах в Генуе и обладающие дипломатической неприкосновенностью¹.

Троцкий считал, что «нужно спешить до последней степени». В телеграмме от 23 марта Красину, Молотову и Ленину он подчеркивал, что «для нас важнее получить в течение 22–23 г. за известную массу ценностей 50 миллионов, чем надеяться в 23–24 г. получить 75 млн». Оттяжка во времени недопустима была в связи с тем, что, как считал Троцкий, «наступление пролетарской революции в Европе, хотя бы в одной из больших стран, совершенно застопорит рынок ценностей: буржуазия начнет вывозить и продавать, рабочие станут конфисковывать и пр. и пр.»²

26 марта Ленин возвращается в Москву, чтобы выступить на партийном съезде. Он уже знал о решениях Политбюро последних дней и о содержании директивы на места об ускорении процесса изъятия. В своем докладе, с которым он выступил 27 марта на партийном съезде, Ленин ничего не говорил об изъятии ценностей. Это объяснялось стремлением сохранять секретность кампании, а кроме того, делегаты уже были проинформированы о принципиальной позиции партии. В розданных накануне материалах был и письменный отчет ЦК, в котором «духовенство, купечество и мещанство» обвинялись в «ожесточенной и преступной борьбе за накопленные богатства» и одновременно предлагалось всем партийным организациям «развернуть напряженную работу» по борьбе с голодом, «осуществить широкую помощь» голодающим из «источника драгоценностей» — изъятых церковных ценностей³.

Избранная Троцким тактика наступления по двум направлениям: на местные партийно-советские органы и на Церковь, чтобы обеспечить ударное изъятие в дни работы съезда, четко выдерживалась.

28 марта Тихона вызвали в ГПУ, где ему объявили официальное предостережение об ответственности в случае «повторения фактов».

---

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 21

² Там же. Л. 20.

³ См.: XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 643, 657.

подобных событиям в Шуге», и предложили принять меры к их недопущению впредь. Одновременно на него возложили ответственность за «антисоветские» акции православного духовенства, бежавшего в годы Гражданской войны за пределы Советской России, и потребовали их публичного осуждения. Имелся в виду тот факт, что в одном из решений Русского всезаграничного церковного собора (ноябрь 1921 г., г. Сремски Карловцы, Сербия), выражена была поддержка восстановлению в России монархии, возвращению на престол Романовых и продолжению вооруженной борьбы с Советской Россией. Тихон обещал это сделать только после предоставления ему документальных материалов, подтверждающих участие «карловчан» в «политике»¹.

Переговоры патриарха с властью живо обсуждались в церковной среде. Все еще сохранялась надежда, что удастся избежать острых конфликтов вокруг храмов. Интересное свидетельство об этом оставил, к примеру, епископ Ямбургский Алексей (Симанский). В письме к митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому) он писал: «Патриарх вызывался в ЧК... Отношение было очень любезное. Туда и оттуда отвезли на автомобиле. Допрос касался двух событий: собора в Карловце и Шуйских событий. По тому и другому вопросу требуется письменный отзыв, который предоставить через три дня. Во время допроса все время сквозила мысль: нельзя ли как-нибудь неизбежный отбор совершить возможно безболезненное и в этом отношении изменить послание»².

В поданном чуть позже заявлении в ГПУ патриарх Тихон действительно отмежевывался от некоторых из политических решений Карловацкого собора. Одновременно он продолжал убеждать власть, что его послание от 28 февраля не содержит призыва к сопротивлению. Защищая себя, патриарх приводит выдержку из послания митрополита Сергия (Страгородского), в котором тот так интерпретирует слова патриарха: «Патриарх, указав нам в своем послании церковные правила, ограждающие неприкосновенность священных сосудов для житейского употребления, — ни единым словом не призвал нас к какому-либо определенному выступлению: ни к протестам, ни еще менее к защите наших святынь насилием. Его послание только предостерегает нас не относиться с легким сердцем к изъятию церковных вещей, когда есть чем их заменить, т. е. когда наши собственные драгоценности остаются при нас»³.

¹ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Следственное дело патриарха Тихона. (Д. Н.-1780). Т. 6. Л. 20. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 80–81.

² См.: Исторический архив. 2000. № 1. С. 72.

³ ЦА ФСБ РФ. Следственное дело патриарха Тихона. (Д. Н.-1780). Т. 2. Л. 58.

Более того, патриарх выражал готовность выступить с новым посланием к верующим и духовенству, чтобы разъяснить свою и Церкви позицию. Он сообщал, что его проект он уже представил М. И. Калинину, и в нем патриарх наставлял верующих, чтобы «подаяние ваше шло, как благословение, а не как побор, чтобы оно было по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотодателя любит Бог», и чтобы верующие активнее использовали возможности обмена и выкупа намеченных к изъятию церковных предметов¹. Но «добро» патриарху дано не было, ибо власть уже сделала ставку на лояльное обновленческое духовенство.

Здесь нельзя не отметить, что еще в канун партийного съезда Троцкий получил от своего представителя в Петрограде Приворотского телеграмму, в которой сообщалось и о том, что «по всем данным, только посредством вооруженной силы удастся провести изъятие. Прошу немедленно дать директиву, допустимо ли исполнение декрета указанным путем и как поступить в дальнейшем». Вызванный «на доклад» в Москву Приворотский получил от Троцкого инструкцию начать изъятие немедленно, не останавливаясь ни перед чем. Спустя совсем немного времени это приведет к столкновению верующих с отрядами, изымавшими ценности, а затем к показательному судебному процессу над петроградским духовенством, приговорам и расстрелам.

В те же дни стало известно о столкновении в ходе изъятия ценностей в Смоленской губернии, и вновь Троцкий требует твердости и решимости от властей. Несколько позднее ГПУ, обобщая информацию с мест о ходе изъятия, отмечал в «Обзоре внутреннего политического положения РСФСР за март 1922 г.», что «активные проявления недовольства, столь редкие в прошлые месяцы, во второй половине марта учащаются и во многих случаях доходят до степеней, казалось бы, давно забытых — до категорических отказов от выполнения распоряжений Советской власти, до самосудов над ее агентами (Елатьма, Шуя и др.), до оказания вооруженного сопротивления действиям властей»².

30 марта Троцкий подготовил и представил в Политбюро программный документ, посвященный принципам политики партии и государства в «религиозном вопросе»³.

---

¹ См.: Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006. С. 160.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 1. Ч. 1. М., 2001. С. 122.

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 49. Д. 17. Л. 4–5. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 81–84.

В документе фиксировался тот момент, что «церковь, вся пропитанная крепостническими, бюрократическими тенденциями, не успевшая проделать буржуазной реформации, стоит сейчас лицом к лицу с пролетарской революцией». И ставился вопрос: «Какова же может быть ее дальнейшая судьба?» Отвечая на него, Троцкий вначале указывал на наличие в Церкви двух течений. Одно — «контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией», другое — «советское», «буржуазно-соглашательское сменовеховское».

Задачи партии и государства в отношении обоих течений рассматривались в двух этапах. На первом этапе следовало «повалить» церковную контрреволюцию, в том числе и «опираясь» на сменовеховское духовенство, и тем самым вызвать «решительный, резкий, бурный, насильственный характер» разрыва между течениями. Кампания по изъятию церковных ценностей, спор о судьбах церковных сокровищ, по мнению Троцкого, давали к тому все основания и возможности. В результате, как надеялся Троцкий, на смену «черносотенной иерархии» через организационное укрепление, проведение собора и выборов придет «советское духовенство».

На втором этапе предполагалось сделать все возможное, чтобы не дать развиться и укрепиться народившейся «обновленной» церкви. Ибо в противном случае, по мнению идеолога партии, она будет представлять для социалистической революции еще большую опасность своим «проникновением в передовые слои трудящихся». А потому, как написано в тексте, надо было не допустить «запоздалой реформации православной церкви», а просто превратить ее «в выкидыш».

Последующие события покажут, что заложенные в письме Троцкого идеи переживут не только эпоху изъятия церковных ценностей, но и будут востребованы властью даже тогда, когда их автора уже и не будет среди партийных и советских вождей, и он вынужден будет многие годы пребывать в изгнании.

А пока мысли Троцкого будут обретать плоть в высказываниях и поступках властной элиты, превратятся в практическую борьбу репрессивных органов с религиозными организациями и верующими.

Линия на жесткую борьбу за ценности была подтверждена и на состоявшемся 30 марта секретном совещании представителей партийных делегаций, присутствовавших на съезде. Обсуждение шло в русле директив Троцкого, накануне утвержденных Политбюро и сводившихся в своей практической части к проведению быстрого и полного изъятия ценностей из храмов, в том числе повторного там, где до этого «изъяли неполно»; к «расправе» с «черносотенным духовенством» и временной поддержке «лояльных» священников с целью «расколоть духовенство».

Никто из присутствовавших и не ставил под сомнение необходимость принудительных мер. Некоторые сомнения высказаны были

лишь в правильности избранных сроков кампании, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивном фонде записки, поступившие в президиум совещания. Приближались пасхальные праздники, и совмещение с ними изъятия признавалось нецелесообразным. Но все равно для Москвы и Петрограда сделали исключение: начинать нужно было уже в дни работы съезда, показав тем самым остальным губерниям пример «ударной работы».

В европейской части России и на Украине устанавливался срок окончания кампании — 15–20 мая, в остальных регионах — 1 июня. На совещании были сделаны «внушения» тем партийным делегациям, чьи результаты изъятия признали «неудовлетворительными». От них потребовали провести повторное изъятие, а не довольствоваться лишь добровольными пожертвованиями. Подтверждая эту установку, на места была отправлена телеграмма за подписью М. И. Калинина и В. М. Молотова с указанием: «Неполное изъятие церковных ценностей будет рассматриваться как нерадение местных органов. Где произведено неполное изъятие, немедленно нужно произвести дополнительное согласно декрету и инструкций»¹. Думается, что именно эти решения и привели к последующим трагическим последствиям.

Если в зале заседания партсъезда царило единодушие при обсуждении судьбы церковных ценностей, то за его пределами ситуация была не столь определенной. Конечно, агитационная и организационная работа партийных комитетов давала ощутимые результаты — во время различного рода массовых мероприятий резолюции принимались в абсолютном большинстве в пользу изъятия, общество настроено было в пользу изъятия, не видело в этом нарушений прав Церкви и верующих. К примеру, на общем собрании студентов Рогожско-Симоновского рабфака (Москва) в резолюции было записано: «Выступления, имевшие место в Шуваловском и Петроградском, считаем контрреволюционным актом, направленным для использования религиозного фанатизма верующих против Советской власти. Действия дворянской части духовенства вместе с патриархом Тихоном считаем позором для христианской церкви, нарушающей заветы своего учителя Христа, и актом неслыханной человеческой жестокости»².

Добавим, что в центральных и местных газетах, в иных агитационно-пропагандистских изданиях, а также и по радио в течение

---

¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 59. Л. 18. Опубликовано: Одинцов М. И. «Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти» (документы и материалы о патриархе Тихоне) / Вопросы научного атеизма. Вып. 39. М., 1989. С. 319.

² Там же. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 54. Л. 52. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 84.

марта—апреля 1922 г. были опубликованы многочисленные призывы православного духовенства и верующих, решения съездов и собраний в поддержку изъятия церковных ценностей, среди них более десятка воззваний и обращений, подписанных иерархами Православной церкви»¹. Все эти документы неверно было бы считать исключительно некой конъюнктурной или «вынужденной» поддержкой политической власти. Нет, они выражали искреннее желание представителей русского православия помочь голодающему населению, в том числе и его верующей части.

Лишь в единичных случаях в ходе собраний и митингов на заводах, фабриках, в военных частях и в учебных заведениях нет-нет, да и раздавались критические высказывания и претензии к политике правящей партии, заключающиеся в призыве к отказу от **насильственных мер** (выделено автором цитируемого документа) при изъятии, к «допущению» Церкви к контролю за сбором ценностей и т. д. К примеру, в справке, подготовленной для политической власти о настроениях «в массах» в связи с изъятием церковных ценностей, сообщалось о такого рода задаваемых на митингах вопросах: «Тов. Коммунисты, кончать пора ограбление, дайте отчет, куда девали все золото Кремля, а также все остальные ограбления всех учреждений и предприятий. Храм не для вас, жидов, а для религии. Возьмите у жидов, довольно нам кровь проливать»².

По завершении XI партсъезда действия властей на местах ужесточились, давление на религиозные организации возросло. Фактически изъятие теперь проводилось без какого-либо согласования с верующими, принимая форму военных операций³. Соответственно увеличилось и количество ценностей, прибывавших в Москву. Правда, Троцкий по-прежнему считал, что кампания ведется «крайне медленно и вяло» и для ее «подстегивания» неоднократно предлагал Политбюро активнее использовать печать, подключить карательные органы, провести ряд показательных процессов над «церковниками»⁴.

Однако в конце апреля теперь уже и для Троцкого становится ясно, что обрести «несметные богатства» в действующих культовых зданиях и монастырях невозможно. Их там в таком количестве просто не было. Но не желая признавать свою ошибку, он идет другим

¹ См.: Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году... С. 121–128.

² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 59. Л. 68. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 84–86.

³ О том, как это происходило в Москве, см: Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году... С. 304.

⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 49. Д. 17. Л. 4–5.

путем: обвиняет «верхушку церковной иерархии» в том, что по ее инициативе «главные церковные ценности уплыли за годы революции» за рубеж. В письме в адрес руководителей ГПУ, НКВД и НКЮ он требует «запросить и допросить главных руководителей церкви» о судьбах церковных ценностей, имевшихся в церквях до революции, о церковных капиталах в заграничных банках; сверить наличие ценностей по дореволюционным описям. «Дознание» по всем этим пунктам требовалось провести с «величайшей энергией»¹. Именно это указание можно считать отправной точкой всех последующих судебных процессов по обвинению в противодействии декрету ВЦИК от 23 февраля 1922 г.

Во исполнение указаний Троцкого повсеместно идет поиск и сбор материалов, компрометирующих непосредственно патриарха, «доказывающих» его личную причастность к фактам противодействия в православных храмах изъятию церковных ценностей.

Именно в этот момент «припомнили» ему послание от 28 февраля. Специальным циркуляром Верховного трибунала (от 25 апреля 1922 г. № 66) местным трибуналам предписывалось в приговорах по делам, связанным с изъятием церковных ценностей, «указывать наличие в деле интеллектуальных виновников эксцессов со стороны темных элементов в лице высшей церковной иерархии (патриарх Тихон, местные епископы и т. д.), коль скоро в деле возможно обнаружить идейное руководство (воззвание Тихона и митрополита Вениамина) или попустительство»². Все подобные приговоры предлагалось направлять в Москву, тем самым «обогащая» и «умножая» обвинения против патриарха.

В конце апреля в Москве начался судебный процесс над духовенством и церковными активистами, обвиненными в противодействии изъятию ценностей. Всего было привлечено к судебной ответственности более пятидесяти человек. Однако их судьба решалась не в аудитории Политехнического, где шел процесс, а в зале, где заседало Политбюро. В повестку дня его заседания 4 мая был включен вопрос «О Московском процессе в связи с изъятием ценностей». Докладывали Троцкий, Каменев и председатель Московского Ревтрибунала Бек.

К сожалению, до нас не дошли протокольные записи этого заседания (да и неизвестно, велись ли они вообще), и мы не можем знать, о чем говорили в тот день собравшиеся члены и кандидаты в члены

---

¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 59. Л. 57. Опубликовано: Одинцов М. И. «Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти» (документы и материалы о патриархе Тихоне) / Вопросы научного атеизма. Вып. 39. М., 1989. С. 319–320.

² См.: Отечественные архивы. 1993. № 2.

Политбюро: Ленин, Сталин, Зиновьев, Рыков, Молотов, Калинин и приглашенный член ЦК РКП(б) М. В. Фрунзе. Но в протоколе заседания было записано следующее решение по обсуждавшемуся вопросу: «а) Дать директиву Московскому трибуналу: 1) немедленно привлечь Тихона к суду; 2) применить к попам высшую меру наказания; 6) ввиду недостаточного освещения в печати Московского процесса поручить тов. Троцкому от имени Политбюро сегодня же инструктировать редакторов всех московских газет о необходимости уделять несравненно больше внимания этому процессу и, в особенности, выяснить роль верхов церковной иерархии»¹.

И уже на следующий день, 5 мая, Тихон предстал перед Трибуналом, пока еще в качестве свидетеля по делу московского духовенства. Вместе с ним допрашивался и архиепископ Крутицкий Никандр (Феноменов). Ревтрибунал признал обоих виновными в «контрреволюционной агитации и возбуждении религиозного психоза». В приговоре специально подчеркивалось, что воззвание патриарха от 28 февраля вызвало «многочисленные эксцессы и столкновения между гражданами, введенными в заблуждение, и представителями советской власти при производстве изъятия, закончившегося во многих случаях беспорядками, имевшими своими последствиями убитых, раненых тяжело или легко, пострадавших от побоев».

На основании данных Тихоном и Никандром показаний, а также материалов предварительного следствия Московский революционный трибунал, считая Тихона главным организатором противодействия исполнению декрета, вынес определение о привлечении его к судебной ответственности. Следствие было поручено вести секретному отделу ГПУ.

Так начиналось судебное дело патриарха.

9 мая сотрудники ГПУ явились в Троицкое подворье, где проживал патриарх. Объявили официально о предании его суду и потребовали от Тихона подписку о невыезде из Москвы без разрешения ГПУ. Патриарх собственноручно написал, что «обязуется» по первому требованию «явиться в здание ГПУ для дачи показаний в связи с привлечением меня к ответственности согласно постановления Московского Ревтрибунала от 5/5.22 г.»² К дому патриарха была представлена вооруженная охрана. Отныне в подворье допускался узкий круг лиц, обслуживавших патриарха.

Пользуясь оказией, Тихон передал на имя Калинина письменную просьбу о помиловании осужденных на московском процес-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 291. Л. 2.

² ЦА ФСБ РФ. Следственное дело патриарха Тихона. (Д. Н. — 1780). Т. 29. Л. 42, 43. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 88.

се, поскольку, как он писал, «инкриминируемого послания они не составляли, сопротивления при изъятии не проявляли и вообще контрреволюцией не занимались»¹. Но это обращение осталось без внимания: власть «поставила крест» на патриархе, полностью ориентируясь на «прогрессивное» духовенство, т. е. на ту его часть, которая поддержала и призвала к выполнению декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей, и осудила позицию патриарха, призывая к его смещению.

И вместе с тем власть, демонстрируя внимание к обновленцам и свое желание «пойти максимально навстречу ходатайству прогрессивного духовенства», публично заявила о помиловании шестерых лиц из одиннадцати, приговоренных к смертной казни².

По инициативе ГПУ, стремящегося полностью отстранить Тихона от церковных дел, 12 мая к нему допускается делегация обновленческого духовенства во главе с петроградским протоиереем Александром Введенским. Ей удается «вырвать» у патриарха письмо на имя председателя ВЦИК М. И. Калинина, в котором патриарх сообщал, что «почитает полезным» для блага Церкви поставить временно, до Собора, во главе Церковного управления либо митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского), либо митрополита Петроградского Вениамина (Казанского)³.

Но ни тот ни другой выехать в Москву не могли. Параллельно в Петрограде разворачивался аналогичный московскому процесс над духовенством. Выезду же митрополита Агафангела всячески противодействовали местные органы ГПУ.

Таким образом, высшая церковная власть оказалась «бесхозной»: глава церкви под арестом, члены Священного синода и Высшего церковного управления — кто за рубежом, кто в ссылке, кто за пределами Москвы, кто в тюрьме...

Моментом вакуума церковной власти воспользовались лидеры нарождающегося обновленческого движения. 18 мая они вновь явились в Троицкое подворье с целью «уговорить» Тихона временно передать им, до прояснения ситуации и приезда митрополита Агафангела, дело церковного управления. До сих пор остаются непроясненными мотивы, которыми руководствовался патриарх, когда давал свое пись-

---

¹ ЦА ФСБ РФ. Следственное дело патриарха Тихона. (Д. Н. — 1780). Т. 29. Л. 56. Опубликовано: Одинцов М. И. «Подвергнуть аресту и привлечь к судебной ответственности». ВЧК—ГПУ и патриарх Тихон. 1917–1920 гг. // Исторический архив. 1977. № 5–6.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 292. Л. 12.

³ ЦА ФСБ РФ. Следственное дело патриарха Тихона... Т. 29. Л. 54. Опубликовано: Одинцов М. И. «Подвергнуть аресту...»

менное согласие незванным посетителям «принять и передать высокопреосвященнейшему митрополиту Агафангелу, по приезду в Москву, синодские дела».

Резолюцию патриарха обновленцы расценили или, во всяком случае, представляли всем и вся, как официальный акт передачи им церковной власти. Тотчас же они приступили к задуманным церковным преобразованиям, в которых теперь уже не было места патриарху Тихону. Его «изгоняют» из Троицкого подворья на Соловецком острове, и он находит пристанище в Донском монастыре.

В опустевших патриарших покоях обосновалась новая церковная власть — Высшее церковное управление под председательством епископа Антонина (Грановского). Кроме него, в управление вошли епископ Леонид (Скобеев), священники А. Введенский, В. Красницкий, Е. Белков, С. Калиновский. Одновременно в эти же дни конституируется еще одна группа обновленцев, получившая наименование «Живая церковь», во главе с Центральным комитетом под председательством протоиерея В. Красницкого.

Раскол в Церкви стал свершившимся фактом. Обновленцы заявили о своей политической лояльности власти и поддержке социального курса государства. Призвали своих сторонников повсеместно устранять от власти «контрреволюционное тихоновское» высшее духовенство и готовиться к созыву Поместного собора.

Продолжая отслеживать ситуацию в церковных кругах, Троцкий 25 мая отмечал в записке членам Политбюро, что дальнейшие события могут развиваться в трех направлениях: сохранение патриаршества при выборе «лояльного патриарха»; замена патриаршества на коллегиальное управление и формирование «лояльного Синода» или «полная децентрализация», распад русского православия на отдельные самостоятельные общины верующих. По мнению Троцкого, властям не следовало каким-либо образом явно показывать свою заинтересованность в любом из возможных направлений развития ситуации, а следовало занять выжидательную позицию при одновременном оттягивании вопроса о разрешении созыва Собора¹.

Продолжавшееся в это же время изъятие ценностей из церквей и монастырей выявило новую проблему — опасность порчи и утраты многих памятников и предметов искусства мирового класса, хранившихся там. Естественно, это вызвало протест не только со стороны верующих, но и отдельных представителей творческой интеллигенции, музейных работников.

---

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 294. Л. 9–10. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 89–90.

Сотни телеграмм с просьбами предотвратить пагубные последствия изъятия поступали к помощникам Троцкого на местах и в центре, и ему самому. Известно, что жена Льва Троцкого, возглавлявшая тогда Комитет по делам музеев Наркомпроса, Н. Троцкая (Седова), чуть ли не ежедневно обращалась во всевозможные инстанции с призывами о помощи. В частности, в телеграмме заместителю Особоуполномоченного Совнаркома по изъятию ценностей Г. Д. Базилевичу говорилось: «Работа последних дней показала, что создается грозная опасность полного разрушения и без того малочисленных памятников древнерусского прикладного искусства, имеющих значение не только для России, но и для всего человечества. Протестую против такого образа действий и требую внимания к предметам искусства и старины, что может быть достигнуто только немедленным извещением всех комиссий, как в центре, так и на местах, о необходимости бережного отношения к означенным предметам»¹.

Позиция Л. Троцкого, для которого главным было «добыть золото», сводилась к тому, что прежде всего надо «изъять и вывезти» тот или иной предмет, вокруг которого разгорались споры, а затем обсуждать кто прав, а кто виноват. Чаще всего, оказавшись в Москве, спорный объект уже не возвращался к прежним своим владельцам, будь то музей или действующие церкви или монастыри².

Спустя годы, находясь уже далеко от России, Троцкий вспоминал об обстоятельствах борьбы супруги за церковные ценности так: «Ей приходилось бороться за памятники прошлого в обстановке гражданской войны. Это была нелегкая задача. Ни белые, ни красные войска не склонны были очень заботиться об исторических усадьбах, провинциальных кремлях или старинных церквах. Таким образом, между военным ведомством и управлением музеев не раз возникали препирательства. Хранители дворцов и храмов обвиняли войска в недостаточном уважении к культуре, военные комиссары обвиняли хранителей в предпочтении мертвых вещей живым людям»³.

В июне 1922 г. Комиссия по драгоценностям завершила свою работу. На заседании Политбюро Троцкий «сдал» свои полномочия, а результаты ее деятельности были «приняты к сведению». Тогда же на местах были «ликвидированы» «чрезвычайные тройки» и прекращена деятельность представителей Троцкого — особоуполномоченных. Из 81 административно-территориального центра, где планировалось изъятие, лишь в 32-х оно было осуществлено полностью, т. е. как планировалось властями. В остальных — либо частично, либо вовсе не проводилось.

---

¹ Цит. по: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1. М., 1999. С.44.

² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 59. Л. 98.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 349–350.

Свезенные в Гохран ценности были оценены примерно в 1 млрд золотых рублей. Причем сумма эта в основном обеспечена была за счет Петроградской и Московской губерний. Такой результат рядом высших партийно-советских работников оценивался как личная неудача Троцкого, не сумевшего обеспечить пополнение в ожидаемом объеме золотого запаса страны.

Что же касается самого Троцкого, то после расформирования Комиссии по драгоценностям он, оттесняемый с конца 1922 г. Сталиным и его сторонниками с «политического олимпа», уже не определял судьбу собранных ценностей. Дело это целиком перешло в ведение Наркомфина и Наркомвнешторга.

Большая часть свезенного в Гохран — предметы искусства из Московского Кремля, Исторического и других московских музеев, Троице-Сергиевой лавры, петроградских Эрмитажа, Русского музея и т. д., а также ценности царского двора, реализованы быть тотчас не могли, а та часть, которая могла быть реализована на западном рынке в кратчайшие сроки, была очень незначительна.

Судьба этих ценностей так до сих пор окончательно и не проявлена. Лишь незначительная их часть действительно была продана за рубеж и обращена в продовольствие для голодающих и товары для народного хозяйства страны. На основании некоторых косвенных данных можно утверждать, что большая часть изъятого была распродана по легальным и нелегальным каналам в конце 20-х — начале 30-х гг. в целях обеспечения коллективизации и индустриализации. Часть ценностей была выдана в качестве вознаграждения иностранным экспертам, способствовавшим продаже за рубежом церковных предметов.

Полная стоимость предметов, изъятых весной—летом 1922 г. из действующих культовых зданий, остается неизвестной до сих пор. По оценке же ЦК Помгола, на местах на начало сентября 1922 г. было учтено следующее количество изъятых ценностей: золота — около 530 кг, серебра — около 384 т, жемчуга — 225 кг, более 100 тыс. алмазов, бриллиантов и других камней и более 30 тыс. золотых и серебряных монет. В Москву свезена была к тому времени примерно половина указанного на сумму, по оценке Наркомфина, в 760–800 млн рублей (7–8 млн золотом). Эта сумма не составила и 5 % от общих поступлений по стране в Фонд помощи голодающим от государственных и общественных организаций, отдельных лиц и, естественно, не могла существенно образом повлиять на ход кампании по борьбе с голодом. Но все же в счет этих сумм субсидировалась закупка хлеба и продовольствия, оказывалась финансовая помощь голодающим районам, и тем самым были спасены многие человеческие жизни.

Значительная часть церковных ценностей была направлена в переплавку, с икон и иных предметов культа снимались драгоценные оклады и камни, которые в дальнейшем также стали объектом прода-

жи. Немалую (если не большую) часть ценностей оставили в Гохране, перевели в запасники центральных или местных музеев. Небольшая часть из них «всплыла» в середине 80-х гг., в годы «перестройки», а затем и в период празднования Тысячелетия Крещения Руси, и еще более массово в Российской Федерации — с середины 90-х гг. в годы возвращения в храмы культовых и иных ценностей, ранее находившихся там и изъятых государством в 20-е и последующие годы.

1.4. Судебное дело патриарха Тихона. 1922–1924 гг.

Заключение патриарха Тихона под домашний арест в Донском монастыре и начало следствия по обвинению его «в контрреволюции» открывало дорогу для публичного выявления позиции обновленческого духовенства.

Весна—лето 1922 г. — период бурного роста обновленческого движения внутри Русской православной церкви. Общие цели и задачи обновленческого движения сводились к проведению реформ в церковном управлении, в догматической и этической сферах. Обновленческий вал прокатился по России. Совещания благочинных в Москве и Петрограде поддержали обновленцев. Признали ВЦУ в качестве высшей церковной власти Вологодское, Казанское, Тульское, Тамбовское, Уфимское епархиальные управления.

Для лидеров обновленчества было очень важно привлечь на свою сторону как авторитетных иерархов, так и наиболее крупные епархии. Одним из объектов их внимания стала Новгородская епархия, одна из крупнейших и по количеству храмов, монастырей, и по количеству духовенства и верующих. Благоприятствовало обновленцам и то обстоятельство, что управляющий епархией митрополит Арсений (Стадницкий), вызванный ГПУ в Москву, вынужден был ее покинуть. Отъезд Арсения создавал возможности для обновленческого духовенства, которого в Новгороде было немного, начать открыто свою деятельность. Уже 5 июля состоялось собрание городского духовенства, в повестке дня которого значилось: организация группы «Живая церковь», избрание Высшего церковного управления в епархии, поддержка всероссийского обновленческого движения. Собралось 45 человек. От имени собравшихся была командирована специальная делегация в Москву для выяснения всех обстоятельств, связанных с арестом патриарха Тихона и передачей церковных дел во временное ведение группе священнослужителей во главе с Александром Введенским. Вернувшись, делегаты доложили о своих встречах в Петрограде и Москве. Предложили признать обновленческое высшее церковное управление. В бурных спорах решалась судьба Новгородской епархии. В конце концов обновленцам удалось избрать послушный им состав епархиального управления и провести

на должность управляющего епархией протоиерея одного из новгородских храмов А. В. Лебедева, рукоположенного в сан епископа. Обновленческое епархиальное управление вступает в непримиримую борьбу с оставшимися верными Арсению и патриарху Тихону священниками и верующими. Относительно митрополита Арсения епархиальное управление приняло решение о его увольнении от управления епархией с назначением местожительства в Иверском монастыре.

Почти по такому же сценарию разворачивались события вокруг еще одной крупной епархии — Владимирской. У А. И. Введенского, В. Д. Красницкого и других авторитетов обновленчества не было абсолютной уверенности в том, что митрополит Сергей (Страгородский) примет их сторону. Тогда с помощью ГПУ его выдворяют из епархии и ссылают в административном порядке в Нижний Новгород. Одновременно в епархии образуются многочисленные группы сторонников «Живой церкви», которые требуют проведения епархиального съезда и перехода на сторону ВЦУ. Конференция духовенства групп «Живая церковь» Владимирской епархии постановила: «Священно-церковнослужителей, сознательно не подчиняющихся новой установленной церковной власти... удалить от службы немедленно, не останавливаясь даже перед высшей мерой церковного наказания, т. е. лишением сана».

Таким образом, епархия «уплывала» из рук митрополита Сергея и при назначении сюда епископа-обновленца она могла стать бастионом этого движения, совращая в раскол духовенство и верующих.

Полной неожиданностью для церковного мира стало появление в июньском номере обновленческого журнала «Живая церковь», да еще в тот самый момент, когда в Петрограде в разгаре был процесс над митрополитом Вениамином (Казанским) и группой священнослужителей, обвинявшихся в сопротивлении изъятию ценностей, так называемого «меморандума трех». То было официальное заявление маститых иерархов — митрополита Владимирского и Шуйского Сергея (Страгородского), архиепископа Нижегородского и Арзамасского Евдокима (Мещерского) и архиепископа Костромского и Галичского Серафима (Мещерякова) с признанием обновленческого Высшего церковного управления в качестве единственной канонически законной верховной власти. Иерархи признавали все распоряжения новой церковной власти «вполне законными и обязательными» и призвали духовенство и верующих последовать их примеру¹.

---

¹ Одинцов М. И. Крестный путь патриарха Сергея: документы, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 58.

Публично признав ВЦУ, митрополит Сергей, очевидно, исходил из желания оградить свою епархию от различных треволнений. Надеялся перехитрить обновленцев и стоящее за ними ГПУ и, встав во главе ВЦУ, постепенно выправить церковный курс в православно-каноническую сторону. Сказалось и опасение утратить церковный центр и тем навредить делу церковного единства. Кроме того, в тот момент нельзя было проверить правдивость слов обновленцев о законности передачи им власти резолюцией патриарха Тихона.

Но каковы бы ни были побуждения Сергея и двух других иерархов, но последствия воззвания были печальными для патриаршей церкви: массовый переход верующих в обновленчество. Среди иерархов обычными были рассуждения: уж если «мудрый» Сергей счел возможным подчиниться «Живой церкви», то и нам следует идти за ним. И десятки архиереев потянулись в обновленчество, не говоря уже о многочисленном рядовом духовенстве.

В начале июля в Москве «живоцерковники» утвердили устав своей организации. Поскольку в ВЦУ большинство было за ними, то с «их подачи» от имени ВЦУ на места рассылались специальные циркуляры, предписывавшие повсеместное создание групп «Живой церкви». К июлю из семидесяти трех епархиальных архиереев тридцать семь поддержали ВЦУ. Политические декларации обновленцев обеспечили им поддержку рядовых верующих: до 70 % приходов пошли за ним.

В августе 1922 г. в Москве прошел Всероссийский съезд представителей белого духовенства, сторонников «Живой церкви». На нем была окончательно сформулирована и утверждена программа «Живой церкви». Выделим в ней два основных положения: лояльность к власти и уничтожение патриаршества. Кроме того, съезд постановил вынести на рассмотрение собора Российской православной церкви, планировавшегося на 1923 г., вопросы о снятии церковного отлучения с Л. Н. Толстого; о предании и отлучении от Церкви участников Поместного собора 1917–1918 гг.; о лишении патриарха Тихона священного сана за контрреволюционную деятельность против советской власти и за организацию «церковной смуты».

В воззвании съезда к духовенству и верующим говорилось: «Октябрьская революция освободила церковь от тяжкого ига помещичьего самодержавия, отделив ее от государства и, таким образом, предоставив ей свободу духовного развития и совершенствования. Но наши иерархи, эти князья церкви, тесно связанные своим привольным, безмятежным житьем с царской властью, конечно, не желали этого освобождения, так как оно было не в их расчетах, а только лишь в интересах белого, рядового духовенства, и трудящейся паствы. Отсюда вполне понятно, почему они единодушно стали против разрыва церкви с государством, и это необходимое и благодетельное

решение гражданской власти белому духовенству, всем верующим России, как гонение на церковь и веру Христову»¹.

Решения августовского съезда белого духовенства активно проводились в жизнь группами «Живая церковь», во множестве образующимися в областях и губерниях Советской России и постепенно подминавшие под себя приходы, сохранявшие верность патриаршей церкви. Вместе с тем конфронтационность лидеров «Живой церкви» по отношению к епископату и к оппонентам в их собственных рядах привели к тому, что внутри обновленческого движения начинаются расколы. Первоначально формируется группа «Церковное возрождение» во главе с епископом Антонином. А вслед за этим — Союз Общин древлеапостольской церкви во главе с А. Введенским и Боярским. Протоиерей Белков основал «Союз религиозных трудовых коммун». Множество иных обновленческих мелких групп, партий и синодальных образований в провинции — «Пуританская партия революционного духовенства и мирян» в Саратове. «Свободная трудовая церковь» — в Пензе. Между ними всеми повелась острая борьба за церковную власть, в которой нередко идеи церковного обновления отходили на второстепенный план.

Августовские решения привели и к тому, что некоторые из еще совсем недавно примкнувших к обновленчеству архиереев дистанцируются от них. В частности, митрополит Сергей (Страгородский) в сентябре—октябре 1922 г. сначала в печати, а затем на пленарном заседании ВЦУ заявил: «Я решительно протестую против тех постановлений съезда “Живой Церкви”, которые приняты в отмену основных требований церковной дисциплины, а тем более вероучения. Некоторые из этих постановлений являются для меня недопустимыми безусловно, некоторые — превышающими компетенцию нашего Поместного собора, а некоторые — неприемлемы до этого Собора».

Протест митрополита вызвали: отмена постановления Святейшего синода об отлучении от церкви Льва Толстого, решение о допустимости второбрачия для священников и брака для епископов. В связи с последним Сергей распорядился, чтобы в его епархии второбрачные священники извергались из сана, а вступившие в брак архиереи такими не признавались.

По существу это был бунт против обновленчества и открытый отход от него. Скандал получился столь громким, что обновленцы поспешили за помощью к властям. Поступок митрополита рассматривался даже на заседании Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б), которая постановила: «Епископа Сергея оставить в прежнем положении опального». И в самом начале 1923 г. его вновь вы-

---

¹ Живая церковь. 1922. № 8–9.

сылают в Нижний Новгород, где изолируют от церковной жизни, как в городе, так и в стране.

В отсутствие Сергея Владимирский губернский съезд духовенства и мирян, руководимый обновленцами, принял резолюцию, в которой говорилось: «Клеймим позором всех высших иерархов во главе с патриархом Тихоном. Да здравствует мировая революция, освободившая рабочих и крестьян от гнета капитала. Да здравствует возрождение страны рабочих и крестьян. Позор всем врагам пролетарской республики».

Дабы усугубить положение Сергея, Антирелигиозная комиссия поставила перед ГПУ задачу приступить к допросам митрополита по поводу его активной деятельности во времена Поместного собора и в качестве члена Священного синода; после чего, собрав обличительный материал, привлечь в качестве обвиняемого по «делу» патриарха Тихона.

Позиция «куратора» по религиозным вопросам Л. Троцкого оставалась неизменной — максимально долго сохранять в церковном мире атмосферу хаоса и безвластия, борьбы всех против всех и одновременно «вечекистскими методами» препятствовать консолидации церковных группировок, в том числе и через церковные соборы.

В отношении же патриарха Тихона считалось необходимым продолжать вести следствие «с пристрастием», готовиться к судебному процессу. Во исполнение этой линии в течение второй половины 1922 г. Тихона неоднократно допрашивали, и особенно интенсивно — в январе—феврале 1923 г. Тогда же «делом» вплотную занялась созданная в октябре 1922 г. при ЦК РКП(б) Комиссия по проведению отделения церкви от государства (Антирелигиозная комиссия), которую возглавил Е. М. Ярославский. В значительной мере именно она вырабатывала содержание «обвинения» против патриарха, решала вопросы о сроках процесса, его обвинителях и защитниках, о составе свидетелей и т. д. Ее связь с ГПУ, непосредственно ведущим следствие, осуществлялась через бессменного секретаря комиссии Е. А. Тучкова — заведующего 6-м отделением секретного отдела ГПУ.

Первоначально следствие планировалось завершить в марте 1923 г. и тогда же начать процесс. Персональная ответственность за обеспечение «дела» возлагалась на Комиссию в составе А. И. Рыкова, Н. В. Крыленко и М. И. Калинина. На время ее заседаний, как правило, присоединялся и Ем. Ярославский. Крыленко и Ярославский тяготели к «быстрому и решительному» действию в отношении патриарха, тогда как Рыков и Калинин выступали за более осмотрительное и осторожное поведение, более мягкую линию в отношении Тихона. В таких случаях спорный вопрос выносился на заседание Политбюро. Чаще верх брали сторонники жесткой линии.

В последний день февраля 1923 г. старший помощник прокурора республики Н. В. Крыленко представил проект обвинительно-

го заключения. Обвиняемым — патриарху Тихону и митрополиту Крутицкому Никандру (Феноменову), инкриминировалась «политическая контрреволюция» в период Октябрьской революции и в годы Гражданской войны, а также на них возлагалась вся ответственность за инциденты и жертвы при изъятии церковных ценностей. Они признавались «опасными для Республики» и потому в отношении них предлагалось избрать меру наказания в соответствии со статьями 63, 77 и 119 УК РСФСР¹.

В проекте старшего помощника прокурора Республики особо оговаривалось, что следствие будет продолжать собирать дополнительный материал в целях, во-первых, доказательства связи Тихона с зарубежной и внутренней «церковной и политической контрреволюцией», начиная с момента его избрания на патриарший престол; а во-вторых, для характеристики деятельности Поместного собора в его отношении к советской власти, к мероприятиям по отделению церкви от государства в период Гражданской войны.

Ставилась задача и расширения круга обвиняемых. По мнению следствия это могли быть: митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий), митрополит Владимирский Сергей (Страгородский) и епископ Ябургский Алексей (Симанский).

Однако резкое ухудшение состояния здоровья Ленина изменило планы Политбюро. Опасаясь, что «контрреволюционеры» смогут использовать ситуацию и будут «сеять панику и всякие провокационные слухи» прежде всего среди крестьян, возбуждая тем самым недовольство политикой советской власти в широких массах, Политбюро признало целесообразным не открывать в назначенное время процесс.

Но следственная группа ни на миг не приостанавливала своей деятельности. В феврале—марте 1923 г. особоуполномоченный ГПУ Я. С. Агранов вел допросы митрополита Арсения. Следователь интересовался тем, как Арсений узнал о воззвании патриарха и каково его отношение к нему; каковы связи патриарха Тихона с «белым движением»; как проходило изъятие ценностей в Новгородской епархии, особенно в Старой Руссе; какое участие он принимал в деятельности Синода в 1918–1919 гг., членом которого был; наконец, что ему известно о проведении негласного освидетельствования святых мощей в 1919–1920 г. в Новгородской епархии.

---

¹ См.: ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 55. Д. 409. Л. 90–89. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 92–94. В последующем, практически в неизменном виде все эти предположения и предложения перейдут в официальное обвинение по судебному делу патриарха Тихона См.: Обвинительное заключение по делу граждан: Белавина Василия Ивановича, Феноменова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Георгиевича и Гурьева Петра Викторовича по 62 и 119 ст. Уголовного кодекса. М.: Типография ГПУ, 1923. 55 с.

В ходе допросов митрополит заявил, что не считает святотатством изъятие церковных ценностей на дела милосердия в дни народных бедствий. А потому считает наименование в послании изъятия церковных ценностей «святотатством» неправильным, в том числе и по этой причине, послание патриарха в Новгородской епархии не распространялось. По его мнению, советская власть имела все законные основания изъять ценности, не обращаясь к церковной власти, и распорядиться ими по своему усмотрению. Арсений подчеркивал, что несколько раз обращался в особых посланиях к пастве не препятствовать изъятию и исполнить декрет.

Однако власть не слушала и не слышала объяснений митрополита, она уже сделала свой выбор в «пользу» Арсения, на чем настаивало и ГПУ. Сошлось на удивление все — активная и широко известная предреволюционная церковная деятельность Арсения, участие в деятельности Государственного совета, включение его в состав трех кандидатур по выборам патриарха, фактическое его положение руководителя пленарными заседаниями Поместного собора. Кроме того, важным был факт вынесения в мае 1922 г. Новгородским Ревтрибуналом решения в связи с сопротивлением изъятию церковных ценностей в Старой Руссе. Вынесенным смертным приговорам сопутствовало постановление о необходимости привлечении к судебной ответственности патриарха Тихона и митрополита Арсения. В отношении последнего было записано: «митрополит Новгородский Арсений также издал воззвание к своей епархии, в котором, действуя согласно с патриархом Тихоном, указывает о тех же наказаниях как священнослужителям, так и верующим в случае выдачи ценностей власти, что, таким образом, и действия митрополита Арсения Новгородского направлены к оказанию противодействия мероприятиям местной власти по изъятию церковных ценностей в пределах Новгородской губернии».

В текст окончательно утвержденного Обвинительного заключения по делу патриарха Тихона включено было и имя Арсения (Стадницкого), который, по логике обвинения, был одним из наиболее активных сотрудников Тихона и в силу этого обстоятельства также был ответствен за противодействие исполнению декрета об изъятии церковных ценностей, как из храмов и монастырей Новгородской епархии, так и по России в целом. По мнению прокурора судебной коллегии Верховного Суда РСФСР А. Я. Вышинского, готовившего проект заключения, послания Арсения лишь внешне призывали верующих к помощи голодающим, тогда как в действительности они носили антисоветский характер. В результате, утверждал Вышинский, «при изъятии церковных ценностей в гг. Старой Руссе. Новгороде и некоторых других местах Новгородской губернии пред-

ставителям советской власти было оказано противодействие со стороны прихожан»¹.

22 марта 1923 г. заместитель председателя ГПУ И. С. Уншлихт подписал ордер на арест Арсения, и он был препровожден в Бутырскую тюрьму. В доме, где он до этого проживал, был проведен тщательный обыск, изъяты переписка, документы, деньги. 24 марта Арсению было предъявлено постановление о привлечении в качестве обвиняемого по делу о противодействии исполнению декрета об изъятии церковных ценностей.

В тот же день его допрашивал Агранов, уже в качестве следователя по важнейшим делам при Верховном Суде РСФСР. Агранов напирал на то, что митрополит занимался пропагандой и агитацией с использованием религиозных предрассудков, еще состоя товарищем председателя Поместного собора Русской церкви, направлял деятельность Собора на «восстановление в России господства капиталистов и помещиков», осуждал политику советского государства и декрет об отделении церкви от государства, участвовал в создании «клеветнических обращений» патриарха Тихона и сам написал воззвание к верующим, которое стало причиной волнений с человеческими жертвами.

По всем пунктам обвинения митрополит себя виновным не признал. В доказательство он указывал, что на Поместном соборе 1917–1918 гг. «лично восставал против обсуждения вопросов политического характера, хотя и не всегда успешно», а на заседаниях Синода «лично высказывался против посылки письма» на имя В. И. Ленина в годовщину Октябрьской революции «ввиду резкости такового». По поводу освидетельствования мощей Арсений повторил, что это право церковной власти. Касаясь событий 1922 г. в Новгородской епархии вокруг отдельных храмов во время изъятия церковных ценностей, Арсений указал на свои послания к верующим с просьбой о помощи голодающим. И сказал, что за подобного рода действия ему была принесена благодарность представителями местных властей.

Но... Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 17 апреля 1923 г. утвердила обвинительное заключение, в котором перечислялись преступления патриарха и привлекаемых вместе с ним митрополитов Арсения и Никандра, а также П. В. Гурьева: контрреволюционная деятельность, невыполнение декретов советской власти и возбуждение населения к массовым волнениям с использованием религиозных предрассудков масс.

---

¹ Обвинительное заключение по делу граждан Белавина Василия Ивановича, Феноменова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Георгиевича и Гурьева Петра Викторовича по 62 и 119 ст. Уголовного кодекса. М., 1923. С. 54.

19 апреля, после предъявления обвинения, Тихон переводится из Донского монастыря во внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке, где уже находились его «подельники».

Начало судебного слушания было назначено на 24 апреля, однако в очередной раз оно было отложено, теперь уже по предложению Ф. Э. Дзержинского, дабы дать время для более тщательной подготовки. А 23 апреля в Верховный суд поступило заявление Московского губернского прокурора о привлечении к «делу» патриарха Тихона нового обвиняемого — епископа Коломенского Феодосия (Ганецкого). И потому все «дело» было отправлено на доследование: предположительно процесс откладывался на месяц.

Ситуация, складывавшаяся вокруг процесса над патриархом Тихоном, в партийном и государственном аппарате воспринималась неоднозначно.

Большинство склонялось к тому, что собранных «улик» уже достаточно и для начала процесса, и для осуждения патриарха. Такую позицию отстаивала, в частности, Антираионозная комиссия во главе с ее председателем Ем. Ярославским. К тому же и сам Ярославский, и его единомышленники настаивали на проведении обновленческого собора, который, по их мнению, должен был осудить «контрреволюционную» деятельность Тихона, отстранить от руководства церковью и лишить сана. Добавим, что, вступив в «контакт» с обновленцами, эта часть партийно-советских работников оказалась под прессингом обновленческих лидеров, которые призывали не только к суровому наказанию Тихона как «контрреволюционера», но и стремились руками государства расчистить себе путь к церковной власти¹.

Но были среди партийно-советских лидеров и те, кто, не отрицая «виновности» Тихона, все же выступали против форсирования судебного процесса. Один из них — нарком иностранных дел Г. В. Чичерин. В письме И. В. Сталину он прямо указывал на тот негативный эффект, который в странах Запада уже вызвала казнь прелата Буткевича по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей из костелов. И предупреждал о возможных негативных внешнеполитических последствиях при вынесении Тихону смертного приговора.

Нарком писал: «Всякий, кто хоть сколько-нибудь знает, что происходит за пограничными столбами, подтвердит, что во всех отношениях наше положение крайне ухудшилось в результате этого дела. Между тем в деле Буткевича имеется возможность сослаться на

---

¹ О ситуации в церковно-обновленческих кругах см.: Докладная записка В. Н. Львова «О положении в обновленческом движении накануне Поместного собора» // Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 99–104.

связь с агрессивным польским шовинизмом. В деле Тихона и этого нет. Все другие страны не усмотрят в таком приговоре ничего, кроме голого религиозного преследования. Англосаксонские страны, сверху донизу проникнутые ханжеством, не менее интересуются православием, чем католицизмом; англиканизм чувствует себя даже ближе к православию. Одним словом, вынесение смертного приговора в деле Тихона еще гораздо больше ухудшит наше международное положение во всех отношениях. Выносить же смертный приговор и потом отменять его, как будто под давлением других государств, для нас крайне невыгодно и создает в высшей степени тяжелое впечатление. Предлагаем поэтому отказаться от самого вынесения смертного приговора Тихону»¹.

Доводы Чичерина, как и общественное мнение Запада в пользу Тихона, поступавшие в Россию многочисленные обращения, телеграммы и запросы иностранных общественных и религиозных организаций и деятелей в его защиту — власти Советской России вынуждены были учитывать, хотя и стремились при этом с момента ареста Тихона «сохранять лицо», обосновывать «законность» и «правомерность» дела патриарха и одновременно отвести обвинения в «гонениях на религию». Немаловажно было и то, что среди рядовых верующих и приходского духовенства, как отмечалось даже в оперативных сводках ГПУ, «большинство относится сочувственно к Тихону»².

Весной 1923 г. власть, преодолевая свои нерешительность и колебания в намерениях и поступках в отношении обновленцев, все же дала «добро» на проведение обновленческого Поместного собора. Расчет был очевидным: судить не главу Российской православной церкви, а «бывшего патриарха», рядового мирянина, от которого отказалась сама паства и за которым отныне не было многомиллионной верующей массы.

29 апреля 1923 г. торжественной службой в храме Христа Спасителя открылся Второй Поместный собор Российской православной церкви. Давая своему церковному собранию наименование «второй», обновленцы намеренно подчеркивали свое исключительное «право на преемственность» исторической Православной церкви и тем самым «продолжали» историю Церкви уже в новых, советских условиях. Для «тихоновцев» же этот собор вошел в историю как «разбойничий собор».

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 55. Д. 409. Л. 99. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 96–97.

² Там же. Л. 104. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века... С. 98.

Литургию совершали двенадцать епископов, восемьдесят священников и восемнадцать дьяконов. К собравшимся со специальным словом обратился почетный председатель Собора митрополит Антонин (Грановский), возглавлявший богослужение. Он осудил прошлое Церкви, решения Поместного собора 1917–1918 гг. и призвал к деятельному участию Церкви в «переустройстве жизни на новых началах»¹.

Рабочие заседания Собора начались вечером 2 мая в III Московском Доме Советов (бывшая Московская духовная семинария). Присутствовали 476 человек, представлявшие 72 (из 74) епархии Церкви и различные церковно-партийные группы: «Живая Церковь», Собор Общин древлеапостольской церкви, «Возрождение», а также и «беспартийные» группировки. Хотя большинство по-прежнему оставалось за «Живой церковью»².

Председателем Собора избрали митрополита Сибирского Петра (Блинова). Повестка дня Собора состояла из десяти вопросов, среди которых: об отношении к социальной революции, к советской власти, к патриарху Тихону; о почитании святых мощей; о монашестве и монастырях.

Своими решениями Собор узаконил реформы, ранее озвученные Высшим церковным управлением: закрытие монастырей, допустимость второбрачия для духовенства. Хотя голосами «умеренных обновленцев» Собор отказался принять догматические и литургические новшества, на которых в своих докладах настаивали Введенский и Красницкий.

К главному вопросу: об отношении к революции, советской власти и патриарху Тихону соборяне приступили 3 мая. С докладом выступил протоиерей А. И. Введенский³. Он высказался за лишение патриарха Тихона сана и одновременно за упразднение самого институт патриаршества. Судя по занесенным в стенограмму выкрикам «Правильно! Верно!», именно эти предложения вызвали среди слушающих наибольшие одобрение и поддержку. «Я знаю, — говорил Введенский, — иногда церковным людям (в особенности находящимся за пределами этой залы) этот акт представляется нехристианским, актом сведения личных счетов, актом мести. Неправда... Я не сомневаюсь в том, что Собор, извергая Тихона из сана, делает это со спокойной совестью, что это не акт мести, а Суд Божий, действующий

---

¹ Деяния II Всероссийского Поместного собора православной церкви. М., 1923. С. 2.

² См.: Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 263.

³ Позднее доклад А. И. Введенского был опубликован отдельной брошюрой: «За что лишили сана патриарха Тихона». М., 1923.

через наше недостойнство... Церковь приветствует власть рабочих и крестьян. Она хочет полноты правды, она говорит: все отныне идем за Христом и со Христом осуществим его социальную правду, которая сейчас рождается в мире. Мы не губим Церкви, мы любим ее, и мы снимаем анафему»¹.

Накануне собор обновленческих епископов специально обсуждал судьбу патриарха Тихона и принял по отношению к нему следующий приговор: «По бывшем суждении о патриархе Тихоне Собор епископов пришел к единоличному решению, что патриарх Тихон перед совестью верующих подлежит самой строгой ответственности и каре — лишению сана и звания Патриарха — за то, что он направил всю силу морального и церковного авторитета на ниспровержение существующего гражданского общественного строя нашей жизни».

Под документом поставили свои подписи 54 архиерея, т. е. все присутствовавшие на Соборе. Из них 16 человек были епископами «старого», дореволюционного постановления.

Осуждение патриарха Тихона и его деятельности «как контрреволюционной» закреплено было и в Соборной резолюции, гласившей: «Собор на основании канонов Церкви сим объявляет Патриарха Тихона лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение. Отныне Патриарх Тихон — мирянин Василий Белавин».

Собор признал сам факт восстановления патриаршества на Поместном соборе 1917–1918 гг. «определенно политическим, контрреволюционным» и потому отменил принятое на нем соборное постановление о восстановлении патриаршества.

Через сотрудников ГПУ Тихон узнает о решениях Собора епископов и Поместного собора. Для того чтобы соборные документы были вручены ему из рук в руки, ГПУ 8 мая перевозит его из Лубянской тюрьмы в Донской монастырь. Сюда же допускается и делегация Собора во главе с митрополитом Петром². Тихон расписался на представленных ему документах, хотя и заявил, что не признает законность и правильность данных решений, так как они нарушают канонические правила.

Ближе к концу встречи выяснилось, что делегация обновленческого собора приготовила еще один «сюрприз» для Тихона. Глава делегации потребовал от него снятия священнических одежд. Он требовал

---

¹ Цит. по: Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории... С. 263.

² См.: Рапорт секретаря Судебной коллегии Верховного суда РСФСР С. С. Быкова / ЦА ФСБ РФ. Следственное дело патриарха Тихона. (Д. Н. — 1780). Т. 3. Л. 57–57 об. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 104–106.

этого от Тихона и второй, и третий раз. Но столкнулся с непреклонной волей патриарха, категорически отказавшегося от предложения обновленческого митрополита. Более того, Тихон заявил, что и в судебное заседание он придет в священнических одеждах. И как члены делегации ни настаивали, ни укоряли, ни запугивали, кроме подписи патриарха под актом об отказе снять священнические одежды, они ничего от патриарха не добились.

В середине мая 1923 г. доработанное «дело» патриарха, теперь уже бывшего, как считала власть, вновь передается в Верховный суд РСФСР. Казалось, настает решительный момент и процесс вот-вот будет открыт. Но этого не произошло. К целям, ради которых затевался процесс и которые частично были достигнуты: патриарх низложен, церковь раздроблена, ширится обновленческое движение — добавилась еще одна: добиться от низложенного патриарха публичного «политического раскаяния». Это было особенно необходимо с точки зрения внешнеполитического реноме власти.

Специально рассмотрению вопроса «О Тихоне» было посвящено заседание Антирелигиозной комиссии, состоявшееся 12 июня. Собравшиеся — Ярославский, Менжинский, Попов и Тучков «решили» судьбу Тихона. Они постановили, во-первых, что следствие по делу патриарха надо продолжать без ограничения срока и, таким образом, быть готовыми в любой момент предъявить ему обвинение. А во-вторых, сообщить Тихону, что по отношению к нему может быть изменена мера пресечения, если... И далее следовал перечень из девяти пунктов. Среди которых главный — заявление с раскаянием в «преступлениях против Советской власти, рабочих крестьянских масс»; признание «справедливости» привлечения его к суду; выражение лояльности к советской власти; «открытое отмежевание» от всех зарубежных контрреволюционных организаций, в том числе и от карловацкого собора¹.

После тяжких раздумий Тихон принял «ультиматум» власти. Спустя четыре дня, 16 июня, он направляет в Верховный суд РСФСР собственноручно написанное заявление. В нем он признал свою былую «враждебность к советской власти», выразившуюся в воззвании по поводу заключения Брестского мира, в анафематствовании советской власти, в воззвании против декрета об изъятии церковных ценностей и справедливость выдвинутого в отношении него обвинительного заключения. Завершал он заявление словами: «Я отныне Советской власти — не враг. Я окончательно и решительно

---

¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 24–25. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 106–107.

отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции»¹.

Заявление в спешном порядке рассматривалось по инстанциям, вплоть до Политбюро, в итоге Тихон был освобожден из-под ареста и возвращен в Донской монастырь.

Получив передышку, патриарх стремится укрепить свое положение, сплотить сторонников и в центре, и на местах, противостоять обновленчеству. В обращениях к пастве от 28 июня и 1 июля он вступает в открытую полемику с обновленцами, обвиняя их в отступлении и нарушении православных канонов; указывая на несправедливость и неканоничность решений обновленческого собора. Патриарх подчеркивает, что все эти действия не только ослабляют Православную церковь, но и способствуют «расхищению» православной паствы Римско-католической церковью и «сектантами» всех направлений².

15 июля Тихон в новом послании к пастве дезавуировал решения обновленцев. Он охарактеризовал действия А. И. Введенского и других как самовольный «захват» церковной власти и все их действия объявил «недействительными и ничтожными».

Перемены в позиции патриарха оказались и в центре внимания церковной эмиграции. Митрополит Антоний (Храповицкий) принимал эти изменения и говорил о них как о необходимости для церкви в новых обстоятельствах, как возможность существовать легально и бороться с «шайкой лжеепископов и лжепопов» — обновленцами.

Патриарх, вместе с тем, много места в обращениях к пастве отводил разъяснению своего и Церкви в целом отношения к власти. Он повторял и развивал идеи, высказанные им в заявлении в Верховный суд. Главная мысль обращений к пастве — Церковь лояльна к государству. «Российская православная церковь, — писал и говорил патриарх, — аполитична и не желает отныне быть «ни белой, ни красной» церковью, она должна быть и будет единою, соборною, апостольской церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, свергнуть церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены».

Июль—август 1923 г. время наивысшего взлета популярности патриарха Тихона. Как мрачно признавался А. И. Введенский, «его теперь в Москве на каждом углу засыпают цветами, никогда до ареста он не пользовался такой популярностью». Действительно, тысячи людей собирались в храмы, где служил патриарх, осаждали Донской

---

¹ Известия. 1923. 26 июня. ЦА ФСБ РФ. Следственное дело патриарха Тихона. (Д. Н. — 1780). Т. 3. Л. 63.

² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 19, 20. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 110–114.

монастырь, где он продолжал жить, чтобы увидеть, услышать, и если повезет, поговорить с патриархом.

Новая позиция патриарха по отношению к советскому государству способствовала тому, что постепенно снимались ограничения на его церковную деятельность, разрешался выезд за пределы монастыря в различные храмы Москвы и даже ближайшего Подмосковья.

С середины июля в Москве демонстрировался кинофильм «Тихон после раскаяния», где запечатлены его служения в Сретенском монастыре и на Ваганьковском кладбище у могилы патриаршего архидиакона К. Розова. Кинотеатры «Арс», «Форум» и «Уран», где проходили киносеансы, с раннего утра осаждали толпы. Перекупщики продавали билеты по невероятно высоким ценам: билет «на Тихона» стоил примерно столько же, сколько билет «на Шаляпина».

Организуемые в лучших залах Москвы (в том числе в консерватории, в Политехническом музее) диспуты на церковные темы с участием обновленцев и тихоновцев перерастали в бурные манифестации в поддержку патриарха. «За великого Господина нашего Святейшего Тихона, отца нашего, умрем, — скандировали его сторонники. Угрожающе при этом напирая на подмостки, где представители обновленчества отстаивали свои права и проклинали “контрреволюционера”, они кричали: — Постоим, отцы и братия, за веру православную!» Нередко лишь вмешательство милиции предупреждало столкновения и кровопролития. Такие и подобные картины содержатся в многочисленных донесениях агентов ГПУ, посещавших диспуты и собрания.

Патриарх формирует органы управления. Первым стал временный Священный синод, полномочия которого и состав определялись лично патриархом. В него вошли: архиепископы Тверской Серафим (Александров), Уральский Тихон (Оболенский), епископ Верейский Иларион (Троицкий), ставшие ближайшими помощниками патриарха.

В августе 1923 г. эти архиереи вместе с патриархом вновь обращаются с воззванием к Русской церкви. Они заявляют о решительном отмежевании от всякой контрреволюции: «Возврат к прежнему строю невозможен, Церковь не служанка тех ничтожных групп русских людей, где бы они ни жили, — дома или за границей, которые вспомнили о ней только тогда, когда были обижены русской революцией, и которые хотели бы ею воспользоваться для своих личных целей. Церковь признает и поддерживает советскую власть, ибо нет власти не от Бога»¹.

В добавление к этому Тихон издает указ о молитвенном поминовении государственной власти за богослужением по формуле:

---

¹ Цит. по: Цыпин В. История Русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. М., 2004. С. 403.

«О стране Российской и властях ея», сообщает о намерении перейти на новый стиль.

Безусловно, такая позиция патриарха и его сторонников бывала основной козырь у обновленцев — заявление о лояльности к советской власти. И как результат, по Москве прокатилась волна возвращения обновленческих священников в патриаршую церковь. Обновленцев выгоняют из храмов взашей, избивают, говорят о них с большей ненавистью, чем даже о безбожниках.

Сам патриарх оставался таким же, как и раньше. Он как бы не замечал свою громкую славу, по-прежнему принимал многочисленных посетителей, относился ко всем вежливо и внимательно, добрая шутка всегда была у него на устах. Как выразился один из посетивших его архиереев: «все хи-хи и ха-ха и гладит кота».

Тихон постоянно служил в храмах Донского монастыря и, по приглашению, в других храмах Москвы. Служил просто, без аффектации и внешней экзальтации, но с глубоким религиозным чувством. В момент причащения лицо его освещалось внутренним светом, он намного дольше, чем было положено, застыл, склонившись, перед престолом с Телом Христовым на дрожащих старческих руках.

Вслед за столицей кризис обновленчества наблюдается и в провинции. Подтверждение тому можно найти даже в документах Антирелигиозной комиссии. В одном из докладов Е. Тучкова «О церковниках и сектах за время с 1 июля по 15 сентября 1923 г.» читаем: «Несмотря на то что тихоновцев везде и всюду гораздо больше, чем обновленцев, но последние своих позиций не уступают и ведут отчаянную борьбу за обладание церквями, обвиняя друг друга в контрреволюции, тайно и явно донося друг на друга органам власти об антисоветских поступках. Враждебность этих течений доходит до форменной в церквях драки (Питер, Иваново-Вознесенск, Орел), что роняет авторитет церкви и делает благоприятную почву для антирелигиозной пропаганды»¹.

Местные органы ГПУ слали в центр отчаянные телеграммы с призывами помочь все более и более распадающемуся обновленчеству. К примеру, Ярославский губернский отдел ГПУ сообщал: «Обновленческая группировка в настоящее время почти совершенно прекратила свою деятельность под натиском тихоновской группировки. Большинство духовенства и верующих идут по пути тихоновщины, ослабляя морально и материально обновленческую группировку». Бороться с «тихоновщиной» и оказывать поддержку

---

¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 5. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 117–119.

обновленцам чекисты предлагали уже испытанным ими методом — «изъятия» из пределов Ярославской губернии популярных и авторитетных лидеров патриаршей церкви, в данном случае — митрополита Иосифа (Петровых)¹.

Верующие и духовенство все чаще ставят перед властью вопрос о снятии ранее установленного Наркомюстом² запрета на поминовение имени патриарха за богослужением, как могущего спровоцировать «антисоветские настроения и действия». Православные общины, как правило, игнорировали этот запрет, что приводило к арестам членов церковных советов и активистов. В сложном положении оказывались и органы юстиции на местах, поскольку требовать его безусловного соблюдения становилось все труднее и труднее — пересадить-то всех верующих было невозможно, а в то же время центральная власть тянула с отменой этого постановления и никак не реагировала на просьбы с мест «дать руководящие указания».

Освобождение патриарха вызвало и внутри обновленчества кризисные явления. С одной стороны, часть его сторонников с еще большим озлоблением стала относиться к «тихоновщине», проклиная ее и взывая к властям с требованием «уничтожить церковную контрреволюцию». А с другой — разнообразные группировки обновленцев, ранее спорившие между собой за власть и паству, оказавшись перед общей опасностью, должны были предпринимать шаги к объединению.

Фигурой, которая, как надеялись обновленцы, сможет осуществить этот объединительный процесс, стал митрополит Евдоким (Мещерский). Тот самый, что год назад вместе с Сергием (Страгородским) подписал воззвание о признании каноничности власти обновленческого Высшего церковного управления. Обновленческие лидеры умоляют его прибыть в Москву и возглавить движение. В ответной телеграмме Евдоким сообщил о своем согласии и одновременно в следующих словах выразил отношение к получившему свободу патриарху Тихону: «Попытку бывшего патриарха Тихона начать совершать богослужения считаю немыслимой и противоестественной. Тот, кто обагрил себя кровью с ног до головы, потряс Церковь до основания, ввергнул множество людей в тюрьмы и ссылки, содействовал разорению всей Русской земли, поддерживая врагов русского народа за границей, дискредитировал новое наше правительство пред всем светом — не может и не должен приступать к Божьему Престолу. Слишком велико преступление».

---

¹ См.: ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 102–102 об. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 115–117.

² Имеется в виду циркуляр Наркомюста от 26 апреля 1923 г., подписанный старшим помощником прокурора республики Н. В. Крыленко.

Сразу по прибытии в Москву Евдоким проводит совещание представителей различных обновленческих группировок. Принимаются решения об упразднении ранее действовавшего обновленческого Высшего церковного совета и учреждении вместо него Синода во главе с Евдокимом. В состав Синода вводятся, для придания видимости «церковной законности», епископы старого (дореволюционного) поставления.

Евдокиму удалось за короткий срок свершить, казалось бы, невозможное — приостановить центробежные процессы и консолидировать обновленчество. С ним обновленцы почувствовали себя спокойнее и увереннее. Величественный и надменный «князь церкви» Евдоким в то время импонировал решительно всем. Обновленческие батюшки подобострастно склонялись перед высоким духовным сановником, почуяв наконец привычную для них властную руку староцерковного архиерея. В иностранных посольствах Евдоким принимал вид образованного европейца, чему немало способствовала его великолепная английская речь и навыки, приобретенные им в бытность архиепископом Северо-Американским и Алеутским (1914–1917). Представителям Восточных патриархов в Москве и ученым теоретикам обновленчества из бывших академических профессоров импонировали диплом магистра богословия и ученая карьера Евдокима — инспектор, ректор Московской духовной академии (1898–1908). Наконец, народ, бесцеремонно выталкивавший из церквей обновленческих батюшек, умолкал при появлении старого архиерея в белом клобуке, с генеральской осанкой, с барской пренебрежительностью в обращении.

При Евдокиме начались первые робкие попытки обновленцев и «тихоновцев» перейти от противостояния и публичных обличений во всевозможных грехах к прощупыванию почвы для возможных переговоров о судьбах православия в России. Обновленцы выдвигали идею проведения объединительного Собора, который должен был принять окончательное решение о судьбе патриарха Тихона. Тихоновцы же считали, что путь к возможному объединению лежит через обязательное покаяние обновленцев в «грехах» учиненного ими раскола, а затем уже их судьба будет определена церковной властью.

Следует подчеркнуть, что хотя «тихоновцы» и вступили в контакт с обновленцами, но общей позиции в отношении «объединения» у них не было. Наряду с теми, кто готов был на уступки обновленцам, сильно было влияние и тех, кто не допускал и мысли о каких-либо уступках, и требовал прекращения всяких переговоров. В частности, такую позицию занимала группа иерархов и духовенства, объединившихся вокруг епископа Феодора (Поздеевского), пребывавшего на покое в московском Даниловом монастыре.

Все же патриарх Тихон еще какое-то время не прерывал переговоров. 25 августа его представители — архиепископы Иларион (Троицкий), Серафим (Александров) и Тихон (Оболенский) посе-

тили Евдокима в его квартире на Троицком подворье. Разговор касался конкретных условий возможного объединения. «Тихоновцы» выставили в качестве обязательных следующие условия — отказ от женатого епископата, недопущение второбрачных и третьобрачных клириков, признание в качестве главы Российской православной церкви Тихона. Со стороны Евдокима и секретаря обновленческого Синода А. И. Новикова именно третий пункт вызвал резкое несогласие. Они требовали немедленного удаления Тихона от управления церковью. Дальнейшую же его судьбу, по их мнению, должен был решить Поместный собор, собираемый «на равных» от представителей патриаршей и обновленческой церквей.

Вечером того же дня делегацию принял патриарх Тихон. Докладывал о ходе переговоров и о последних условиях обновленцев архиепископ Серафим. Они сводились к следующему: патриарх Тихон торжественно открывает совместный Поместный собор и сразу же заявляет о добровольном сложении с себя патриарших полномочий, желании уйти на покой в один из скитов. Собор принимает просьбу патриарха и избирает нового. Тем самым ставится точка в тягостном для всех разделении Церкви.

Тихон слушал молча. Казалось, он погружен в какие-то свои размышления. Может, он вспоминал, как всего лишь три месяца назад он был свергнут обновленцами с патриаршего престола. А теперь угроза отрешения от церковной власти вновь нависла над ним, но уже «в соучастии», казалось, ранее верных ему епископов. Ответ его был прост: он покорно передавал свою судьбу на усмотрение специально собравшихся в Михайловском соборе Донского монастыря епископов. Их было около тридцати. Архиепископ Серафим донес до них и предложения обновленцев, и свой разговор с Тихоном. Обсуждение и в этот раз не помогло выработать общей позиции. Дабы не обострять отношений внутри патриаршей церкви, решено было оставить дверь открытой для переговоров с обновленцами при условии, что «тихоновцы» едины в том, что не может идти и речи о немедленном отрешении Тихона от власти.

В этот же день, 25 августа 1923 г., и в течение последующих дней состоялась цепочка событий, о которых мало кто знал в тот период, но которые, как прояснилось позже, имели важное значение для будущих судеб русского православия в Советском Союзе.

С утра 25 августа патриарх распорядился, чтобы в Донской пригласили митрополита Сергия (Страгородского), который уже некоторое время жил в Москве и неоднократно просил о встрече с патриархом. Сергий просил патриарха Тихона простить ему «грех обновленчества» и принять в лоно патриаршей церкви. Патриарх пригласил Сергия на следующий день служить вместе с ним в Большом (летнем) соборе монастыря, что, очевидно, можно рассматривать как акт прощения Сергия.

26 августа, вечером, Сергей пришел в Большой собор Донского монастыря для участия в патриаршей службе. Но здесь, как свидетельствуют архивные документы, случилось неожиданное. Иерархи и священники, также приглашенные для участия в службе, увидев митрополита Сергея, отказались служить вместе с ним и потребовали от него покинуть храм. Они оставляли для Сергея лишь одну возможность возвращения в Церковь — путь публичного покаяния.

В тягостном состоянии духа Сергей вынужден был покинуть Донской монастырь. Он вернулся в свою квартиру на Валаамском подворье, где его ждала неожиданная встреча. Незванным гостем был митрополит Евдоким, который с восторгом стал рассказывать о своем успешном плане «поглощения» Обновленческой церковью Патриаршей церкви, и прозрачно намекал, что патриарший престол суждено будет занять именно ему. Сергей резко оборвал все более увлекающегося от сообщаемых им же самим фантастических перспектив Евдокима, давая понять, что между ними более нет никаких отношений, все в прошлом.

Евдоким, не прощаясь, ушел. Внутренне он был взбешен, ибо рассчитывал и надеялся на привлечение митрополита Сергея (Страгородского) — фигуру заметную, известную и привлекающую к себе паству, да к тому же с которым он был знаком почти двадцать лет. А тут... такой конфуз.

Вечером следующего дня, 27 августа, в канун праздника Успения Богородицы Сергей (Страгородский) вновь пришел в Донской. Вокруг храма, где должна была состояться патриаршая служба, уже теснились богомольцы. В этот день их было особенно много, ибо Москва уже была переполнена слухами о необычном событии — публичном покаянии известнейшего русского иерарха, бывшего обновленческого митрополита. Внутри собора также находилось множество молящихся: монахи монастыря, прихожане соседних храмов, московское духовенство, иерархи. Служба шла своим чередом. Но вот ход ее, отлаженный веками, приостановился. На амвон вышел величественный старец в простом монашеском клобуке. Следом за ним на блюде вынесли панагию, крест и белый клобук. Отдельно несли святительский посох. На амвоне стоял лишенный всех архиерейских отличий человек — слава и гордость Российской церкви. Глубоким раскаянием дышало его скорбное, орошаемое скупыми слезами лицо. Повернувшись в центр зала, где на кафедре восседал патриарх Тихон, Сергей низко поклонился. С усилием, словно преодолевая невидимую, но прочную преграду, произнес он первые слова раскаяния. К склонившемуся иерарху подошли патриархии иподиаконы, медленно повели его в центр зала. Вновь остановка: земной поклон и слова покаяния, произносимые дрожащим от волнения голосом.

Патриарх наклоняется к Сергию, ласково трогает его за окладистую бороду, что-то говорит ему на ухо. И тут же троекратно облобызался с ним и возвратил ему знаки архиерейского достоинства: надел на Сергия архиерейский крест и панагию. Иподиаконы накинули на плечи прощенного владыки архиерейскую мантию. Архиепископ Иларион подал ему на блюде белый клобук. Муки страдания и стыда, тяжелые переживания раскаяния остаются позади. Митрополит Сергей вместе с другими участвует в возобновленной службе. Вскоре он был назначен на Нижегородскую кафедру.

Для обновленцев и лично для Евдокима покаяние Сергия (Страгородского) и его возвращение в патриаршую церковь было одним из самых тяжелых ударов последнего времени. Они почувствовали некое сотрясение, поколебавшее все здание строящейся ими обновленной церкви. Но все же обновленцы и в конце 1923 г., и в начале 1924 г. продолжали ожесточенную полемику с патриаршей церковью. Теряя почву под ногами и не в силах противопоставить сторонникам патриарха аргументы канонического и церковного характера, обновленцы все более скатывались к приемам политической борьбы, не брезгуя методами доносов и публичных обличений. В их устах «тихоновщина» была не только, да и не столько «злом церковным», сколько «злом государственным». Они призывали и заклинали власти применить репрессии против «церковной контрреволюции», с корнем вырвать «политическую заразу».

В противовес этому, начиная особенно с осени 1923 г., патриарх Тихон настойчиво стучится в двери Наркомюста и ГПУ, вступаясь за иерархов, оказавшихся в ссылках на Соловках или в Сибири, или под арестом, или высланных в административном порядке¹. Он вновь и вновь напирает в своих устных и письменных заявлениях на то, что Церковь лояльна, аполитична. Тогда же в связи с кончиной В. И. Ленина патриарх послал во власть телеграмму соболезнования.

Но положение патриарха оставалось двусмысленным. Хотя он был освобожден из заключения и его церковной деятельности не чинились препятствия, но и Антирелигиозная комиссия, и ГПУ продолжали разрабатывать его «дело». Они пытались извлечь все возможные политико-идеологические плюсы из сложившейся ситуации в Православной церкви и вокруг Тихона. Патриарху напоминали, когда считали нужным, что он проявляет «чрезмерную активность» и уж слишком вступает за «контрреволюционное духовенство», что он все еще под следствием и что суд, при необходимости, может состояться в любой момент.

---

¹ См.: Одинцов М. И. «Подвергнуть аресту и привлечь к судебной ответственности». ВЧК–ГПУ и патриарх Тихон. 1917–1925 гг. // Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 141–155.

Лишь в марте 1924 г. была поставлена точка в «деле» патриарха Тихона. Президиум ВЦИК постановил «дело» патриарха Тихона, а также митрополита Никандра (Феноменова), Арсения (Стадницкого) и П. В. Гурьева «производством прекратить». Власть исходила из того, что, как записано было в постановлении, «гр. Белавин В. И., бывший патриарх Тихон, публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях против власти рабочих и крестьян; что среди мирских масс рабочих и крестьян проявляется усиленная тяга от религиозных суеверий в сторону науки и просвещения, что тем самым влияние так называемой православной церкви на широкие массы рабочих и крестьян решительно ослаблено и что вследствие этого гр. Белавин, бывший патриарх Тихон, и привлеченные с ним граждане не могут быть социально опасными для Советской власти»¹.

Если для патриарха Тихона «судебные страдания» были завершены, то для остальных фигурантов дела это был всего лишь небольшой перерыв. Уже 28 марта комиссия НКВД по административным высылкам приняла решение о высылке на три года в Бухару митрополитов Никандра и Арсения, а также П. В. Гурьева. В Москву им было уже не суждено возвратиться, даже несмотря на то, что Тихон неоднократно просил об этом власти.

1.5. Последний год патриаршества: стремление к легализации

Официальное прекращение «дела» патриарха Тихона породило в православной среде надежды не только на «скорые» победы над обновленчеством, но и на определенные реформы в самой патриаршей церкви, дабы «приспособиться» к новой общественной реальности.

Сам же Тихон воспринял это как определенное свидетельство изменения политики государственной власти к церкви. Со своей стороны он стремился к нормализации отношений с государством на началах лояльного к нему отношения и признания действовавшего законодательства о культах.

И сам Тихон, и близкие ему тогда митрополиты — Сергей (Старгородский), Тихон (Оболенский), Серафим (Александров), Петр (Полянский) — очень надеялись на то, что новая власть, ее первые лица изъявят желание встретиться с руководством патриаршей церкви, проявят к ней заинтересованность и терпимость. В этих целях Тихон по официальным и неофициальным (через сочувствующих церкви в госаппарате) каналам не раз обращался с просьбой принять его.

---

¹ Известия. 1924. 22 марта.

Как всегда, долгожданное событие произошло внезапно. 9 апреля 1924 г. патриарх Тихон был приглашен к Всесоюзному старосте — председателю ВЦИК и ЦИК СССР — М. И. Калинину. Беседа была благоприятной, и патриарх оставил принесенные им заявления и обращения, которые, как обещал Калинин, будут рассмотрены, и о результатах патриарху сообщат. В добавление к ним Тихон прислал и новое обращение, которое в основном касалось вопросов предоставления культовых зданий для православных общин, налогового обложения православного духовенства¹.

Остаются неизвестными все предшествующие тому обстоятельства, но спустя месяц после встречи с Калининным патриарха Тихона пригласили на встречу с председателем Совнаркома РСФСР и СССР А. И. Рыковым.

В кабинете председателя Совнаркома за квадратным массивным столом, покрытым традиционным зеленым сукном, на жестких стульях с высокими массивными спинками сидели друг против друга глава Советского государства А. И. Рыков и глава Российской православной церкви патриарх Тихон.

Они много слышали друг о друге, но вот так — глаза в глаза — встретились впервые. Патриарх с интересом всматривался в обрамленное густой бородой усталое серое лицо. Рыков с его обходительными и несколько старомодными манерами напоминал священника или средней руки конторщика дореволюционной эпохи. Только глаза выдавали характер решительный и твердый.

С любопытством хозяин кабинета смотрел на своего гостя. Тот совсем не соответствовал представлениям о сановитости и надменности «князей Церкви». Если бы не панагия на груди, его можно было бы принять за доброго сельского батюшку.

В преддверии встречи помощники Рыкова подобрали ему информацию о Тихоне, «делах» его в прошлом и настоящем. Принесли бумаги и люди из ГПУ. Посмотрел и собственные записи предсовнаркома, ведь ему непосредственно приходилось заниматься и борьбой с голодом, и судебным делом патриарха. По-человечески Рыкову было интересно потолковать с таким, как ему сразу показалось, «милым стариком». Но будучи опытным и расчетливым политиком, он не должен был поддаваться эмоциям, тем более что и обстановка в партийно-государственном аппарате не располагала к этому. Слишком много было тех, кто не одобрял, как они выражались, «либеральной затей» переговоров, тех, кто по-прежнему видел в «церковниках» и «попов»

---

¹ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 57. Л. 33–34 об. Опубликовано: Одинцов М. И. «Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти» (документы и материалы о патриархе Тихоне) / Вопросы научного атеизма. Вып. 39. М., 1989. С. 320–322.

шине» контрреволюционеров. Не было для Рыкова тайной и то, что каждое произнесенное им слово, каждая фраза будут донесены, превратно истолкованы и цинично использованы теми, кто уже разворачивал борьбу за наследство вождя в коридорах Кремля.

Основные «жалобы» патриарха сводились к тому, что патриаршей церкви, ее высшим и епархиальным органам власти на местах отказывают в регистрации; чинят препятствия деятельности общин, не разрешают верующим переходить вместе с храмами в патриаршую церковь, облагают непомерными налогами духовенство, не дают собрать съезд, кое-где грозят архиереям и духовенству арестом за борьбу с обновленчеством, в административном порядке высылают в места отдаленные и пустынные. В подтверждение сказанному патриарх оставил заявление¹.

По завершении встречи председатель Совнаркома проводил необычного посетителя до двери своего кабинета и обменялся с ним на прощание теплым, почти дружеским рукопожатием. Возвратившись к своему рабочему столу, он придвинул к себе оставленные Тихоном документы, полистал, вчитался в некоторые фразы. Его не надо было убеждать, что все в них написанное — правда. Да и все, что было рассказано патриархом, вряд ли можно было поставить под сомнение. Из поступающих по советской линии материалов видно было, что власти в центре и на местах все еще во многом живут по высказанной два года назад Троцким формуле: содействовать расколу в Русской церкви и поддерживать возможно дольше противостояние образовавшихся церковных направлений по принципу «все против всех».

А из получаемых Рыковым, как членом Политбюро, документов партийных органов было заметно, что партийцев пугала наметившаяся вслед за отказом от политики военного коммунизма тенденция к «религиозному оживлению», росту числа религиозных объединений. Ощущалось вызревание в партийно-руководящих кадрах желания объявить религии новую войну, устроить новый «антицерковный поход». Рыков был против такой политики, и вплоть до своей отставки будет бороться с ней. Сейчас же для него было ясно, что время увлечения обновленцами должно пройти, завершиться как можно быстрее, и отношение государства к обеим ветвям русского православия должно быть одинаково равным и опираться на право, а не на конъюнктурно-идеологические ожидания и идеи.

Чтобы придать официальный ход обращению патриарха, Рыков поручил заняться им наркому юстиции Д. И. Курскому. Тот, спустя

---

¹ Там же. Л. 46–51. Опубликовано: Одинцов М. И. «Мы должны быть искренними...» С. 322–326.

некоторое время, в письме Рыкову¹ высказался в том плане, что «после прекращения дела о патриархе Тихоне ВЦИКом, полагаю, не имеется для так называемой Тихоновской церкви препятствий идти путем легализации своей организации наряду с обновленческой... Считаю наиболее правильной линией допущение свободной конкуренции Тихоновской и обновленческой церквей».

Впервые со времен Гражданской войны за «тионовской» церковью было признано право на законное существование. Практически это означало, что верующие патриаршей ориентации согласно декрету об обществах и союзах должны были подать заявление о разрешении проведения съезда, на котором могли быть избраны органы церковного управления; а в дальнейшем они могли быть зарегистрированы органами НКВД.

Общим требованием по тогдашним условиям для всех обществ и союзов при их регистрации была обязательность подачи Декларации (заявления) об отношении к государственному и общественному устройству СССР, с признанием своей лояльности к существующей власти.

Эти мнение и требования были доведены до патриарха. В конце мая 1924 г. на первом же заседании патриаршего Синода, пока еще незарегистрированного властями, единогласно решено было приступить к составлению требуемых для регистрации документов, и прежде всего к разработке Декларации.

Власть пошла навстречу просьбе патриарха и разрешила ему жить за пределами Донского монастыря. Для этих целей на первых порах был подобран дом в Сокольниках. Здесь же предполагалось разместить органы церковного управления. Казалось, ситуация хотя и медленно, но меняется в лучшую сторону.

По получении ответа на свои обращения от высших государственных органов патриарх начинает процесс легализации Церкви. В сентябре 1924 г. он обращается в Моссовет с просьбой о регистрации «церковно-канонической православной иерархической организации». В числе основных направлений деятельности новой церковной организации перечислялось: руководство пастырями и верующими, добровольно признающими эту религиозную организацию; рукоположение в священно- и церковнослужители избираемых группами и общинами верующих кандидатов; разрешение дел о духовных наградах, о снятии священного сана и о церковных браках; снабжение храмов предметами культа и богослужебными книгами; устройство

---

¹ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 57. Л. 85–85 об. Опубликовано: Одинцов М. И. «Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти» (документы и материалы о патриархе Тихоне) / Вопросы научного атеизма. Вып. 39. М., 1989. С. 327–328.

религиозно-нравственных, церковно-исторических и религиозно-философских собеседований, чтений, духовных и богословских курсов, читален и библиотек; проведение совещаний и съездов для обсуждения религиозных дел и вопросов»¹.

Патриарх специально оговаривал, что деятельность этой «организации» основывается на соблюдении Декрета об отделении церкви от государства и других нормативных актов, регулирующих положение религиозных организаций.

Обращается Тихон и в НКВД (февраль 1925) с заявлением о регистрации Центрального исполнительного церковного органа — Синода. В его состав намечено было ввести Нижегородского митрополита Сергия (Страгородского), Уральского митрополита Тихона (Оболенского), Питерского митрополита Серафима (Александрова), митрополита Крутицкого Петра (Полянского), Херсонского епископа Прокопия (Титова) и Мелитопольского епископа Сергия (Зверева)².

Первые шаги патриарха к легализации осуществлялись на фоне существенных изменений в государственно-церковных отношениях в СССР в целом, и в РСФСР в частности. Во-первых, состоялось отделение церковных институтов от государства: прекращено их государственное финансирование; упразднены церковно-административные структуры, осуществлявшие те или иные государственные функции; сформирована светская государственная школа; прекращена деятельность культовых зданий и организаций в (при) государственных ведомствах и армии; отменена религиозная присяга и обязательность церковных постановлений для граждан; отменена обязательность церковного брака, совершения религиозных браков и обрядов.

Во-вторых, наиболее крупные конфессии (патриаршая и обновленческая церкви, армянская апостольская церковь, старообрядческая, лютеранская, баптистская и адвентистская церкви, мусульманские, буддистские и иудейские организации) заявили о своей лояльности к новой власти и призвали верующих к исполнению гражданских обязанностей³.

В-третьих, центральные органы власти — ВЦИК и Совнарком РСФСР, республиканские наркоматы (юстиции, внутренних дел) и местные органы власти (в национальных автономных республиках и губерниях) — накопили определенный положительный опыт, хотя

---

¹ ЦГА МО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 365. Л. 2–2 об.

² См.: ГА РФ. Ф. Р. 393. Оп. 2. Д. 1851. Л. 31. Опубликовано: Одинцов М. И. «Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти» (документы и материалы о патриархе Тихоне / Вопросы научного атеизма. Вып. 39. М., 1989. С. 328.

³ В последующем этот процесс нарастал, и спустя 2–3 года практически все более или менее значимые религиозные организации заявили о своей политической лояльности.

нередко методом проб и ошибок, в регулировании взаимоотношений с верующими и их организациями.

Сложившиеся объективные предпосылки к возможным коррективам вероисповедной политики государства сказались и на реорганизации органов, ранее осуществлявших государственную церковную политику. Летом 1924 г. был упразднен «ликвидационный»¹ отдел в Наркомате юстиции, который, собственно, и создавался для осуществления «отделения церкви от государства». Уже в конце 1922 г. он выходил за рамки возложенных на него первичных задач и претендовал на более широкое свое участие в правовом обеспечении прав граждан на свободу совести и законно действующих религиозных объединений. Стоит добавить, что именно этот момент особенно раздражал всесильное ведомство — ОГПУ, которое небезосновательно воспринимало отдел в качестве «строптивного соперника», ибо нередко его позиция в религиозном вопросе шла вразрез с позицией спецорганов.

Когда в ноябре 1922 г. на коллегии Наркомюста обсуждалась судьба отдела, Н. Крыленко (заместитель наркома) говорил: «Полагал бы 5-й отдел в составе НКЮ упразднить, предложить ВЦИК организовать у себя особую комиссию по церковным делам в качестве руководящего органа советской церковной политики, придав ей в качестве технического аппарата нынешний аппарат 5-го отдела с непременно включением в состав комиссии т. Красикова в качестве постоянного представителя НКЮ»². Тогда это предложение реализовано не было, но согласно утвержденному в 1923 г. Положению о Наркомюсте на сохраненный 5-й отдел возлагались более широкие, чем ранее, обязанности по наблюдению за проведением в жизнь церковной политики советского государства. В частности:

- разработка проектов и издание инструкций и циркуляров в области советской политики по отношению к церковным и культовым объединениям;
- общее наблюдение за правильным применением декретов об отделении церкви от государства и закона об освобождении от службы в войсках по религиозным убеждениям;
- разработка материалов и данных всех ведомств, имеющих отношение к религиозным объединениям всех направлений.

Однако тогда же, в 1923 г., на местах упраздняются губернские отделы юстиции и действовавшие при них подотделы и комиссии по введению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства.

---

¹ С 1923 г. — он поменял свой порядковый номер в Наркомюсте с VIII на V.

² ГА РФ. Ф. А-353. Оп.8. Д. 19. Л. 72.

а функции, им принадлежавшие, передавались местным органам НКВД. Тем самым 5-й отдел Наркомюста терял возможность влиять на практическое проведение церковной политики на местах. В результате в августе 1924 г. отдел был упразднен, а его функции перешли частью к вновь образованному Секретариату по делам культов при председателе ВЦИК, а частью — к НКВД.

На Секретариат по делам культов были возложены обязанности по разработке и проведению «религиозной политики» государства¹. Этот орган не имел властных полномочий, но его деятельность, поддерживаемая А. И. Рыковым, М. И. Калининым, П. Г. Смидовичем и П. А. Красиковым, давала возможность иметь представление о реальной религиозной ситуации в стране и вместе с тем вселяла некоторые надежды, что можно противостоять натиску на религию со стороны государства и партии.

На Наркомат внутренних дел легла основная часть практической повседневной работы с религиозными организациями, где главным было проведение учета религиозных объединений и сбор сведений о количестве религиозных объединений, сектантских групп, молитвенных зданий и монастырей, проведенных съездов (епархиальных и т. п.) религиозных организаций, а также данные о составе органов церковного управления. В центральном аппарате НКВД ее осуществляли административный и секретный отделы, а на местах — краевые, областные и губернские административные и секретные отделы.

Хотя и Секретариат по делам культов, и НКВД пытались проявлять самостоятельность в той части церковной политики, что была им отведена государством, но все же практическая церковная политика государства все более и более определялась в кабинетах Лубянки. А там по-прежнему плели хитроумные комбинации и в отношении патриарха, и в отношении его ближайших помощников, которых регулярно, с мрачной периодичностью отправляли в ссылки, тюрьмы, административные высылки, оставляя порой между отсидками на свободе несколько дней. Патриарх прекрасно был осведомлен о всеильности этого ведомства в церковных вопросах. Примеров тому было множество, но один был особенно показателен. Уже на следующий день после встречи Тихона с Рыковым сопровождавшие патриарха митрополиты Петр (Полянский) и Серафим (Александров) были подвергнуты административной высылке из Москвы. Патриарх вступился за них, обращался к Рыкову². Но даже тому с трудом и далеко не сразу удалось отменить несправедливые решения.

¹ См.: Одинцов М. И. Государство и церковь. XX век. М., 1994.

² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 647. Л. 11. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 131.

В переписке патриарха с ГПУ в 1924–1925 гг.¹ наряду с настойчивыми просьбами об освобождении арестованных и сосланных епископов, еще одной постоянной темой были организация и деятельность Высшего церковного управления и епархиальных управлений на местах. Патриарх убеждал власти, что епископы «будут работать в контакте с государственной властью и в согласии с действующими законами СССР, что по регистрации Священного синода «будет издана декларация об отношении Церкви и ее служителей к Советской власти», которая станет своеобразной «инструкцией» для епископов на местах»². Уже с осени 1924 г. патриарх Тихон вместе с ближайшими своими помощниками разрабатывает этот документ. По поручению патриарха митрополиты Петр и Тихон вели переговоры и обсуждали данный текст с властными структурами. Думается, что еще одной из причин, по которой патриарх Тихон настойчиво просил у власти разрешения на проведение совещания всех епископов, находившихся на тот момент в Москве, было желание коллективно обсудить основные идеи будущей декларации.

Активное стремление патриарха, поддерживаемое и епископами, нормализовать отношения с государством и тем обеспечить благоприятные условия деятельности Церкви, наталкивались на определенные препятствия. К ним можно прежде всего отнести сохранившееся и во властных структурах, и в правоохранительных органах предубеждение относительно «тихоновщины». В ней все еще виделись «контрреволюция» и «антисоветская деятельность», потому наиболее действенным способом воздействия на нее продолжали считать административное давление и репрессии.

Да и обновленцы продолжали свою линию натравливания власти на тихоновцев. Они стремились отстоять за собой право быть единственной признанной Православной церковью в СССР.

В одном из писем обновленческого Синода от октября 1924 г., посланного М. И. Калинину, констатировалось, что «с политической пропагандой тихоновцев нам бороться трудно, ибо наши религиозные мотивы для контрреволюционеров ничего не стоят. Здесь одна лишь государственная власть может с корнем вырвать политическую заразу. Мы уверены, что при ликвидации тихоновской головки постепенно места успокоятся. И легче Синоду будет выравнивать работу во всероссийском масштабе. При существовании же тихоновского центра работа Синода не может быть так плодотворна, как это ему бы хотелось во имя церковных и чисто государственных интересов».

---

¹ См.: Одинцов М. И. «Подвергнуть аресту...»

² ЦА ФСБ РФ. Следственное дело патриарха Тихона. (Д. Н. — 1780). Т. 5. Л. 157–158, 170 и др.

Обновленцы продолжали настаивать на том, что Тихон не патриарх, а «лишенный священства и монашества мирянин Василий Белавин», которого необходимо сослать в один из отдаленных монастырей. «С точки зрения церковной он является тяжким преступником, нарушающим мир церковный, но, — указывали они, — и с точки зрения государственной Тихон является специально вредным, ибо тихоновщина есть зло церковное, поскольку она несет разделение церкви, она и зло государственное, так как около Тихона объединяются все контрреволюционные силы страны от монархистов до меньшевиков»¹.

Обновленцы рассчитывали найти себе поддержку и за пределами СССР. Укрепить свое положение в православном мире они надеялись посредством направления в Иерусалим обновленческой делегации для участия во Вселенском Соборе, намечавшемся на 1925 г. Готовясь ему, в июне 1924 г. обновленцы собрали в Москве «великое предсоборное совещание». Здесь они вырабатывали позиции и по отношению к патриаршей церкви, и к патриарху Тихону. В резолюциях подчеркивалась обоснованность отстранения Тихона от власти и в связи с возникшими после революции «церковными настроениями», и в связи с его нелояльной, «контрреволюционной» позицией в отношении властей.

В конце 1924 г. здоровье патриарха резко пошатнулось. В середине января 1925 г. он переехал в клинику Бакуниной на Остоженке, где в его лечении участвовал известный профессор Плетнев. Будто предчувствуя худшее, патриарх дал указание Синоду как можно быстрее завершить работу над посланием к пастве, в котором должна была выразиться обобщающая характеристика всего, что произошло с Церковью в послеоктябрьский период, и ее нынешнее отношение к власти и обществу.

В праздник Благовещения 7 апреля состоялось одно из очередных совместных с патриархом заседаний Синода. Тихон подписал окончательно доработанный и согласованный с властью текст. Ночью патриарх скончался.

На следующий день гроб с телом покойного был установлен в Большом соборе Донского монастыря. Тысячи и тысячи людей направились туда, дабы простится с тем, кто в трагические для страны и Церкви годы являлся главой православных верующих. Казалось, вся Москва и вся Россия двинулись в Донской. От Калужской площади, куда можно было еще добраться более или менее спокойно, начиналась длиннейшая, в полторы версты, очередь. Она тянулась к монастырским воротам, шла через обширный двор и упиралась в

---

¹ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 52. Л. 24–25 об. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 136–138.

собор. Здесь очередь разделялась и уже двумя ручейками проникала внутрь, где посередине собора на возвышении стоял дубовый гроб. Патриаршая мантия покрывала его. Лик патриарха был закрыт воздухом, в руках — крест и Евангелие. Тропические растения (фикусы) высились вокруг, оставляя свободными только два прохода с обеих сторон, по которым и шли непрерывным потоком, двумя бесконечными лентами верующие.

Около гроба, у возглавия, стояли два иподиакона с рипидами (небольшими церковными опахалами). По бокам, с каждой стороны, два диакона пропускали народ. У ног святейшего на аналое сиротливо высился патриарший куколь и стояли еще два иподиакона. Один из них держал патриарший крест, другой — патриарший посох. А вокруг — венки, венки... Народ истово крестился, прикладывался к кресту и Евангелию, целовал одежду патриарха. И так всю неделю.

9 апреля митрополит Крутицкий Петр (Казанский) направил в адрес Председателя ВЦИК М. И. Калинина записку с информацией о своем вступлении в должность местоблюстителя, с приложением копии январского завещания патриарха Тихона.

12 апреля, в Вербное воскресенье, наступил последний день прощания. Площадь перед монастырем и монастырским двором была переполнена народом. Собор не мог вместить всех пришедших попрощаться с патриархом. Литургию служили двенадцать архиереев и двадцать четыре священника. Духовенство встало вокруг гроба и кафедры в три ряда, заняв всю середину собора. С обеих сторон гроба были оставлены свободные проходы, но прикладываться уже не пускали, и народ только проходил мимо, издали глядя на почившего в гробе патриарха. Этот поток не прекращался вплоть до отпевания и отчасти во время отпевания. Пел соединенный хор певчих. Поочередно со словами прощания выступили иерархи, клирики, ученые-монахи.

Первым среди них был Сергей (Страгородский), особенно подчеркивавший, что патриарх «на себе одном нес всю тяжесть Церкви в последние годы... Он имел особенную широту взгляда, способен был понимать каждого и всех простить. А мы очень часто его не понимали, часто огорчали своим непониманием, непослушанием, отступничеством. Один он безбоязненно шел прямым путем служения Христу и Его Церкви».

Без торопливости, благолепно совершался чин отпевания. Настроение было тихое, скорее унылое. Чувствовались общая потерянная, усталость и тяжелый душевный гнет. Но вот со словами «Придите, последнее целование...» началось прощание архиереев, а затем священников. У них слезы выступают на глазах, текут по векам. И никто их не стыдится, так естественны и понятны они при гробе патриарха. Наступило молчание, точно не решался никто первым подойти, чтобы поднять гроб и нести на место последнего упокоения. Вдруг среди тишины раздались простые, но искренние и непосредственные слова: «Прощай, прощай, святитель наш... Закатилось сол-

нышко Церкви Русской». И дали они выход общему чувству. И вновь полились слезы, но это уже не были одинокие слезы отчаяния и безысходного горя, не только не облегчавшие душу, но еще более ее угнетавшие. Нет... то были общенародные слезы, слезы умиления и утешения. Точно камень свалился с сердца, точно солнце проглянуло сквозь грозовые тучи, и в самой печали указан был путь к радости и надежде. Плакал народ...

Архиереи в белых одеждах и золотых митрах подняли гроб и вынесли его за двери собора. Поставили на носилки, стоявшие на прилегающей к зданию площадке, с которой вела вниз высокая и широкая лестница. Хор сестричества шел за гробом и пел. Поражали белые их лица, утомленные многочасовой службой. Пение сливалось с перезвонном колоколов. Погребальная процессия проследовала вокруг собора, к келье патриарха, где провел он последние два с лишним года и — к Малому собору. В темные раскрытые двери вошли архиереи, — они затворились. В молчании стояли люди перед закрытыми дверями храма. Там проходила лития. Вот изнутри слышались: «Вечная память». Это гроб опускали в могилу. Печальный перезвон колоколов точно плакал над раскрытой могилой.

Был восьмой час вечера, и народ стал постепенно расходиться. Но на смену уходящим подходили все новые и новые, те, кто в часы прощания стоял за монастырскими стенами. И долго-долго в ночной тишине раздавалось пение: «Вечная память».

Участвовавшие в похоронах патриарха архиереи собрались в опустевшей келье патриарха, чтобы исполнить его последнюю волю. Вскрыто и оглашено было завещание покойного, составленное патриархом в Рождество 1925 г. В нем в качестве возможных кандидатов на временное, до Поместного собора, исполнение «патриарших прав и обязанностей» были названы митрополиты Кирилл (Смирнов), Агафангел (Преображенский) и Петр (Полянский).

Поскольку первые двое находились в ссылке, то совещание (фактически Архиерейский собор) постановило: «митрополит Петр не имеет права уклониться от возлагаемого на него послушания». Закрепление его прав в качестве патриаршего местоблюстителя было оформлено актом «О восприятии власти митрополитом Петром», под которым стояли подписи 58 архиереев, из них первая — митрополита Сергия (Страгородского).

В тот же день митрополит Петр в послании к верующим сообщил о кончине и погребении патриарха Тихона, о своем избрании, в соответствии с волей патриарха Тихона, в качестве местоблюстителя патриаршего престола¹.

---

¹ ЦА ФСБ РФ. Следственное дело патриарха Тихона. (Д. Н. — 1780). Т. 29. Л. 235–235 об.

Митрополит Петр информировал и власти о своем вступлении в новую должность. При этом он подчеркивал, что сохраняет преемственность курсу патриарха Тихона на лояльность Церкви, подтверждает ранее поданные обращения патриарха о регистрации высших и епархиальных органов церковного управления и готов к переговорам с властями по всем вопросам, касающимся положения Церкви Советском Союзе.

На тот момент о существовании и содержании послания патриарха Тихона, подписанного им 7 апреля, знал ограниченный круг людей. После смерти патриарха, оказавшись последним из документов, им подписанным, оно приобрело особую значимость, став своего рода завещанием Тихона верующим, духовенству и Церкви в целом. В этих условиях весьма важным было для патриаршего местоблюстителя довести его содержание до многомиллионной паствы, ибо оно стало своеобразной рубежной линией во взаимоотношениях между советским государством и Церковью.

В этих целях 15 апреля 1925 г. митрополит Петр вместе с митрополитом Тихоном (Оболенским) передали текст послания в редакцию газеты «Известия», где оно и было опубликовано. Заключительные строки обращения патриарха Тихона к верующим гласили: «Призывая на архипастырей, пастырей и верных нам чад благословение Божие, молим вас со спокойной совестью, без болезни погрешить против святой веры, подчиниться Советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова апостола: “Земная душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены” (Рим. XII, I).

Вместе с этим мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст нам возможность преподавать детям наших пасомых Закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы»¹.

По вступлении в новую церковную должность митрополит Петр дал интервью газете «Известия». Отвечая на вопрос корреспондента о слухах в церковном мире о неподлинности завещания патриарха Тихона, митрополит Петр ответил: «Слухи эти никакого основания не имеют. Если об этом и говорят, то две-три кликуши с Сухаревки. Что касается верующих, то они в подлинности Завещания не сомневаются».

---

¹ Известия. 1925. 15 апреля.

Глава II

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД МЕЖДУПАТРИАРШЕСТВА 1925–1943 гг.

2.1. Церковные нестроения и расколы

***Местоблюститель патриаршего престола —
митрополит Крутицкий Петр (Полянский)***

Обновленцы связывали с кончиной патриарха Тихона надежды на скорый крах патриаршей церкви, чему они всячески стремились способствовать. С одной стороны, они использовали испытанный метод доноительства и очернительства перед властями тихоновцев, а с другой — вновь и вновь предлагали тихоновцам воссоединение. Для этого на лето 1925 г. был назначен созыв «примирительного собора». На него обновленцы всеми силами пытались вызвать митрополита Петра и тихоновских архиереев.

В руководстве патриаршей церкви были две точки зрения. Одна группа иерархов считала недопустимым какое-либо общение с обновленцами. Другая считала возможным прислушаться к призывам обновленцев о преодолении раскола. Митрополит Петр не отвергал контактов с обновленцами, но однозначно выставил условие — никакого воссоединения. Речь может идти только о присоединении к Православной церкви отпавших от нее, и только в случае их покаяния.

В июле 1925 г. в послании к пастве Петр конкретизировал эту позицию: «Истинная Церковь едина, и едина пребывающая в ней благодать Святого Духа. Не может быть двух Церквей и двух благодатей. Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести истинное раскаяние в своих заблуждениях». Собираемый обновленцами собор был объявлен лже-собором, участвовать в котором категорически запрещалось.

Летом 1925 г. Е. А. Тучкову было поручено провести переговоры с митрополитом Петром по вопросам положения Православной церкви и принципиальных основах ее взаимоотношения с властью. В качестве условий возможного правового признания (легализации)

Православной церкви как целостного организма выставлялись следующие требования: исключение (вывод за штат, отправление на покой, запрещение в священнослужении и т. п.) из числа иерархии «политически неблагонадежных» епископов; осуждение заграничного (карловацкого) духовенства; издание декларации о лояльности Церкви; согласование с властями вопросов назначения епископата и по другим наиболее важным аспектам внутрицерковных проблем. Хотя ничего нового со стороны властей не выдвигалось и патриарх Тихон ранее давал принципиальное согласие по всем этим пунктам, Петру (Полянскому) не удалось установить приемлемые отношения с властями. Более того, в органах ОГПУ он рассматривался как фигура «политически неблагонадежная» и «неподходящая» на пост главы Церкви. ОГПУ было «недовольно» избранием в качестве местоблюстителя митрополита Петра. Между ОГПУ и митрополитом так и не установились хотя бы более или менее нормальные отношения.

Петр тяготился контактами с ОГПУ. Он считал, что Церковь должна и имеет право общения непосредственно с руководителями советского государства, настаивал на встрече с Рыковым и Калининым, выступая за продолжение той линии, что закладывалась во время встречи с обоими патриарха Тихона. Петр не был ни дипломатом, ни политиком, поэтому некоторые его поступки воспринимались властью достаточно болезненно.

Главная цель для местоблюстителя, считал Петр, быть со Христом и народом церковным, т. е. возглавлять Церковь и находиться с большинством паствы. При решении церковных вопросов Петр нередко советовался с архиепископом Феодором (Поздеевским) — настоятелем Данилова монастыря, занимавшим довольно жесткую позицию в отношении советской «безбожной» власти и вообще не одобрявшим контакты с ней. Обращался он также за консультациями к видному дореволюционному общественному и церковному деятелю — А. Д. Самарину, который ранее был осужден Ревтрибуналом.

Вдобавок, что не нравилось ОГПУ, Петр отвергал обвинения обновленцев в «контрреволюционности» патриаршей церкви. Своё личное мнение он изложил в специальном послании от 27 июля 1925 г.: «Будем пребывать в союзе, мире и любви между собой, будем едино, помогая друг другу, охранять нашу православную веру, являя везде и всюду пример доброй жизни, любви, кротости, смирения и повиновения существующей гражданской власти, в согласии с заповедями Божиими, памятуя, что Церковь Христова ведет верующих только к духовно-нравственному совершенствованию и нет в ней никакого места для политической борьбы, дабы власть видела это, и Дух Божий возглагодал бы через нее благая о Церкви Святой».

Ряд епископов братски советовали Петру более определенно разъяснить позицию свою и Церкви по отношению к государству. Это

нужно, подчеркивали они, потому что тему «политиканства тихоновщины» вслед за обновленцами подхватила советская пресса, как в центре, так и на местах. Петр согласился и даже приступил к составлению специальной декларации, посвященной исключительно этой теме.

Но было поздно. В недрах 6-го отделения ОГПУ приступили к подготовке «операции» по замене Петра иным, более податливым и лояльным человеком. В самом начале июня 1925 г. Е. Тучков вел допрос в своем кабинете на Лубянке архиепископа Григория (Яцковского), доставленного из Владимирского централа, где он отбывал трехлетний срок на основании решения Ревтрибунала по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. По распоряжению председателя ОГПУ В. Р. Менжинского Григорию дали семь дней свободы для нахождения себе сторонников в заговоре против Петра. Архиепископ исполнил поручение и принес список, в который кроме него вошли архиепископ Константин (Булычев), епископ Борис (Рукин)... всего семь человек, которые готовы были выступить против местоблюстителя. Список взяли, а архиепископа отправили во Владимир досиживать оставшуюся пару месяцев, чтобы не вызвать подозрения в церковной среде. Наказано было явиться в Москву в начале осени и ожидать вызова.

Между тем обновленцы все лето 1925 г. интенсивно готовились к своему III Поместному собору. Его открытие в присутствии представителя Константинопольского патриарха архимандрита Василия (Димопуло) состоялось 1 октября в храме Христа Спасителя. Рабочие заседания проходили в III Доме советов на Делегатской улице, где проходил в 1923 г. и «разбойничий» обновленческий собор, низложивший патриарха Тихона. Участвовали более 300 человек, среди них — более 100 архиереев. Избран был Синод из 35 человек, а в его составе — Президиум из пяти членов во главе с митрополитом Вениамином (Муратовским).

Но реальным главой обновленчества стал А. Введенский, принявший к тому времени титул митрополита. Он же выступил и с основным докладом «О современном положении в православии». В нем содержались всем уже известные вещи, да и к манере публичных выступлений митрополита попривыкли. Но на это раз «изюминка» докладчиком была припасена на конец выступления. Когда все уже готовились к ставшим обязательными бурным аплодисментам после доклада лидера обновленчества, он огородил соборян сенсационным заявлением, зачитав письмо обновленческого епископа Николая Соловейчика, посланного более года назад в Уругвай с титулом епископа Южной Америки. Тот признавался, что перед отъездом, в мае 1924 г., тайно встречался с патриархом Тихоном и митрополитом Петром и получил от патриарха собственноручно подписанное им послание в адрес карловацкого духовенства. В нем Тихон писал о том, что Церковь «не может благословить великого князя Николая

Николаевича, раз есть законный и прямой наследник престола — великий князь Кирилл». Тем самым выходило, что патриарх поддерживал негласную связь с зарубежным духовенством, а значит, морально поддерживал его антисоветскую позицию вопреки своим же неоднократным публичным заявлениям о лояльности советской власти.

Собор взорвался. В специальной резолюции было записано: «Собор констатирует непрекращающуюся связь тихоновщины с монархистами, грозящую Церкви грозными последствиями, и отказывается от мира с верхушкой тихоновщины».

Со стороны обновленцев начинается травля митрополита Петра. В «Известиях» публикуется уничижительная характеристика Петра, которую дал ему митрополит Александр Введенский: «Застарелый бюрократ саблеровского издания, который не забыл старых методов церковного управления. Он опирается на людей, органически связанных со старым строем, недовольных революцией, бывших домовладельцев и купцов, думающих еще посчитаться с современной властью».

Было очевидным, что действия обновленцев не спонтанны, а являются частью плана, направленного на удаление митрополита Петра и внесение раскола и дезорганизации в тихоновскую Церковь. То был постыдный эпизод в жизни Александра Введенского и позорная страница в истории обновленческой церкви.

Выждав для приличия некоторое время, репрессивные органы приняли сообщенные Введенским сведения к проверке. 11 ноября Антирелигиозная комиссия заслушала доклад Тучкова о положении в патриаршей церкви и дала ему поручение «ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев. В целях поддержки группы, стоящей в оппозиции к Петру, поместить в «Известиях» ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого Собора. Просмотр статей поручить гг. Стеклову И. И., Красикову П. А. и Тучкову. Им же поручить просмотреть готовящиеся оппозиционной группой декларации против Петра. Одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие»¹.

К концу месяца практически все наиболее авторитетные иерархи, проживавшие в Москве и ближайшем Подмосковье, были арестованы. Становилось очевидным, что кольцо вокруг местоблюстителя сжимается. Опасаясь и предвидя худшее, митрополит Петр 5 декабря пишет завещание, в котором он на случай своей кончины распоряжается о временном предоставлении прав и обязанностей местоблюстителя. Вновь, как и в распоряжении патриарха Тихона, указываются

---

¹ См.: Одинцов М. И. Патриарх Сергей. М., 2013. С. 192.

митрополит Казанский Кирилл, митрополит Ярославский Агафангел и добавляется третий — митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий). Вместе с тем Петр указывает еще одного возможного кандидата на замещение в случае, если никто из прежде указанных архиереев не сможет вступить в отправление прав местоблюстителя. Это — митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский).

На следующий день Петр составляет еще одно распоряжение. В нем предусматривается, что в случае невозможности для него отправлять обязанности местоблюстителя их временное исполнение поручается последовательно митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому), митрополиту Киевскому Михаилу (Ермакову) и архиепископу Ростовскому Иосифу (Петровых).

Судьба Петра была решена на заседании Антирелигиозной комиссии 9 декабря 1925 г. Проводимая Петром церковная деятельность была признана «явно враждебной Соввласти», а собранные ОГПУ улики были определены как достаточные для ареста и начала следствия.

На следующий день, 10 декабря 1925 г., патриарший местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский) был арестован по подозрению в «политической неблагонадежности», доставлен на Лубянку, а спустя несколько дней начались его интенсивные допросы. Его слова о том, что он противником советской власти никогда не был, советскую власть признает и ее распоряжениям подчиняется, в расчет не брались, и он был выслан в Сибирь.

Митрополит Сергей (Страгородский) вступает в права заместителя патриаршего престола

В связи с арестом митрополита Петра вступило в силу его распоряжение о возложении временных обязанностей заместителя местоблюстителя патриаршего престола на митрополита Сергия (Страгородского). Об этом Сергей, все еще находящийся в административной ссылке в Нижнем Новгороде, узнает 14 декабря. В тот же день на имя епископа Клинского, временно управлявшего Московской епархией, Гавриила (Красновского) он отправляет письмо, в котором сообщает о своем вступлении в должность временного (заместителя) местоблюстителя и просит уведомить о том епископов, проживавших в Москве и, по возможности, вне Москвы. До своего приезда в Москву он просит направлять в Нижний Новгород дела и материалы, относящиеся к ведению местоблюстителя.

Понимая, что от его действий многое зависит в жизни Церкви, Сергей рвется в Москву, испрашивая разрешения на выезд у соответствующих гражданских властей. Но его усилия упираются в какое-то невидимое и неведомое для него препятствие — разрешение на поездку в Москву не дают.

Вскоре причина прояснилась. Органы НКВД и ОГПУ изолировали Сергия под «домашний арест» в Кресто-Воздвиженском монастыре в Нижнем Новгороде, чтобы дать возможность группе иерархов во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским) заявить о правах на власть. Тот во исполнение договоренности с Е. Тучковым прибыл в Москву еще в начале осени, вел неприметный образ жизни и одновременно тайно продолжал сколачивать группу заговорщиков. Как только митрополит Петр оказался в изоляции, Григорий выступил из тени, испросив разрешение у властей на созыв епископов в связи с чрезвычайными обстоятельствами в Церкви.

22 декабря группа епископов во главе с Григорием собралась в бывших покоях патриарха Тихона в Донском монастыре. Обсудив создавшееся положение: арест местоблюстителя, отсутствие публично объявленного его преемника, разброд и шатания среди духовенства и верующих, — они заявили о создании коллегиального органа по управлению Церковью в столь критическое для нее время. Им стал Высший временный церковный совет (ВВЦС) во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским).

В подготовленных документах члены Совета резко отмежевались от обновленцев и от обновленчества «во всех его видах», а также и от митрополита Петра, во время единоличного правления которого, по их мнению, «нестроения и бедствия Святой Церкви лишь усугубились».

За легализацией вновь образованного церковного органа участники совещания обратились со специальным посланием к властям. В нем были и такие слова: «Мы считаем своим долгом засвидетельствовать нашу совершенную законопослушность предрешающей власти Правительства СССР и веру в Его добрую волю и в чистоту Его намерений в служении благу народа. Взаимно мы просим верить нашей лояльности и готовности служить на благо того же народа в меру наших сил, разума и возможности»¹.

Второго января 1926 г. ВВЦС получает от НКВД уведомление о регистрации Совета в качестве единственного официально действующего церковного органа «тихоновцев». Спустя несколько дней о совершившемся перевороте в «тихоновской» церкви сообщила газета «Известия». Из этого же источника узнает о событиях и митрополит Сергей. 14 января он спешно пишет письмо архиепископу Григорию с просьбой объяснить. В двадцатых числах января Сергей получает ответ. По мере чтения письма Сергей все более и более убеждался, что «не благо Церкви и забота о чистоте православия» двигали «григорианами», а жажда церковной власти. Раскольники в открытую не

---

¹ Григорий (Яцковский), архиепископ. Документы, относящиеся к образованию Высшего временного церковного совета в Москве. М., 1926. С. 5.

признавали прав заместителя местоблюстителя. Более того, отвергали как не соответствующий канонам порядок передачи церковного управления и церковной власти «по единоличному письму». Иными словами, распоряжение митрополита Петра было, по их мнению, незаконным и необязательным к исполнению. Одновременно члены ВВЦС, «целя мудрость и опытность в церковных делах» митрополита Сергия, предложили ему присоединиться к Совету.

У Сергия немного было возможностей бороться с вновь открывшимся расколом. Он направляет письма и обращения различным архиереям, в которых излагает свою позицию в отношении григорьевцев. Несколько верных Сергию человек были направлены в епархии для информирования епископов о ситуации в Церкви. Удалось вызвать к себе в Нижний Новгород тех епископов, которые не лишены были возможности передвигаться по стране. Более двух десятков собравшихся архиереев подтвердили законность прав Сергия в отсутствие местоблюстителя. Особым постановлением Сергей запретил в священнослужении всех тех, кто пошел за Григорием, и отстранил от управления епархиями и викариатствами как самого архиепископа, так и его сторонников; одновременно признав все их действия (рукоположения, награды, назначения и т. п.) недействительными.

Но григориане не сдавались. В феврале 1926 г., пользуясь особыми отношениями с ОГПУ, архиепископ Григорий встретился с митрополитом Петром в месте его заключения. Раскольник осознанно ввел Петра в заблуждение относительно «несвободы» Сергия в Нижнем Новгороде и в результате добился от Петра резолюции (правда, составленной в условной форме) об отстранении Сергия и передаче власти «тройке» (коллегии) — архиепископу Григорию, а также архиепископу Владимирскому Николаю (Добронравову) и архиепископу Томскому Димитрию (Беликову). Добавим, что Григорий скрыл, что предложенные им кандидаты томились в тюрьме, и в сущности узурпировал власть в Церкви.

По ознакомлении с резолюцией Сергей не признал ее, указав, что митрополит Петр не осведомлен о действительной ситуации в Церкви. Сергей перед ОГПУ настаивал на личной встрече с местоблюстителем для разрешения назревших вопросов внутрицерковной жизни. В марте власти обещали устроить эту встречу. Однако, хотя Сергей приехал в Москву, а в церковных кругах ходили слухи, что там же, в Москве, находится и Петр, встретиться им так и не было суждено. Разрешено было лишь обменяться письмами. Сергей извещает митрополита об обманных действиях и неблагоприятных поступках Григория. В ответном письме Петр осудил действия Григория, признал свою резолюцию об образовании «коллегии» недействительной и вновь подтвердил полномочия митрополита Сергия как своего заместителя.

Вскоре и самим григорианам стало ясно, что им не удастся склонить на свою сторону ни Сергия (Страгородского), ни других авторитетных иерархов, несмотря на их посулы, вплоть до обещаний об освобождении из тюрем и ссылок. По мере того как информация о действиях Григория распространялась в церковном мире, ширился протест против них. Григорианский раскол медленно агонизировал.

Казалось, митрополиту Сергию удалось добиться некоторого успокоения в Церкви, о принятии стороны заместителя заявили не менее 40 архиереев. Но неожиданно для него в апреле 1926 г. о своих претензиях на церковную власть заявил вышедший на свободу митрополит Агафангел. Возвращаясь из ссылки в свою Ростовскую епархию, он сделал остановку в Перми. Здесь с ним встречался Е. Тучков, который сообщил о причинах ареста митрополита Петра, подозреваемого, по его словам, в политических преступлениях. Вместе с тем высказана была мысль, что, собственно, Агафангел, к которому «власти относятся с доверием», имеет больше прав возглавить Церковь, нежели митрополит Сергей, который к тому же находится под подозрением у властей.

Агафангел внял «советам» Тучкова и 18 апреля обнародовал послание к пастве, информируя о своем вступлении в должность патриаршего местоблюстителя на основании завещания патриарха Тихона.

Митрополит Петр, поставленный митрополитом Сергием 22 апреля в известность о решении Агафангела, в письме к последнему указал: «Передаю права Патриаршего Местоблюстителя Вашему Высокопреосвященству, а от митрополита Сергия права я отнимаю с тем, чтобы он выдал немедленно советской власти свой письменный отказ от прав Патриаршего Местоблюстителя».

Тучков мог ликовать: его план децентрализации Церкви был полностью воплощен в жизнь. Законный глава Церкви — митрополит Петр — в застенках. Права митрополита Сергия оспаривают митрополит Григорий и митрополит Агафангел. Вдобавок церковный корабль, раскачиваемый этими иерархами, готовятся взять на abordаж обновленцы.

Тучков стремился придать своим инициативам «по разложению» Церкви видимость одобренных и утвержденных «верхами» директив. С этой целью он попросил Ем. Ярославского включить в повестку дня апрельского заседания (24-го) Антирелигиозной комиссии вопрос об одобрении линии ОГПУ в отношении «тихоновцев». Направленность постановления сам Тучков и определил: «Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. Вести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом, претендующим на патриаршее местоблюстительство, укрепляя одновременно третью тихоновскую

иерархию — Временный высший церковный совет во главе с архиепископом Григорием как самостоятельную единицу. Выступление Агафангела с воззванием к верующим о принятии на себя обязанности Местоблюстителя признать своевременным и целесообразным»¹.

Поначалу Сергей согласился было с решением митрополита Петра. Но вскоре он убедился в том, что многие епископы посчитали действия Агафангела необоснованными, а его послание расценили как сговор, возможно и вынужденный, с органами ОГПУ. Опираясь на эти мнения, Сергей вступил в переписку с Агафангелом, доказывая неверность сделанного им шага. Постепенно переписка стала известна епископату, и большая его часть посчитала действия Агафангела неправильными и встала на сторону Сергея.

Еще одной попыткой ОГПУ сохранить противостояние между Агафангелом и Сергием стала встреча двух иерархов в стенах Лубянки в середине мае 1926 г., которая, правда, не привела к какому-либо однозначному решению и согласию. Продолжавшаяся между иерархами переписка убедительно показывала, что аргументы Агафангела на первенство в Церкви несостоятельны.

Круг сторонников митрополита Сергея среди епископата расширялся. Любопытное тому признание можно найти и в обзоре ОГПУ о ситуации в стране за апрель 1926 г.: «Агафангел не признан ВВЦС. Его выступление вызвало смущение рядового духовенства Москвы, у черносотенного — возмущение. Положение Сергея в Москве крепко. Нелегальная коллегия епископов-сергиевцев продолжает управлять Московской епархией, развивая деятельность. Сергея поддерживают даниловцы, предпочитающие его находящемуся в заключении Петру, и черносотенный митрополит Серафим Чичагов»².

Вполне очевидно, что содержание именно этого секретного источника транслировалось в широкие православные массы через официальные издания, окончательно запутывая их. К примеру, газета «Известия» в заметке с подзаголовком «Борьба за власть» сообщала о появлении трех кандидатов на патриарший престол — архиепископ Григорий (Яцковский), митрополит Сергей (Страгородский) и митрополит Агафангел (Преображенский)³.

Ситуация еще более запутывается и обостряется одновременно, когда 3 июня ВВЦС открывает свой первый съезд и неожиданно объявляет о признании прав Агафангела на первенство в Церкви и приглашает его возглавить ВВЦС.

---

¹ См.: Одинцов М. И. Крестный путь патриарха Сергея // Наука и религия. 1998. №. 4. С. 37.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. 1926 г. М., 2001. Ч. 1. С. 251.

³ Известия. 1926. 1 июня.

«Тихоновской» церкви, лидером которой для большинства епископата и духовенства, безусловно, оставался митрополит Сергей, трудно было бороться с григорианством и обновленчеством. Последние были официально признанными государством. Демонстрируя свою лояльность, проклиная врагов государства (в том числе и «церковных контрреволюционеров»), они могли действовать, укрепляя свои церковно-административные структуры, получая поддержку со стороны верующих и, что немаловажно, пользуясь их финансовой помощью.

Ничего подобного у Сергея и верных ему не было, они находились вне закона. Опираясь на существовавшее тогда законодательство, власть в любой момент могла разорить их церковные органы, приходы и храмы.

Фактически у митрополита Сергея оставался единственный шанс сохранить свой приоритет в церковной среде и притом выбить главный козырь оппонентов, обвинявших его в «незаконности». Форма его также была предопределена обстоятельствами эпохи и характером взаимоотношения государства и Церкви — вступить в контакт с ОГПУ и НКВД по вопросу о формировании легального высшего органа церковного управления.

Наркомат внутренних дел, ведавший этими вопросами, выставил Сергию те же условия легализации, что в свое время и патриарху Тихону: осуждение контрреволюционного прошлого Церкви; отказ от участия в «политике»; провозглашение курса лояльности и признание государственных актов, регулирующих деятельность религиозных организаций; осуждение «карловацкого раскола».

10 июня 1926 г. митрополит Сергей передает в НКВД в предварительном порядке, для ознакомления, два документа. Первый — программа предполагаемой организационной деятельности «староцерковников». Второй — проект Послания к пастве. Основное содержание документов сводилось к следующему: просьба о юридическом признании местных и центральных органов церковного управления, подтверждение преемственности курса лояльности патриарха Тихона, призыв ко всем верующим быть законопослушными гражданами; осуждение политиканства «карловацкого раскола»¹.

Одновременно документы распространяются и среди епископата. По мере того как с содержащимися в них идеями знакомятся архиереи, духовенство и церковный актив, растет число сторонников Сергея. Это дает ему основание обратиться 13 июня с пространном письмом к Агафангелу, ставя точку в затянувшемся между ними спо-

---

¹ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 18–21; Опубликовано: Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергея (Страгородского): документы и свидетельства современников // Диспут. 1992. № 1. С. 185–190.

ре за власть. Сергей не знал в тот момент, что сам Агафангел уже признал себя «побежденным», направив письма с отказом от претензий на должность патриаршего местоблюстителя как во власть, так и митрополиту Петру. 17 июня аналогичное письмо со ссылками на «преклонность лет и крайне расстроенное здоровье» направлено было и митрополиту Сергию.

Сам того не ведая, Агафангел нанес серьезный удар по планам Тучкова. Тот, пытаясь хоть как-то их «спасти», стремится разжечь конфликт между митрополитом Петром и митрополитом Сергием, устранить последнего от церковных дел и тем обеспечить реванш архиепископа Георгия.

Тучков посетил Петра, находившего в Суздальском политическом изоляторе, и предложил ему принять ряд мер по церковному устройству. В частности, речь зашла об учреждении в качестве высшего органа церковной власти православного Синода с обязательным включением в его состав архиепископа Григория. В отношении же митрополита Сергия предлагались следующие меры: лишить его прав заместителя местоблюстителя и переместить в Красноярскую епархию, т. е. фактически отправить в «почетную ссылку».

Тучков всячески настраивал Петра против Сергия, рассказывая о нем небылицы, передавая слухи и сплетни, обвиняя в интригах и политиканстве. Однако Петр, не поддаваясь на уговоры и запугивания, не дал себя уломать, заявляя: «По отношению к митрополиту Сергию, одному из заслуженных, просвещенных и авторитетнейших архиереев, пользующемуся уважением иерархов и паствы, подобная мера была бы несправедливой и стала бы посягательством на его достоинство и неслыханным оскорблением». Касаясь же возможности включения архиепископа Григория в состав Синода, Петр заявил, что архиерей, лишенный кафедры и подверженный запрещению, не может быть членом Синода. Так ни с чем и отбыл Тучков в Москву.

2.2. Декларация митрополита Сергия и Временного патриаршего Синода. 29 июля 1927 г.

Проекты документов, которые в июне 1926 г. митрополит Сергей подал в НКВД, оживленно обсуждались в церковной среде, и их принципиальные положения получили поддержку. Знаменательно, что созвучные идеи независимо от митрополита Сергия были изложены иерархами, находившимися в Соловецком концлагере, в Памятной записке «К правительству СССР» (7 июня 1926). В ней отсутствуют политические выпады в адрес советской власти. Иерархи и духовенство принимали ее как реальность, в рамках которой церковь должна была научиться жить. Признавалась необходимость «положить конец прискорбным недоразумениям между Церковью

и Советской властью»; строить их взаимоотношения на принципах, изложенных в Декрете об отделении церкви от государства, лояльности, как духовенства, так и верующих, к гражданской власти. Одновременно указывалось на сохранение «глубоких расхождений в самых основах мирозерцания» между коммунистическим государством и Православной церковью¹.

Оба документа стали известны и пастве Зарубежной православной церкви. В целом они были восприняты положительно, а первенство митрополита Сергия в Церкви никем не оспаривалось. В заключении Архиерейского собора от 9 сентября 1926 г. по поводу проекта послания к пастве указывалось: «В послании митрополита Сергия мы имеем совершенно свободное (едва ли не первое за пять лет) письменное выражение воли высшей церковной власти, для нас вполне обязательной». Именно поэтому послание Сергия предлагалось «принять к сведению и исполнению»².

10 июля 1926 г. митрополит Сергей, убедившись в поддержке епископата, духовенства и верующих, уже официально подает в НКВД заявление о легализации высшего церковного управления и свое Послание к пастве.

Победа митрополита Сергия, сумевшего отстоять единство и целостность патриаршей церкви, вынудила Тучкова пойти на переговоры с заместителем местоблюстителя. Однако велись они на редкость трудно, дело не раз доходило до острых конфликтов. Временами Сергию казалось, что достигнуть какого-либо компромисса вообще невозможно. Наиболее трудноразрешимым был вопрос о власти в Церкви. Сергей настаивал на проведении Поместного собора для избрания патриарха, увязывая с положительным решением этого вопроса и остальное — заявление о лояльности, нормализацию церковно-государственных отношений. Тучков придерживался пря-

---

¹ См.: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 224–236. Отметим, что именно в отношении к политической власти в СССР в период после Гражданской войны заключалось принципиальное расхождение между Российской церковью и Зарубежной церковью во главе с митрополитом Антонием. Резкую антисоветскую позицию последнего, граничащую с потаканием вооруженной интервенции против российского народа, ни патриарх Тихон, ни его окружение, ни соловецкие узники, ни митрополит Сергей (Страгородский) и его сторонники — как русские люди — не могли принять и не принимали. Поэтому современные утверждения о политической борьбе Православной церкви с советской властью нельзя не воспринимать как намеренное и аморальное искажение истории в угоду конъюнктурно-спекулятивных соображений. Одновременно это означает вольное или невольное смыкание с органами ОГПУ–НКВД, обвинявшими Церковь в политическом противодействии власти и на этом основании ее преследовавшими, и признание «справедливости» такой позиции, ибо всякая законная власть может и должна защищать себя, государство в целом и общество от «политических врагов».

² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 94–96.

мо противоположных позиций — созыв собора и избрание патриарха должны зависеть от выполнения выдвинутых НКВД условий легализации.

Отсутствие положительных результатов в переговорах с властями, неизвестность судьбы митрополита Петра, распоряжение которого было единственной опорой и основанием для полномочий Сергия (Страгородского), подталкивали иерархов к поиску мер, которые при всех неожиданных обстоятельствах сохраняли бы преемственность канонической высшей церковной власти. Родилась идея провести избрание патриарха путем письменного опроса возможно большего числа иерархов, в том числе и находившихся в ссылках и заключении.

С ведома Сергия несколько групп сборщиков подписей начали объезжать епархии. К ноябрю 1926 г. были получены ответы более семидесяти опрошенных иерархов. Большинство высказалось за митрополита Казанского Кирилла — первого из числа иерархов, назначенных в Завещании патриарха Тихона в качестве возможных местоблюстителей.

Но... недремлющее око Госполитуправления напало на след. Начались массовые аресты епископов по наскоро сформированному делу «о контрреволюционной группе, возглавляемой митрополитом Сергием». По оценкам современников, в тот период на различные сроки ссылки и тюрьмы были приговорены не менее сорока русских епископов. Бросили в вятскую тюрьму и митрополита Кирилла, отбывавшего ссылку в Зырянском крае, срок которой вот-вот должен был закончиться.

Наконец, в начале декабря подобрался и к митрополиту Сергию. Его обвинили не только в организации «незаконного сбора» подписей епископов под предложением, не санкционированным советской властью, но и в поддержании «незаконной» переписки с заграничным духовенством. Сергей был арестован и вывезен из Нижнего Новгорода в Москву, на Лубянку.

Согласно ранее данному распоряжению митрополита Петра после ареста митрополита Сергия временное управление Церковью принял митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых). Но поскольку и сам он был «в стесненном положении» — отбывал административную ссылку в одном из глухих мест Ярославской области, то Иосиф 8 декабря сделал распоряжение о возможной передаче своих прав еще трем «временным заместителям патриаршего местоблюстителя» — архиепископам Корнилию (Соболеву), Фаддею (Успенскому) и Серафиму (Самойловичу). Лишь последний на тот момент еще оставался на свободе и потому смог выполнить распоряжение Иосифа.

В течение четырех месяцев управлял Церковью архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), викарий Ярославской епархии. Но реально повлиять на ситуацию в Церкви он не мог, ибо властями

ему было запрещено покидать пределы своего викариатства. Не было при нем ни Синода, ни какого-либо другого органа, который мог бы обеспечивать устойчивую связь с остававшимися на свободе епископами. Да и опыта, и авторитета у Серафима было слишком мало, чтобы стать силой, объединяющей патриаршую церковь. Любопытно, что Тучков также присматривался к этому иерарху и вызывал его в Москву и даже предлагал переговоры о «легализации». Но поскольку и сам Серафим не считал для себя возможным обсуждать проблемы общецерковного масштаба, то и Тучков «не увидел» в нем достойной кандидатуры для продолжения контактов и отпустил с миром в Углич.

В начале 1927 г. ситуация в высшем церковном управлении «тихоновцев» оказалась чрезвычайно запутанной и трудноразрешимой. Известны были имена тринадцати иерархов, претендовавших на первенство. Значительная часть епископата была в тюрьмах и в ссылках. Кроме давления «внешних» Церковь раздиралась внутренними противоречиями и увеличившимися в числе расколами, каждый из которых хотел называться «истинной Церковью». Разобщенность между церковным центром и епархиями, с одной стороны, и приходами и епархиальными управлениями — с другой, была почти полной. Все это давало широкие возможности обновленческому расколу, чтобы окончательно подчинить себе все патриархии, ставшие почти бесхозными приходы на всем пространстве Советского Союза. «Тихоновская» церковь все более походила на корабль без руля и ветрил, несомый бурями на гибельные для него скалы.

Позже в одном из своих посланий в декабре 1927 г. Сергей (Страгородский) так описывал сложившуюся к весне 1927 г. обстановку: «Расстройство церковных дел дошло до последнего предела. и церковный корабль почти не имел управления, центр мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые жили отдельною жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить православие. Какая благоприятная почва для распространения всяческих басен, намеренных обманов, пагубных заблуждений и всякого самочиния»¹.

Митрополит Сергей, находясь в тюрьме, по-прежнему был в поле зрения ОГПУ. Но в планах последнего акценты были несколько смещены. Ему теперь нужна была не «раздробленная», а «целостная» организация. Советское государство готовилось отметить свое десятилетие. Политическому руководству страны хотелось продемонстрировать и своим гражданам, и зарубежью, что не только рядовые

---

¹ См.: Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) / сост. С. Фомин. М., 2003. С. 371.

верующие, а Православная церковь в целом лояльно относится к советской власти и прежние между ними конфликты и противостояние исчезли. Может, следует обратить внимание и на тот момент, что с 1925 г. ОГПУ выделилось из НКВД и стало самостоятельной организацией, и в этом качестве ему хотелось представить некое собственное достижение на государственно-церковном поприще.

На тот момент митрополит Сергей рассматривался как единственный человек, могущий «собрать» патриаршую церковь. ОГПУ ему предложило начать новые переговоры о легализации Церкви на условиях, излагавшихся ранее последовательно патриарху Тихону, митрополиту Петру. Среди них главное — заявление о лояльности Церкви и осуждение «карловацкого раскола», занимавшего откровенно антисоветскую позицию.

Конечно, Сергей мог отказаться от переговоров, но это наверняка повлекло бы за собой очередное давление репрессивного аппарата на Церковь и, по всей видимости, окончательно ее ликвидировало бы. Он прекрасно понимал, что спасти Церковь со всем ее богослужебным укладом, местными и центральными органами управления; спасти от поглощения обновленцами; спасти как цельный институт и тем дать ей надежду на благоприятное будущее могло только одно — регулирование отношений с государством.

Если бы Церковь не была разделена, не существовало в ней борьбы за власть, Сергей на переговорах мог бы выдвинуть и отстаивать более благоприятные условия, чем те, что ему предлагали. Но этого не было, и условия диктовали ему. Он же мог лишь надеяться на выполнение даваемых ему обещаний, главное среди которых — разрешить скорейший созыв Поместного собора. Нельзя было не считаться и еще с одним, пожалуй, решающим фактором: в большинстве своем рядовые верующие осознавали себя гражданами Советского Союза, не за страх, а за совесть работающими на его благо, их политические симпатии были на стороне советской власти. Игнорируя это, Церковь противопоставила бы себя и властным структурам, и своей многомиллионной пастве, которой трудно было понять, почему же руководство Церкви не идет на признание реальной политической ситуации в стране, не выражает свои политические взгляды открыто и публично.

В этой ситуации Сергей, как и ранее патриарх Тихон, не уклонился от тяжелого жребия, посланного ему судьбой. Он сделал шаг навстречу власти осознанно, а не в малодушном стремлении извлечь какие-либо личные блага. Сделал шаг, который лично ему не мог принести славы и почета, но который давал шанс выжить всем тем, кто был рядом с ним, кто пришел в Церковь в эти и в последующие годы, и вместе с тем не дал бы прерваться тысячелетней нити православия на Руси.

В самом конце марта 1927 г. Сергей был освобожден из четвертого своего тюремного заключения в послеоктябрьский (1917) период. Ему позволили жить в Москве, в Сокольниках, в том самом доме, что был куплен для патриарха Тихона и органов высшего церковного управления при нем. Архиепископ Серафим передал бразды церковного правления Сергию.

7 мая Сергей обращается с ходатайством в НКВД о легализации церковного управления. 16 мая в ходатайстве в НКВД просит разрешения на проведение совещания епископов для обсуждения состава Синода и текста Декларации. 18 мая это совещание проводится. Образуется первый состав Временного патриаршего Священного Синода, в который были включены митрополиты — Арсений (Стадницкий), Серафим (Александров); архиепископы: Сильвестр (Братановский), Алексей (Симанский), Севастиан (Вести), Филипп (Гумилевский); епископ Константин (Дьяков). В тот же день Сергей передает в НКВД заявление просьбой зарегистрировать данный состав Синода¹.

20 мая НКВД направил «гражданину Страгородскому И. Н.» официальную справку с указанием, что его заявление и предложенный им список членов Синода «приняты к сведению» и что «препятствий к деятельности этого органа впредь до утверждения его не встречается»². Это послужило основанием для принятия Синодом 25 мая постановления об организации временных епархиальных советов. Оно направлялась местным иерархам с указанием обращаться за их регистрацией в местные органы НКВД, что повсеместно и стало активно исполняться.

К концу июля, с учетом мнения епископата, завершена работа над проектом прошлогоднего обращения к пастве и определен окончательный состав Синода. 29 июля 1927 г. Сергей и восемь членов Временного патриаршего Синода подписывают «Послание пастырям и пастве», за которым впоследствии закрепилось наименование Декларации. 19 августа Послание публикуется в газете «Известия», а также в виде листовок распространяется по епархиям³.

Передавая Декларацию для опубликования, митрополит Сергей в беседе с корреспондентом газеты подчеркивал: «Советскую власть

---

¹ См.: Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): документы и свидетельства современников // Диспут. 1992. № 1. С. 190–191.

² См.: Там же. С. 191–192.

³ В составе Временного патриаршего Синода произошли изменения, поэтому укажем членов Синода, чьи подписи стоят под опубликованным текстом Декларации: митрополит Серафим (Александров); архиепископы Сильвестр (Братановский), Алексей (Симанский), Апатолій (Грисюк), Павел (Борисовский), Филипп (Гумилевский); епископы Константин (Дьяков), Сергей (Воскресенский). В конце августа Синод был официально зарегистрирован органами НКВД.

мы признаем нормальной и законной. И мы подчиняемся всем ее постановлениям вполне искренне. В случае войны наши симпатии всецело на стороне Советского Союза: ведь мы служим нашей родине, а всякие интервенты борются только в своих интересах, чтобы эксплуатировать русский народ и русскую землю»¹.

Не обошел стороной Сергей и вопрос о «карловацкой церкви». Он заявил, что эта церковь не может делать какие-либо заявления от имени всей Православной церкви, так как она не отражает позиции Церкви на родине. В силу этого, от иерархов Зарубежной церкви потребовано дать письменное обязательство о лояльности в церковно-общественной деятельности по отношению к советской власти. Не подчинившимся грозило увольнение, что означало для них полный разрыв каких-либо связей с патриаршей церковью.

Сравнение Декларации от 29 июля 1927 г. с ее проектом от 10 июня 1926 г. показывает, что в ней сохранены были принятые всеми иерархами и в СССР, и за его пределами основные принципиальные положения. Но имелись и некоторые коррективы. В частности, более развернуто дано положение о «законопослушности» верующих и об отношении церковного руководства к правительству СССР; резче оценивается деятельность «карловчан»; не так категоричны рассуждения о «противоречиях» между «православными» и «коммунистами-большевиками». И особо подчеркнута надежда на то, что правительство все же разрешит собрать Поместный собор для урегулирования вопроса о высшем церковном управлении.

Среди епископата, клира и верующих Декларация вызвала различные отклики. Об этом в одном из обзоров ОГПУ написано был так: «С выдвигаемым митрополитом Сергием положением “лояльность к советской власти не есть измена православию” многие церковники не согласны, как, например, “непримиримые”, группа Агафангела, ссыльные епископы, группа Новоселова. Эти группы держатся пока выжидательно»².

Епископат постепенно разделился на три неравные группы. Одна — меньшая — резко осудила Сергия и пошла на разрыв с ним³. Другая — хотя публично и не протестовала, но уклонялась от сотрудничества с Сергием, отказываясь от новых назначений, просясь под благовидными предлогами «на покой» и «в отпуске», а некоторые из них, не отвергая правомочности власти Сергия, в то же время не поминали его имени как заместителя местоблюстителя, за богослужением.

¹ Известия. 1927. 19 августа.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину. Т. 5. М., 2003. С. 443.

³ Точка зрения этой части епископов подробно изложена в кн.: Польский М. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948.

Показательно, что даже современные церковные авторы, занимающие субъективную отвергающую позицию в отношении деятельности митрополита Сергия и его Декларации, вынуждены признавать, что «круг архиереев, не отошедших от митрополита Сергия, был весьма широк»¹. Они и вошли в третью группу, в которой насчитывалось до половины наличного состава епископов, и среди них таких авторитетных, как митрополиты Арсений (Стадницкий), Никандр (Феноменов), Михаил (Ермаков), Серафим (Чичагов); архиепископы Иларион (Троицкий), Евгений (Зернов), Петр (Зверев), Прокопий (Титов), Амвросий (Полянский), Феофан (Туляков), Василий (Зеленцов), Борис (Шипулин); епископы Мануил (Лемешевский), Николай (Ярушевич), Венедикт (Плотников), Лука (Войно-Ясенецкий). Иерархи, исходя из объективных обстоятельств в Советской России, считали, что только устраняя политическое противостояние церкви и государства, сняв «недомолвки» и «недоговоренности» в отношении общественного и государственного устройства в СССР, можно было надеяться на то, что «тихоновская» церковь «выживет» в новых социально-политических условиях.

Не случайно же спустя годы, вспоминая сложившуюся тогда ситуацию, патриарх Алексий (Симанский) говорил: «Когда преосвященный Сергий принял на себя управление Церковью, он подошел эмпирически к положению Церкви в окружающем мире и исходил тогда из существующей действительности. Все мы, окружавшие его архиереи, были с ним согласны. Мы все Временным Синодом подписали с ним Декларацию 1927 года в полном убеждении, что выполняем свой долг перед Церковью и ее паствой»².

Другой тогдашний ближайший соратник Сергия, епископ Серпуховской Сергей (Воскресенский), высказывался еще более определенно: «Ценой политической Декларации митрополита Сергия была куплена легализация патриархии и освобождение Церкви от обновленческого засилья».

Можно привести свидетельство и современного авторитетного церковного историка протоиерея В. Цыпина, указывающего на тот факт, что «решительное большинство епископов и церковного народа с пониманием отнеслось к церковной политике митрополита Сергия и поддерживало его. Местоблюститель патриаршего престола в двух письмах, адресованных своему заместителю, хотя и с оговорками, согласился с неизбежностью его церковной политики и, что

---

¹ См.: Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской православной церкви в 1920–1930-х годах. М., 2006. С. 173.

² Цит. по: Казем-Бек А. Л. Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий. Машинопись. 1973. С. 173.

особенно важно, подтвердил полномочия заместителя патриаршего местоблюстителя»¹.

Сам Сергей в переписке и переговорах с «несогласными» неоднократно разъяснял и отстаивал свою позицию. Среди дошедших до нас свидетельств этого — ответ делегации Петроградской епархии, посетившей Сергея после опубликования Декларации и требовавшей отказать от нее². В нем есть и такие слова, объясняющие позицию Сергея: «Отказаться от курса церковной политики, который я признал правильным и обязательным для христианина и отвечающим нуждам Церкви, было бы с моей стороны не только безрассудно, но и преступно».

Добавим, что Декларация, ставшая основанием для легализации, т. е. для юридического признания со стороны государства местных и центральных органов управления «тихоновской» церкви, во многих своих принципиальных пунктах повторяла, развивая и конкретизируя идеи, устно и письменно высказанные патриархом Тихоном в последние годы его патриаршества.

Конечно же, позиция тех, кто постепенно встал на сторону Сергея, не во всем была единой. Поддерживая все то, что касалось лояльного отношения к государству, они одновременно указывали на определенную «неполноту» и «недосказанность» послания. Такой подход особенно наглядно проявился в послании иерархов, находившихся в Соловецком лагере³. Они поддерживали все то, что касалось проблемы лояльности, но не одобрили умолчания о том, что ответственность за предшествующие «прискорбные столкновения между Церковью и государством» лежит и на «церковной политике» государства; отвергли как «неискреннее» заявление о принесении властям «благодарности» за внимание «к духовным нуждам православного населения»; посчитали слишком уж «категоричной» форму, в которой было сделано заявление о лояльности Церкви к гражданской власти; указали, что Церковь должна более определенно требовать невмешательства государства во внутрицерковные дела.

Разномыслие среди иерархии, естественно, отразилось и на взглядах приходского духовенства и верующих, разделив их на сторонников и противников Декларации. Однако абсолютное большинство их встали на сторону митрополита Сергея. Постоянно встречающееся в церковной и околоцерковной литературе утверждение о том, что

---

¹ Цыпин В., протоиерей. История Русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. М., 2004. С. 433.

² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 73. Л. 216–218.

³ См.: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 255–258.

90 % приходов вернули в Синод текст Декларации, не желая оглашать его в храмах из-за своего несогласия с ним, не имеет под собой никакого документального подтверждения. Тогда как свидетельства иного рода: высказывания в поддержку Декларации и в целом церковного курса митрополита Сергия в обилии присутствуют в архивах.

Сергий совместно с Синодом предпринимает шаги в развитие политики лояльности к власти. В октябре издается указ о возобновлении поминовения государственной власти за богослужением по формуле: «Еще молимся о богохранимой стране нашей, властях и воинстве ея. Да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Тогда же в адрес ОГПУ было направлено заявление с просьбой об амнистии и облегчении участи ранее репрессированных священнослужителей. В нем подчеркивалось, что они «оказались жертвами (может быть, и не без их вины) прежнего нелегального положения нашей Церкви и прежних ее ненормальных отношений к советскому правительству». В ответ действительно были освобождены некоторые из них — архиепископы Захарий (Лобов), Ювеналий (Машковский), епископы Аркадий (Ершов) и Мануил (Лемешевский).

29 марта 1928 г. Сергий и Временный Синод издали «Деяние», в котором подробно была изложена позиция высшей церковной власти относительно обвинений, выдвинутых против Сергия неподчиняющейся ему части епископата. Полномочия заместителя местоблюстителя, в том числе и в части увольнения и перемещения епископов, выводились из того обстоятельства, что митрополит Петр передал ему свои права и обязанности «без всяких ограничений». Можно привести слова видного церковного деятеля той эпохи, архиепископа Вереяского Илариона (Троицкого), писавшего из Соловецкого лагеря: «Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Прежде по каким пустякам должность меняли — и еще рады были, а теперь заскандалили»¹.

Тем, кого «смущала» цитата из Декларации: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи», специально пояснялось, что эти слова относятся к внешнему благополучию и бедствиям народной жизни, но вовсе не к «распространению неверия», как некоторые извращенно толковали слова Декларации.

Спустя годы, в 1942 г., вспоминая эпоху конца 20-х гг. и связанные с опубликованием Декларации церковные нестроения, Сергий свидетельствовал: «В нашей Церкви воцарился невообразимый хаос.

---

¹ Цит. по: Цыпин В., протоиерей. История Русской православной церкви... С. 434.

напоминавший состояние Вселенской церкви во времена арианских смут, как оно описывается у Василия Великого... Мы могли рассчитывать только на нравственную силу канонической правды, которая и в былые времена не раз сохраняла Церковь от конечного распада. И в своем уповании мы не посрамились. Наша Православная церковь не была увлечена и сокрушена вихрем всего происходящего. Она сохранила ясным свое каноническое сознание, а вместе с этим и канонически законное возглавление, то есть благодатную преемственность Вселенской церкви и свое законное место в хоре автокефальных церквей»¹.

В обновленческой церкви отношение к Декларации также было неоднозначным. Часть епископов и приходского духовенства, а в еще большей мере рядовые верующие восприняли положительно выраженную в ней идею лояльности к государству. Поэтому на местах паства покидала обновленческие церкви, переходя в патриаршие приходы. Обновленческое руководство в своих публичных выступлениях и на страницах церковной прессы подавало Декларацию как «акт лицемерия, заискивания и заигрывания» с властями митрополита Сергия и его сторонников. Александр Введенский, выступая в ноябре 1927 г. на пленуме обновленческого синода, говорил: «Я боюсь, что это только новая маскировка староцерковничества, новая перелицовка в советского льва, который в самом деле остается белогвардейским общипанным орленком»².

Жаркие споры вызвала Декларация среди русской эмиграции, расколотой на два лагеря. Они были едины в неприятии «большевизма» и жаждали падения «Совдепии», но по-разному представляли будущее политическое и общественное устройство России (монархия или буржуазная республика); по-разному относились к идее и возможности новой интервенции против Советской России.

Каждая из сторон стремилась опереться на церковные структуры, образовавшиеся на Западе, в которых они видели своих возможных союзников. С публикацией Декларации обострились отношения и между различными группами церковной общественности, примыкавшими к различным политическим группировкам.

Обсуждение Декларации сразу же переросло рамки церковной проблемы. Это, к примеру, хорошо передает листовка-обращение группы русских офицеров к управляющему православными приходами в Западной Европе митрополиту Евлогию (Георгиевскому): «Мы

---

¹ Цит. по: Цыпин В., протоиерей. История Русской православной церкви... С. 434–435.

² Цит по: Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола в Русской православной церкви. Казань, 1970. С. 339.

не вмешивались в церковный вопрос, не знаем, правильно или нет, откуда он рассматривался в области канонов, которые, каемся, нам пока мало ведомы. Но теперь церковный вопрос приобрел характер чисто политический. И тут для нас, политических борцов за родину, недомолвок не может быть. Уважение к личностям пастырей отходит на второй план. Мы хотим знать, кто с нами готов бороться против большевиков и кто к этой борьбе не склонен»¹.

Митрополит Евлогий ориентировался на сохранение связи с Московской патриархией, стремился избежать проникновения «политики» в Церковь. Он и его сторонники восприняли Декларацию как логическое продолжение действий патриарха Тихона, направленных на урегулирование отношений с государством. Однако и в этой среде ее обсуждение не проходило тихо и мирно. Полемика выплеснулась на страницы эмигрантских изданий: газет «Руль», «Последние новости», «Россия», журналов, сборников, листовок, обращений, воззваний.

Единодушие было в одном — не давать письменной подписки о лояльности в отношении советской власти, которую требовал от заграничного духовенства Сергий.

По поводу Декларации и ее значения для Церкви как в СССР, так и за рубежом высказывались диаметрально противоположные суждения².

Такие авторитетные лидеры русского зарубежья, как Д. С. Мережковский, А. В. Карташев, Г. П. Федотов, Г. Н. Трубецкой — призывали, заклинали и требовали отвергнуть послание Сергия, пойти на разрыв всех и всяческих с ним связей.

Но не менее авторитетные — Н. Н. Глубоковский, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, митрополит Елевферий (Богоявленский) и др. выска-

---

¹ Цит. по: Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): документы и свидетельства современников // Диспут. 1992. № 2. С. 175.

² См.: Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее // Отечественная история. 1992. № 6; его же: Декларация митрополита Сергия (Страгородского): документы и свидетельства современников // Диспут. 1992. № 1, 2; его же: Крестный путь патриарха Сергия: документы, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) // Отечественные архивы. 1994. № 2; его же: «рю Дарю, 12, Париж». Письма митрополиту Евлогию. 1921–1927 гг. // Исторический архив. 1996. № 1; его же: Феодосий Алмазов, архимандрит. Мои воспоминания (Записки соловецкого узника). М., 1997; его же: Крестный путь патриарха Сергия. Документальная повесть // Наука и религия. 1997. № 4–12; 1998. № 1, 2, 4–8; его же: Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999; его же: Достойный сын земли Нижегородской, материалы к биографии патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). 1901–1944 гг. // Исторический архив. 1999. № 6; его же: Советское законодательство о религиозных культах в 20–30-х годах XX в.: содержание и практика реализации, споры и дискуссии о реформировании его правовой базы / Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. ст. Вып. 4. — М., 2007.

зывались в поддержку Декларации. Особенно убедительно представлена эта точка зрения в статье Бердяева «Вопль Русской Церкви», которую он завершил следующими словами: «Практически пойти на встречу призыву митрополита Сергия — значит отныне совершенно прекратить в зарубежной церкви великокняжеские и царские молебны, носящие характер политических демонстраций, что не должны быть допускаемы проповеди в церквях или речи на епархиальных съездах, которые носят политический характер. Это есть ликвидация в зарубежной церкви периода, связанного с гражданской войной. На этот путь уже вступил митрополит Сергий, и этот путь должен быть завершен. И этим церковь лишь освободится от тех соглашений и компромиссов, к которым она была вынуждена в прошлом. И это будет нашим духовным возвращением на Родину»¹.

Черту под обсуждением Декларации подвело послание митрополита Евлогия митрополиту Сергию, в котором он, отвергнув требование дать подписку о лояльности, заявил о сохранении курса на «невмешательство Церкви в политическую жизнь» и прочной организационной и духовной связи с Московской патриархией, обязавшись «не допускать, чтобы в подведомственных... храмах церковный автон обращался в политическую трибуну»².

К слову сказать, позицию Евлогия поддержали и некоторые другие зарубежные иерархи. Например, архиепископ Севастопольский Вениамин (Федченков) в своем дневнике записал: «Какое же великое дело сделал митрополит Сергий! Поистине историческое... Даже мировое — перевернуть мысли всех... Это дело огромной души христианской! Дело глубочайшего ума! Плод великого страдания! Помогли ему Господь в сем апостольском подвиге! Как ему трудно теперь при общем непонимании! Нужно служить ему со всей готовностью, не отказываясь исполнять никакие послушания, как бы это трудно мне ни казалось! Нужно поддержать его! Не надо слушать ни одних, ни других, а его одного»³.

Иную позицию заняли иерархи Русской православной церкви за границей. На Архиерейском соборе, собравшемся в начале сентября 1927 г., Декларация была категорически отвергнута и было заявлено о разрыве всех связей с митрополитом Сергием⁴. Одновременно ми-

---

¹ Последние новости. Париж. 1927. 13 сентября. Опубликовано: Наука и религия. 1991. № 4.

² См.: Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): документы и свидетельства современников // Диспут. 1992. № 2. С. 190–191.

³ Цит. по: Наука и религия. 1998. № 5. С. 31.

⁴ ГА РФ. 6343. Оп. 1. Д. 2. Л. 97–97 об. Опубликовано: Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): документы и свидетельства современников // Диспут. 1992. № 2. С. 192–193.

трополит Евлогий был осужден Собором за «раскольничью деятельность», запрещен в священнослужении и отстранен от управления православными приходами в Западной Европе. Митрополит Сергей по получении информации об этом своим указом отменил данное запрещение¹.

Реакция этой части русской эмиграции может быть объяснена, с одной стороны, ее политическим настроем, суть которого заключалась, как писала газета «Последние новости», в выступлениях против Советской власти как власти светской и в призывах бороться за восстановление в России монархии»². С другой стороны, сказалось тяготение митрополита Антония (Храповицкого), главы Зарубежной церкви, к «самостоятельности». Еще летом 1923 г. Синод принял секретное (и для верующих за рубежом, и для патриарха Тихона) определение о неисполнении указов патриарха Тихона, касавшихся деятельности заграничных приходов. И ранее этого времени, и позже митрополит Антоний неоднократно обращался к патриарху Тихону с просьбой предоставить «независимость» Зарубежной церкви, т. е. вел дело к фактическому отделению от Московской патриархии. Таким образом, появление Декларации стало для этой части православной иерархии удобным поводом к открытому разрыву с Московской патриархией и провозглашению своего политического кредо — восстановление монархии в России.

Немаловажно было и то, что обстановка летом 1927 г. в Европе существенно отличалась от прошлогодней, когда Синод обсуждал проект послания митрополита Сергия и поддержал его: нарастала волна антисоветизма, свершались насильственные действия в отношении зарубежных советских учреждений и отдельных лиц. Звучали призывы к экономической блокаде, казалась вполне реальной возможность нового военного похода против СССР. Вот почему в тексте Декларации Сергия поясняется суть патриотической позиции Церкви, которая «всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное действие или просто убийство из-за угла, подобно Варшавскому³, сознается нами как удар, направленный в нас».

Опубликование митрополитом Сергием Декларации пришлось не только на период «церковной разрухи» внутри страны и «церковной смуты» в Зарубежной церкви, но и на тот сложный период, когда в партийно-государственных кругах СССР проявились две тенденции в осуществлении церковной политики.

---

¹ См.: Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): документы и свидетельства современников // Диспут. 1992. № 2. С. 194–196.

² См.: «Последние новости». (Париж). 1927. 2 сентября.

³ Имеется в виду убийство 7 июня 1927 г. в Варшаве советского полпреда П. Л. Войкова.

За относительное смягчение жесткого курса в отношении религиозных организаций выступали, хотя и с разной степенью последовательности, М. И. Калинин, П. Г. Смидович, П. А. Красиков, А. И. Рыков, А. В. Луначарский. Иной была позиция И. В. Сталина, Н. И. Бухарина, Е. М. Ярославского, В. М. Молотова, ратовавших за авторитарное руководство религиозными проблемами.

Когда шли переговоры с митрополитом Сергием, существовало примерное равенство сил, непосредственно занимавшихся церковной политикой — ВЦИК, НКВД, ОГПУ. В результате еще было возможным участие религиозных организаций в общественной жизни страны, они могли проявлять свою инициативу в сфере хозяйственной жизни. Даже наблюдался рост количества религиозных организаций. Если на 1 января 1926 г. в РСФСР (без автономных республик) было зарегистрировано 34 796 объединений, в том числе «тихоновских» — 27 126, то на 1 января 1928 г. — соответственно, 38 442 и 29 584. О конфессиональной картине в РСФСР дает представление таблица, составленная сотрудниками НКВД¹ и приводимая ниже (таблица 2.1):

Таблица 2.1

Количество молитвенных зданий в РСФСР (без автономных республик) в 1926–1928 гг.

Наименование верования	Количество молитвенных зданий на 1.01.					
	в абсолютных числах			в % к 1926 г.		
Годы:	1926	1927	1928	1926	1927	1928
Православная церковь	27 126	29 596	29 584	100	109,1	109,1
Религии, новообразовавшиеся после революции (живая церковь, возрожденцы, антониевцы)	3137	3290	3411	100	104,9	108,7
Католическая церковь	158	160	137	100	101,3	86,7
Протестантская церковь	151	173	184	100	114,6	121,9
Армяно-григорианская церковь	54	51	64	100	94,4	118,5
Иудейское исповедание	365	284	265	100	77,8	72,6
Магометанское исповедание	1774	2414	2376	100	136,1	133,9
Старообрядцы	1499	1594	1707	100	106,3	113,9
Сектантство	532	613	714	100	109,7	110,5
ВСЕГО:	34 796	38 175	38 442	100	109,7	110,5
в том числе:						
в городах	4397	4465	4351	100	101,5	99,0
в сельской местности	30 399	33 710	34 091	100	110,9	112,1

¹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1633. Л. 104.

Но со второй половины 1927 г. происходила, вначале едва заметная, а затем все более очевидная, переориентация на вытеснение религиозных организаций на периферию общественной жизни, сведение их деятельности лишь непосредственно к отправлению культа в стенах молитвенных зданий. Этот курс отчетливо проявился в канун принятия Декларации, а затем и при решении вопроса о регистрации «сергиевских» епархиальных управлений. Позиция ОГПУ вновь оказалась решающей и сводилась она к следующему: 1) отказывать в официальной регистрации вновь образующихся управлений и 2) существующие де-факто управления официально не регистрировать, но и не препятствовать их деятельности¹. Такая позиция была подтверждена секретным циркуляром НКВД «О «Сергиевских» епархиальных управлениях»².

Очень скоро выявилась и еще одна особенность линии административных органов в отношении епархиальных управлений «тихоновской» церкви. Для НКВД и ОГПУ термин «регистрация» не имел какого-либо юридического смысла. К примеру, центральный аппарат НКВД в разъяснении от 6 января 1928 г. в адрес административного отдела Дальневосточного края указывал: «термин “регистрация” употреблен в силу того, что, как т. н. Патриарший Синод, так и т. н. епархиальные управления, в своих заявлениях, представляя по установленной форме списки этих организаций, возбуждают вопрос “о регистрации” их как официальных учреждений, о чем, конечно, не может быть и речи. Каким-либо образом разъяснить им их заблуждение из чисто политических соображений совершенно нецелесообразно»³. Эта установка транслировалась и во всех других «разъяснениях» НКВД, направлявшихся в местные органы в связи с их запросами об отношении к деятельности патриаршего Синода⁴.

Иными словами, для НКВД и ОГПУ вся линия их поведения в 1925–1927 гг. в отношении руководства «тихоновской» церкви была всего лишь тактическим шагом, не менявшим существа отношения этих органов к «религии и церкви». Органы церковного управления, как и вообще религиозные сообщества, были в их понимании «политическими организациями», противостоящими социализму.

---

¹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1573. Л. 9. Опубликовано: Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): документы и свидетельства современников. Диспут. 1992. № 2. С. 201.

² Там же. Д. 1730. Л. 40. Опубликовано: Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия... С. 202.

³ Там же. Д. 1633. Л. 3.

⁴ См.: Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): документы и свидетельства современников // Диспут. 1992. № 2. С. 203.

и «нежелательными» в социалистическом обществе. Они не были и не могли быть признаваемы в качестве юридического лица и были лишь терпимы как неизбежное следствие конъюнктуры симпатий и антипатий к «религии и церкви», сложившейся в государственно-партийном аппарате к этому времени. И очень скоро разрушилось и то непрочное «перемирие» между церковью и государством, что достигнуто было на принципах, изложенных в Декларации митрополита Сергия. За точку отсчета этого процесса здесь должно принять 1929 г., когда окончательно рухнули надежды и намерения не только митрополита Сергия, но и тех сил в коммунистической партии и советском государстве, которые заявляли о необходимости демократизации государственной вероисповедной политики.

2.3. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». 8 апреля 1929 г.

Попытки реформирования советского законодательства о культах

Середина и вторая половина 1920-х гг. стала временем реформирования правовой основы государственной вероисповедной политики. В прошлое уходил так называемый ленинский период советской истории с его Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви, другими нормативными актами, с деятельностью «ликвидационного отдела» Наркомюста. Вослед изменениям на партийно-политическом Олимпе менялась и точка зрения на место и роль религии и религиозных организаций в социалистическом обществе, на «разрешенные» для государства способы регулирования религиозной жизни страны, мировоззренческих предпочтений граждан.

Однако обретение нового курса, безусловно, более жесткого, не произошло сразу, как по команде. Он утверждал себя на протяжении 4–5 лет в борьбе с иными воззрениями и представлениями, имевшими хождение в партийно-советской среде. Окончательная его победа связывается с принятием ВЦИК и СНК РСФСР в апреле 1929 г. постановления «О религиозных объединениях».

Спор между представителями различных позиций шел по нескольким принципиальным вопросам. Первый из них: каким нормативным правовым актом следует регулировать деятельность религиозных объединений и обеспечивать право гражданина на свободу совести?

По мнению Наркомата внутренних дел РСФСР (НКВД), все должно было свестись к разработке новой инструкции по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Считалось, что прежняя Инструкция от 30 августа 1918 г. безнадежно устарела и требовала существенной корректировки, обновления и внесения изменений.

Иную точку зрения высказывал П. Г. Смидович, возглавлявший с 1924 г. Секретариат по делам культов при Президиуме ВЦИК. Она заключалась в обосновании необходимости принятия особого закона о культах с учетом назревшей потребности отказаться от наиболее жестких и изживших себя норм и при общей либерализации религиозного законодательства.

На рубеже 1925–1926 гг. НКВД подготовил проект инструкции, которая получила наименование «О религиозных культах и культовом имуществе»¹. Проект включал в себя почти все положения Декрета (1918) за исключением нормы об обучении религии «частным образом» (ст. 9) и о замене одной гражданской обязанности другой в связи с религиозными убеждениями граждан (ст. 6). Здесь же впервые вводилось такое понятие, как «религиозное объединение», заменявшее ранее употребляемые термины — «группа верующих» и «религиозное общество». На тот момент идея принятия инструкции и ее проект, разработанный НКВД, не нашли поддержки в вышестоящих партийных и государственных инстанциях. Однако Наркомат не отказался от своей идеи и вновь, теперь уже в начале 1927 г., внес во ВЦИК и Совнарком все тот же проект инструкции, но и в этот раз он был отвергнут.

Неспособность НКВД протолкнуть свой проект инструкции давала определенные шансы на успех инициативе Секретариата по культам. К весне 1927 г. им был подготовлен законопроект «Положение о культах и культовом имуществе». Он включал в себя 33 статьи, которые были разделены по следующим разделам:

1. Общие положения
2. Религиозные шествия и церемонии
3. Пользование культовым имуществом
4. Группы верующих
5. Церковные сборы
6. Сооружение новых зданий культа
7. Расторжение договоров о пользовании зданиями культа.

Заккрытие и ликвидация зданий культа.

По логике разработчиков законопроекта, он должен был быть принят ЦИК СССР и СНК СССР, и таким образом стать не только российским (республиканским) законом, но и правовой базой для союзного государства в целом.

В девяти статьях раздела «Общие положения» излагались основные положения Декрета от 1918 г.: о праве граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой; о равенстве граждан по-

---

¹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 51.

зависимо от их отношения к религии; о праве свободного исполнения религиозных обрядов; о недопустимости уклонения от исполнения гражданских обязанностей в связи с религиозными убеждениями и «возможности» изъятия из этого положения по решению суда; о национализации церковного имущества и т. д.

Однако присутствовали и отклонения от Декрета. Например, в ст. 6, касавшейся «преподавания религиозных верований», из формулировки этого пункта Декрета была снята заключительная часть, гласившая: «Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом». Тем самым предполагалось введение запрета на религиозное обучение (и для взрослых, и для детей) в частной, семейной жизни граждан. Кроме того, проект (ст. 8) предусматривал возможность существования религиозных организаций в одной форме — в виде групп верующих, чья деятельность связывалась исключительно с культовым зданием и свершением в нем религиозных треб и обрядов. Отныне под запретом находилась деятельность «церковных и религиозных обществ», ранее действовавших наравне с частными (культурно-просветительными, научными и т. п.) обществами, рамки деятельности которых не ограничивались культовым зданием.

Вводилось и ограничение на отправление культа и произнесение проповедей (ст. 3), которые отныне были «свободны» лишь в том случае, если имели «исключительно религиозный характер», не нарушали «распоряжения власти» и не были «направлены против основ диктатуры пролетариата».

Разделы законопроекта: второй (ст. 10–11), третий (ст. 12–13), пятый (ст. 20–27), шестой (ст. 28) и седьмой (ст. 29–32), хотя в основном повторяли соответствующие статьи Инструкции 1918 г., но в значительной мере освободились от мелочной регламентации деятельности групп верующих, в них сокращены были разрешаемые ранее возможности вмешательства органов власти во внутрицерковную деятельность. Например, если ранее для совершения религиозных шествий и церемоний за пределами церковной территории требовалось каждый раз письменное разрешение, то теперь предполагалось лишь согласование даты, времени и места их проведения. К тому же на праздничные хождения служителей культа по домам верующих и вовсе не требовалось разрешений.

Наиболее объемным был четвертый раздел «Группы верующих» (ст. 14–25). В отличие от Инструкции 1918 г. предполагалось увеличить число верующих, достаточное для получения в пользование культового здания с 20 до 50 человек. И, кроме того, как уже выше отмечалось, законодатель устанавливал лишь одну форму объединения верующих — группу, которой и передавалось в пользование здание и культовое имущество. Группы по-прежнему не пользовались правами юридического лица, не имели возможности получать никаких субсидий от государства.

Проект обсуждался в центральных ведомствах, и было признано «нецелесообразным» выносить его на утверждение. В частности, НКВД, в значительной мере раздосадованный тем, что он оттеснен от разработки законопроекта, писал в своем заключении на него: «Рассматриваемый проект не вносит чего-либо нового в основной закон от 23.01.18 г. и не выявляет каких-либо особых положений, требующих своего разрешения в законодательном порядке». Правда, отмечая слабости проекта, НКВД не внес конкретных предложений по его качественному обновлению, а вновь предложил ограничиться принятием ведомственной инструкции в качестве «единого руководства по применению и проведению в жизнь закона (Декрета 1918 г.) об отделении церкви от государства и школы от церкви». Общая направленность предлагаемого текста инструкции — введение множества дополнительных к ранее существовавшим ограничений, ужесточение контроля за деятельностью религиозных организаций, расширение зоны запретов и вместе с тем сужение поля самостоятельности в действиях верующих и религиозных общин.

Трудно сказать, намеренно или нет, не было замечено тех отступлений от Декрета 1918 г., о которых говорилось выше и которые уже содержали в себе потенциальную возможность «ограничительного уклона» в законодательстве о культах. Так же как и трудно сейчас определить, почему, подвергая критике данный проект, не было указано на его основную слабость, на то, что он не мог стать документом, плодотворно развивающим Декрет. Составители проекта не смогли (или не захотели) попытаться с учетом новых общественно-политических условий преодолеть ограниченность Декрета, связанную с конкретно-историческими условиями, в которых он принимался, и по-новому решить насущные проблемы: о предоставлении религиозным организациям прав юридического лица, формах и пределах религиозной пропаганды и обучения религии, о церковной собственности, о месте религиозных организаций в структуре общества. Сыграло свою роль и то, что постепенно в партийно-государственных инстанциях созревало мнение о первостепенной роли в деле регулирования вероисповедной сферы, как сферы политико-идеологической, исключительно партийных постановлений.

Спустя год, в мае 1928 г., П. Г. Смидович внес на рассмотрение Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) разработанную им инструкцию¹ по вопросу отделения церкви от государства и школы от церкви. Текст этого документа (семь разделов, 88 статей)² выходил за

---

¹ Думается, П. Смидович намеренно дал документу наименование «Инструкция», дабы избежать излишней полемики с органами НКВД, да и партийными органами.

² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Л. 168.

рамки простой ведомственной инструкции и по существу представлял из себя федеральный законопроект, выражающий содержание и направленность вероисповедной политики государства. С одной стороны, он явился результатом критического обобщения и сведения воедино декретов, постановлений, циркуляров, решений и т. п. государственных органов власти и управления различных уровней по проблемам свободы совести и вероисповеданий. А с другой — попыткой исключить из религиозного законодательства отжившие, прежде всего запретительные нормы и включить в него нормы и положения, защищающие права верующих граждан и создаваемых ими религиозных организаций.

Особое раздражение таких ведомств, как НКВД, ОГПУ, НКЮ, Антирелигиозная комиссия, на рассмотрение которых была направлена Инструкция, вызвало то, что ее предполагалось принять в законодательном порядке, от имени Президиума ВЦИК, и тем самым отринуть их узковедомственные интересы и утвердить общегосударственный интерес в данной сфере общественных и государственно-церковных отношений.

Точку зрения противников инструкции наиболее полно и открыто выразил Наркомюст, писавший: «Издание такой инструкции политически нецелесообразно. В настоящее время, когда под флагом религии, сектантства и проч. группируется антисоветский элемент, когда религиозная агитация растет, такая инструкция, изданная от имени Правительства, может произвести впечатление новой декларации прав религиозников и, несомненно, осложнит борьбу с ними»¹.

В числе «недопустимых», с точки зрения Наркомюста, послаблений «религиозникам», как пример приводится такое. Если П. Г. Смидович предлагал запретить местным органам власти выносить решения и постановления, необоснованно ограничивающие проведение религиозных обрядов и церемоний за пределами церковной территории, то Наркомюст считал это невозможным, поскольку, как он мотивировал, это «приведет к тому, что в местах скопления публики: ярмарки, базары или во время эпидемий будут по прихоти духовенства устраиваться крестные ходы, шествия и проч.»²

Наркомюст считал излишним внесение пункта в инструкцию, требующего от властей при наличии «свободных» культовых зданий, прежде чем они будут официально закрыты, извещать троекратно об их наличии через местную прессу. Также негативно он расценил внесенное в инструкцию положение, допускающее проведение религиозных обрядов в больницах и местах заключения.

---

¹ Там же. Д. 168. Л. 4–4 об.

² Там же. Л. 4 об.

Еще одной особенностью позиции П. Г. Смидовича было постоянное его стремление и призыв к властям образовать союзное ведомство «по делам религий», которое стало бы тем «приводным ремнем», что обеспечил бы единообразие в церковной политике на всей территории СССР.

Партийное руководство и «религиозный вопрос»

Обсуждение проблемы организации союзных органов «по делам культов» и проектов союзного законодательства о культах происходило на фоне развернувшейся оживленной дискуссии о перспективах существования религии, о функциях религиозных организаций в социалистическом обществе, формах и предназначении «антирелигиозной работы», ее соотношении с общей идеологической работой партии и воздействию на процессы секуляризации. В центральных и местных партийных органах готовятся всевозможные справки, информации, обзоры о религиозной ситуации в стране, антирелигиозной пропаганде и формах борьбы с религией. Общим для них было указание на «активизацию религиозников» и требование ужесточить церковную политику партии и государства. Например, в записке информационного отдела ЦК РКП(б) «Партруководство вопросам антирелигиозной пропаганды», составленной на основании отчетов 127 партийных организаций за первое полугодие 1928 г., подчеркивалось, что парторганизации уделяют этой работе «недостаточное внимание», тогда как налицо «усиление роста активности сектантства и мусульманства»¹.

Свою лепту в дискуссию вокруг проблем реформирования законодательства о религиозных культах внесла и Антирелигиозная комиссия. Она выступала за ужесточение существующего и разрабатываемого вновь религиозного законодательства, подхватывая, одобряя, популяризируя и пропагандируя соответствующие инициативы других ведомств и организаций. Например, ЦК ВЛКСМ — о недопущении детей для участия в религиозных обрядах и закрытии «детских площадок» и экскурсий, организуемых религиозными организациями; НКВД — о «ликвидации монастырей» и сокращении числа религиозных изданий; Наркомфина — об ужесточении налоговой политики в отношении религиозных организаций и т. д.

Ем. Ярославский, бессменный председатель Антирелигиозной комиссии, мечтал превратить ее в некий центр, целиком и полностью определявший и контролировавший «религиозную жизнь», «антирелигиозную пропаганду» и «церковную политику» государства на тер-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 142. Л. 5.

ритории всей страны. Потому он настойчиво в течение лета—осени 1928 г. добивался вынесения на заседание Политбюро вопроса об усилении антирелигиозной работы.

В декабре 1928 г. Оргбюро ЦК РКП(б) наконец-то рассмотрело вопрос «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Докладчиком был Ем. Ярославский, который рисовал картину всеохватного «религиозного оживления», якобы угрожающего советской власти и социализму. По его словам, выходило, что в стране активно действуют несколько миллионов руководителей (священнослужители, церковнослужители, монашествующие) и активистов («бывшие помещики, торговцы, кулаки, меньшевики и эсеры») различных религиозных организаций. Их докладчик обвинял в «политической антисоветской деятельности», которая лишь прикрывается «религией» и которая, к тому же, еще и субсидируется из-за границы¹.

Ем. Ярославский убеждал, что единственной силой, могущей противостоять «религиозникам», был Союз воинствующих безбожников. Но «безбожники», утверждал докладчик, не могут реализовать свои возможности, поскольку испытывают острый недостаток в средствах, имеют слабую материально-техническую базу, недостаточно поддерживаются и в центре, и на местах партийными и государственными органами.

Выход из создавшегося положения Ярославский видел в том, чтобы на первый план выдвинуть меры «административно-политического воздействия» в отношении религиозных организаций, преодолевать «пассивность в отношении реакционных попов», всячески активизировать антирелигиозную работу, рассматривая ее как одну из важнейших сторон деятельности партии, государства и общественных организаций, как часть «наступления на капиталистические элементы».

Проект резолюции по докладу Ярославского более месяца обсуждался специально созданной комиссией. Очевидно, все интуитивно ощущали, что партия, а вслед за ней и государство переходят некий Рубикон, открывая новую страницу в их «антирелигиозной деятельности». Настойчивость Ем. Ярославского привела к тому, что после обсуждения решено было выработать специальное развернутое постановление по «религиозному вопросу», которое одновременно было бы «руководящим документом» и для государственных органов.

24 января 1929 г. на заседании Политбюро, где присутствовали Н. И. Бухарин, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Я. Э. Рудзутак, А. И. Рыков, М. П. Томский, И. В. Сталин и Л. М. Каганович, было принято секретное постановление «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Можно сме-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 1–7.

ло утверждать, что принятие данного документа свидетельствовало о состоявшейся «концептуальной перезагрузке» в партийно-советской элите. Она еще говорит о строительстве светского государства, но уже не в той его форме («внеконфессиональной»), как это провозглашала европейская социал-демократия, как это происходило в США, Франции. Идеологи правящей коммунистической партии в основу практической деятельности партии и государства положили идею превосходства «атеистического мировоззрения», склоняясь к тому, что подлинно демократическое государство — это «государство атеистическое». И именно партия должна была играть ведущую роль в строительстве этого государства¹.

Спустя почти месяц постановление Политбюро рассылается за подписью Л. М. Кагановича в виде письма ЦК РКП(б) в республиканские, краевые, областные, губернские и окружные партийные организации. В письме нашли отражение все основные положения доклада Ем. Ярославского. Констатировалось, что в стране активно развивается «процесс изживания религиозности», который, однако, «тормозится», во-первых, недостаточным вниманием к этой работе со стороны «партийцев, комсомольцев, членов профсоюза и др. советских организаций», а во-вторых, оживлением деятельности религиозных организаций, их стремлением приспособиться к новым социальным условиям.

Обосновывая необходимость преодоления этих «тормозов» в антирелигиозной работе, составители письма обращаются к характеристике политических позиций религиозных организаций. При этом они, исходя из постулата об обострении классовой борьбы в ходе социалистического строительства, зачисляют духовенство, активных рядовых верующих, органы церковного управления и религиозные организации в разряд противников социализма. Им предъявляются обвинения в «мобилизации» реакционных и малосознательных элементов в целях «контрнаступления на мероприятия советской власти и компартии».

Присутствует в письме и упоминание о недопустимости применения в отношении религиозных организаций и верующих «административных мер», «поверхностной клерикальной борьбы с попами», но это не более чем проформы ради. В том достаточно убедиться, обратившись к конкретным задачам, которые ставились перед партийными, государственными, хозяйственными и общественными организациями:

---

¹ См.: Одинцов М. И. Государственная политика в сфере свободы совести: методология и история, содержание и цель // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. ст. Вып. № 8. М., 2010. С. 219–237.

Главлиту — оказывая поддержку издательской работе ЦС СББ и местных «Союзов безбожников», решительно бороться с тенденцией религиозных издательств, как к массовому распространению, так и к выходу в своей пропаганде за пределы строго религиозных вопросов. Точно так же бороться против издания мистических произведений.

НКВД и ОГПУ — не допускать никоим образом нарушения советского законодательства религиозными объединениями, имея в виду, что религиозные организации (церковные советы, мутаваллиаты, синагогальные общества и т. п.) являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы.

НКВД — обратить внимание на то, что до сих пор жилые и торговые муниципализированные помещения сдаются в аренду под молитвенные дома, нередко в рабочих районах. Школы, суды, регистрация гражданских актов должны быть полностью изъяты из рук духовенства. Партийным комитетам и исполкомам необходимо поставить вопрос об использовании ЗАГСов в целях борьбы с поповщиной, церковными обрядами и пережитками старого быта.

Кооперативным организациям и колхозам — обратить внимание на необходимость овладеть вегетарианскими столовыми и другими кооперативными объединениями, созданными религиозными организациями и сектантами под видом кустарно-промышленных и других кооперативных объединений. Кустпромсоюзу озаботиться созданием новых кустарных промыслов в районах изготовления предметов религиозного культа.

Советским и хозяйственным организациям — решительно изучить практику хозяйственного обслуживания религиозных праздников, а тем организациям, которые используют труд сектантов-трудоармейцев, отчислять средства на ведение политпросветработы среди трудоармейцев, обратив внимание «Союза безбожников» и Политпросвета на необходимость постановки среди них антирелигиозной работы¹.

Отправленное на места письмо по сути своей развязало руки местным работникам, санкционируя силовое давление на религиозные организации. И все это под аккомпанемент высказываний о контрреволюционном характере религии и смыкании религиозных организаций с контрреволюционными организациями. Во внимание не принимались, просто отвергались неоднократные заявления практически всех действовавших в Советском Союзе религиозных организаций и их руководителей о лояльности к советской власти. Более того, их суть извращалась, они подавались общественному мнению как примеры «прикрытия» религиозными организациями своих подлинных антисоветских настроений, действий и целей.

---

¹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1782. Л. 224–225.

Позиция Политбюро РКП(б) и Антирелигиозной комиссии оказалась решающей в дискуссии о разработке союзного законодательства о религиозных организациях и создании союзного органа «по делам религий». И то и другое было признано ненужным. «Руководящим» для союзного государства документом в его вероисповедной политике признавалось постановление Политбюро РКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы». На его основе должны были строить свою политику и советские органы власти в союзных республиках, которым предоставлялось право самостоятельно решить вопрос о республиканском органе «по делам культов» и республиканском законодательстве о религии.

В РСФСР ситуация развивалась следующим образом. Отталкиваясь от постановления «О мерах по усилению антирелигиозной работы», власти решают внести поправки в ст. 4 и 12 действовавшей Конституции РСФСР (1925)¹. Согласно протоколу заседания Политбюро от 28 февраля 1929 г. предлагались следующие изменения конституционных статей:

В конце ст. 4 слова: «а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» заменить словами: «а свобода религиозных убеждений и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

В конце ст. 12 слова: «подвергающимся преследованиям за политическую деятельность или за религиозные убеждения» заменить словами: «подвергающимся преследованиям за революционно-освободительную деятельность»².

Проведение XIV Всероссийского съезда Советов намечалось на май 1929 г., а до этого планировалось принять новый республиканский нормативно-правовой акт, регулировавший деятельность религиозных объединений.

В нашем распоряжении есть статистические сведения, составленные сотрудниками НКВД и дающие представление о действовавших в РСФСР (без автономных республик) религиозных объединениях и характере использования молитвенных зданий (таблица 2.2).

---

¹ Тексты статей выглядели следующим образом: ст. 4 — «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»; ст. 12 — «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованиям за политическую деятельность или за религиозные убеждения».

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 728. Л. 2.

Весь предсъездовский период был использован властями для нагнетания антирелигиозной истерии. Особую активность предпринимала Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) и ее председатель — Ем. Ярославский. Достаточно обратиться к его «антисектантским» разгромным (а точнее — погромным) статьям в антирелигиозных изданиях того времени. Так, в передовой статье «Антирелигиозного сборника на 1929 год» Ем. Ярославский, к примеру, сообщал об «усилении сектантских организаций», обвинял их в поддержке «всякого рода мракобесия, суеверия», в противодействии «проникновению новых форм быта», в борьбе «против коммунизма, комсомола, пионеров, против революционизирующего влияния социалистических мероприятий советской власти и коммунистической партии». И призывал «вырвать почву из-под ног всякого церковного и религиозного проповедника»¹.

Таблица 2.2

Сведения о молитвенных зданиях в РСФСР. 1928 г.

Культы	Всего молитвенных зданий	Из них		
		передано религиозным обществам	передано другим организациям	не используется
РПЦ (тихоновцы)	29 584	28 560	601	423
Обновленчество	3 411	3 364	31	16
Армянская церковь	64	64	—	—
Католики	137	128	5	4
Протестанты	184	179	5	—
Иудеи	265	261	1	3
Мусульмане	2 376	2 293	1	82
Старообрядцы	1 707	1 679	6	22
Сектантство	714	701	2	11
Всего:	38 442	37 229	652	561
В т. ч.:				
в городах	4 351	3 964	258	129
в селах	34 091	33 265	394	432

Под аккомпанемент таких заявлений на местах все большую популярность приобретала практика проведения сходов, собраний, митингов, на которых простым большинством голосов, зачастую в отсут-

¹ См.: Ярославский Ем. Очередная задача на антирелигиозном фронте // Антирелигиозный сборник на 1929 год. М., 1929. С. 4–5.

ствие «заинтересованной стороны», принимались решения: быть или не быть действующими церкви, мечети, синагоги, молитвенного дома в населенном пункте. Вот типичная для тех лет выписка из протокола рабочего собрания фабрики «Красный Октябрь» (Средневолжская область), состоявшегося 15 марта 1929 г.: «Слушали: О закрытии церкви. Постановили: Считаю, что церковь, как рассадник религиозного дурмана, нам не нужна. Поручаем горсовету и прочим организациям немедленно церковь закрыть, помещение же церковное использовать под школу»¹.

Что касается верующих и их руководителей, то они мгновенно отреагировали на изменившуюся ситуацию. К примеру, Всесоюзный совет евангельских христиан (Ленинград) писал в феврале 1929 г. в ЦИК СССР: «Мы получаем с мест целый поток писем, телеграмм и сообщений всякого рода, из которых видно, что на наши общины и их членов предпринят определенный нажим административного характера в различных направлениях»².

Об этом же свидетельствует в своих воспоминаниях один из видных руководителей Церкви христиан-адвентистов седьмого дня С. П. Кулыжский: «В феврале 1929 г. в “Комсомольской правде” были напечатаны обложки всех религиозных журналов, издаваемых баптистами, евангельскими христианами, адвентистами и др., и там же были напечатаны комментарии: “Когда Антанта отправляла снаряды с целью подавления революции в России, то английские рабочие отказались их грузить, так как все это было направлено против их братьев по труду. Справедливо ли будет, когда наши рабочие-печатники будут набирать и печатать религиозную литературу, направленную к омрачению сознания всех трудящихся?” И как результат такого призыва в том же 1929 г. прекратилось печатание всех издаваемых религиозных журналов и другой религиозной литературы. Был объявлен бойкот против всякого обслуживания Церкви»³.

Фон, на котором происходила подготовка нового закона о религиозных объединениях, хорошо передает содержание многочисленных аналитических материалов НКВД, передаваемых им в центральные партийные и советские органы. Так, 6 апреля 1929 г., буквально накануне принятия нового закона о религиозных организациях, НКВД писал: «религиозники» везде и всегда примыкают к тем силам, которые противодействуют мероприятиям, направленным к «укрепле-

---

¹ Цит. по: Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 74–75.

² ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 5. Л. 30.

³ Из истории церкви Адвентистов седьмого дня в России. Калининград, 1993. С. 267.

нию мощи Советского Союза и к ослаблению капиталистического сектора», организуют антисоветские выступления масс.

При этом в документе подчеркивалось, что «возросшая антисоветская активность религиозников» приобретает все более многообразный характер: «давление» на низовые местные органы власти при пере выборах в Советы, создание подпольных контрреволюционных организаций, распространение антисоветских листовок, террор против активистов-безбожников, организация движения за открытие и постройку церквей и недопущение их закрытия¹.

К апрелю 1929 г. работа над проектом постановления ВЦИК и СНК РСФСР по вопросам деятельности религиозных объединений, к которой были привлечены Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б), наркоматы внутренних дел и юстиции, ОГПУ, ВЦИК, была практически завершена.

8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление «О религиозных объединениях», которое хотя и подвергалось в дальнейшем некоторому уточнению, редактированию и дополнению, в целом сохранялось как действующее вплоть до начала 90-х гг. XX в. Оно законодательно закрепило ставшее к тому времени господствующим мнение о том, что религиозные организации не вправе заниматься какой-либо иной деятельностью, кроме как удовлетворением религиозных потребностей верующих преимущественно в рамках молитвенного здания, и что следует «вытеснить» религиозные организации из всех сфер общества, где до этого времени они имели право действовать, и запретить им какой-либо вообще «выход» в общество.

Одновременно деятельность религиозных объединений в части удовлетворения религиозных потребностей граждан обставлена была множеством ограничительных и жестких регламентирующих условий. Так, им было запрещено создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; оказывать материальную поддержку своим членам; организовывать как специальные детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь. В молитвенных зданиях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа; не допускается преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений в госу-

---

¹ См.: ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1868. Л. 34–34 об.

дарственных, общественных и частных учебных и воспитательных заведениях. Такое преподавание может быть допущено исключительно на специальных богословских курсах, открываемых гражданами СССР с особого разрешения НКВД РСФСР, а на территории автономных республик — с разрешения Центрального исполнительного комитета соответствующей автономной республики.

По сути религиозные объединения превращались в самой крупной республике СССР — в РСФСР в некие «резервации» для исповедующих те или иные религиозные убеждения граждан. Естественно, этот подход через общее партийно-идеологическое руководство страны автоматически распространялся и на все остальные союзные республики, он становился общесоюзным.

Справедливости ради надо отметить, что постановление несло в себе и позитивное содержание, отвергая некоторые ошибочные предложения, заложенные в проект союзного законодательства о культах, в предписаниях НКВД, ОГПУ и Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б), определяя условия образования и функционирования религиозных обществ, совершения обрядов и треб и т. п. Но, к сожалению, очень скоро выяснилось, что многие из этих позитивных статей в условиях разворачивающегося процесса «изгнания религии» из общества не реализовывались на практике.

На том же заседании при Президиуме ВЦИК была образована Постоянная комиссия по культовым вопросам, заменившая Секретариат по делам культов. Ей поручалось рассмотрение вопросов, связанных с деятельностью религиозных организаций, и предоставление проектов решений по ним в Президиум ВЦИК. В состав Комиссии вошли представители республиканских наркоматов юстиции, внутренних дел, просвещения, а также ОГПУ, ВЦСПС и ЦК ВКП(б). Возглавил комиссию П. Г. Смидович, и она приступила к своей деятельности в мае 1929 г.

День 8 апреля 1929 г. стал рубежным в советских государственно-церковных отношениях. С одной стороны, он означал, что в споре, ведшемся в 1926–1929 гг. во властных структурах (союзных и республиканских) о необходимости принятия общесоюзного закона о религиозных объединениях и создания общесоюзного органа «по делам религии», победили те, кто выступал против этого. Отныне признавалось целесообразным разрешать все вопросы «религиозной политики» в соответствии с мнением партийных и государственных органов в каждой из союзных республик в отдельности. С другой — принятое постановление свидетельствовало, что в РСФСР в высшем партийно-советском аппарате сильнее оказалась та его часть (И. В. Сталин, В. М. Молотов, Н. И. Бухарин и др.), что выступала за ужесточение вероисповедного курса государства, за отказ от «послаблений» периода нэпа.

Следующим шагом на пути реализации политико-идеологических установок, заключавшихся в постановлении Политбюро от 24 января 1929 г., стали решения XIV Всероссийского съезда Советов, состоявшегося в мае 1929 г. Наряду с задачами экономического, культурного, социального развития страны много было уделено внимания «религиозному вопросу», причем его обсуждение шло по уже заранее заданной теме, в русле утвердившейся в общественном сознании «теории» об обострении классовой борьбы в социалистическом обществе. В докладах А. И. Рыкова о пятилетнем плане развития РСФСР и А. В. Луначарского о текущих задачах культурного строительства религиозной проблематике уделено было особенно много места. Оба они исходили из посылки, что в классовой борьбе «религия и церковь» оказываются на стороне сил, препятствующих социалистическому строительству.

А. И. Рыков говорил, характеризуя обстановку в обществе: «Остатки капиталистических классов — кулаки в деревне, нэпманцы в городе и представители старой идеологии, идеологии религиозного дурмана и частной собственности среди интеллигенции — оказывают и будут оказывать всяческое сопротивление делу организации нового общества. Отсюда то обострение классовой борьбы, которое мы переживаем в настоящее время. Любое затруднение, встречающееся на нашем пути, классовый враг, конечно, использует для борьбы с диктатурой пролетариата и для того, чтобы создать щель и разлад в союзе рабочего класса с крестьянством»¹.

Еще более резко говорил о месте и роли религии и церкви А. В. Луначарский. По его мнению, культурное строительство должно сопровождаться борьбой «с двумя главными нашими культурными врагами, со всевозможными церквами и религиями, в каких бы то ни было формах. Это — враг социалистического строительства, и он борется с нами на культурной почве. Школа и все культурные учреждения — батареи, которые обращены против религии со всеми ее ужасами, пакостями, со всем позором узкого национализма, особенно сказывающемся в антисемитизме»².

Подобные заявления нашли горячую поддержку среди слушателей, ибо соответствовали настроениям делегатов, и они, со своей стороны, призывали: усилить борьбу за закрытие церквей, изымать культовые здания под социально-культурные нужды, бороться с пре-

---

¹ XIV Всероссийский съезд Советов РСФСР. Бюллетени. М., 1929. Бюллетень № 1. С. 20.

² Там же. Бюллетень № 12. С. 24–25.

стольными праздниками, «поповским» и «религиозным дурманом», сокращать тиражи религиозной литературы, поддерживать коллективные обращения «активистов» о закрытии церквей, не позволять ремонтировать культовые здания, не поддерживать просьбы верующих об оставлении в их пользовании зданий, снимать колокола.

Но в выступлениях Рыкова и Луначарского содержалась не только необходимая дань конъюнктуре идеологических установок Политбюро и ЦК. Они предостерегали от поспешности в антирелигиозной работе, от увлечения принудительными административными мерами, настаивали на необходимости соблюдать недавно принятый закон «О религиозных объединениях». По существу то была скрытая полемика с победившим мнением большинства в партийно-советском руководстве страны, попытка донести до партийной массы ошибочность нового курса в вопросах религиозной политики.

Предупреждая об опасности увлечения и о бесперспективности администрирования, А. В. Луначарский говорил: «Губисполком вправе расторгнуть любое соглашение, любой контракт с группой верующих, но если они жалуются на это, то по нашей Конституции ВЦИК обязан это дело рассмотреть применительно к местным условиям. Мы, конечно, все за то, чтобы как можно скорее изжить религиозный дурман, но мы ни на одну минуту не должны забывать, что резкие административные меры без предварительной антирелигиозной пропаганды, которая в данной местности подготовила бы почву для них, создадут положение разрыва между передовыми рабочими и их партийными и советскими органами и огромными массами верующих крестьян и (правда, сравнительно небольшой) отсталой частью рабочего класса. Я присутствовал на собраниях в Москве, где предложения о закрытии церквей большинством голосов рабочих и работниц не только отвергали, но вызывали даже возмущение. Мы должны стараться закрывать церкви, но только предварительно подготовив общественное мнение. ВЦИК проявляет здесь необходимую и правильную осторожность»¹.

И эта часть выступлений Рыкова и Луначарского в защиту верующих, религиозных организаций и законности вызвала ропот и даже острое неприятие у делегатов съезда. К примеру, представитель делегации от Владимирской губернии Никитин, полемизируя с Рыковым, призывавшим не спешить с закрытием церквей, заявил следующее: «Теперь я хочу сказать относительно закрытия церквей. Вчера т. Рыков толковал по этому вопросу, но, по-моему, он не совсем удачно толковал. Возьмем, например, Владимирскую губернию: там

---

¹ XIV Всероссийский съезд Советов РСФСР. Бюллетени. М., 1929. Бюллетень № 14. С. 49.

закрыли целый ряд церквей. Что получилось? Кроме приветствия, ничего не получилось... Я думаю, что рабочее ядро всегда единогласно выскажется за закрытие церквей... Вообще, вопрос стоит так, что нужна не только одна агитация, а может быть, нужна и рабочая пролетарская рука, может быть, кое-где нужно ударить покрепче по этому дурману и стегнуть его получше»¹.

Показательно, что А. И. Рыков, отвечая в заключение на вопросы, записки и предложения, специально остановился на критике позиции административного давления на религию, призывов закрывать церкви, «ударить покрепче по дурману». Это было последнее, вплоть до эпохи «перестройки и гласности», публично высказанное несогласие с политикой партийного центра в отношении религии и церквей со стороны партийно-советских руководителей такого уровня. Отныне такая позиция станет прерогативой диссидентствующих да зарубежных советологов и кремленологов.

Рыков заметил: «Вот такой идеологии, признаюсь, я боюсь. Что она означает? Она означает, что товарищ Никитин доказать вредность религии населению не может, и аргументы, идеологическую борьбу думает заменить палкой. Где этот дурман, где его нужно уничтожить? Его нужно уничтожать в головах людей. О каких людях идет речь? О тех крестьянах и рабочих, которые до сих пор еще не расстались с религией. Здесь это не борьба с нэпманом. Речь идет о работе среди трудящихся классов населения. Конечно, нэпманы и кулаки поддерживают религию, находятся в союзе с попом. По отношению к нэпману и кулаку мы принимали и принимаем очень решительные меры борьбы, но по отношению к значительным группам трудящегося населения они едва ли уместны. Поэтому неправильно, когда в борьбе с религиозным дурманом прибегают к излишним административным мерам. Тогда попадают иногда совсем не туда, куда нужно. Они могут попадать, например, по тем средняцким и бедняцким группам, которые, хотя и поддерживают соввласть, но не порвали еще с религиозными пережитками. Ссориться же нам с такими слоями, благодаря административным «увлечениям», вовсе не с руки»².

Следуя закрытым решениям Политбюро по «религиозному вопросу», съезд совершил еще один шаг к законодательному закреплению административного диктата в отношении религиозных организаций. Съезд изменил ст. 4 Конституции РСФСР. Вместо ранее зафиксированного права граждан на «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды» отныне ст. 4 Конституции гарантировала лишь «свобо-

---

¹ Там же. Бюллетень № 12. С. 24–25.

² Там же. Бюллетень № 4. С. 13.

ду религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». На практике это означало, что власть лишь «терпела» культовую деятельность, ограниченную молитвенным зданием, а все иные возможные формы проявления религиозной деятельности жестко пресекала.

В стенограммах съезда не содержится какого-либо развернутого и убедительного объяснения причин, побудивших к этому изменению. Лишь указывалось, что поправка «вносится в целях ограничения распространения религиозных предрассудков путем пропаганды, используемой весьма часто в контрреволюционных целях». Делегаты не только «приняли» такое обоснование, но многие из них при обсуждении приводили примеры «враждебной» деятельности религиозных организаций в своих регионах.

Стоит еще раз подчеркнуть, что данный тезис был намеренно неверен. Слов нет, отдельные факты нарушений законов со стороны верующих и духовенства были, но сами документальные материалы тех лет, сохранившиеся в архивных фондах НКВД и изученные нами, не дают оснований говорить о наличии со стороны религиозных организаций какого-либо организованного и целенаправленного политического противодействия советской власти. Не было среди них организации, которая ставила бы задачу ее свержения. Наоборот, религиозные организации практически всех конфессий делали неоднократные заявления о политической лояльности. Под «контрреволюционные деяния» власть умышленно отнесла требования верующих обеспечить им условия отправления религиозных потребностей.

Изменение ст. 4 Конституции РСФСР встречено было очень болезненно руководителями всех религиозных организаций и воспринималось ими как наступление на права и свободы верующих. Вот почему сразу после съезда на страницах газет и журналов, в антирелигиозной литературе появилось немало материалов, стремившихся убедить читателей в правомерности деяний власти. Сошлемся на статью Н. Орлеанского. «Замена в законе понятия “свобода религиозной пропаганды” словами “свобода религиозных исповеданий” указывает на то, — подчеркивал автор, — что деятельность верующих по исповеданию своих религиозных догматов ограничена средой верующих и рассматривается как тесно связанная с отправлением религиозного культа той или иной терпимой в нашем государстве религии. Привлечение же новых кадров трудящихся, особенно детей, в число сторонников религии... каковая деятельность, несомненно, вредна с точки зрения интересов пролетариата и сознательного крестьянства, конечно, никоим образом не может находиться под защитой закона и охватываться понятием “свобода религиозных исповеданий”. Всякая, следовательно, пропагандистская и агитационная деятельность церковников и религиозников — и тем более, миссионерская — не может рассматриваться как деятельность, разрешенная законом о религи-

озных объединениях, а напротив, рассматривается как выходящая за пределы охраняемой законом свободы вероисповедания и подпадающая под действие уголовных и гражданских законов, поскольку она им противоречит»¹.

II съезд Союза воинствующих безбожников

Делу нагнетания враждебности по отношению к «религии и церкви» послужили и последующие события — работа II съезда Союза воинствующих безбожников (июнь 1929). В его решениях «антирелигиозная борьба» рассматривалась как один из важнейших участков классовой борьбы, как одна из важнейших сторон социалистического наступления и в городе, и в деревне.

Лозунгом антирелигиозного движения стал призыв: «Борьба с религией — есть борьба за социализм». О содержательной стороне его можно судить, в частности, по выступлению Н. И. Бухарина на этом съезде. «Борьба с религией, — говорил он, — стоит в порядке дня, она актуальна. Она актуальна и с точки зрения всего реконструктивного периода в целом. Но она является актуальной и с точки той особой, специфической оригинальной полосы, в которой мы живем, когда заострение классовой борьбы обрисовалось по всему фронту и когда наши противники используют формы религиозного лозунга, религиозного пароля, религиозной человеческой организации, начиная с церкви и кончая различными видами сектантских организаций, для борьбы с социалистической серединой нашего хозяйства, для ожесточенного сопротивления повседневному продвижению социалистических форм нашего хозяйства, для использования в реакционных целях наших трудностей, наших прорех, наших болезней. Особенность переживаемой полосы заключается, между прочим, и в том, что всякий оттенок нашего классового противника хочет закрепиться в ряде организаций религиозного типа. Антирелигиозный фронт кричаще ясно виден, как фронт классовой борьбы»².

Летом 1929 г. ситуация в «религиозном вопросе» резко ухудшилась. Наиболее нетерпеливые советские работники, активисты «антирелигиозного движения» осуществляли на местах массовое закрытие церквей даже с нарушением только что принятого закона, игнорируя настроения и желания верующих, с издевательством над чувствами верующих и надругательством над предметами культа. И все это подавалось как «проявление революционной активности», как испол-

---

¹ Орлеанский Н. Закон о религиозных объединениях РСФСР. М., 1930. С. 46–48.

² Бухарин Н. И. Реконструктивный период и борьба с религией. Доклад на 2-м Всесоюзном съезде безбожников. М., 1929. С. 6–7.

нение желания масс «покончить со всем, что напоминает о религии». А право и желание большинства рассматривалось как достаточное основание для проведения подобного курса. Ведь нельзя же, в самом деле, утверждали активисты, принимать во внимание настроение меньшинства, да еще, как правило, представляющего из себя «чуждый элемент», «врагов», лиц, не желающих идти в колхоз.

Взрыв религиозной нетерпимости повлиял серьезно на социально-политическую ситуацию в стране, особенно в деревне: недовольство, неповиновение со стороны верующей части населения, а в ряде районов вооруженные столкновения, перерастающие в локальные восстания. Стремясь выправить ситуацию, ЦК ВКП(б) направляет в партийные органы на места еще одно письмо (за подписью Молотова), получившее название «О тактичном подходе в деле закрытия церквей» (5 июня 1929). В нем прямо указывалось, что «многие партийные организации недооценивают численность верующего населения, степень его неизжитых религиозных суеверий, преувеличивают рост антирелигиозного движения в массах и полагаются исключительно на антирелигиозные и комсомольские организации в борьбе с религиозными организациями и, в частности, в вопросе о закрытии церквей и других молитвенных домов. В таких случаях закрытие церквей проходит без необходимой и действительно хорошо проведенной предварительной массовой работы среди рабочих и крестьян, без соблюдения советских законов, а иногда и с прямым, и вреднейшим для дела антирелигиозной пропаганды издевательством над предметами культа».

И хотя далее в письме ЦК «категорически» предложил всем партийным органам «повести решительную борьбу с... извращениями в практике закрытия церквей и других молитвенных домов», содержащиеся в нем правильные призывы, указания и предложения существенно на улучшение обстановки в «религиозном вопросе» не повлияли. На местах предпочитали быть подвергнутыми критике за поспешное, с нарушением закона проведенное закрытие молитвенных зданий, чем быть уличенными в отступлении от «идеологических установок» партии на «противоборство» с религией. Так как это автоматически зачисляло «сомневающих» и «колеблющихся» в разряд лиц, отвергающих «генеральную линию» партии, грозя им зачислением в разряд «внутренних врагов» партии, которые проявляют «оппортунизм» и «примиренчество» в борьбе с «религиозной идеологией» — «важнейшим препятствием на пути социалистического переустройства и преодоления буржуазного и мелкобуржуазного влияния на трудящиеся массы»¹.

---

¹ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

В этих условиях немногие отваживались спорить с теми, кто выступал за «натиск на религию». Но они были, и первым следует назвать П. Г. Смидовича. Он в письме Е. М. Ярославскому в связи с обсуждением итогов II съезда Союза воинствующих безбожников следующим образом выразил свое видение характера «антирелигиозной деятельности»: «Приписать правому оппортунизму терпимость к религии и религиозным пережиткам — значит вызвать целый ряд недоразумений. Нетерпимостью к религии определить курс партии — это дать возможность прийти к заключению, что курс партии меняется, что начинается период открытого гонения на “религиозные убеждения”. Этот курс “нетерпимости” будет... проводить многомиллионная массовая организация Союза Воинствующих Безбожников, которая должна “превратить антирелигиозную работу в широкое массовое движение”. А между тем именно в антирелигиозной работе прежде всего важно качество, а между тем именно качество работы Союза Воинствующих Безбожников подкузывает нашу политику. Выше описанные перспективы грозят такому понижению качества, что политика в этом деле полетит окончательно к черту, не говоря уже о тактике. Циркуляр ЦК “О тактичном подходе от 5.06.29 г.”, который безбожниками и теперь, до осуществления вышеуказанных перспектив, в жизнь редко проводится. И теперь уже движение Воинствующих Безбожников часто выливается в формы стихийные и не считается с рамками революционной законности»¹.

Очень скоро опасения и предвидения П. Г. Смидовича оправдались. Трудности, выявившиеся осенью 1929 г. в ходе кампании по хлебозаготовкам и по мере развертывания коллективизации, были отнесены на счет «кулацких элементов» и «служителей культа». Организуя и проводя кампании массового закрытия и сноса культовых зданий, прибегая к мерам административного ограничения деятельности религиозных организаций и духовенства, местные партийные и советские органы стремились заручиться поддержкой центра. В адрес ВЦИК и его Комиссии, в НКВД они направляют многочисленные обращения, в которых требуют изменения Закона 1929 г., упрощения порядка закрытия культовых зданий и снятия с регистрации религиозных обществ, предоставления обл(край)исполкомам права окончательного решения этих вопросов, особенно и прежде-всего в районах «массовой коллективизации».

Об аргументации и настроении тех лет мы можем судить по письму Административного отдела Дальневосточного краевого исполнительного комитета в НКВД (12 октября 1929): «Несомненно, что

---

¹ Там же. Л. 17.

между верующими и неверующими в период обсуждения вопроса о здании церкви происходит борьба, и подчас довольно значительная. Чаще всего на общих собраниях она заканчивается победой неверующих, и дело направляется дальше. Вот тут и особенно важно, чтобы дела разрешались возможно скорее и тем создавалось и упрочивалось то положение в глазах трудящихся, что Советская власть идет немедленно навстречу во всех их культурных начинаниях. Отсюда видно, что затяжка в разрешении дел создает как раз обратное положение и дает возможность церковникам демонстрировать перед населением свою якобы силу и значение в глазах органов власти. Насколько это выгодно, очевидно само собою»¹.

В своих обращениях в высшие инстанции местные органы власти, кроме упрощения порядка закрытия церквей, требовали и введения таких мер, как ограничение разъездов служителей культа, запрещение подворного обхода для сбора денег, проведения религиозных съездов и собраний вне молитвенных зданий, закрытие «церковных библиотек» и изъятие «лишней» литературы и сдачи ее в макулатуру, ограничение деятельности епархиальных (и им подобных) управлений с постепенным их закрытием. Подчеркнем, что как эти, так и другие подобные предложения вносились в центральные органы зачастую со ссылкой на измененную ст. 4 Конституции РСФСР. По мнению советских работников на местах, если гарантированная ранее Конституцией «свобода религиозной пропаганды» включала в себя признание за ними подобного рода деятельности, то «свобода исповеданий» ее уже не допускала. Более того, в информациях с мест постоянно подчеркивалось, что «статья 4 Конституции имеет в виду уничтожение религии», а «свободу исповеданий» нужно рассматривать лишь как «терпимость» к культовой деятельности, ограниченной церковным зданием.

Наркомат внутренних дел поддерживал подобные настроения и в своих инструкциях местным административным органам и советским работникам указывал на необходимость активизации работы на «религиозном фронте». В одном из циркуляров (16 ноября 1929) председателям исполкомов Советов всех ступеней отмечалось: «При намечающейся активизации религиозных объединений, зачастую сраживающихся с контрреволюционными элементами и использующими в этих целях свое влияние на известные прослойки трудящихся, надзору за деятельностью этих объединений должно быть уделено серьезное внимание. Между тем в адморганах это дело находится часто в руках технических сотрудников, недостаточно ориентирую-

---

¹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1799. Л. 67.

щихся в тех важнейших политических задачах, которые преследуются этой работой. В результате адморганы допускают положение, при котором религиозные объединения в своей деятельности выходят за пределы, установленные для них законом, предъявляя тенденцию участвовать в общественной жизни, иногда прикрывая нарушение закона "желанием содействовать мероприятиям советской власти". Каждая ошибка, допущенная адморганами в этом вопросе, широко используется церквами для усиления своего влияния на массы и подрыва авторитета советской власти»¹.

В декабре 1929 г. решением Политбюро Антирелигиозная комиссия ЦК была упразднена. Вопросом антирелигиозной пропаганды отныне должен был заниматься непосредственно Секретариат ЦК. Произошло своеобразное разъединение идеологической и государственной линий в религиозном вопросе. Но внешнее выведение Постоянной комиссии по культовым вопросам из-под непосредственного ведения ЦК ВКП(б) по существу ничего не изменяло. Ибо Секретариат ЦК столь же «заинтересованно» относился к делам П. Г. Смидовича, который принужден был все принципиальные решения согласовывать с ним. Так что ее зависимость от партийных органов не уменьшилась, а даже возросла.

Так заканчивался 1929 г., похоронивший идею демократизации и совершенствования законодательства о культах.

2.4. Государство и Церковь в Советском Союзе 1930–1940 гг.

Год 1930-й открыл десятилетие, в течение которого государство занимало наиболее жесткую, по сравнению с предшествующим периодом, позицию в отношении религиозных организаций, когда в центр вероисповедной политики была поставлена задача максимального сокращения «поля» для религии и церквей в советском обществе, борьба с ними как с «антисоциалистическим и контрреволюционным» явлениями и организациями. Потому «обычными» средствами ее проведения стали административно-уголовные меры, внесудебные акты и репрессии. В целом такая политика стала проявлением общеполитического курса, избранного И. Сталиным и его соратниками, который в самом общем виде может быть охарактеризован как строительство «казарменного социализма» с минимумом личных прав и свобод для граждан СССР.

---

¹ Цит. по: Одинцов М. И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). М., 1991. С. 45.

На местах партийные и советские работники, стремясь ускорить процесс «изживания религии», прибегали повсеместно к незаконным административным мерам: закрывали церкви, изымали культовое и иное имущество, арестовывали служителей культа и не допускали их на «свою» территорию, снимали колокола и изымали у верующих иконы из домов, запугивая введением специального налога на них.

Центральные и местные комиссии по вопросам культов

Комиссия П. Г. Смидовича не могла долго «игнорировать» требования местных партийных и советских органов, которым даже закон 1929 г. показался недостаточно жестким. Под давлением сложившихся обстоятельств на заседании 6 февраля 1930 г. Комиссия принимает решение: «Признать, что в связи с развертыванием кампании по закрытию молитвенных зданий закон об отделении церкви от государства от 8 апреля 1929 г. подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса прихода». Тогда же право окончательного решения вопроса о закрытии культовых зданий было передано краевым и областным советам, что, конечно, развязывало «местную инициативу» и вместе с тем в значительной степени ограничивало возможности Комиссии по контролю за соблюдением законов, превращало ее в «регистратора» и «свидетеля» процесса «изживания религиозности».

Еще одним откликом на злобу дня стало постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» (11 февраля 1930), принятое, как утверждалось в документе, в «целях борьбы с попытками враждебных элементов использовать религиозные объединения для ведения контрреволюционной работы». Правительствам союзных республик было предложено при регистрации органов церковного управления исключать из них «кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц» и отказывать в регистрации тем религиозным объединениям, где не соблюдено данное условие.

К весне 1930 г. ситуация в «религиозном вопросе» была критической. Уже нельзя было «не замечать», что коллективизации повсеместно сопутствовало «раскулачивание» служителей культа, неправомерное закрытие церквей и молитвенных домов. На духовенство и наиболее активных верующих обрушились судебные и несудебные расправы. Это вызвало в ряде районов страны волну недовольства и возмущения и верующих, и неверующих. Как отмечалось в информациях работников НКВД с мест, нередко они носили «характер массовых выступлений», в которых принимали участие «середняки, бедняки, женщины, демобилизованные красноармейцы и даже представители сельских властей». О нарастании в обществе настро-

ений в поддержку и защиту попираемых религии и церкви органы НКВД информировали в секретных донесениях в высшие партийно-государственные инстанции.

В частности, в одном из докладов НКВД весной 1930 г. сообщалось: «Поступившие от административных управлений краев и областей сведения о подъеме антирелигиозного настроения, связанные с сообщением о чрезвычайно быстром темпе коллективизации сельского хозяйства, прекратились одновременно с прекращением преувеличенных сведений о все ускоряющемся темпе устремления широких середняцких масс в колхозы, под очевидным влиянием начавшейся ликвидации перегибов. Если осенью 1929 г. и прошлой зимой сводки пестрели донесениями об огромном количестве постановлений общих собраний граждан о ликвидации религиозных обществ, закрытии зданий культа, запрещении колокольного звона, то с февраля—марта текущего года мы имеем совершенно обратное положение: донесения из ряда мест говорят об отливе середняков из колхозов, сопровождающемся серьезным движением за открытие церквей, возвращение снятых колоколов, освобождение высланных служителей культа. Если до этого в административные отделы поступило большое количество ходатайств об оформлении закрытия церквей, то теперь усилилось поступление заявлений с просьбой об открытии церквей, о разрешении религиозных шествий и т. п.»¹.

Из всего вышеприведенного становится понятным, почему 5 марта 1930 г. в Политбюро рассматривался вопрос «Об извращениях партлинии в области колхозного строительства», а 14 марта было принято известное постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». В документе содержится требование «решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке». Не остался в стороне и ВЦИК, направивший в адрес местных органов власти секретный циркуляр с осуждением административных перегибов.

Опираясь на эти документы, стремится активизировать свою деятельность и Комиссия по вопросам культов, которая в течение первого года своего существования в условиях «великого перелома» в вероисповедной политике советского государства практически была парализована. При этом она опиралась на «указания» Политбюро в адрес Президиумов ЦИК союзных республик «выслушивать жалобы по религиозным делам и исправлять допущенные искривления и перегибы», а также в адрес партийных комитетов различных уровней: «Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном поряд-

¹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1824. Л. 16.

ке, фактивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Допускать закрытия церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе, как с утверждения постановлений сходов областными исполкомами. За издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности»¹.

Уже 6 апреля 1930 г. на заседание Комиссии были вынесены наиболее животрепещущие вопросы:

- О невыполнении закона от 8 апреля 1929 г. при закрытии молитвенных домов;
- О служителях культа (выселение, раскулачивание, посылка на лесоразработки, аресты и непосильное обложение);
- О создании трудовых сельскохозяйственных колоний для служителей культа (снявших сан);
- О перерегистрации исполнительных органов религиозных общин»;
- О страховании молитвенных зданий;
- О взимании с религиозных общин социального страхования.

Принятые по ним решения свидетельствовали о решимости Комиссии противостоять творящемуся беззаконию в отношении религиозных объединений и верующих. В частности, касаясь положения служителей культа, в постановлении Комиссии было записано:

«а) констатировать, что согласно существующим законоположениям состояние служителя культа не служит основанием к выселению.

Выселение служителей культа, практикуемое в Московской области и других местах, противоречит существующему законоположению и директивам по советской и партийной линии, а поэтому является незаконным;

б) изъятие имущества (раскулачивание) у служителей культа, не имеющих кулацких крестьянских хозяйств, торговли и других признаков, относящихся имущественное положение к явно кулацким, является незаконным и идущим вразрез с проводимой политикой. Раскулачивание служителей культа не должно выходить из рамок Положения о раскулачивании прочих граждан;

в) практикуемая местами посылка служителей культа на лесозаготовки и другие трудовые повинности лишь потому, что данное лицо является служителем культа, являются незаконными. Посылка служителей культа на трудовые повинности может иметь место лишь в случаях, предусмотренных законом и на равных основаниях со всеми другими гражданами;

г) имея в виду, что при обложении служителей культа местные финорганы не всегда считаются с фактическим заработком и таковой определяют

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 779. Л. 7–8.

по своему усмотрению и что служителям культа нередко предлагается сдавать в порядке заготовок предметы, ими не производящиеся, предложить местным финорганам при взимании налога считаться с наличием фактического заработка и возможностью уплаты требуемых сумм. При обложении в порядке заготовок не допускать предъявления требований на продукты, не являющиеся собственным производством и не допускать превышения установленных норм данной местности. Наблюдение за выполнением настоящего постановления возложить на прокуратуру, предложив последней нарушителей привлекать к уголовной ответственности»¹.

Комиссия настояла на принятии ВЦИКом специального циркуляра в адрес местных органов власти с осуждением таких неправомерных действий, как изъятие молитвенных зданий и расторжение договоров с верующими о пользовании молитвенными зданиями; чрезмерное налоговое обложение культовых зданий и служителей культа, жилой площади и другие «нарушения революционной законности, препятствующих служителям культа отправлять культ». Предлагалось в течение двух месяцев рассмотреть все случаи нарушений и отменить их. Местным органам власти предписывалось не принимать «вопреки законам никаких мер, специально направленных против служителей культа, и чтобы не допускалось действий, связанных с оскорблением чувств верующих»².

И действительно, на какое-то время процесс закрытия церквей и молитвенных зданий несколько приостановился. Комиссия отменяла ранее принятые несправедливые решения. Только в Московской области к июню 1930 г. верующим возвращено было 545 культовых зданий. К концу года верующим возвращены были многие православные и старообрядческие храмы, костелы, синагоги и мечети в Татарской АССР, в Москве, в Ярославской, Брянской, Рязанской, Уральской, Вологодской, Вятской, Камчатской, Липецкой, Читинской, Нижегородской, Ленинградской и других областях. Нередко Комиссия обязывала местные власти привлекать к уголовной или административной ответственности должностных лиц, нарушивших закон. И такие прецеденты были³.

Роль Комиссии в деле устранения «перегибов» в религиозном вопросе особенно возросла после того, как в декабре 1930 г. постановлением ЦИК и СНК СССР были упразднены Наркоматы внутренних дел в союзных и автономных республиках. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР (31 декабря 1930) отныне Комиссия оставалась

¹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1730. Л. 3–3 об.

² Там же. Л. 2–3 об.

³ Там же. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1.

единственным общесоюзным (центральным) государственным органом, на который возлагалась «обязанность общего руководства и наблюдения за правильным проведением в жизнь политики партии и правительства в области применения законов о культах на всей территории РСФСР».

Наряду с Центральной комиссией по вопросам культа на местах — при Президиумах ЦИК АССР, краевых и областных исполкомов, горсоветов, а по необходимости — районных исполкомов, создавались аналогичные Комиссии. Как правило, их возглавлял один из членов Президиума, а в состав входили представители прокуратуры, органов просвещения и отделов народного образования, других ведомств и организаций. В практической деятельности Центральная и местные комиссии по вопросам культа руководствовались инструкцией «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» (20 января 1931), в которой определены были их права и обязанности. В частности, им предоставлялось право рассматривать жалобы верующих и вести общий учет религиозных объединений, давать разъяснения советским и иным органам по религиозным вопросам. И одновременно — требовать от них предоставления статистических, финансово-хозяйственных и иных необходимых сведений, отменять постановления местных и центральных органов власти и заслушивать их на комиссиях по вопросам культа. Ведомства и организации республики к тому же обязывались предварительно согласовывать с комиссиями все планируемые мероприятия, так или иначе связанные с деятельностью религиозных объединений, а постановления и требования комиссий были обязательны для них. Но как мы уже показали выше, реализовывать свои права и обязанности комиссии приходилось в чрезвычайно сложных обстоятельствах, сталкиваясь с противодействием и в центре, и на местах, да и просто с игнорированием со стороны партийно-советского аппарата.

В целях координации деятельности местных комиссий по вопросам культа Центральная комиссия выпускала бюллетень (вышло два номера в 1931 и 1932 гг.), в котором публиковались нормативные акты, разъяснения и постановления по вопросам деятельности религиозных организаций и организации работы местных органов власти и их комиссий по вопросам культа. Одним из предназначений бюллетеня было придать единообразие деятельности органов власти в части решения религиозного вопроса и вместе с тем предупредить их от нарушений существующего законодательства о религиозных культах. К примеру, во втором номере бюллетеня отмечалось, что «изъятие от верующих и закрытие молитвенных зданий проводилось не всегда с соблюдением тех условий, которые предусматривает наш закон. В погоне за внешним эффектом отдельные работники проводили иногда закрытие не только до решения ВЦИК, но

даже и до решения тех органов, которым законом предоставлено право разрешать эти вопросы, т. е. Президиумов ЦИК АССР, край и облизполкомов»¹.

Комиссия занималась прежде всего такими практическими вопросами, как закрытие молитвенных зданий, налогообложение культовых зданий и служителей культа, регулирование колокольного звона, расторжение договоров с религиозными обществами.

Но особое место занимала проблема закрытия культовых зданий. Дела о закрытии молитвенных зданий рассматривались по инстанциям: от районных (городских) исполкомов до обл(край) исполкомов и исполкомов АССР. Затем решения и сопутствующие разъяснительные документы направлялись во ВЦИК на утверждение. Верующим предоставлялось право в течение 15 дней обжаловать решения местных органов власти. В этом случае дело о закрытии культового здания изымалось из ведения местных властей и передавалось в Культурную комиссию, которая, как правило, рассматривала его лишь после получения необходимых дополнительных сведений.

Комиссия принимала к рассмотрению также дела о закрытии молитвенных зданий, если предполагалось их переоборудование под общественные нужды. При этом в обязательном порядке требовалось предоставление сведений об источниках финансирования, сроках и исполнителях предполагаемых работ. В случае отсутствия указанных сведений Комиссия возвращала поступившие к ней дела на места для дополнительного их изучения. Комиссия добилась права рассматривать «спорные вопросы о закрытии молитвенных зданий» на своих заседаниях с привлечением представителей соответствующих республиканских, областных (краевых) исполкомов.

В декабре 1932 г., к примеру, отчитывался Горьковский крайисполком, который за 1930–1932 гг. закрыл 305 молитвенных зданий, в основном православных. ВЦИК, рассмотрев обращения верующих, постановил вернуть как незаконно закрытые — 119 зданий. Местным органам власти указано было на упрощенный подход к рассмотрению религиозных дел, нежелание считаться с потребностями верующего населения в культовых зданиях².

По инициативе Комиссии вопросы о незаконных закрытиях молитвенных зданий обсуждались на заседаниях целого ряда исполкомов областных советов. Так, президиум Московского облизполкома в декабре 1933 г., рассмотрев вопрос «О самовольном закрытии некоторыми исполкомами церквей для использования под зернохра-

---

¹ Бюллетень Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов. М., 1932. № 2. С. 1.

² ГА РФ. Ф. 5263. Оп.1. Д. 18. Л. 25 об.—26.

нилища», осудил подобную практику и потребовал вернуть изъятые здания верующим¹.

По настоянию Комиссии неправомерную практику административного закрытия молитвенных зданий местными органами власти в различных регионах РСФСР изучал ОГПУ. По его докладу (апрель 1932) Комиссия приняла специальное постановление, обязывающее местные органы власти устранить выявленные нарушения².

Стремясь улучшить учет и контроль за использованием имеющихся в республике молитвенных зданий, а также пресечь манипуляции со статистикой, которые получили широкое хождение в краях и областях республики в целях сокрытия фактов административного сокращения числа религиозных обществ, Комиссия потребовала от местных комиссий предоставления соответствующих сведений. Однако она столкнулась с трудностями. Местные власти под всякими предлогами не представляли отчетности, или представленная ими статистика вызвала серьезные сомнения в ее достоверности, чаще всего в ней не показывались те культовые здания, которые были закрыты административным путем, в обход существующего порядка.

С большими сложностями Комиссия лишь к началу 1933 г. смогла собрать информацию и представить ее в вышестоящие органы. Ситуация выглядела следующим образом (см. таблицу 2.3).

Таблица 2.3

Сведения о религиозных объединениях и молитвенных зданиях в РСФСР³

Конфессии	Закрыто молитвенных зданий с 1918 по 1933 г.	Количество действующих молитвенных зданий на декабрь 1933 г.	
		всего	в % от общего числа
РПЦ: тихоновцы	9005	22 676	63,0
обновленцы	1490	4157	11,6
католики	113	187	0,5
лютеране	667	823	2,3
мусульмане	3559	4856	13,5
иудеи	257	190	0,5
буддисты	44	231	0,6
Армянская церковь	49	56	0,2

¹ ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 187. Л. 33.

² ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 15.

³ Составлена работниками Комиссии на основании данных НКВД и местных органов власти.

Конфессии	Закрыто молитвенных зданий с 1918 по 1933 г.	Количество действующих молитвенных зданий на декабрь 1933 г.	
		всего	в % от общего числа
старообрядцы	720	1321	3,6
евангелисты	225	711	2,0
баптисты	224	549	1,5
сектанты	111	231	0,6
Греческая церковь	1	22	0,1
Итого:	15 988	36 010	100

Информируя ЦК ВКП(б) о статистической неразберихе, Комиссия привела такой пример. В 1931 г. в Ленинградской области было учтено 2343 общества, а в 1932 г. их оставалось уже 1988. То есть уменьшение составило 355 единиц, тогда как за этот период ВЦИКом было утверждено закрытие лишь 32 церквей. Таким образом, только за год в области по существу незаконно закрыто 323 молитвенных зданий. К сожалению, такое соотношение «законной» и «незаконной» практики характерно было и для многих других регионов РСФСР.

Собранные отчетные данные от местных комиссий показывали, что проблемой номер один в их деятельности оставался вопрос о закрытии молитвенных зданий и их изъятие у религиозных обществ. Причем лишь очень незначительная часть поступающих к ним протестов от верующих получала положительное разрешение. К примеру, в 1931–1932 гг. в Воронежской области из 113 рассмотренных дел о закрытии культовых зданий только 13 решены были в пользу верующих; в Средне-Волжском крае соответственно из 248 – 49; в Крымской АССР из 65 – 2. И такая картина была типичной по всей республике.

Комиссия регулярно отслеживала действенность принимаемых законов, инструкций и циркуляров, относящихся к деятельности религиозных организаций и духовенства. Вносила в необходимых случаях свои предложения в центральные органы об их корректировке или даже отмене. Так, сообщая в Наркомфин обобщенные данные о нарушениях в практике налогообложения молитвенных зданий и духовенства, П. Г. Смидович указывал: «Налоговое обложение священнослужителей проходит на местах в порядке сплошного издевательства, несмотря на принимавшиеся меры. На этой почве дело доходило до самоубийства. Неизбежна определенная реакция среди верующих... Необходима новая инструкция НКФина, о чем прошу»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

Именно по настоянию Комиссии был принят специальный циркуляр Наркомфина (19 февраля 1931), который устранял волюнтаризм и «местное творчество», а в действовавший ранее порядок налогообложения были внесены изменения: определен точный перечень обязательных платежей и их размеры; возвращались религиозным обществам ранее излишне начисленные суммы платежей; не допускались до особого решения исполкома местного совета опечатание молитвенных домов и наложение штрафов и ареста на имущество членов религиозного общества за неуплату налогов в срок.

Комиссия была органом, куда стекались многочисленные жалобы и обращения верующих и духовенства в связи с нарушениями законодательства о культах.

Их динамика отражена в таблице 2.4.

Таблица 2.4

Количество обращений и посетителей в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК

Годы	1929	1932	1933	1934
Количество жалоб	5242	6355	4808	8229
Количество посетителей (чел.)	сведений нет	3219	1719	1094

Как правило, треть из этих обращений связана была с неправомерным закрытием культовых зданий.

Многие из жалоб Комиссия направляла для проверки и реагирования в центральные партийные и советские инстанции, в правоохранительные органы. По многим вела многолетнюю переписку с местными властями, пресекая или предотвращая их незаконные действия. В течение 1930–1932 гг., к примеру, неоднократно П. Г. Смидович требовал от ЦИК Башкирской АССР соблюдения законности в отношении мусульманских организаций. Касаясь установившегося порядка налогообложения духовенства, П. Г. Смидович писал: «Требования местных органов власти доходят до прямого издеательства... заведомо зная, что магометане не держат у себя свиней, предъявляют к мусульманским служителям культа требования на сдачу свинины и щетины; предъявляют к служителям культа явно незаконные и непосильные налоги, а лиц, не уплативших этих налогов, отдают под суд, при этом штрафуют и отбирая имущество в административном порядке»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 91.

В мае 1930 г. Смидович принимал председателя Центрального духовного управления мусульман в Уфе муфтия Р. Фахретдинова, который сообщал о закрытии мечетей, о наложении непосильного налога, штрафах и арестах за их неуплату, о «раскулачивании» служителей культа, их высылке на принудительные работы, арестах, конфискации книг, запрещении проведения молитвенных собраний и т. д.¹

Обращаясь за помощью к председателю ВЦИК М. И. Калинину, Смидович писал в докладной записке: «Все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения и исчезновения с лица земли. Пока закрылось 87 % мухтасибатов (мусульманские епископаты), из 12 000 мечетей закрыто более 10 000, от 90 до 97 % мулл и муэдзинов лишены возможности отправлять культ... Положение по мусульманскому культу хуже, чем по другим культам, но, в общем, рисует характерную для всех культов картину... Я вношу проект циркуляра в Президиум ВЦИК, но без энергичных указаний со стороны ЦК на места по партийной линии дела не выправить»².

Хотя властных полномочий для положительного разрешения подобных обращений у «всесоюзного старосты» к тому времени явно не хватало, а авторитет «партийных установок» был несравненно выше законов государства, все же М. И. Калинин, как в этом, так и в других эпизодах вступался за верующих. Из приводимого ниже письма М. И. Калинина в адрес председателя Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе предстает просто какая-то бесчеловечная вакханалия, прикрываемая антирелигиозной риторикой, творимая практически по всей России:

«В связи с проводимой партией и советской властью политикой коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания из разного ряда мест... поступают многочисленные заявления от служителей религиозного культа, в которых они жалуются на свое бесправное положение и полный произвол в отношении их со стороны органов местной власти. Действительно, положение их и семей их тяжелое. Никаких признаков элементарной революционной законности по отношению к ним, как лишенцам, не существует. На местах царит полный произвол и непонимание политики партии в этом политически важном вопросе. Все мероприятия органов местной власти направлены к тому, чтобы заодно с кулаками «раскулачивать» и служителей культа. Это незаконное «раскулачивание» производится под видом налогового обложения. Служителей культа стараются обложить по всем линиям и в таких размерах, чтобы они не смогли выполнить предъявленные им требования. И тогда у них конфискуется

---

¹ См.: Одинцов М. И. Все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 67–75.

² ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 7. Л. 76–65 об.

все имущество, даже самое необходимое для семьи, а семья выселяется. Такого рода мероприятия проводятся иногда в судебном, а чаще в административном порядке, причем это выселение не ограничивается только выселением из дома.

Бывают случаи ссылки служителей культа в отдаленные места Союза ССР на ряд лет. Там, где проходят лесозаготовки, служители культа и члены их семей мобилизуются на эти работы, не считаясь ни с полом, ни с возрастом, ни со здоровьем. Местами эти преследования служителей религиозного культа переходят в буквальное издевательство. Например, случаи мобилизации служителей культа... для очистки свинарников, коношен, уборных и пр.»¹

И все же, как ни стремилась Комиссия выправить ситуацию в религиозной сфере, ей этого не удавалось. Начиная с 1933 г. ее правозащитные усилия все чаще становятся лишь эпизодами, которые тут же перекрывались все новыми и новыми отступлениями (зачастую вынужденными) перед теми силами в государственно-партийном аппарате, что ориентировались в решении религиозного вопроса на административный диктат. К примеру, в феврале 1933 г. Комиссия под давлением представителя ОГПУ приняла постановление «О состоянии религиозных организаций». В нем утверждалось, что перед лицом «консолидирующегося контрреволюционного актива в рамках религиозных организаций» необходимо «удвоить бдительность», «провести решительную линию по сокращению возможности влияния служителей культа в массах трудящихся». Подобные призывы «переводились» органами власти на местах в действия по сокращению числа религиозных обществ и групп, монастырей, духовных учебных заведений, по дальнейшему ограничению деятельности служителей культа. Эти же призывы служили оправданием для насаждения в обществе подозрительности и враждебности в отношении духовенства и верующих.

В выступлениях наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко, популяризовавшего идею обострения классовой борьбы в СССР, выделялись в качестве основных следующие ее формы: «1) контрреволюционные организации, 2) элементы бандитизма и разложения в наших учреждениях и вне их, 3) спекулятивная торговля, 4) кулацкое сопротивление. Во всех этих четырех формах классовый враг выступает, так сказать, в чистом виде».

Согласно логике наркома религиозные организации были отнесены к «контрреволюционным организациям», что оправдывало применение по отношению к ним самых жестких мер воздействия².

---

¹ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 7. Л. 71–71 об.

² Крыленко Н. В. Формы классовой борьбы на данном этапе. М., 1933. С. 27.

В поступающих с мест в Комиссию отчетах красной нитью проходит мысль о том, что местные органы власти считают возможным «упрощенное разрешение» вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений, без какого-либо их документирования, без учета «действительной потребности населения в отправлении обрядов религиозного культа». Так, комиссия Горьковского исполкома сообщала о многочисленных случаях нарушений законодательства о культах, в частности в области наложения административных взысканий. Указывалось, что «штрафы налагаются сельсоветами в размерах до 500 рублей — за несоблюдение противопожарных мероприятий, антисанитарию, невыполнение ремонта и т. д.; сроки для уплаты устанавливаются от «немедленно» до трех дней. Как выяснилось по некоторым делам, такие штрафы получают потому, что штраф за одно и то же нарушение исчисляется путем умножения штрафной ставки (обычно в размере установленного законом максимума или даже выше) на количество членов церковного совета или на количество верующих, составляющих т. н. церковный приход. Такой же принцип вкладывается и при взимании пошлины за подаваемые заявления о разрешении всякого рода шествий и церемоний: ставка пошлины в три рубля умножается на количество подписей на заявлении, в других местах — на количество сел и деревень, составляющих «приход» и даже на количество участников того или иного шествия, для чего предварительно отбираются от церковного совета необходимые сведения»¹.

Подобное отношение к проблемам, возникающим в сфере государственно-церковных отношений, к религиозным организациям и верующим было явлением широко распространенным. В таких условиях деятельность местных комиссий все более свертывается, они превращаются в бюрократическую инстанцию, лишь «проштамповывающую» решения местных властей по закрытию культовых зданий, придавая видимость законности этим решениям. Да и сама Центральная комиссия становилась также невольной пособницей антидемократической вероисповедной политики государства.

Единственно возможным выходом из создавшегося положения было, по мнению П. Г. Смидовича, создание общесоюзного органа, ответственного за «церковную политику», принятие общесоюзного акта по регулированию деятельности религиозных организаций. В январе 1934 г. в записке в Президиум ЦИК СССР он отмечает ненормальность сложившегося положения, когда в республиках не было единства в решении одних и тех же вопросов, связанных с законодательством о религиозных культах, как не было и единой систе-

---

¹ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 18. Л. 26.

мы органов, отвечающих за проведение этого направления советской работы. И предлагает «расширить деятельность Постоянной культовой комиссии при Президиуме ВЦИК, развернув ее в орган союзного значения при Президиуме ЦИК Союза ССР».

Образование Постоянной комиссии по рассмотрению культовых вопросов при Президиуме ЦИК СССР

В апреле 1934 г. на объединенном заседании Секретариата ЦИК СССР и ВЦИК было принято решение об образовании при Президиуме ЦИК СССР Постоянной комиссии по рассмотрению культовых вопросов. Спустя месяц Комиссия была организована и приступила к работе. Одновременно Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК была упразднена.

В состав союзной Комиссии вошли представители Верховного суда СССР, НКВД, ВЦСПС, Верховного Совета и Прокуратуры СССР, ЦК ВКП(б), Института философии Коммунистической академии, Центрального союза воинствующих безбожников. Возглавил Комиссию П. Г. Смидович¹. В качестве первоочередных ставились задачи: разработать общесоюзный закон о религиозных организациях и добиваться единообразия в осуществлении органами власти вероисповедной политики в центре и на местах.

В круг дел, рассматриваемых Комиссией, включались разработка и предварительное рассмотрение проектов постановлений по вопросам, связанным с деятельностью религиозных организаций, внесение их на рассмотрение ЦИК СССР и его Президиума, общий учет религиозных организаций, сбор сведений о религиозной ситуации в стране. Устанавливался порядок, согласно которому союзные ведомства и учреждения должны были согласовывать свои действия, затрагивающие религиозные общества, непосредственно с Комиссией. Одновременно Комиссия наделялась правом давать центральным и местным органам власти необходимые разъяснения по вопросам деятельности религиозных организаций. На Комиссию же возлагалось рассмотрение жалоб и обращений верующих и внесение предложений в Президиум ЦИК об отмене незаконных решений и действий местных органов власти.

Соответственно выстраивалась новая структура органов, контролировавших исполнение законодательства о свободе совести: образовывались комиссии по вопросам культов в союзных и автономных республиках, в краевых, областных и городских советах, а в некоторых случаях — при районных исполкомах советов депутатов трудящихся.

---

¹ В 1935 г., после смерти П. Г. Смидовича, Комиссию возглавил П. А. Красиков.

Непросто складывались отношения союзной Комиссии с ЦИКаи союзных республик и их комиссиями. Стремясь выработать общую точку зрения на церковную политику и скоординировать совместные усилия, Центральная комиссия во второй половине 1934 г. заслушала на своих заседаниях отчеты представителей Украины, Белоруссии, Узбекистана, Армении, Грузии. Была достигнута договоренность совместно работать над союзным законопроектом о религиозных организациях, регулярно обмениваться информацией о религиозной ситуации, о принимаемых правовых актах. Были выработаны порядок и условия рассмотрения материалов о закрытии культовых зданий и коллективных жалоб верующих. Право окончательного решения по всем этим вопросам закреплялось за Президиумом ЦИК Союза ССР, а материалы к заседанию Президиума поручалось вносить Центральной комиссии.

Опираясь на достигнутые договоренности, Центральная комиссия пыталась воздействовать на правительства союзных республик, отказываясь выносить на утверждение Президиума ЦИК СССР неподготовленные материалы. Председатель Комиссии П. А. Красиков справедливо указывал республиканским властям на противозаконность ряда принимаемых ими решений. Но очень скоро правозащитные действия Комиссии торпедировались республиками. Ссылаясь на отсутствие общесоюзного закона, они добились признания за ними права окончательного разрешения вопроса о закрытии культовых зданий. На долю Комиссии оставалось право соответствующего оформления принятых решений, т. е. проведения их через Президиум ЦИК СССР. Возникновение подобной ситуации объясняется не только стремлением республик к расширению своей самостоятельности, но и в значительной степени той безучастностью, с которой Президиум относился к своей Комиссии. Она почти полностью лишена была условий для нормального функционирования: не хватало помещений; штат состоял всего из трех человек; из-за отсутствия средств члены Комиссии годами не могли выехать в командировки в республики; Положение о Комиссии так и не было утверждено; Секретариат ЦИК СССР отказывал в организационной и материально-технической поддержке.

Следует иметь в виду, что на Комиссию одновременно возлагалась задача проведения церковной политики и в РСФСР. В этом ей удавалось больше сделать. Отчеты ряда край(обл)исполкомов (Воронежская, Западная, Куйбышевская области. Татарская АССР) были заслушаны на заседаниях Комиссии. Вскрыто было множество фактов отступлений от законов, рассмотрены десятки жалоб верующих, некоторые административные работники были привлечены к различным видам ответственности.

Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. и вопросы свободы совести

В июне 1936 г. был опубликован проект новой всесоюзной Конституции. Он был вынесен на всенародное обсуждение, которое продолжалось шесть месяцев. Статья 124 проекта Конституции касалась проблем обеспечения свободы совести в СССР.

Вместе с обсуждением принципиальных проблем проекта новой Конституции СССР в центре общественного внимания оказались и вопросы деятельности религиозных организаций, их права и обязанности, взаимоотношения с государством, дальнейшего возможного развития законодательства о культах.

В адрес Конституционной комиссии от граждан, государственных учреждений и общественных организаций поступали многочисленные поправки к проекту статьи о свободе совести. В большей части своей они содержали требования запретить все религиозные обряды, всяческое обучение детей религии, деятельность «сектантских течений», не предоставлять священнослужителям полноты гражданских прав, ужесточить действующее законодательство о религиозных культах. В значительной мере они были порождены той общественной ситуацией в стране, которая сложилась под воздействием партийной антирелигиозной пропаганды, волюнтаристской деятельности советских и административных органов.

На страницах официальной прессы, естественно, не находилось места для изложения позиций верующих по данным вопросам. Но о них можно узнать, обращаясь к архивным материалам Комиссии по культовым вопросам при Президиуме ЦИК СССР. В одном из поступивших в Комиссию писем указывались следующие предложения верующих относительно статьи 124 Конституции СССР:

«1. Статью 124 соблюдать тверже и местную власть поставить в определенные рамки.

2. Непосильными налогами как храмы, так и духовенство не облагать, а делать процентные начисления доходов.

3. Запретить всякие «издевательства» над церковью, духовенством и верующими.

4. Разрешить беспрепятственно, без особых на это разрешений местных властей, собрания верующих и церковного совета, ходить духовенству по домам с молебнами и требами.

5. Не допускать давление на рабочих и служащих за религиозные убеждения.

6. Не закрывать путем административного давления храмов, если не будет на то согласия религиозной общины»¹.

---

¹ Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 305.

Позиция Комиссии и ее председателя П. А. Красикова была выражена в специальной записке «Состояние религиозных организаций в СССР», поданной в ЦК ВКП(б). Оценка религиозной ситуации была весьма откровенной и прямой: «На основании имеющихся материалов в Комиссии необходимо отметить большое количество грубых нарушений советского законодательства о религиозных культах на местах. Причем количество нарушений за последние годы растет. Этот рост объясняется тем, что работники на местах недооценивают культовые вопросы, не понимают всей политической глубины».

Вывод Красикова заключался в том, что необходимо в срочном порядке принять самые серьезные меры к исправлению катастрофического положения, сложившегося в религиозном вопросе, устранить в действиях местных властей методы административного давления на верующих и религиозные организации, обновить законодательство о культах, выработать и принять общесоюзный закон о свободе совести и обеспечить его единообразное применение на всей территории СССР.

Отстаивая свою точку зрения, Комиссия пыталась воздействовать на сложившуюся неблагоприятную ситуацию в религиозном вопросе и искала для этого союзников. В мае 1936 г. по представлению Комиссии Президиум ВЦИК направил в местные органы власти специальный циркуляр с требованием «прекратить административные меры борьбы с религиозными пережитками трудящихся масс» и предупреждением, что «впредь за нарушение постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. “О религиозных объединениях” виновные, невзирая на лица, будут привлекаться к строгой ответственности»¹.

Тогда же на заседании Центральной комиссии была заслушана деятельность Воронежской областной комиссии, поскольку из этой области поступало в Москву наибольшее число жалоб и приходило делегаций верующих. В выступлении секретаря Совета национальностей ЦИК Союза ССР А. И. Хацкевича, ведшего обсуждение, ситуация в области была охарактеризована так: «Материалы показывают, что обычное явление — закрытие церквей методами разных махинаций. Население видит эти незаконные жульнические махинации и страшно возмущается... Если так будет в Воронежской области, то такая политика может вызвать целое движение в народе... Следует отметить, что Облкомиссия не понимает глубину всего вопроса. Ей нужно решительно исправить отношение к нему. Надо признать по-

---

¹ См.: Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / На пути к свободе совести. М., 1989. С. 53.

ложение в области ненормальным и работу Облвисполкома в этой части крайне неудовлетворительной. Следует отметить, что ведется практика администрирования в области борьбы против религии»¹.

В октябре 1936 г. Красиков обратился с представлением к Прокурору СССР А. Я. Вышинскому, прося его расследовать многочисленные случаи нарушения действующего законодательства о культах со стороны органов власти. К таковым были отнесены:

- незаконная ликвидация религиозных обществ и закрытие молитвенных зданий;
- изъятие культовых зданий под засыпку хлеба;
- отказ в регистрации религиозных обществ и служителей культа;
- закрытие храмов под предлогом невыполнения верующими предписаний местных властей о ремонте зданий;
- необоснованные штрафы духовенства и церковного актива.

Но обращение Красикова осталось без должного внимания. Прокуратура отвергала утверждение о повсеместности нарушений законодательства о культах, соглашалась лишь с наличием единичных фактов, в отношении которых обещала провести расследование. Иными словами, серьезной помощи от органа, который призван был контролировать и обеспечивать исполнение закона, ожидать не приходилось.

В ноябре 1936 г. по инициативе П. А. Красикова вопрос о формировании союзного закона о культах рассматривался на специальном совещании с участием представителей Академии наук СССР, Центрального совета Союза воинствующих безбожников, ЦИК СССР, некоторых наркоматов и ведомств.

В принятой резолюции отмечалось: «Состояние работы местных Советов в части правильного проведения в жизнь законодательства о религиозных культах в большинстве республик, краев и областей является неудовлетворительным. Наблюдаются многочисленные факты голого администрирования при закрытии молитвенных зданий без проведения соответствующей массовой работы»². Участники совещания признали, что выработка и принятие союзного закона о культах становятся задачей первоочередной³.

По данным Комиссии Красикова, в СССР к 1936 г. насчитывалось 42 392 культового здания. Из них состояло на регистрации — 30 862 здания, однако лишь 20 908 зданий из этого числа были дей-

---

¹ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 46. Л. 117–119.

² См.: Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / На пути к свободе совести. М., 1989. С. 54.

³ Цит. по: Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 96.

ствующими, а еще 9954, хотя и числились зарегистрированными, но были изъяты у верующих в административном порядке и не действовали. Вокруг этих храмов развернулась ожесточенное сражение между властью и верующими. Представление об этом можно почерпнуть из записки Красикова в ЦК ВКП(б):

«Комиссии культов организованы не при всех ЦИК АССР, край и облисполкомах... Там, где Комиссии имеются, их работа сводится только к обсуждению дел о закрытии молитвенных зданий. Единого закона о религиозных объединениях нет. Каждая союзная республика руководствуется своим законодательством.

...Комиссия имеет много фактов по всем республикам, краям и областям, когда изъятие церкви производится РИКом или сельским советом, даже не постановлением сельсовета, просто распоряжением председателя. Если церковь закрывается постановлением облисполкома или крайисполкома, это постановление не объявляется верующим, им не дается положенный срок для обжалования во ВЦИК, иногда, несмотря на обжалование, церковь ликвидируется до решения ВЦИК... Большинство церквей закрывается без проведения достаточной массовой антирелигиозной работы среди населения... без учета степени религиозности населения. При закрытии церквей не обращается внимание на то, остается ли поблизости другая функционирующая церковь, где бы верующие могли отправлять религиозные обряды»¹.

Признавали факт повсеместного распространения мер административного давления на религиозные общества и сами партийные лидеры на различного рода «закрытых заседаниях». В декабре 1936 г. на совещании руководства Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославский отмечал: «Мы, несомненно, имеем очень большие перегибы в смысле увлечения административными мероприятиями. Когда мы знакомимся с последними данными относительно ликвидации церковных помещений, то мы приходим к единодушному мнению, что тут были допущены административные перегибы»².

Фактически в одиночку Комиссия пыталась отстаивать права верующих перед высшими органами власти. Ее члены понимали, что следует прежде всего сдерживать административное закрытие культовых зданий. В соответствии с советским законодательством о культах за Комиссией сохранялось право окончательного утверждения решений местных органов власти о закрытии церквей. Поэтому, рассматривая поступившие дела о закрытии молитвенных зданий,

---

¹ Цит. по: Одинцов М. И. Государство и церковь в России... С. 166.

² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 57. Л. 2.

Комиссия под различными предлогами: закрывается последняя церковь в районе, не ясна перспектива освобождаемого здания, не проводилась должная разъяснительная работа среди верующих, налицо незаконные действия властей, нарушается формальный порядок рассмотрения вопроса о закрытии и т. д. — не соглашалась с предложениями местных властей о закрытии молитвенных зданий, затягивала принятие своего решения, присланные материалы возвращались на места, запрашивались все новые и новые документы, направлялись сотрудники для проверок обращений верующих, а некоторые из материалов направлялись на проверку в правоохранительные органы, партийные и советские инстанции¹.

Об усилиях Комиссии по сдерживанию широко развернувшейся кампании по закрытию храмов дает представление таблица, составленная на основании архивных данных (таблица 2.5).

Таблица 2.5

Количество дел о закрытии молитвенных зданий, рассмотренных в Постоянной комиссии по культовым вопросам при Президиуме ЦИК СССР

Годы	Количество рассмотренных дел о закрытии молитвенных зданий	Принято решений	
		закрыть	не закрывать
1934 (май—декабрь)	105	91	14
1935	373	323	50
1936	420	308	112
1937	359	253	83

Но сдержать волну беззакония Комиссия, конечно, не могла. Сами ее попытки призвать к закону в партийно-советской среде воспринимались как «нарушение партийной линии». Стали обычным явлением «доносы» на членов Комиссии в высшие партийные органы по обвинению их в намеренном сдерживании «наступления на антирелигиозном фронте». К примеру, Арзамасский горисполком, который закрыл все церкви и длительное время не реагировал на обращения Комиссии, прислал в конце концов такой иезуитский ответ: «Всякое отступление в вопросе ликвидации церквей вызовет новое оживление монашеского и поповского элемента, что, безусловно, внесет большой тормоз и прямой срыв работы в районе»².

В ноябре 1936 г. открылся VIII Всесоюзный съезд Советов, на котором должны были рассматриваться поправки к проекту Конституции и приниматься Конституция СССР. С докладом о про-

¹ См.: Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 94–95.

² ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 11. Л. 133.

екте Конституции СССР выступил И. В. Сталин, касаясь в том числе и поправок относительно свободы совести. Свое мнение, опиравшееся на материалы Комиссии Красикова, Сталин изложил следующим образом:

«Далее идет поправка к статье 124 Конституции, требующая ее изменения в том направлении, чтобы запретить отправление религиозных обрядов. Я думаю, что эту поправку следует отвергнуть как не соответствующую духу нашей Конституции.

Наконец, еще одна поправка, имеющая более или менее существенный характер. Я говорю о поправке к 135-й статье проекта Конституции. Она предлагает лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей и лиц, не занимающихся общепольным трудом, или же, во всяком случае — ограничить избирательные права лиц этой категории, дав им только пассивное избирательное право, т. е. право избирать, но не быть избранным. Я думаю, что эта поправка должна быть отвергнута. Было время, когда эти элементы вели открытую борьбу против народа и открыто противодействовали советским законам... За истекший период мы добились того, что эксплуататорские классы уничтожены, а Советская власть превратилась в непобедимую силу. Не прошло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время»¹.

Понятно, что мнение «вождя» не оспаривалось, и обе поправки были отклонены. 124-я статья Конституции была принята в следующей редакции: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

5 декабря 1936 г. Конституция СССР, за которой впоследствии закрепилось наименование «Сталинская», была принята в окончательном виде. С ее принятием правозащитная деятельность Комиссии П. А. Красикова активизируется. Вновь и вновь она обращается к наиболее злободневному вопросу — к незаконному закрытию органами власти культовых зданий. Во все ЦИКи союзных республик направляется предложение о возвращении верующему населению незаконно отторгнутых зданий. А таковых повсеместно насчитывалось немало: в Киргизии — 76 (при 243 действующих молитвенных домов), в Узбекистане — 882 (663), в Грузии — 83 (281), в Азербайджане — 137 (69), в Армении — 45 (40), в Белоруссии — 238 (239).

Но лишь в единичных случаях республиканские власти положительно реагировали на предложение Комиссии. Характеризуя складывающееся положение на местах, Красиков писал в ЦК ВКП(б),

---

¹ Правда. 1936. 26 ноября.

что «в ходу административные приемы, застрашивания, репрессии. Отдельные работники всех верующих считают контрреволюционерами, а следовательно, и не желают считаться с их просьбами, хотя и вполне законными. Некоторые ответственные районные работники считают, что сектантские религиозные объединения по советским законам должны преследоваться в уголовном порядке».

В середине 1937 г. в настроениях партийного и советского актива и вовсе получило широкое хождение мнение о необходимости полной «ликвидации» законодательства о культах, и, в частности, постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 1929 г. Можно упомянуть, что с таким предложением к Сталину непосредственно обращался Г. М. Маленков. Обосновывалось оно тем, что законодательный акт от 8 апреля 1929 г. создал «организационную основу для оформления наиболее активной части церковников и сектантов в широко разветвленную, враждебную советской власти легальную организацию в 600 тысяч человек по всему СССР». А потому в качестве первостепенных задач выдвигались требования «покончить в том виде, как они сложились, с органами управления церковников, с церковной иерархией». Эти идеи и настроения находили отражение и на страницах антирелигиозной литературы, и в публичных выступлениях партийных функционеров¹.

Комиссия воспротивилась такой «ликвидаторской» позиции. В ее многочисленных письмах, докладах, записках, направляемых в высшие органы власти, указывалось на недопустимость навешивания ярлыка «ярые враги советской власти» на всех верующих, являющихся членами религиозных обществ и поддерживающих действующие молитвенные дома; на недопустимость использования административно-силовых мер в вопросах регулирования деятельности религиозных обществ, что сделает невозможным их «легальное» существование и будет способствовать «уходу в подполье», что в конечном итоге принесет один лишь вред, дестабилизирует обстановку в обществе.

Соглашаясь с тем, что в церковной среде присутствуют факты «антисоветской деятельности», П. А. Красиков обращал внимание на то, что обострение религиозной ситуации вызывается в первую очередь распространением на местах таких явлений, как «левачество, перегибы, неправильное применение закона, вредительское форсирование “ликвидации религии”».

В направляемых Красиковым письмах в партийные и советские органы союзных республик отстаивалась точка зрения, согласно которой основным направлением государственной политики в «церковном во-

---

¹ См., напр.: Об антирелигиозной пропаганде. Сб. ст. М., 1937.

просе» должно быть не уничтожение законодательства, а наоборот, его укрепление, совершенствование, строгое и единообразное соблюдение по всей стране. На это были сориентированы вносимые Комиссией в ЦИК и СНК СССР проекты союзных законов по вопросам культа, тексты которых сохранились в архивном фонде Комиссии.

Первый из них — «Об отправлении религиозных культов и о молитвенных зданиях». В его 18 статьях определялись порядок образования и условия функционирования групп верующих, получающих в пользование культовое здание. Второй законопроект — «О религиозных объединениях» (24 статьи) касался деятельности религиозных обществ, т. е. объединений, не связанных жестко с получением здания и имеющих более широкие возможности для своей деятельности. Предполагалось этот закон увязать с другим — «Об общественных объединениях», который должен был регулировать деятельность всех видов «обществ». Для чего предлагалось внести в него статьи, касающиеся конкретно деятельности религиозных организаций. В архивах Комиссии сохранился проект закона, относившийся к деятельности именно таких обществ.

Оба законопроекта несли на себе груз запретительства, сохраняли дискриминационные меры в отношении деятельности «групп» и «общин», которым не предоставлялось прав юридического лица, запрещалось иметь какую-либо собственность и заниматься «внекультовой деятельностью», не разрешалось публичное отправление культа, «хождение по домам» и «производство колокольного звона». Сохранялась норма, согласно которой молитвенное здание могло быть закрыто по требованию большинства населения той или иной конкретной местности. Однако ставить в вину все эти недостатки разработчикам законопроектов было бы несправедливо, поскольку, сохраняя ограничения и запрещения, они во главе с П. А. Красиковым стремились отстоять, пусть даже и ограниченные, но легальные условия существования религиозных общин перед административным Молохом, стремившимся вообще покончить с религией и религиозными организациями.

В августе 1937 г. окончательные тексты законопроектов были направлены в директивные органы, в ЦИКи союзных республик, однако ответов не последовало. Весной 1938 г. Красиков вновь обратился в ЦИК и Верховный Совет СССР, а затем и к секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву с просьбой рассмотреть вопрос о реформировании законодательства о культах. Однако и на этот раз — молчание.

Более того, Комиссии не нашлось места во вновь формируемом тогда высшем органе власти — Верховном Совете СССР, и в апреле 1938 г. она была упразднена. Тем самым был ликвидирован орган, в той или иной степени осуществлявший связь между государством и религиозными организациями и отстаивавший права верующих и их

объединений. С его ликвидацией исчезала сама возможность контактов между правительством и религиозными организациями. Такой исход стал закономерным следствием политики партийных и советских органов, направленной на построение «безрелигиозного общества». Усилий небольшой части общественных деятелей, стремившихся выправить неверный курс церковной политики государства, оказалось недостаточно.

На общесоюзном уровне оставалась только одна ведомственная структура, которая занималась проблемами религии и церкви, — НКВД СССР. В его недрах, в Секретно-политическом управлении, действовал специальный отдел «по борьбе с церковной и сектантской контрреволюцией». По сегодняшний день мы не располагаем достаточной информацией о его работе, но можно утверждать, что отдел, как и Наркомат в целом, в своей деятельности исходил из официальной политической оценки религиозных организаций как противников социализма и советского строя, а духовенства — как явной или скрытой контрреволюционной силы. К примеру, в учебнике для антирелигиозных кружков самообразования утверждалось: «Классовый враг, разгромленный внутри страны, еще не добит окончательно. Одним из его убежищ продолжает быть религиозная организация, распространяющая реакционные, враждебные социализму идеи. Выбитые из своих гнезд монахи и монашки, тысячи священников разных религий... еще не примирились с мыслью о том, что дело их окончательно проиграно... Все такие элементы поддерживают религию, используют религиозные предрассудки для того, чтобы творить свое вражеское дело»¹.

В идеологической работе партийных и общественных организаций по-прежнему одной из приоритетных объявлялась задача строительства «безрелигиозного общества» и борьбы с духовенством — «мракобесами в рясах, ермолках и чалмах». В мае 1932 г. Союз воинствующих безбожников принял свою пятилетку — «безбожную». К 1937 г. Советский Союз, по планам безбожников, должен был превратиться в страну массового атеизма. Это было логичным, с их точки зрения шагом, — ведь в этом же году ВКП(б) принимает второй пятилетний план, в результате выполнения которого в Советском Союзе должно быть построено «бесклассовое социалистическое общество»².

Центральный совет Союза воинствующих безбожников был активен в реализации и своих собственных планов, и государственных

---

¹ Ярославский Е. М. Антирелигиозный учебник для кружков самообразования. М. 1940.

² Следует уточнить, что планы «безбожников» — это не планы государства, и потому их нельзя отождествлять с тем сводить вероисповедную политику советского государства в трагических 30-х гг. к законодательному запрету религии и полному закрытию всех церквей и молитвенных домов в СССР.

задач, как он их понимал. Его председатель, Емельян Ярославский, — главный антирелигиозник тех лет — призывал к активным, наступательным действиям на «антирелигиозном фронте», выступал против какой-либо самоуспокоенности в рядах Союза воинствующих безбожников. Встречаясь в апреле 1939 г. с активом «безбожников» Москвы, он разъяснял: «Враги социализма действуют через религиозные организации. А в тех районах, где нет религиозных организаций, где нет ни церкви, ни мечети, ни синагоги, нередко имеется переезжающий с места на место “бродячий поп”, “поп-передвижка” или осели бывшие обитатели монастырей, орудуют развенчанные вожаки религиозных сект, бывшие церковные старосты и тому подобные бывшие люди»¹.

О творимых на местах беззакониях в отношении религиозных объединений Ем. Ярославский знал по многочисленной почте, поступавшей в центральные партийные и советские органы, в том числе и к нему лично. Один из корреспондентов газеты «Безбожник», побывавший весной 1938 г. на Украине, писал о действиях инспекторов по культам при облисполкомах:

«Они слишком упрощенно подходят к вопросам борьбы с религией. Люди стремятся поскорее прикрыть последние церкви, всеми правдами и неправдами организуя необходимые для этого подписи верующих. Инспектора решили, что-де, поскольку массовые заявления об открытии церквей, подававшиеся в первое время после принятия Конституции, теперь прекратились, то верующие, очевидно, примирились с фактом и можно “добивать” оставшиеся единичные молитвенные дома. Я просматривал дела о закрытии, необходимое для формальности количество подписей в них собрано. Но кроме этих подписей и постановления РИКа, здесь ничего нет. Ни один рядовой колхозник, как это видно из редких протоколов собраний, по этому вопросу не высказывался. Попадают в лучший случае только высказывания учителей или руководителей сельсовета и колхоза, причем в этих выступлениях часто именуются “ворагами” люди, не пожелавшие подписаться. Попадались мне заявления отдельных лиц о том, что подписи за закрытие церкви взяты от них обманным путем, что комсомольцы подписывались и правой, и левой руками, чтобы увеличить число почерков, т. е. видимого числа подписей»².

Ярославский знал, но, не в пример Красикову и его сторонникам, ничего не предпринимал для защиты верующих и их организаций. Более того, тема «борьбы с церковниками» вплетена была в острую внутрипартийную борьбу с различного рода «течениями». Заместитель председателя СВБ Ф. Олещук писал в 1937 г.: «Реакционные церковники действуют в одном направлении с троцкистско-бухаринскими

---

¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп 4. Д. 80. Л. 6.

² Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 97–98.

шпионами и диверсантами, буржуазными националистами и прочей агентурой фашизма».

В феврале 1938 г. IV расширенный пленум Центрального совета СВБ в послании И. В. Сталину утверждал, что «перед трудящимися все ярче и ярче обнаруживается реакционная роль религии и гнусная контрреволюционная деятельность религиозных организаций, смыкающихся с фашистскими контрреволюционными элементами», ибо, по его мнению, «в лице религиозных организаций мы имеем прямых врагов социализма, прямых врагов народа, причем чем дальше развиваются успехи коммунизма, тем обостреннее становится борьба этих мракобесов, реакционеров против Советской власти, против народа»¹.

Повсеместно всей антирелигиозной работе партийных, комсомольских и других общественных организаций был придан характер политического противодействия «контрреволюционным силам» в лице духовенства и верующих.

Русская православная церковь и другие религии и церкви в СССР в 1930-х гг.

Жесткая административная политика на протяжении 1930-х гг. осуществлялась в отношении всех конфессий в СССР. Некоторые из примеров мы уже приводили. Добавим к этому, что из года в год сокращалось число действующих мусульманских, старообрядческих, иудаистских, протестантских, буддистских молитвенных зданий. Оставались единицы легально действовавших. Под различными предлогами, да и без них, разгонялись религиозные центры: в 1930 г. Всесоюзный совет христиан веры евангельской, в 1935 г. — Всесоюзный совет баптистов.

Тяжелейшим было положение русского православия. Под давлением власти объявил о «самороспуске» Синод обновленческой православной церкви. В 1937–1938 гг. были арестованы и расстреляны, умерли в тюрьмах и в лагерях наиболее видные обновленческие деятели: Петр Блинов — глава сибирских обновленцев, Петр Сергеев — митрополит Ростовский, Василий — митрополит Челябинский, обновленческий глава Урала. Несколько ранее в заточении умер А. И. Боярский — митрополит Иваново-Вознесенский. На свободе еще оставался митрополит Виталий (Введенский), принявший пышный титул — первоиерарх Московский и всех православных церквей в СССР. Центр обновленчества переместился в Среднюю Азию, на Кубань и Северный Кавказ, в Ставропольский край, где почти все православные храмы были обновленческими. В Центральной же части России обновленческие храмы

---

¹ Антирелигиозник. 1938. № 2. С. 1, 17.

исчислялись единицами. В Москве к 1937 г. было семь обновленческих храмов — Воскресенский собор в Сокольниках, Старо-Пименовская церковь и церкви на всех пяти действующих московских кладбищах — Ваганьковском, Дорогомиловском, Пятницком, Калитниковском, Даниловском. Было еще несколько храмов в пригороде. В Ленинграде к 1937 г. осталось два обновленческих храма.

30-е гг. для Русской православной церкви были наиболее трагичными. На страницах антирелигиозной прессы вновь появились призывы расправиться с религиозными организациями, творящими «вражеское дело», распространяющими «реакционные, враждебные социализму идеи». Раскручивающийся в стране маховик репрессий не обошел стороной и православное духовенство. Только среди иерархов Церкви в 1931–1934 гг. арестовано более 30 человек. Как правило, им предъявлялось обвинение в «контрреволюционной и шпионской деятельности». Дальнейшая судьба большей части из них трагична. Политические процессы в СССР «над врагами Советской власти», «шпионами» и «вредителями всех мастей» ударили и по Русской церкви. Фактическому главе Русской православной церкви митрополиту Сергию (Старогородскому) приходилось все труднее и труднее. Он вынужден был отрешать от кафедр тех епископов, которых власть, инкриминируя им политические или уголовные деяния, осуждала на тюремное заключение. Заменить их было нечем, ибо немногие в те годы решались на пастырское служение.

Доставалось в эти годы и лично митрополиту Сергию. То ему угрожали судебным преследованием за то, что «посмел» разрешить добровольные пожертвования на помощь пострадавшим от стихийных бедствий; то пытаются отобрать здание Елоховского собора в Москве; то выдвигают на страницах «антирелигиозной» литературы вздорное обвинение в шпионаже в пользу японских спецслужб¹.

Развернувшееся в СССР наступление на религию вызвало широкий резонанс за рубежом. Главы ряда Церквей выступили в защиту попираемых религий и прав верующих. В начале 1930 г. Папа Римский Пий XI призвал к «крестовому походу» в защиту веры и верующих в СССР. Конечно, власть не могла не реагировать на подобного рода настроения за рубежом, тем более что она была заинтересована в развитии торгово-экономических связей для модернизации советской экономики. Однако ее действия оборачивались давлением на религиозных лидеров страны. Власть фактически принудила митрополита Сергия к выступлению против заявления Папы Римского.

В феврале 1930 г. в газете «Известия» было опубликовано интервью митрополита Сергия иностранным корреспондентам. В ходе

---

¹ См.: Кандидов Б. Церковь и шпионаж. М., 1937. С. 53–55.

встречи Сергей заявил, что «гонения на религию в СССР никогда не было и нет», и храмы закрываются «по желанию населения» и даже порой «по постановлению самих верующих»¹.

Это был очередной вынужденный компромисс главы Церкви с властью. Соглашаясь, митрополит Сергей выставил свои просьбы, изложенные им в «Памятной записке о нуждах Православной патриаршей церкви в СССР». Она состояла из 21 пункта и касалась болевых для Церкви проблем: различные виды и формы налогообложения духовенства, религиозных общин и церковных зданий; штрафы и аресты, налагаемые на имущество общин, духовенство, церковнослужителей и мирян-активистов; закрытие храмов; совершение треб на дому у верующих; приравнивание духовенства к лицам свободных профессий, а не к кулакам; приобретение и аренда жилья для приходского духовенства; обучение детей духовенства в государственных школах и вузах; защита от исключения из профсоюзов «за участие в церковном хоре»; открытие духовных учебных заведений; издание периодического журнала-ежемесячника»².

Публичное заявление Сергея об отсутствии гонений на религию в СССР не могло не отразиться на росте антипатии и протеста среди епископата к митрополиту. На начало 1930 г. тридцать семь архиереев отказались от административного подчинения церковной власти Сергея. В храмах ряда епархий, даже в Москве, духовенство «не поминало» за богослужением имени заместителя патриаршего местоблюстителя. Даже известный своей нетерпимостью к каким-либо расколам в Русской церкви епископ Мануил (Лемешевский) перешел на некоторое время на сторону «непоминающих».

Советское государство, фактически тоже вынужденно, пошло на некоторые уступки: временно приостановился процесс закрытия храмов; частично были возвращены ранее закрытые; дано разрешение на издание «Журнала Московской патриархии»; разрешено совершение епископских хиротоний: с 1930 по 1934 г. в сан епископа были посвящены 22 человека, в 1933 г. все члены Временного патриаршего Синода были возведены в сан митрополита.

Свои нападки на Церковь власть нередко оправдывала ссылками на деятельность «карловацкого раскола», лидеры которого исповедовали и привносили в ряды русской эмиграции идеи реставрации монархии, борьбы с «большевизмом и Советами». В одном из своих посланий в феврале 1930 г. митрополит Антоний (Храповицкий) говорил, обращаясь и к тем, кто был в России: «Идите же смело, други, за веру, царя и отечество!.. Русские люди, я вновь призываю вас на

---

¹ Известия ВЦИК. 1930. 16 и 19 февраля.

² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 67–68.

борьбу с врагами Христовыми — большевиками и прочими богоборцами; готов первый умереть в этой борьбе».

Но в самой эмигрантской среде существовала сильная оппозиция этому политическому курсу, и уже тем более его не разделял митрополит Сергей, который неоднократно призывал «карловчан» не путать церковный амвон с политической трибуной.

В 1934 г., считая, что время увещаний, ожиданий и отсрочек кончилось, митрополит Сергей и Священный синод приняли постановление о предании церковному суду заграничных русских архиереев и клириков «карловацкой группы» как восставших на свое законное священноначалие и упорствующих в расколе и отстранил их до суда от церковных должностей.

С этого времени каких-либо связей между митрополитом Сергием и «карловчанами» не поддерживалось. Излишне говорить, что этот акт патриаршей Церкви ни митрополитом Антонием, ни его сторонниками признаваем не был.

Но все же несмотря на нападки «внешних» и даже вопреки им в церковной среде положение Сергея постепенно упрочивается. Вокруг него объединяются — кто раньше, кто позже — те, кто еще недавно пребывал в «расколах», порвал отношения с ним, был среди «непоминающих» его имя за богослужением. И делали они это, подчас находясь в трагических для себя обстоятельствах. Так, известный московский священник В. П. Свенцицкий в предсмертном письме из заключения (сентябрь 1931) писал: «Я умираю. Уже давно меня тревожит совесть, что я тяжело согрешил перед Святой Церковью, и перед лицом смерти мне это стало несомненно. Я умоляю Вас простить мой грех и воссоединить меня со Святой Православной Церковью. Я приношу покаяние, что возымел гордость вопреки святым канонам не признавать Вас законным первым епископом, поставив свой личный разум и личное чувство выше соборного разума Церкви, я дерзнул не подчиниться святым канонам». К примирению и возвращению к митрополиту Сергию он призвал и своих прихожан.

Видимым признанием авторитета и особенного положения митрополита Сергея стало решение Священного синода (апрель 1934) о переводе его на Московскую кафедру, присвоении титула Блаженнейший и права ношения двух панагий. В особом адресе, который от имени православной иерархии огласил митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), подчеркивалось, что отныне Сергей признается правящим первоиерархом Русской церкви. 2 мая в кафедральном Дорогомиловском соборе Москвы совершился торжественный акт возведения митрополита Сергея на новую кафедру. В богослужении участвовали двадцать епископов, около ста священников и диаконов, огромное множество верующих.

В декабре 1936 г., когда стало известно о кончине митрополита Петра (Полянского)¹, Сергию специальным актом были переданы права и обязанности патриаршего местоблюстителя. Русская зарубежная церковь отвергла и это решение.

Вторая половина 30-х гг. наполнена была новыми испытаниями для Церкви. Наряду с массовым закрытием православных церквей обычным явлением стали судебные процессы над священнослужителями, которые обвинялись во «вредительско-шпионской деятельности, в связях со спецслужбами иностранных государств». В 1935–1937 гг. к ответственности за «контрреволюционную деятельность» были привлечены 84 архиерея. В 1935–1936 гг. власти запретили деятельность Синода и выпуск «Журнала Московской патриархии».

В начале октября 1938 г. Сергию после многочисленных обращений удалось добиться приема в ОГПУ. В здании на Лубянке его принимал Е. А. Тучков, в тот момент — заместитель особоуполномоченного ОГПУ по Москве. Сергей просил пояснить причины арестов духовенства в Москве, на Украине, в Сибири. На что получил стандартный для того времени ответ — арестованы участники антисоветских организаций, члены террористических банд. Более того, Сергию дали понять, что под подозрением в антисоветской деятельности находится и он сам, ибо ряд епископов при допросах свидетельствовали, что под руководством Сергея «создан церковно-фашистский центр», ставящий задачу «свержения советской власти и реставрации капитализма в России».

К 1939 г. на свободе оставались вместе с Сергием митрополит Алексий (Симанский), архиепископы Николай (Ярушевич) и Сергей (Воскресенский), да еще несколько епископов пребывали «на покое» или в должности настоятелей храмов.

Нападение Германии на Польшу привело к серьезным изменениям внутри- и внешнеполитической политики в СССР. В 1939–1940-х гг. в состав Советского Союза вошли Прибалтика, Бессарабия, западные области Украины и Белоруссии.

Под юрисдикцию патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея перешли духовенство, храмы и монастыри этих территорий. Властью признавалось, что здесь влияние духовенства гораздо сильнее, чем в других республиках Союза, и потому предписывалось проводить более осмотрительную церковную политику. В статье Ярославского «О задачах антирелигиозной пропаганды» об этом го-

---

¹ Только в середине 1990-х гг. стало известно, что митрополит Петр был расстрелян 10 октября 1937 г. по постановлению «тройки» УНКВД по Челябинской области. См.: Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX в. Тверь, 1996. С. 369.

ворилось так: «Понятно, что в недавно присоединившихся к СССР союзных республиках вопрос о религии имеет особенное значение. Там еще сильна власть религии, которую всячески насаждали буржуазные режимы. Там в течение десятилетий обманывали население сказками о “религиозных гонениях” в СССР, о том, что будто бы у нас запрещают молиться и т. д. Вот почему нам нужно быть очень тактичными при объяснении вреда религии трудящимся новых советских республик. Конечно, и там произойдет та революция в сознании трудящихся, которая произошла в нашей стране за двадцать два года, но она пойдет гораздо быстрее, потому что эти народы получают советскую власть в готовом виде, а мы за советскую власть дрались на фронтах гражданской войны. Они в готовом виде получают всю советскую организацию, все созданные советской властью учреждения и весь накопленный за это время опыт. Путь, пройденный нами, они с помощью всего Советского Союза пройдут гораздо скорее»¹.

Сохранившиеся учетные сведения о религиозной ситуации в стране отражены в ниже приводимой таблице:

Таблица 2.6

Сведения о религиозных организациях в СССР

№ п/п	Республики в составе СССР	Количество православных обществ	
		1938 г.	1940 г.
1	Азербайджанская ССР	–	–
2	Армянская ССР	–	–
3	Белорусская ССР	755	838
4	Грузинская ССР ¹	17	27
5	Казахская ССР	1	1
6	Киргизская ССР	2	1
7	Латвийская ССР	–	164
8	Литовская ССР	–	72
9	Молдавская ССР	–	893
10	РСФСР	3617	950
11	Таджикская ССР	1	2
12	Туркменская ССР	–	–
13	Узбекская ССР	4	3
14	Украинская ССР	3903	5181
15	Эстонская ССР	–	164
	Всего:	8300	8296

¹ Ярославский Ем. О задачах антирелигиозной пропаганды // Безбожник. 1940. 18 августа.

Внешние благополучие и стабильность статистических данных обманчивы, поскольку в 1940 г. подсчет велся уже с учетом православных обществ, действовавших на территории, вошедшей в состав СССР. Одновременно за этот же период времени только в РСФСР количество действовавших православных общин было в административном порядке сокращено с 3617 единиц до 950. Не будет преувеличением сказать, что и из этого числа реально действующей была примерно только треть обществ: к примеру, в 25 областях не имелось ни одного действующего храма, в 20 — от одного до пяти. Остальные, отобранные у религиозных общин властями, зачастую даже без видимости соблюдения действующих законов, стояли «на замке» и были недоступны верующим.

Не менее безрадостной была ситуация и на Украине. Были закрыты все православные церкви в Винницкой, Кировоградской, Донецкой, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях. По одной церкви действовало в Ворошиловградской, Полтавской, Харьковской областях.

Новые территории, где действовали более 3 тыс. православных храмов и 60 монастырей, было 14 правящих архиереев, доставляли определенные проблемы Московской патриархии. Дело в том, что тамошние православные епархии в послереволюционный период, кто раньше, а кто позже заявили о своей церковной самостоятельности. Теперь, в новых политических обстоятельствах, неизбежно должны были вноситься изменения в их церковную жизнь.

Патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергей стремился упорядочить здесь церковную жизнь и взять ее под контроль. По немногим из дошедших до нас его писем мы можем представить его точку зрения на церковные проблемы на данных территориях. К примеру, в письме епископу Александру (Толстопятаву) он писал:

«Наши новые области заставляют так беспокоиться. Новая заплата не сразу пристает к старой одежде. Все у них там как-то по-своему. В особенности трудно дается усвоить, что прежняя их автокефалия на церковном языке называется “раскол” со всеми следующими отсюда выводами: что все, признаваемое за ними, признается лишь “икономии” ради, а строго говоря, по канонам, ни на что они рассчитывать права не имеют. Они же представляют дело приблизительно вроде Вашего переезда из Череповца в Слободской: взял чемодан, купил билет и с Богом. Много еще придется с ними потерпеть, втолковывая таблицу умножения.

---

¹ Учтены общества Грузинской православной церкви.

...Ждет устройства Бессарабия. Туда командирован епископ Алексей Сергеев. В Западную Украину и Белоруссию поехал (временно) экзархом архиепископ Николай Ярушевич. Теперь нянчимся с Латвией и Эстонией. Командирован в Латвию и Эстонию наш архиепископ Сергей: Латвия принесла покаяние, а об Эстонии пока не знаем»¹.

В 1940 г. митрополит Сергей предложил митрополиту Эстонскому Александру (Паулусу) и митрополиту Латвийскому Августину (Петерсону) вернуться в Московскую патриархию. После переговоров духовенство и приходы перешли в юрисдикцию Московского патриархата. На Таллинской кафедре правящим архиереем остался архиепископ Александр (Паулус), который дал клятву в верности Московской патриархии. В начале 1941 г. в Литву вместо скончавшегося митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского) был направлен архиепископ Сергей (Воскресенский), с возведением в сан митрополита и назначением экзархом Латвии и Эстонии.

На территорию Западной Украины и Западной Белоруссии местоблюститель Сергей направил на Волынь, в Кременец, архиепископа Сергея (Воскресенского). Архиепископ принял в юрисдикцию Московского патриархата духовенство Волынской епархии. В начале 1941 г. сюда был перемещен архиепископ Николай (Ярушевич), возведенный в сан митрополита Волынского и Луцкого. Он же стал новым экзархом Украины, а резиденцией экзархата стал город Луцк.

В Молдавию, в Кишиневскую епархию, направлен был епископ Алексей (Сергеев), с возведением в сан архиепископа.

На вновь вошедшей в состав Советского Союза территории было значительное число католических и униатских храмов, монастырей. Насчитывалось до 8 млн католиков и греко-католиков. Новая религиозная ситуация актуализировала после почти десятилетнего отсутствия каких-либо официальных и неофициальных связей и вопрос о взаимоотношении СССР с Ватиканом. К тому предпринимал попытки и Ватикан, хотя в августе 1940 г. советские власти объявили о разрыве дипломатических отношений стран Прибалтики с Ватиканом.

Известно, что в октябре 1940 г. полпред СССР в Югославии В. А. Плотников сообщал в Наркомат иностранных дел, что по поручению Пия XII к нему обратился хорватский католический священник с официальным предложением принять в Москве уполномоченных Ватикана для переговоров. Однако позиция Москвы была жесткой, и Молотов ответил, что «советское правительство не видит возможности заключить соглашение с Папой, так как это соглашение могло бы вызвать недовольство как православного духовен-

---

¹ Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 227.

ства, так и религиозно настроенных прихожан, не сочувствующих Католической церкви»¹.

Правда, при этом советские власти отрицали всякие сообщения зарубежных средств массовой информации о «преследованиях и гонениях» на верующих-католиков. Приведем характерное высказывание Ярославского: «До сих пор еще эти мракобесы продолжают уверять население, будто советская власть закрывает все церкви, запрещает молиться, преследует за веру и т. п. Этим занимается и вражья агентура Ватикана... В зарубежной печати, особенно католической, мы встречаем самые дикие выдумки, относящиеся к антирелигиозной деятельности в Западной Украине и Западной Белоруссии... Мы должны показать всю недобросовестность, всю гнусность выдумок реакционеров, мракобесов»².

Однако очень скоро на «новые советские территории» во все более и более широком масштабе стал привноситься уже имевшийся опыт «регулирования» отношений с религиозными организациями: ликвидировались религиозные партии и церковно-общественные объединения; закрывались философско-теологические факультеты в государственных учебных учреждениях, монастыри, храмы, церковные типографии и магазины религиозной литературы; национализировалась собственность религиозных обществ; депортировалась часть духовенства. В качестве оправдания этим и другим подобным мерам использовался тезис о том, что здесь среди духовенства и церковного актива особенно много тех, кто борется с советской властью и выступает за возвращение старых порядков³.

Накануне Великой Отечественной войны казалось, что правящая Коммунистическая партия близка к достижению провозглашенной в области религиозных отношений цели. Количество православных храмов сокращалось день ото дня. В 1941 г. всего насчитывалось 3021 храм и 64 монастыря, которые обслуживали 28 епископов и 6376 священнослужителей⁴. «Бесцерковные» и «безбожные» деревни, поселки, города, районы и даже целые области насчитывались десятками и сотнями. Согласно проводимым тогда социологическим исследованиям и опросам количество верующих сокращалось день ото дня⁵. Официальные средства массовой информации и антирели-

---

¹ См.: Документы внешней политики. 1940 — июнь 1941. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 659–660, 688.

² Цит. по: Токарева Е. С. Ватикан в советский политике и пропаганде в годы Второй мировой войны // Иоанн XXIII и современный мир: христианское свидетельство, сотрудничество и сотрудничество. М., 2002. С. 99.

³ См.: На пути к свободе совести. М., 1989. С. 378–386.

⁴ См.: ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 153. Л. 2.

⁵ См.: Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1979. С. 162.

гиозная литература свидетельствовали о «поддержке трудящимися массами» курса церковной политики государства как наиболее полно обеспечивающего свободу совести.

Буквально в канун войны, в марте 1941 г., на встрече с работниками антирелигиозных музеев Ярославский, говоря о «результативности» антирелигиозной работы, отмечал, что граждане все реже и реже обращаются с ходатайствами об открытии ранее административно закрытых культовых зданий, об организации религиозных общин. «Охотников, — резюмировал он, — обращаться с такими ходатайствами с каждым днем становится все меньше и меньше. А там, где такие ходатайства поступают, инициаторами их являются кулаки, служители культа и бывший церковный актив, единоличники»¹.

Но, конечно же, религиозная жизнь в стране в ее реальном виде была совсем другой, чем представлялось «антирелигиозным мечтателям». В частности, это проявилось в те же мартовские дни 1941 г., когда в Москве прошли торжества по случаю 40-летия служения в архиерейском сане митрополита Сергия. Тысячи православных верующих собрались в кафедральном соборе: москвичи, представители почти всех епархий, расположенных в СССР, гости из-за рубежа. Никогда старые стены Елоховского собора не слышали такого могучего многолетствования Блаженнейшего юбиляра, которое пелось единодушно всеми молящимися. Когда же по окончании службы митрополит Сергей вышел на паперть собора, вся, черная от народа, площадь обнажила свои головы и стала забрасывать цветами своего глубоко чтимого и горячо любимого «дедушку-владыку»².

2.5. Религиозный вопрос в годы Второй мировой войны

Религиозная политика нацистской Германии накануне войны

1 сентября 1939 г. неспровоцированным нападением нацистской Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Следует отметить, что Адольф Гитлер с момента прихода к власти уделял внимание формированию политики государства и национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) как в отношении действовавших на территории Германии разнообразных религиозных организаций, так и религий и церквей, находившихся на подконтрольных или оккупируемых Рейхом территориях³.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 91. Л. 12–14.

² См.: Правда о религии в России. М., 1942. С. 61–70.

³ См.: Одинцов М. И. Религиозная политика в Третьем Рейхе и на оккупированной советской территории / Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005. С. 21–60.

С образованием в 1939 г. Главного управления имперской безопасности (РСХА) оно стало ведущей силой в реализации религиозной политики. IV управление РСХА (гестапо), имело специальный отдел («церковный реферат»), который осуществлял надзор за деятельностью католических и протестантских церквей, религиозных сект, иудейских организаций и франкмасонов. Другие отделы гестапо, ведавшие делами на оккупированной территории и контрразведкой, также входили в непосредственный контакт и использовали в своей работе служителей культа. Добавим, что касательство к религиозно-церковным организациям имели и такие структуры, как СД — служба безопасности СС, разведывательное управление СС, а также Зипо — полиция безопасности.

Усилия всех этих ведомств внутри Германии и за ее пределами сосредотачивались по двум направлениям:

- разрушение (внутреннее и внешнее) сложившихся традиционных устойчивых церковных структур, «атомизация» конфессий и церквей;
- тотальный контроль за всеми проявлениями религиозной жизни.

В соответствии с этим ставились практические задачи: негласное наблюдение за религиозными организациями всех направлений, изучение настроений духовенства и верующих, внедрение агентуры в церковные административно-управленческие структуры, вербовка агентуры из среды священно-и церковнослужителей, продвижение «нужных людей» на различные иерархические должности, а также в церковных и общественных фондах, комитетах и т. п. Как можно судить на основании доступных источников, практически во всех странах Европы и во всех крупных конфессиональных организациях действовала широко разветвленная агентурная сеть спецведомств Германии.

В программе НСДАП присутствовал и специальный пункт (24), которым провозглашалась свобода религии: «Свобода вероисповедания, за исключением религий, опасных для германской расы; партия не связывает себя с каким-либо исключительным вероучением, но борется с еврейским материализмом».

У нацистской партии были также секретные планы «строительства» новой религии и национальной государственной церкви Германии. На место всех религий и церквей в Рейхе и на подчиненных ему территориях должна была прийти «государственная религия», свободная от «недостатков» христианства. Она должна быть такой, какой ее знали в Древней Греции, — соединение музыкально-спортивных мероприятий и государственных праздников, и выражаться она должна была в форме торжественных представлений, соревнований и государственных актов. По мысли идеологов партии,

эта религия должна опираться на «германско-нордическое движение», поддержку которому необходимо оказывать скрытно, постепенно внедряя присущие ему обряды и в частную жизнь граждан.

Окончательная реализация нацистского плана «строительства религии и церкви» ожидалась через 25 лет. Тогда «новая» религия объявляется государственной, т. е. обязательной для всех граждан. В ней отсутствует духовенство, речи будут произносить только «национальные государственные ораторы», являющиеся государственными служащими. Иконы, кресты и другие предметы культа будут вынесены из храмов. Будут отвергнуты многие из христианских таинств и обрядов; запрещена Библия и иная христианская богослужебная и религиозная литература; закрыты религиозные учебные заведения. Повсюду в молитвенных помещениях будет изображена свастика. На алтарь вместо Библии положена будет «Майн Кампф», а слева от нее — меч.

До достижения всех этих планов министерство церковных дел Германии выстраивало систему мер в отношении к каждой из конфессий. Применительно к православию во главу угла ставилась задача объединения («унификация») православных приходов, действовавших на территории Рейха и принадлежавших к различным церковным юрисдикциям: Русская православная церковь за границей (центр в г. Сремские Карловцы), Временный экзархат Вселенского патриарха на территории Европы (Париж), Московский патриархат (Москва).

В качестве «ядра» нового православно-церковного объединения власть полагала Русскую зарубежную церковь. Это в большей мере объяснялось свойственными руководителям и активу Церкви политическими взглядами — антисоветизм, антикоммунизм, клерикализм. Через единую Православную церковь, которой только одной будет предоставлено государственное признание, власти надеялись иметь возможность воздействовать на русскую эмиграцию, обеспечив ее политическую лояльность в условиях войны с СССР.

Во исполнение планов в 1936 г. прусское правительство предоставило Берлинской и Германской епархии Зарубежной церкви статус корпорации публичного права. В 1938–1939 гг. в связи с расширением территории Рейха юрисдикция Германской епархии при поддержке министерства церковных дел распространилась на православные приходы в Австрии, Чехии, Бельгии, Люксембурге, Лотарингии, Словакии, Венгрии. Во главе епархии был назначен епископ Потсдамский Серафим (Ляде) с титулом епископ Берлинский и Германский. Кандидатура оказалась весьма подходящая и устраивающая всех — немец по национальности, имел германское гражданство, пользовался уважением русской церковной эмиграции в Третьем рейхе, обладал спокойным характером.

Однако надежда министерства создать некую влиятельную национальную православную церковь не могла быть реализованной, поскольку ведущими принципами церковной политики нацистского руководства оставались децентрализация православного мира и поддержка самостоятельных и независимых национальных православных церквей на вновь оккупированных территориях. Так, после падения Польши единая Православная церковь была раздроблена на церковные организации по национальному признаку (русские, польские, украинские). Внимание обращалось и на другие Православные церкви — Болгарскую, Греческую, Сербскую, Румынскую. Их стремились также включить в орбиту влияния Рейха.

Внимание нацистов было обращено и к приходам Русской зарубежной церкви за пределами Рейха, и в целом к Архиерейскому синоду. По своим политическим взглядам тогдашний глава Архиерейского синода Русской православной церкви за рубежом митрополит Анастасий (Грибановский) и другие иерархи были среди тех представителей русской эмиграции, которых не покидала надежда на крах коммунизма, падение ненавистных им советской власти и «Совдепии». Это, естественно, учитывалось Гитлером, и потому особых препятствий деятельности этой церкви на территории Германии не чинилось.

К примеру, 12 июня 1938 г. митрополит Анастасий в благодарственном адресе Гитлеру за помощь, которая была оказана германскими властями в ремонте православных храмов в Германии, писал: «Лучшие люди всех народов, желающие мира и справедливости, видят в Вас вождя в мировой борьбе за мир и правду. Мы знаем из достоверных источников, что верующий русский народ, стонущий под этим рабством, ожидающий своего освобождения, постоянно возносит к Богу молитвы, чтобы Он сохранил Вас и дал Вам Свою всеильную помощь»¹.

С началом Второй мировой войны Русская православная церковь за рубежом, как и в целом антисоветски настроенная часть русской эмиграции, достижение своих политических целей и осуществление надежд на возвращение в Россию увязывала с ходом войны, с перенесением военных действий на территорию СССР.

1 сентября 1939 г. епископ Серафим (Ляде) в Послании к пастве выразил отношение Церкви к начавшейся Второй мировой войне. Вопреки реальным историческим обстоятельствам, предшествовавшим войне, глава епархии возложил ответственность за войну и неизбежно ей сопутствующие страдания многих тысяч людей не на Германию, а на «кровавые силы, которые двадцать лет назад предприняли попытку санкционировать главенство и власть люмпенов, а побежденных обречь на бессилие, нужду и гибель, и этим поправили

---

¹ Цит. по: Троицкий С. В. О неправе карловацкого раскола. Париж. 1960. С. 95.

самым бесцеремонным образом Божественную и человеческую справедливость». Епископ призвал паству «доказать на деле свою благодарность Германскому правительству и германскому народу за пристанище, сочувствие и за все то хорошее, что они нашли в этой стране», что должно было вылиться в оказание всемерной помощи «жертвам кровопролития» и самоотверженное выполнение воинского долга «православными, сражающимися в рядах Германской армии»¹.

3 сентября 1939 г. представители русской эмиграции в Югославии, собравшись для обсуждения сложившегося положения в Европе, писали в обращении к великому князю Владимиру Кирилловичу: «Начавшаяся жестокая война может выдвинуть вопрос о судьбе русского народа, о судьбе нашей пострадавшей Родины. Ход развертывающихся событий будет нас держать в наивысшем напряжении, и русская эмиграция за рубежом не имеет права не пользоваться могущим представиться случаем, чтобы подвинуть дорогое нам русское национальное дело. Мы можем и должны рассчитывать на самих себя и на те народные силы "там", которые сохранили в душах своих чувство любви ко всему родному и русскому»².

Тогда же митрополит Анастасий (Грибановский) в письме королю Сербии выразил верноподданнические чувства к королевской династии Сербии и просил считать русских эмигрантов в полном распоряжении верховной королевской власти и королевского правительства³. Эту же позицию глава Церкви еще раз выразил в ноябре 1939 г. в Послании по случаю очередной годовщины Октябрьской революции⁴.

Нападение фашистской Германии 22 июня 1941 г. на Советский Союз было расценено иерархией и духовенством Церкви, политически активными мирянами как первый шаг на пути к «освобождению» России. Официальный орган Архиерейского синода излагал позицию Церкви вполне определенно: «По всему земному шару Русская зарубежная церковь с напряженным вниманием следит за ходом войны на Востоке, молитвенно поддерживая самоотверженных бойцов против безбожников и всегда готовая по мере своих сил и возможностей помогать этой борьбе»⁵.

---

¹ См.: Никитин А. К. Нацистский режим и Русская православная община в Германии (1933–1945). М., 1998. С. 392–395.

² Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 45.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 146. Л. 38.

⁴ Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 44–47.

⁵ Цит. по: Гордиенко Н. С. Комаров П. М., Курочкин П. К. Политиканы от религии. Правда о Русской церкви. М., 1973. С. 54. См. также: Троицкий С. В. О неправде карловачкого раскола. Париж, 1960.

На таком понимании своей «патриотической миссии» эта Церковь оставалась и в последующие военные годы. Митрополит Анастасий стремится получить от немецких властей разрешение прибыть в Берлин, чтобы, как он писал, иметь возможность «поддержать крестовый поход фюрера против коммунизма», способствовать «восстановлению в освобожденных местностях угнетаемой церковной жизни» и вступить «в непосредственный контакт с руководящими персонами и учреждениями, от которых зависит восстановление жизни в освобожденной России».

В день вероломного вторжения фашистов на советскую землю свою личную, епископата и мирян позицию к новой политической ситуации выразил в Послании к пастве и архиепископ Берлинский и Германский Серафим (Ляде). Ее нельзя и невозможно трактовать как-то иначе, нежели как призыв к единению с фашистами в «крестовом походе» против народов Советского Союза, пресмыкательство перед «христолюбивым вождем германского народа» и Иудину радость предательства интересов Отчизны. День, ставший прелюдией к четырехлетним неимоверным мучениям, жертвам и страданиям многомиллионного населения Советского Союза, в том числе и миллионов православных верующих, объявляется Днем свершения Божественной справедливости и предначертания, Пасхального утра и Триумфа Божественной правды.

Митрополит Серафим фактически призывал свою паству к бра-тоубийству, когда писал: «Будьте участниками новой борьбы, так как это — и ваша борьба, продолжение той борьбы, которая уже была начата вами в 1917 году, но трагически закончилась, главным образом вследствие предательства тех бывших ваших союзников, которые теперь направили свое оружие против германского народа. Каждый из вас может найти свое место в новом антибольшевистском фронте. Каждый может приложить свои силы, чтобы содействовать свержению советской власти и освобождению Родины от красной диктатуры. Пусть каждый найдет свое место на новом поприще борьбы и служения Родине. Используйте любую возможность, чтобы превратить ваши антибольшевистские убеждения и настрой, и вашу любовь к Родине в активные, героические и исполненные готовности к жертвам поступки»¹.

22 июня 1941 г. — начало Великой Отечественной войны

22 июня 1941 г. в 4 часа утра, без объявления войны, германские войска вторглись на территорию Советского Союза. Уже полтора часа

---

¹ Цит. по: Никитин А. К. Нацистский режим и Русская православная община в Германии (1933–1945). М., 1998. С. 401–404.

спустя министр иностранных дел СССР В. М. Молотов вызвал посла Германии В.-Ф. Шуленбурга. Посол сообщил, что по поручению своего правительства он обязан вручить ноту следующего содержания: «Ввиду нетерпимой долее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массовой концентрации, подготовки всех вооруженных сил Красной Армии германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные меры». На вопрос Молотова, что означает эта нота, Шуленбург ответил, что, по его мнению, это начало войны. От имени советского правительства Молотов заявил, что «до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому Союзу. Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной».

Войну ждали, к войне готовились. Еще в 1931 г. Сталин в одном из своих выступлений так определил дилемму, которая с неотвратимой жестокостью встала перед советской страной: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹. К 1941 г., ровно через десять лет, СССР стал одной из трех-четырех стран в мире, способных производить любой вид промышленной продукции. Но скачок в развитии тяжелой индустрии, являющейся базовой для всего промышленного комплекса, в том числе и для военных нужд, был куплен дорогой ценой: тотальной административной коллективизацией деревни, низким уровнем жизни всего населения, ограничением прав и свобод граждан, всевластием карательно-осведомительной системы.

Однако война все равно началась неожиданно, перечеркнув и разделив советскую историю на то, что было «до войны», и то, что случилось со страной в годы войны.

Задолго до 1941 г., определяя цели своей восточной политики, Гитлер написал в «Майн Кампф» о судьбе СССР: «Это огромное государство на Востоке созрело для гибели». В генеральном плане «Ост» достижение этой цели определялось путем «разгрома государства с центром в Москве и разгрома русских как народа», установлением «нового порядка» на огромной восточной территории. Исконные Русские национальные центры Москва и Ленинград планировалось сравнять с землей.

Гитлеровская стратегия уничтожения СССР в ходе «молниеносной войны» во многом строилась в надежде на то, что тяготы жизни советских людей, имевшееся недовольство населения политическим режимом, в том числе его национальной и религиозной политикой,

---

¹ Цит. по: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 31.

будут достаточными, чтобы стать своеобразными «союзниками» Третьего рейха в борьбе с большевизмом и Россией. Отсюда происходило то существенное внимание, которое уделялось в пропагандистских усилиях национал-социалистов вопросам национально-религиозным, обращению к темам религиозных свобод, «террора и преследований» коммунистов в отношении религий и церквей.

Днем 22 июня 1941 г. от имени советского правительства с сообщением о нападении фашистской Германии на Советский Союз по радио выступил В. М. Молотов. Он выразил уверенность, что «все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду», и призвал «граждан и гражданок Советского Союза еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина»¹.

Через десять дней, 3 июля, по радио к стране обратился глава советского правительства и Коммунистической партии И. В. Сталин. Это была одна из тех немногих его речей, которая обращена была не к «коммунистам, комсомольцам и беспартийным», а к сердцу каждого советского человека. Потому и начиналась она словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!.. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность»².

Начавшаяся война объявлялась войной не двух армий, а всенародной освободительной Великой Отечественной войной, в ходе которой решались судьбы советского государства и советских народов и вместе с этим — судьбы поработенных фашизмом народов Европы.

Воскресный день 22 июня 1941 г. был особенным днем для православных верующих. В этот день отмечался праздник всех святых, в земле Российской просиявших. По традиции митрополит Московский Сергей служил в кафедральном Елоховском соборе. Возвратившись после службы к себе в скромный деревянный домик, что в Бауманском переулке, он узнает трагическую весть: фашистские войска перешли советскую границу, бомбят города и поселки, пролилась первая кровь граждан Союза ССР.

Молча удалился он в свою комнату-келью. И через некоторое время вышел оттуда с текстом обращения, изначально определившим отношение Церкви к начавшейся войне. В нем были и такие строки: «Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины.

---

¹ Правда. 1941. 23 июня.

² Там же. 3 июля.

кровными заветами любви к своему отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой, и выходили победителями. Не посраим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства»¹.

То был однозначный призыв главы Церкви к своей многомиллионной пастве проявить чувство патриотизма и в словах, и в делах. Обращаясь к духовенству, митрополит Сергей призвал его ободрить малодушного, утешить огорченного, напомнить колеблющемуся о гражданском и церковном долге. Недопустимыми для пастыря обьявлялась позиция «некасательства» к обстоятельствам, переживаемым страной и верующими, а тем более искиательство «выгод на той стороне границы», что приравнивалось к измене Родине и Церкви.

Воззвание, переписанное и отпечатанное в сотнях экземплярах, рассылалось по епархиям, церквам и приходам, вызывая ответные патриотические чувства у миллионов верующих.

Руководители практически всех религиозных центров и организаций поддержали освободительную борьбу народов СССР против агрессора. Чувство патриотизма оказалось сильнее прежних обид. Обращаясь к верующим с патриотическими посланиями, они призывали их достойно выполнить свой религиозный и гражданский долг, оказать всю возможную материальную помощь нуждам фронта и тыла².

Религиозная политика на оккупированных советских территориях

Вступление немецких войск на советскую территорию конкретизировало планы политического и военного командования Германии в отношении действовавших там религиозных общин.

На оккупированной советской территории в качестве основного органа управления был создан рейхскомиссариат по делам

---

¹ Правда о религии в России. М., 1942. С. 16.

² См. об этом: Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. 221 с.; его же: Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005. 540 с.

Восточных земель во главе с Альфредом Розенбергом — идеологом нацистской партии, непосредственно занимавшимся церковными вопросами и являвшимся руководителем внешнеполитической службы НСДАП. На министерство возлагалась задача общего руководства проведением в жизнь религиозной политики нацистов. В этих целях в министерстве была создана специальная группа религиозной политики под руководством К. Розенфельдера. Ее сотрудники регулярно выезжали на территории рейхскомиссариатов для ознакомления с религиозной ситуацией, подготавливали аналитические материалы, вносили конкретные предложения по проведению тех или других мероприятий в церковной среде.

На вновь завоеванных восточных территориях создавались новые административно-территориальные образования — рейхскомиссариаты: «Остланд» — во главе с Х. Лозе и «Украина» — во главе с Э. Кохом. Они, в свою очередь, делились на округа, области, районы, уезды и волости. Через эти органы управления министерство намеревалось также реализовывать свое видение церковной политики на Востоке.

В стремлении взять под контроль деятельность религиозных организаций оккупационные власти при городских управах создавали отделы по руководству церковными делами. Их деятельность включала в себя подбор церковных кадров, организацию работы церквей и т. п. Стоит отметить, что в рейхскомиссариатах по-разному относились к Русской православной церкви. В «Остланде» обстановка для нее была более благоприятной, что в значительной мере объяснялось терпимым отношением к ней Х. Лозе. В «Украине» же, где ставка делалась на образование автокефальных православных церквей, не имеющих никаких связей и зависимости от Москвы, Русская церковь обречена была на уничтожение.

Летом—осенью 1941 г. было принято множество официальных документов различных ведомств, которые непосредственно призваны были осуществлять партийную политику в отношении религии и церкви на Востоке. Среди них основными были:

- директива шефа полиции и СД Р. Гейдриха оперативным группам и командам полиции безопасности и СД от 2 июля 1941 г.;
- указания министерства занятых восточных территорий военным организациям об отношении к религиозному вопросу на оккупированных территориях СССР от 3 августа 1941 г.;
- приказ верховного командования вермахта, подписанный Кейтелем, от 6 августа 1941 г.;
- оперативный приказ Главного управления полиции безопасности и СД № 10 «Отношение к церковному вопросу в занятых областях Советского Союза» от 16 августа 1941 г.;

- циркуляр «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза» Главного управления имперской безопасности от 1 сентября 1941 г.;

- приказ командующего области тыла группы армии «Юг» о поведении войск в религиозном вопросе по отношению к гражданскому населению от 2 октября 1941 г.;

- оперативный приказ № 13 Главного управления имперской безопасности «Теологические факультеты в занятых русских областях» от 15 октября 1941 г.;

- директива Главного управления имперской безопасности «О разрешении церковного вопроса в оккупированных восточных районах Советского Союза» от 31 октября 1941 г.

Во всех этих документах определялся общий подход к религиозной политике применительно ко всем религиозным организациям на оккупированной территории. Он выражался в таких конкретных действиях, как:

- ограничить деятельность Католической, Греко-католической церквей с целью постепенной их ликвидации;

- ограничить Евангелические церкви Прибалтики, стремясь «расщепить» их на возможно большее количество самостоятельных групп;

- отказывать верующим в возвращении бывшей церковной собственности до особого изучения и последующего решения этого вопроса немецкими властями;

- пресекать любую политическую деятельность всех церковных организаций;

- не допускать в лагеря советских военнопленных духовенство с территории Рейха, предоставляя самим военнопленным из своей среды выделять лиц, обслуживающих их религиозные потребности;

- не допускать на восточных территориях миссионерской деятельности религиозных организаций из Германии и иных сопредельных государств.

Учитывая роль православия, мероприятиям в отношении Русской православной церкви на оккупированных территориях уделялось особое внимание. В своих стратегических замыслах руководство Третьего рейха ориентировалось на уничтожение Русской православной церкви как исторического и национально-культурного феномена русского и других православных народов СССР. Ее место должна была заместить та самая «новая» религия и государственная церковь, планы создания которых вынашивались идеологами нацизма. На этом пути в отношении православных организаций предусматривалось:

- не препятствовать и не поощрять религиозной деятельности населения на местном уровне; хотя и не запрещать открытие церквей;

- не передавать в собственность приходских общин культовое имущество, предоставляя его исключительно только в аренду;
- не разрешать открытие православных духовных учебных заведений;
- не допустить объединения приходских общин под руководством единого религиозного центра, ориентирующегося на Москву;
- не допускать вхождения образующихся православных епархий в юрисдикцию Зарубежной церкви;
- не препятствовать развитию сектантства, противопоставляющего себя православию;
- требовать от православного духовенства политической лояльности к оккупационному режиму и воспитания в том же духе паствы;
- поощрять создание самостоятельных национальных православных церквей на территориях Прибалтики, Белоруссии и Украины;
- тщательно изучать деятельность «живой» (обновленческой церкви), не предоставляя ей возможности широкой деятельности, поскольку она рассматривалась как «орган советского правительства»;
- разрешать осуществлять религиозную деятельность в лагерях военнопленных на советской территории только лицам из числа военнопленных.

Оккупанты настойчиво «рекомендовали» священнослужителям в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства к Гитлеру и Третьему рейху, а также проводить специальные молебны за победу германской армии и «спасение родины» от большевиков.

И вместе с тем жестоко преследовались малейшие попытки духовенства привнести в жизнь общины элементы критического отношения к политической действительности на оккупированных территориях. Немецкие оккупационные власти, учитывая патриотические позиции патриаршего местоблюстителя митрополита Московского и Коломенского Сергия, всячески препятствовали деятельности тех священников и приходов, которые заявляли о канонической подчиненности Московской патриархии. Запрещалось и преследовалось распространение (устное и письменное) каких-либо документов митрополита Сергия.

В первые месяцы войны, пока на оккупированной территории не сформировалась гражданская администрация, первую скрипку в церковной политике играла военная администрация. Она же исходила не столько из политико-идеологических целей, сколько из той конкретной военной обстановки, что складывалась в прифронтовой полосе, и старалась излишне не провоцировать конфликтов с гражданским населением и не препятствовать стихийному религиозному возрождению, проявившемуся на оккупированной советской территории.

Сразу после завершения летней кампании 1941 г. в Берлине состоялось совещание под руководством шефа гестапо Мюллера. Доклады касались положения православия на Востоке и Балканах, взаимоотношения Православной церкви с иными христианскими церквями. Общая позиция была выражена одним из докладчиков, унтерштурмбаннфюрером СС Вандеслебенем, который подтвердил, что ни о каком воссоздании в завоеванном восточном пространстве «инфицированной большевизмом» Русской церкви не может быть и речи. Предлагалось во внутренней политике на Востоке делать все, чтобы поддерживать постоянное напряжение между католическими и православными приходами, всячески поддерживать религиозные меньшинства в противовес крупным церквям и, кроме того, максимально внедрять «достаточное количество доверенных лиц» в религиозные группы для получения информации и поддержания борьбы против всех.

В апреле 1942 г. в кругу приближенных Гитлер изложил свое видение религиозной политики на Востоке:

- насильственное дробление церквей;
- принудительное изменение вероисповедного статус-кво на оккупированных территориях;
- запрещение устройства каких-либо централизованных конфессиональных органов и центров;
- формирование «марионеточных» религиозных органов управления;
- использование религии и духовенства в политических целях.

«Нашим интересам, — говорил он, — соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы»¹.

Русская Зарубежная церковь надеялась, что с началом военной кампании против Советов она будет призвана нацистским руководством к непосредственному участию в его религиозной политике на оккупированной территории. Разработке плана «сотрудничества» с государством было посвящено епархиальное собрание, состоявшееся в январе 1942 г. Митрополит Серафим так определил позицию Церкви: «Мы можем стоять только на стороне антибольшевистских держав. Во главе этих держав стоит Германия. Поэтому мы должны

---

¹ Цит. по: Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1979. С. 120.

молиться о победе германского оружия и поддерживать германскую армию независимо от того, каковы намерения и цели Германии в отношении России»¹.

Карловацкая церковь в ожидании своего «торжественного въезда» на территорию Советского Союза разрабатывала план восстановления организации высшей церковной власти в СССР. Мысля себя уже на территории СССР, Зарубежная церковь вынашивала планы действий в отношении тех или иных групп в русском православии. К числу схизматических организаций отнесены были обновленцы, липковцы, григорьевцы, с которыми не могло быть никаких контактов. Категорически неприемлемы были и какие-либо отношения с митрополитом Сергием (Страгородским), который, как считали карловчане, изменил «православной вере в форме компромисса с безбожниками и подчинении им Церкви». Отказано было и в праве какой-либо другой Православной автокефальной церкви, например, Константинопольской, участвовать в «устроении церковных дел в России». Единственной силой, могущей разрешить вопрос о высшем церковном управлении в России, называлась Зарубежная церковь, а ее глава митрополит Анастасий должен был стать временным местоблюстителем патриаршего престола с поручением сформировать патриарший Синод и подготовить проведение Поместного собора (в Ростове или в Ставрополе) для избрания патриарха Московского и всея Руси².

Но этим надеждам и планам Зарубежной церкви не суждено было сбыться. Первую скрипку в формировании религиозной политики стали играть Партийная канцелярия и Главное управление имперской безопасности, которые изначально были враждебны русскому православию и не допускали даже и мысли о возможности формирования самостоятельной Германской православной церкви и ее присутствия на оккупированной советской территории. Германские власти посчитали политически более выгодным не допускать эмигрантское духовенство на советскую территорию, где у него не было серьезной социальной поддержки, а понадеялись на то, что православное духовенство и верующие «тихоновской» ориентации обладают достаточным запасом ненависти к коммунизму и советской власти, и потому окажут содействие немецкой армии в выполнении ее «исторической миссии» — разгроме и уничтожении Русского государства, русского народа.

---

¹ Цит. по: Никитин А. К. Нацистский режим и Русская православная община в Германии (1933–1945). М., 1998. С. 307.

² См.: Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. Сб. документов. М., 2003. С. 159–165.

Более того, карловакам не дали возможности и окормлять советских военнопленных, вывезенных на немецкую территорию, не разрешили открыть теологическую школу, выезжать в оккупированную зону. Они смогли лишь добиться разрешения организовать снабжение оккупированных советских территорий религиозной литературой, церковной утварью и иным необходимым для богослужения имуществом.

Таким образом, развитие религиозной ситуации и практическая церковная политика немецкого командования на оккупированной территории осуществлялись без какого-либо сотрудничества с Зарубежной церковью.

Осенью 1941 г. министерство восточных территорий приступило к разработке закона о религиозной свободе, предназначенного для восточных территорий. Но оно столкнулось с противодействием Мартина Бормана, не желавшего лишнего шума вокруг «свободы вероисповедания». Затянувшийся конфликт вынужден был разрешать А. Гитлер, пригласивший к себе в Ставку Розенберга и Бормана. В конце концов фюрер занял сторону Бормана, посчитав, что вообще излишни какие-либо обещания религиозных свобод, как и принятие отдельного закона о религиозной свободе. По его мнению, достаточно было, чтобы рейхскомиссары просто подтвердили существование религиозной свободы в некоей пропагандистской прокламации.

Розенберг, исполняя распоряжение фюрера, выслал в рейхскомиссариатства «Остланд» и «Украина» письма, в которых определялась немецкая церковная политика на оккупированных территориях. Суть ее можно свести к четырем основополагающим моментам:

- религиозным группам категорически запрещалось заниматься политикой;
- религиозные группы должны быть разделены по территориальным и национальным признакам;
- религиозные группы не должны мешать деятельности оккупационных властей;
- требовалось проявлять особое внимание и осторожность к Русской православной церкви, которая поддерживала враждебную Германии «национальную идею».

На основании этих писем рейхскомиссары «Остланда» и «Украины» в начале лета 1942 г. издали одинаковые циркуляры, определявшие основные аспекты деятельности религиозных объединений и ставившие их под контроль местной германской администрации.

К осени 1942 г. стало ясно, что религиозное движение на временно завоеванной территории не вписывается в политические ожидания оккупантов, не удавалось разыграть «религиозную карту» в нужном политическом направлении. Война затягивалась, и оккупационным

властям необходимо было считаться с религиозными объединениями как с долговременным фактором внутривнутриполитической ситуации на Востоке. С одной стороны — надо было найти более эффективные способы и формы «включения» религиозных организаций в политическую поддержку властей. С другой — в отношении к ним необходимо было проявлять большую публичную лояльность и терпимость. Конечно, то была вынужденная, в силу складывающихся военно-политических обстоятельств терпимость.

Рейхскомиссариат «Остланд»

Как уже отмечалось, при всей принципиальной схожести церковной политики оккупантов на восточных территориях, все же она имела и отличительные черты применительно к каждому из рейхскомиссариатов. 30 июня 1941 г. Рига пала. Отступающие советские войска имели приказ эвакуировать патриаршего экзарха в Прибалтике митрополита Сергия (Воскресенского). Выполнить его не удалось, так как экзарх пожелал остаться на оккупированной территории и укрылся в убежище. Покинул он его только при приходе немцев. Однако в тот же день он был арестован. Заключение оказалось непродолжительным. Через четыре дня Сергей был выпущен на свободу и смог беспрепятственно заняться религиозной деятельностью.

Духовенство и верующие расценили это как свидетельство достигнутой договоренности между митрополитом и оккупационными властями. Но о содержании ее никто ничего не знал. Лишь постепенно стали проступать контуры достигнутого соглашения. На собрании рижского духовенства митрополит объявил, что остается «послушником митрополита Сергия (Страгородского)» и сохраняет каноническое послушание Московской патриархии, возглашая при богослужении имя патриаршего местоблюстителя Сергия. Одновременно митрополит сделал ряд публичных заявлений, исходя из которых и он, и приходское духовенство должны быть политически лояльными к новой власти.

Сергий (Воскресенский), находясь на оккупированной территории, стремился решить две основные задачи в рамках руководства своим экзархатом. Первая из них — возрождение церковной жизни в Прибалтике, в Белоруссии и северо-западных областях РСФСР.

Одним из главных мероприятий митрополита Сергия стала организация Псковской православной миссии в северо-западных областях СССР. Она была создана в середине августа 1941 г., и туда были направлены миссионеры, которые должны были возродить церковную жизнь в районах Ленинградской, Калининской, Новгородской, Псковской областей, где проживали около двух миллионов человек.

Начальниками Миссии последовательно были священники Сергей Ефимов, Николай Колиберский и Кирилл Зайц. По подсчетам исследователей, Миссия смогла открыть до 300 церквей, в которых служили более 170 священников.

Деятельность Миссии находилась под постоянным контролем органов полиции безопасности. Неоднократно о деятельности Миссии и о политико-религиозной ситуации на ее территории информировал немецкие власти и митрополит Сергей. В одном из его сообщений в марте 1943 г. речь шла о взаимоотношениях партизан и местного населения. Митрополит вынужден был констатировать, что население оказывает все большую поддержку партизанам, в том числе и по причине их лояльного отношения к церкви. Не мог не отмечать Сергей и встречающиеся факты негативного отношения немецких и эстонских воинских частей к местному населению. Когда помещения храма занимались воинскими подразделениями, а на верующих возлагались всякого рода повинности.

Политические настроения духовенства Миссии отличались противоречивостью. Несомненно, что внешне они должны были свидетельствовать о своей лояльности новым властям, выполнять их поручения по проведению торжественных богослужений, ведению соответствующих бесед с населением, информировать власти о действиях партизан и лиц, сочувствующих им, заниматься вербовкой людей на работу в Германию, в отряды власовской Русской освободительной армии. Но в действительности ситуация была значительно сложнее. Многие из приходов Миссии оказывались на территории, где действовали советские партизанские отряды, и выступления против советской власти были невозможны.

Другая задача, которой митрополит Сергей уделял пристальное внимание, было сохранение единства Русской православной церкви в Прибалтике, считая недопустимым ее разделение по национальному признаку. Но он сразу же столкнулся с нежеланием оккупантов способствовать укреплению единоличной церковной власти прорусски, как они считали, настроенного экзарха.

Сергию пришлось преодолевать не только противодействие оккупационной власти, но и вскоре проявившие себя церковные разделения в Прибалтике. В Латвии митрополит Августин (Петерсон) отказался от своих прежних обязательств перед Московским патриархатом и, объявив о восстановлении прежнего Синода, обратился к немцам с просьбой разрешить восстановление автокефальной Латвийской православной церкви под юрисдикцией Константинопольского патриархата. Но за Августином пошло небольшое число приходов, так как в большинстве из них прихожане были русскими.

В Эстонии же все приняло несколько другой оборот. Православная церковь Эстонии раскололась на Русскую православную церковь

в составе 38 русских приходов и Печерского монастыря и Эстонскую апостольско-православную митрополию.

Митрополит Александр (Паулус) 14 октября 1941 г. издал циркуляр, которым объявлял себя главой Эстонской церкви, в которую входили 119 приходов и Пюхтицкий монастырь. В ответ 5 ноября 1942 г. митрополит Сергей своим указом запретил митрополиту Александру проводить богослужения и передал суду собора. На что 16 декабря 1942 г. Синод Эстонской православной митрополии заявил о нежелании иметь какое-либо общение с Московской патриархией. Немецкие власти признали факт раскола и придали обеим церквям равный правовой статус. Духовенству и верующим власти дали право свободного выбора юрисдикции.

Судьба митрополита Сергея (Воскресенского) находилась в центре противоречий между руководством комиссариата «Остланд» и министерства восточных территорий. Они по-разному относились к личности митрополита Сергея, к его церковной политике и возможной перспективе русского православия в Прибалтике.

Еще в октябре 1941 г. в Ригу и Ковно выезжал руководитель группы религиозной политики рейхсминистерства восточных территорий К. Розенфельдер для уяснения общей религиозной ситуации в Прибалтике, а также и вокруг Православной церкви. Он встречался с митрополитом Сергием и православным духовенством, с офицерами СД, курировавшими религиозные вопросы. В составленной им записке предлагались следующие меры:

- максимально ограничить деятельность Католической церкви, не допуская окатоличивания России;
- занять осторожную позицию в отношении Зарубежной церкви, не допуская ее представителей в Прибалтику;
- препятствовать намерениям Московского патриархата стать общецерковным центром на Востоке;
- содействовать образованию автокефальных православных церквей, создаваемых по национальному признаку.

Позицию в отношении митрополита Сергея (Воскресенского) Розенфельдер сформулировал так: «Насколько возможно быстро удалить из «Остланда» представителя Московской церкви в «Остланде» экзарха Сергея, чтобы полностью исключить там влияние русских. СД собирается первоначально выслать экзарха в Ковно. Точка зрения СД состоит в том, чтобы, удалив экзарха от главного места событий в Остланде, не упускать его совсем из поля зрения из-за очень ценной информации, которую от него получают о Московской церкви»¹.

---

¹ Цит. по: Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха... С. 226.

Вплоть до лета 1942 г. Восточное министерство оставалось на этих позициях, не реагируя на возражения и предложения руководства «Остланда». Тлевший длительное время конфликт разрешился 18 июля 1942 г., когда на совещании в канцелярии начальника главного отдела политики министерства Лейббрандта было признано, что полное разделение верующих по национальному признаку больше нецелесообразно, а потому Православные церкви в Эстонии, Латвии и Литве должны оставаться русскими. В дальнейшем они, как чуждые концепции жизненного пространства, должны будут перемещены в планируемый «рейхскомиссариат Москвы».

В результате существование экзархата было разрешено, а митрополит Сергей смог вернуться в Ригу. Тотчас же, 23 июля 1942 г., в Риге было созвано архиерейское совещание. По настоянию оккупационных властей на нем был принят текст приветственной телеграммы в адрес Гитлера и одновременно было обнародовано заявление, в котором епископат решительно отмежевался от патриотической позиции митрополита Московского Сергея (Страгородского). Тогда же решено было прекратить при обычных богослужениях возношение его имени, отныне возглашаемое лишь при архиерейских богослужениях, как символ канонической связи с Московской патриархией.

В августе 1942 г. Сергей реорганизовал церковное управление в Прибалтике. Экзаршее управление епархией было упразднено. Латвийской епархией отныне управлял назначаемый непосредственно митрополитом и ему подчинявшийся епископ, при котором в качестве совещательного органа учреждался совет из шести священников. При самом же экзархе Сергии учреждалась канцелярия для сношений с подчиненными епархиями Латвии, Литвы и Эстонии, а также совещательный орган — архиерейское совещание в составе правящих архиереев и некоторых священников по усмотрению экзарха.

Отстаивая перед немецкими властями необходимость сохранения своей канонической связи с Московской патриархией, Сергей прибегал не только к церковным, но и «военно-политическим и пропагандистским» аргументам. В одном из своих Меморандумов в ведомство рейхскомиссара «Остланда» о «религиозном обслуживании войск генерала Власова» Сергей указывал на недопустимость действия на его канонической территории представителей Зарубежной церкви, которую верующие воспринимают не иначе как схизматическую и прогермански настроенную, что приведет к отторжению большинства верующих от этой церкви и от митрополита Сергея. Тем самым, подчеркивал митрополит, возрастет сила «воздействия политических прокламаций, которые исходят от Московского митрополита и ослабляют вплоть до полной потери какого-либо значения контрпрокламации, которые выпускают отдельные архиереи или отдельные группы архиереев на занятой территории. Если не признавать кано-

нической свободы архиерея, то больше не будут верить его словам. И если при этом появится предположение, что он призывает к борьбе против Советского Союза не в церковных и не в русских, а в сущности, в германских интересах, то он пропал — его заклеят трусом и предателем»¹.

Сергий допускал возможность создания на оккупированной территории единого церковного органа, но он мыслился им исключительно как орган, создающийся на канонически безупречных основаниях, т. е. не имеющий никаких связей с Зарубежной церковью и опирающийся на православных архиереев, действующих на постепенно «освобождаемых немцами» советских территориях. Вместе с тем Сергий не считал, что и после войны Русская церковь должна непременно сохранить свое единство, допуская возможность «создания автокефальных церквей на территории прежде единой Матери-Церкви».

Для оккупационных властей доводы митрополита Сергия казались неубедительными, излишне отвлеченными, упирающимися на церковно-канонические основания в ущерб прагматизму сложившейся военно-политической ситуации в Прибалтике и таким же прагматическим ожиданиям рейхскомиссариата «Остланд».

Конечно, Сергий понимал, что от него ждут политических заявлений, и он их делал, и не однажды. Так, 15 марта 1943 г. он говорил, обращаясь к верующим: «Каждый из нас должен выполнять все директивы германских властей, потому что Германия борется в первую очередь против большевиков. Мы должны помочь уничтожению большевизма и, прежде всего, уничтожить его в сердце народа».

О положении православия в Белоруссии можно судить по свидетельству историка Белорусской церкви епископа Афанасия (Мартоса). В одной из своих работ он писал: «Немецкие войска застали церковно-религиозную жизнь в Восточной Белоруссии в разрушенном состоянии. Епископов и священников не было, церкви были закрыты, переделаны в склады, театры, а многие разрушены. Монастырей не существовало, монахи разбрелись где кто мог, многие умерли в ссылках, в тюрьмах. Но верующие были в огромном числе»².

В самом начале войны, когда Западная Белоруссия была оккупирована немцами и митрополит Николай (Ярушевич) не мог уже осуществлять там церковное управление, местоблюститель Сергий (Страгородский) назначил своим экзархом Белоруссии епископа Пантелеймона (Рожновского) с возведением его в сан архиепископа.

---

¹ См.: Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха... С. 251–257.

² Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск, 1990. С. 271.

После оккупации Белоруссии немцами в Минск прибыли архиепископ Гродненский и Виленский Пантелеймон (Рожновский) и епископ Брестский Венедикт (Бобновский). Митрополит Пантелеймон оставался твердым сторонником канонической связи с Московской патриархией. Эта позиция не устраивала белорусских националистов, мечтавших о создании национальной, независимой от Москвы Белорусской православной церкви. Они учредили Белорусскую митрополию и организовали епархиальные управления в областях Белоруссии.

Немецкое командование в переговорах с Пантелеймоном выставило следующие условия:

- Белорусская православная церковь должна быть самостоятельной и не иметь каких-либо связей с церковными центрами в Москве, Берлине и Варшаве;
- статут Белорусской автокефальной православной национальной церкви должен утверждаться оккупационными властями;
- церковь на территории Белоруссии должна принять наименование «Белорусская автокефальная православная национальная церковь» и ее юрисдикция должна ограничиваться территорией Белоруссии;
- преподавание Закона Божьего и церковное управление ведутся на белорусском языке, а церковная служба должна вестись на церковно-славянском языке;
- назначение епископов должно осуществляться с ведома немецких властей.

Пантелеймон принял все предъявленные условия, кроме одного — канонического отделения от Русской церкви. Невозможность этого он объяснял тем, что Белорусская церковь еще не соорганизована и может получить и оформить свое отделение только с разрешения Матери-Церкви.

В марте 1942 г. состоялся Собор белорусских епископов, избравший Пантелеймона митрополитом Белоруссии. Но вопреки желанию властей и белорусских националистов Собор не провозгласил автокефалию, и за богослужениями продолжалось возношение имени митрополита Сергия (Страгородского). По настоянию националистов оккупационные власти в конце мая 1942 г. отстранили митрополита Пантелеймона от управления митрополией. Церковная власть перешла к архиепископу Филофею (Норко), который также противился провозглашению автокефалии.

Под давлением оккупантов и националистов в августе—сентябре 1942 г. был проведен Всебелорусский православный собор, на рассмотрение которого вновь был внесен вопрос об автокефалии. В адрес Восточных патриархов были составлены обращения о при-

знании автокефалии Белорусской церкви. По неустановленным обстоятельствам они так и не были отправлены оккупационными властями по назначению.

Рейхскомиссариат «Украина»

Церковная политика на территории Украины вплетена была в общую линию политики Германии в отношении настоящего и будущего Украины. О том, какими они виделись, можно сделать вывод из высказываний Э. Коха на одном из совещаний чиновников рейхскомиссариата: «Если этот народ работает по 10 часов в день, тогда он должен работать 8 часов на нас. Все сентиментальные возражения не должны приниматься во внимание. Этим народом должна управлять железная власть, чтобы он нам сейчас помог выиграть войну. Мы освободили его не для того, чтобы осчастливить Украину, а чтобы обеспечить для Германии жизненное пространство и свою продовольственную базу»¹.

Германская администрация исходя из необходимости уничтожения Русской церкви на Украине активно поддержала церковных сепаратистов и создание новых церковных организаций.

18 августа 1941 г. в Почаевском монастыре собралась группа православных епископов. Обсуждался вопрос о судьбе Православной церкви на Украине. Выдвинуто было два предложения: первое — сохранить отношения с Московской патриархией и рассматривать себя в качестве части Русской православной церкви на правах автономии; второе — провозгласить автокефалию Украинской церкви.

После бурного обсуждения все же в итоговом документе было записано: «До Поместного собора Православной церкви на Украине с участием иерархии, духовенства и мирян считать нашу Церковь и ее иерархию в канонической зависимости от Церкви Русской»².

Таким образом, автономная Украинская православная церковь (УПЦ) сохранила свою юрисдикционную связь с Русской православной церковью. Возглавил церковь в сане митрополита, с титулом экзарха митрополит Алексей (Громадский). В занятом фашистами Киеве в ноябре—декабре 1941 г. митрополит Алексей регулярно проводил собрания подчиненного ему духовенства. На них зачитывались и послания митрополита Сергия (Страгородского) с призывом «бороться с бандой проклятого Гитлера». Немецкая администрация вскоре выявила эти собрания. Несколько человек из числа задержанных священников признаны были немцами «агентами НКВД»

---

¹ Цит. по: Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха... С. 307—308.

² Цит. по: Там же. С. 300.

и были арестованы. На краткий срок был задержан и митрополит Алексей. В отношении остальных власти ограничились взятием подписок о том, что они будут воздерживаться от какой-либо враждебной Германии деятельности.

Первоначально создание Автономной церкви поддержал и вошел в ее состав и епископ Поликарп (Сикорский), о чем он письменно уведомил митрополита Алексея. Однако вскоре Сикорский предпринимает шаги к расколу Автономной церкви.

Приложил руку к этому и митрополит Варшавский Дионисий (Валединский), который был предстоятелем Польской православной церкви, самочинно провозгласившей автокефалию, признанную Константинопольским патриархатом. Митрополит Дионисий в нарушение церковных правил вмешался в церковную жизнь приходов Русской православной церкви на Украине. Он назначил епископа Поликарпа «временным Администратором Православной автокефальной церкви на освобожденных землях Украины», с одновременным возведением его в сан архиепископа. Архиепископ Поликарп порывает с Украинской автономной церковью и становится на путь возрождения Украинской автокефальной церкви, действовавшей на Украине с 1920 г. и самоликвидировавшейся в 1930 г.

К этим событиям церковной жизни имели самое непосредственное отношение гестапо и оккупационные власти. В беседе с митрополитом Харьковским Феофилом (Булдовским) глава Автокефальной православной церкви Поликарп (Сикорский) вспоминал: «Когда немецкие чиновники вызвали меня и приказали восстановить украинскую автокефальную церковь, я им заявил: “буду действовать искренне, от всего сердца, с верностью и внушенной мне Богом убежденностью, что по воле его наступило тысячелетнее царствование культурнейшей нации мира, возглавляемой великим фюрером ее — Гитлером”. Приближается полное уничтожение ненавистной Советской власти не только на Украине, но и во всей России. Я глубоко верю, что возврата ей не будет. Мы должны помочь нашим освободителям искоренить из сознания украинцев жидо-большевистскую отраву, остальное сделают сами немцы. Они начали уничтожать среди населения всех, кто оказывает сопротивление немецким властям и новому порядку. С первых же дней своей деятельности я приказал духовенству служить благодарственные молебны, поминать в богослужении власть наших освободителей, провозглашать многая лета фюреру немецкой державы, молиться, чтобы Господь ниспослал ему победу над всеми врагами»¹.

---

¹ Цит. по: Даниленко С. Амвоны черной лжи / Атеистические чтения. Вып. 10. М., 1979. С. 66.

Поликарп (Сикорский) выпустил циркулярное послание к пастве, призывая ее быть лояльной в отношении немецкой администрации. В своих обращениях к оккупационной власти он неоднократно высказывал «для великого вождя немецкого народа Адольфа Гитлера пожелания полноты сил духовных и телесных, а также неизменного успеха для окончательной победы над врагом Востока и Запада».

В мае 1942 г. Автокефальная православная церковь под руководством Поликарпа (Сикорского) была признана немецкими оккупационными властями. С их разрешения открываются церкви, монастыри, возрождается приходская жизнь.

Автокефальная церковь в отличие от Автономной церкви сразу же установила тесную связь с националистическим движением на Украине, прежде всего с ОУН. Для этой организации стали обычными террор и запугивание населения, отказывавшегося переходить из Украинской церкви в УАПЦ, зверски мучили и убивали духовенство и епископат, не желавших сотрудничать с УАПЦ.

Политика властей в отношении Автономной и Автокефальной церквей следовала принципу «разделяй и властвуй», по очереди поощрялась то одна, то другая церковь. В основе такой линии — боязнь оказаться перед лицом крупной мощной Украинской церкви, не поддерживающей оккупантов и ориентирующейся на создание самостоятельного Украинского государства.

В начале лета 1942 г. рейхскомиссар Украины издал циркуляр, подробно определявший все аспекты деятельности религиозных объединений и ставивший их под контроль местной немецкой администрации. Оккупационный режим допускал деятельность лишь лояльных Рейху религиозных общин. В первую годовщину начала вторжения немецко-фашистских войск в Советский Союз имперский комиссар Украины в директиве руководителям СС и полиции писал: «На Украине, точно так же как и в Германии, каждый может верить по-своему. Нами допускается любая религия и любое церковное направление, если оно лояльно к германской администрации и обнаруживает готовность содействовать созданию положительного настроения среди населения и не делать ничего, что способствовало бы отрицательным тенденциям. Разногласия церковных направлений между собой, а именно в религиозных вопросах, нас не интересуют. Мы желаем только, чтобы полемика по этим вопросам не распространялась среди мирских масс, потому что она способна нарушить гармонию, необходимую для общего строительства»¹.

В 1942 г. Э. Кох предпринял несколько открыто антиукраинских акций: закрыл все учебные заведения, кроме начальных школ, и вы-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 251. Л. 12.

слал учащихся вместе с преподавателями на работы в Германию; издал указ о разделении на несколько частей Автокефальной и Автономной церквей, отдавая их под полный контроль германской администрации, в том числе и в сугубо внутрицерковных вопросах.

Такие действия в очередной раз шли вразрез с намерением министерства восточных территорий поддержать объединительный процесс украинских церквей с тем, чтобы разрешить провести Автокефальной и Автономной церквам весной 1943 г. в Харькове объединительный съезд. Несмотря на категорический запрет Коха, в Луцке 4–8 октября 1942 г. состоялось заседание автокефального Синода. По его решению подписать объединительный акт Автокефальной и Автономной церквей в единую церковь было предложено и экзарху Алексию (Громадскому). Он это сделал, но спустя пару месяцев вынужден был под давлением своих сторонников издать указ об отмене объединительного акта и окончательно рассмотреть данный вопрос на послевоенном Соборе епископов экзархата.

Чиновники министерства, пытаясь «реанимировать» сближение двух церквей, выступили с идеей проведения в Харькове в конце декабря 1942 г. заседания Синода объединенной Украинской православной церкви с последующим созывом Всеукраинского поместного собора. Но Кох в очередной раз воспротивился идее объединения, запретил епископам выезд в Харьков, и в результате Синод не состоялся.

Следующая попытка проведения объединенного Синода намечалась на весну 1943 г. в Почаевской лавре. Политическую подоплеку данной идеи раскрывает одна из записок (апрель 1943) К. Розенфельдера министру А. Розенбергу: «Использование всех сил на Востоке в борьбе против большевизма также требует привлечения Православной церкви. Поэтому следует разрешить православным церквам или православным церковным группам созвать всеобщий Синод или Поместный собор против большевизма. Эта уступка может в большей мере способствовать использованию Церкви в германских интересах и создать благоприятное впечатление у верующего населения»¹.

Но все замыслы и проекты Розенберга разбивались о непокорную позицию Коха. Становилось понятным, что реализация планов министерства восточных территорий могла стать реальностью лишь при отставке Коха. Розенберг предпринимает попытку за попыткой сместить Коха. Но они все заканчивались ничем, ибо тот, будучи на-

---

¹ Цит. по: Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха... С. 330.

значен непосредственно Гитлером, пользовался безоговорочной поддержкой фюрера.

В мае 1943 г. Гитлер вызвал в Ставку А. Розенберга и Э. Коха, пытаясь добиться их примирения. Розенберг прибыл с проектом увольнения рейхскомиссара. Но из этого ничего не вышло. Гитлер, в сущности, поддержал все шаги Коха в отношении церковного вопроса на Украине. Тем самым на попытках создать единую Украинскую церковь была поставлена окончательная точка, тем более что именно в этот период на территории Украины отряды ОУН начали военные действия против немецких войск. Поскольку же это движение имело тесные связи с Автокефальной церковью, немцы отказали ей в поддержке.

2.6. Московская патриархия в эвакуации.

Ульяновск: октябрь 1941 г. — июль 1943 г.

В условиях военного времени практически за каждым богослужением митрополит Сергей обращался к теме народной войны.

Вечером 26 июня в московском Елоховском соборе при огромном стечении народа состоялся молебен о победе русского оружия. Оглашено было послание митрополита Сергея от 22 июня. По окончании службы митрополит Сергей в проповеди своей вновь обратился к патриотическим чувствам верующих, призывая их на защиту Отечества. В этом Слове отчетливо прозвучало предупреждение, что враг угрожает христианству, что он несет на штыках не только рабство, но и «идолопоклонство, уничтожение родных православных святынь и веры». А потому каждый православный обязан противостать «нашествию инопоклонников»¹.

12 августа митрополит Сергей проповедует за богослужением в московской церкви Иоанна Воина. В переполненном людьми храме он напоминает им о неизменной обязанности верующего: молить Господа о даровании «силы, мужества, терпения в перенесении тяжких испытаний войны» всем тем, кто ведет «смертный бой с врагом, напавшим на нашу родину»².

Патриотические послания митрополита Сергея встречали единодушную поддержку со стороны его многомиллионной паствы. В письмах в Московскую патриархию верующие и приходские священники сообщали о проводимых в церквях сборах денежных средств, облигаций, предметов из драгоценных металлов, разнообразных вещей, которые передавались ими на нужды фронта и в помощь раненым бойцам.

---

¹ Правда о религии в России. М., 1942. С. 83–86.

² Там же. С. 96–97.

С патриотическими посланиями, проповедями, обращениями в первые же дни и месяцы войны выступили православные иерархи: митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский); митрополит Киевский Николай (Ярушевич); архиепископ Астраханский Филипп (Ставицкий).

Те немногие зарубежные православные иерархи, что не порывали связи с Московской патриархией и митрополитом Сергием, обращались к своей пастве с призывом помочь Родине. Экзарх Московской патриархии в США митрополит Вениамин (Федченков), выступая на многочисленных собраниях, призывал американцев поддержать СССР и вместе с ним противостоять фашистской Германии.

Октябрь 1941 г. был тяжелым месяцем для страны. Фронт приблизился к Москве, в городе были введены военное положение и комендантский час. На улицах появились первые военные укрепления, беженцы. Ходили упорные слухи о возможной сдаче столицы неприятелю. По решению Моссовета началась эвакуация правительственных учреждений, заводов и фабрик. К эвакуируемым в централизованном порядке были отнесены и религиозные центры, располагавшиеся в то время в Москве: Московская патриархия, Всесоюзный Совет евангельских христиан, Митрополия обновленческой церкви.

Решение об эвакуации было объявлено представителю Московской патриархии 7 октября. Местом нового размещения назывались г. Чкалов (Оренбург) или Ульяновск. Начались сборы. Но отъезд откладывался со дня на день из-за болезни Сергия.

День отъезда, 14 октября, совпал с праздником Покрова. В праздничном Послании Сергей вновь и вновь призывает верующих исполнить достойно свой религиозный и гражданский долг, не щадя жизни встать на защиту Отечества¹.

В Послании ни слова не говорится о возможном переезде главы Церкви из Москвы. Но уже ближе к вечеру этого же дня Сергей со своими ближайшими сотрудниками направился на Казанский вокзал. В вагоне собралось необычное общество: обновленческий первоиерарх Александр Введенский, похожий на киноактера, в модном пальто и шляпе, с женой и детьми; несколько скромно одетых людей — руководители баптистской общины страны; такой же скромный бородатый человек — старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси Иринарх (Парфенов).

В ровно назначенный час — в 16 часов 40 минут от перрона Казанского вокзала отошел очередной состав с эвакуируемыми из Москвы. Немногие знали о том, что в одном из его вагонов направлялся на Восток глава Православной церкви митрополит Сергей.

---

¹ Там же. С. 409–410.

Медленно, с частыми остановками, поезд шел по Подмоскovie. «Москва скрылась из глаз, — вспоминал впоследствии один из участников переезда протоиерей, А. П. Смирнов, — поезд пробегает дачные места. Задерживается долго в Раменском. На горизонте ежеминутно вспыхивают зарницы заградительного огня. В памяти оживают сообщения о бомбежке немцами многих пассажирских поездов... Темная ночь. Приближаемся к Коломне. Близко Москва-река. Поезд идет по высокой насыпи. Допуская возможность присутствия во тьме врагов — диверсантов и десантников, поезд идет этим местом тихо, как бы шагом, и перед мостом через Москва-реку останавливается. Охрана, сопровождавшая поезд, идет на разведку, и наконец, поезд переходит на быстрый ход»¹.

Но тревожны были не только внешние обстоятельства движения состава. Внезапно во вторую ночь пути (с 15 на 16 октября) Сергию стало худо: температура подскочила почти до 40, бред. В ожидании худшего больного причастили. Митрополит Николай (Ярушевич), бывший в эти напряженные минуты рядом с Сергием, передавал потом слова митрополита: «Я готов к смерти. Да будет воля Божия во всем». К счастью, через день болезнь также неожиданно отступила. Понемногу успокоились и бывшие рядом с митрополитом Сергием люди.

Поздно ночью 19 октября 1941 г., в воскресенье, эшелон наконец-то прибыл в Ульяновск. Первые несколько дней по приезде Сергей и сопровождавшие его жили в вагоне, в котором прибыли из Москвы. Затем нашли небольшую квартиру в городе, куда Сергей и переселился.

Городские власти предложили для нужд патриархии отдельный особняк, но от него пришлось отказаться из-за дальности расположения от центра и плохого с ним сообщения.

Первое соборное богослужение, в котором приняли участие все прибывшие в Ульяновск священнослужители, митрополит Сергей провел 26 октября в маленькой кладбищенской церкви. Храм еще недавно принадлежал общине раскольников-григорианцев, но служивший в нем молодой иеромонах принес покаяние и вместе с общиной перешел в Патриаршую церковь. В течение последующего месяца здесь регулярно проходили богослужения. Однако по своим размерам кладбищенская церковь не подходила для соборных богослужений, на которые день ото дня собиралось все больше и больше верующих, прослышавших о приезде в Ульяновск главы Православной церкви.

Начался поиск более подходящего церковного здания. Но это было трудно сделать, поскольку большинство из действовавших в городе

---

¹ Патриарх Серий и его духовное наследство. М., 1947. С. 238.

до революции храмов были снесены. Действовал только один зарегистрированный православный приход, имевший в своем распоряжении храм очень небольших размеров. Сохранившиеся же культовые здания либо были перестроены и приспособлены для иных нужд, либо пребывали в небрежении и запустении. Не было и зданий, которые можно было бы в короткий срок отремонтировать и в дальнейшем использовать для культовых целей. После долгих и безуспешных поисков решено было переоборудовать под Патриархию бывшее костельное здание на улице Водников (бывшая ул. Штальная, д. 15), использовавшийся в то время под общежитие.

В течение двух недель был произведен ремонт. Верующие в икобнии принесли в храм иконы, покрывала, церковную утварь. В преддверии первого богослужения в новом здании митрополит Сергей 24 ноября обратился к пастве с третьим патриотическим Посланием «Близок час нашей победы» ненависть к врагу»¹. «У русских людей, у всех, кому дорога наша отчизна, — говорилось в нем, — сейчас одна цель — во что бы то ни стало одолеть врага. У истинного патриота не дрогнет рука для истребления фашистских захватчиков. Сердце христианина для фашистских зверей закрыто, оно источает только уничтожающую смертельную ненависть к врагу».

30 ноября 1941 г. главный престол нового храма был посвящен самой чтимой в бывшей Симбирской губернии иконе Казанской Божией Матери. Новая церковь получила название Казанского патриаршего собора в г. Ульяновске. На втором этаже отремонтированного здания были устроены покои для митрополита. 19 декабря в них въехал митрополит Сергей. Сюда же въехал и управляющий делами Московской патриархии протоиерей Н. Ф. Колчицкий. Отныне этот дом стал центром Русской православной церкви на долгие 22 месяца эвакуации.

Не так много осталось документальных свидетельств пребывания митрополита Сергея в Ульяновске. Как рассказывают очевидцы, он сохранял обычный для себя распорядок дня: рано вставал; вычитывал положенное иноческое правило; совершал часовую прогулку на свежем воздухе, рекомендованную ему врачами; по возвращении и легкого завтрака принимал посетителей, как правило, до трех дня; затем — скромный обед, а после небольшого отдыха рассмотрение неотложных церковных дел, чтение поступавшей корреспонденции и подготовка ответных писем и церковных документов. Вечером — незатейливый ужин, к которому приглашались все бывшие в тот момент в доме, и душевные беседы. И так день за днем. В дни церковных

---

¹ Правда о религии в России. М., 1942. С. 411–413.

праздников Сергей в сослужении городского духовенства совершал богослужения. В такие дни храм был переполнен.

По настоятельной просьбе врачей Сергей совершал ежедневные прогулки. В хорошую погоду и при бодром состоянии души, в сопровождении кого-либо из близких, он выходил на свежий воздух. Любимым местом прогулки стали откосы волжских гор — Старый и Новый Венцы. Очень часто так бывало, что во время прогулок к нему подходили верующие: кто-то делился бедами и заботами, кто-то просил помощи. Со всеми митрополит беседовал, утешал и благословлял, а просящим отдавал все, что было при нем. Вспоминают, что однажды к нему подошла незнакомая женщина, как оказалось, вдова, потерявшая мужа и детей. Сергей хотел было дать ей денег, но их уже не было. Тогда он снял часы с золотой цепочкой и отдал.

Будучи сам отзывчив на беды людей, Сергей призывал и верующих оказывать посильную помощь ближним и дальним. Особенно волновался он за ленинградскую паству. Получая письма из осажденного города, с горечью говорил близким: «Нам-то хорошо здесь и покойно, а вот им-то каково, находясь в руках смерти».

Когда летом 1942 г. по Волге пошли караваны судов, вывозившие в глубь страны детей блокадного Ленинграда, Сергей с церковного амвона обращался к пастве, прося о помощи детям-сиротам. И люди шли, и несли маленьким, худеньким, безвинным жертвам войны то немного, чем сами располагали.

Сергей заботился о том, чтобы храмы открывались не только в Ульяновске, но и в примыкавших к нему пригородных селах. В одном из сохранившихся документов можно прочитать: «Протоиерею г. Москвы А. П. Смирнову. Поручаю Вам отправиться в село Полдомасово, принять ключи от местного храма, составить двадцатку и приступить к исполнению священнических обязанностей впредь до усмотрения»¹.

В дом на улице Водников поступала корреспонденция из епархий, правительственных инстанций и из-за рубежа; с докладами приезжали епископы и здесь же совершались епископские хиротонии; проводились совещания органов церковного управления и намечались планы устройства церковной жизни в условиях военного времени; впервые оглашались послания митрополита к пастве и отсюда направлялись полномочные представители Патриархии в освобождаемые районы для устройства церковной жизни.

Одной из ниточек, связывавших Сергея с первопрестольной, были письма митрополита Николая (Ярушевича), замещавшего его в Московской патриархии и поддерживавшего необходимые контак-

---

¹ Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 240.

ты с правительственными и иными инстанциями. Он сообщал в них не только о наиболее важных событиях в жизни московских церквей, Патриархии, Церкви в целом, сборах на патриотические цели, но и о подробностях жизни оставшихся в Москве соратников Сергия, его знакомых и близких. Все это позволяло митрополиту Сергию быть в курсе основных политических, военных и церковных проблем, откликаться на них своими посланиями и обращениями.

В декабре 1941 г. враг был остановлен около Москвы, первые военные победы Красной Армии похоронили надежды немецко-фашистских захватчиков на повторение европейского блицкрига. В освобожденных районах можно было воочию убедиться в том, какой «новый порядок» несли фашисты народам Советского Союза, в том числе и в отношении религии, верующих, церковных организаций.

Информация об этом была представлена митрополиту Сергию, и он спешил оповестить свою паству о том, что творилось на ранее оккупированных территориях. «Храмы разрушены, — писал он. — Взорван, например, единственный в своем роде памятник церковного зодчества знаменитый храм в Новом Иерусалиме, копия храма Воскресения в старом Иерусалиме. Взорван древний собор в Можайске. Множество церквей разрушено в Калининской области; Верейском, Боровском и других районах церкви, больницы и другие благотворительные и культурные учреждения преданы огню, причем в них заживо сожжены и лежавшие там больные и раненые красноармейцы. По улицам расставлены виселицы с висящими на них трупами граждан, повешенных, по звериному обычаю фашистов, лишь “ради острастки населения”, иначе говоря, повешенных заведомо без личной вины. Все, что можно взять, разграблено, все, что можно осквернить и загадить, загажено с каким-то обезьяньим упоением»¹.

Митрополит Сергей морально поддерживал паству, оставшуюся на оккупированной территории. В Послании от 13 декабря 1942 г. он призывал верующих участвовать в партизанском движении и помогать ему, чтобы и тыл для врага не был лучше фронта, «где громит его наша Красная Армия, неуклонно гоня врагов все ближе и ближе к нашей западной границе». Он заверял верующую паству, что «народ наш не думает отказываться от вас. Он не мирится с захватом ваших областей фашистами. Готовый на всякие жертвы ради родины, он не положит оружия, пока не прогонит врага вон»².

В 1942 г. в Советском Союзе широко развернулось движение по сбору средств на строительство авиаэскадрилий, торпедных катеров,

---

¹ Русская православная церковь и Великая Отечественная война. М., 1942. С. 11–12.

² Там же. С. 39–40.

танковых колонн. На деньги советских граждан — колхозников, рабочих, комсомольцев, пионеров, молодежи — построено было, к примеру, более сотни танковых колонн.

Митрополит Сергей 30 декабря 1942 г. призвал паству присоединиться к общесоюзному движению и жертвовать средства на сооружение особой танковой колонны имени Дмитрия Донского. «Пусть наша церковная колонна имени “Дмитрия Донского”, — писал митрополит, — понесет на себе благословение Православной нашей церкви и ее неумолчную молитву об успехе русского оружия. Нам же всем даст утешительное сознание, что и мы не останемся стоять в стороне, что и мы по нашей силе и способности участвуем в святом деле спасения родины»¹.

На танковом заводе в Челябинске были сделаны 40 танков, которые в марте 1944 г. от лица Церкви передал Красной Армии митрополит Николай. Танковая колонна участвовала в освобождении Украины, Белоруссии, Молдавии. Многие офицеры и солдаты были отмечены за свой ратный подвиг государственными наградами — орденами и медалями².

Важными событиями в жизни Церкви в период нахождения митрополита Сергея в эвакуации стали Архиерейские соборы 1942 г.

В марте в Ульяновск съехались 11 иерархов, практически все находившиеся на свободе и не оставшиеся в оккупации. Обсуждался вопрос о церковной ответственности епископа Поликарпа (Сикорского), провозгласившего об образовании неканонической автокефальной Украинской православной церкви, опиравшейся в своей деятельности на содействие и поддержку немецких властей.

Собор осудил действия Поликарпа и не признал автокефалии Украинской церкви. Тем самым подтверждалось принятое в феврале 1942 г. специальное обращение митрополита Сергея к украинской пастве в связи с образованием автокефальной православной церкви. В нем подробно говорилось об отступлениях этой псевдоцеркви, осуждалась раскольническая деятельность Поликарпа, за которую он подлежал лишению священства, а совершаемые им хиротонии признавались безблагодатными, распоряжения же в адрес православных приходов — неподлежащими к исполнению. В последующем Пасхальном обращении к украинской пастве митрополит Сергей разъяснил причины и обстоятельства принятого решения Собора. Немаловажным был тот факт, что позиция Московской патриархии нашла понимание и поддержку восточных патриархов, о чем они сообщили в специальных телеграммах.

---

¹ Русская православная церковь и Великая Отечественная война. М., 1942. С. 41–42.

² См.: Васильева О. Ю. С именем Дмитрия Донского // ЖМП. 1990. № 5.

22 сентября 1942 г. в заседании Архиерейского собора участвовали 13 иерархов, и они обсуждали поведение четырех прибалтийских епископов, которые публично выразили поддержку немецким оккупантам, направив приветственное обращение к Гитлеру. Позиция Русской церкви была выражена в Определении Московской патриархии. В нем от архиереев Прибалтики было потребовано объяснение по факту их политического выступления и принятие «мер к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской патриархии». При поддержке спецведомств Определение собора распространялось на оккупированной территории, безусловно, осложняя положение митрополита Сергия (Воскресенского) и во взаимоотношениях с населением, с рядовыми верующими, и с патриотически настроенными партизанскими отрядами.

Одновременно в московской церкви Преображения было прекращено возношение имени митрополита Сергия (Воскресенского), бывшего в свое время настоятелем этого храма. Через месяц митрополит Николай (Ярушевич) в письме митрополиту Сергию сообщал: «Вчера, на Скорбященскую, я послужил в Преображенской церкви. Там уже никто и не вспоминает о Воскресенском, и всякие знаки напоминания о нем немедленно же были ликвидированы»¹.

В Послании патриаршего местоблюстителя Сергия (Страгородского) православной пастве Прибалтики специально разъяснялась позиция в отношении проступков прибалтийских иерархов. Митрополита Сергия особенно возмутили заявления Сергия (Воскресенского) о «вынужденности патриотических заявлений» патриаршего местоблюстителя, и потому он специально еще раз разъяснил свою позицию, написав: «Прибалтийские архиереи (или те, кто водил их руками) пытаются набросить тень на меня: я-де, пишу свои послания против фашистов и призываю народ на борьбу против них, принуждаемый к тому соввластью. Не буду напоминать, что наша патриаршая церковь, начиная с покойного святейшего патриарха Тихона и доселе неизменно признает совласть богоустановленной в СССР. Лично же для меня достаточно и одной любви к Родине и моему народу, чтобы и без чьих-либо просьб и тем паче принуждений всячески противиться фашизму и порабощению им нашей страны. Да будет же стыдно пытающимся свое малодушие спрятать под клеветническими выпадами против Родной Церкви и меня, ее возглавителя»².

---

¹ См.: Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005. С. 141.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 93. Л. 19–19 об.

Патриарший местоблюститель высказывался с осуждением и в отношении некоторых других иерархов и священников, оказавшихся на оккупированной территории и пошедших на услужение немцам. В Ростове-на-Дону таковыми были архиепископ Николай (Амассийский) и входившие в состав возглавляемого им епархиального управления священники¹.

Воспоминания близких Сергию в Ульяновске людей донесли до нас свидетельство молитвенной помощи главы Церкви своему народу. В конце января 1943 г. болезнь заставила митрополита слечь в постель. То были дни решающих боев за Сталинград. В ночь на второе февраля 1943 г., пересилив недуг, Сергей попросил поднять его с постели. Встав, владыка с трудом положил три земных поклона, воссылая благодарение Господу. Помогавшему келейнику сказал: «Господь воинств, сильный в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром! Может быть, это начало будет счастливым концом». Утром по радио сообщили радостную весть о разгроме немецких войск под Сталинградом.

Длительное пребывание вне Москвы чрезвычайно тяготило Сергия. С лета 1943 г., когда явственно обозначился перелом в ходе войны и враг был отодвинут от столицы на значительное расстояние, митрополит настойчиво ставил вопрос перед властями о своем возвращении в Москву. По письмам, доходившим до него из Москвы, из разговоров с представителями власти в Ульяновске он предполагал, что в ближайшее время должны были произойти существенные перемены в положении Русской церкви. Очевидно, предвосхищая ожидаемое, в июле 1943 г., как сообщается в последних исторических публикациях, состоялось предсоборное совещание, на котором митрополит Сергей был рекомендован к избранию патриархом Московским².

В конце лета пришло сообщение о разрешении вернуться в Москву. 31 августа поезд, на котором возвращался митрополит Сергей, прибыл на перрон Казанского вокзала. Уже находившиеся в Москве митрополиты Алексей и Николай сообщили ему о поступившем от «компетентных органов» предложении о встрече со Сталиным. Митрополиты, соглашаясь на встречу, намеревались просить о созыве Архиерейского собора для избрания патриарха Московского и всея Руси, об открытии новых церквей, монастырей, учебных заведений, о возобновлении деятельности епархиальных управлений и церковных изданий.

---

¹ Русская православная церковь и Великая Отечественная война. М., 1943. С. 43–45.

² См.: Симбирские епархиальные ведомости. 1994, № 1. С. 23.

2.7. Советское государство в поисках новых отношений с религиозными организациями. 1941–1943 гг.

Отечественная война потребовала мобилизации не только всех организационных, финансовых, материальных ресурсов, но и ресурсов моральных, духовных, патриотических. Для партийно-советского руководства еще со времен всесоюзной переписи 1937 г. не было секретом, что значительная часть населения Советского Союза относилась к категории верующих. В первые же месяцы Отечественной войны выявились неправильность и пагубность сформировавшейся в 30-х гг. государственной политики в отношении религии и церкви. Иллюзии об успешном и повсеместном «преодолении» религии и о победе «безбожного движения» рассеялись, уступив место правде жизни — в стране насчитывались миллионы верующих, которые были несправедливо ограничены в возможностях свободно и открыто удовлетворять свои религиозные потребности. Существенным потенциалом влияния на эту категорию граждан могли быть действовавшие в стране религиозные организации и духовенство различных конфессий, прежде всего опирающиеся на значительные людские массы.

Молчаливое признание этого факта содержится в позиции государства, которое в течение первых двух военных лет фактически заняло позицию невмешательства в церковную жизнь страны. В результате разрешались общецерковные сборы средств и внекультовая деятельность; не чинились препятствия массовым богослужениям и церемониям; расширялась издательская деятельность церквей; признавались де-факто религиозные центры и им разрешалось устанавливать связи с зарубежными религиозными организациями.

Впервые после двадцатилетнего перерыва в некоторых неоккупированных районах Советского Союза, хотя и без юридического оформления, но начали открываться церкви и молитвенные здания. К примеру, в 14 районах Ярославской области в течение 1942–1943 гг. стала функционировать 51 православная церковь, большая часть из них была закрыта в предвоенное время в административном порядке, без принятия соответствующих правовых решений, хотя ключи от зданий оставались в руках верующих.

Свернута была всякая публичная антирелигиозная пропаганда и прекращена деятельность Союза воинствующих безбожников. Наоборот, на страницах официальной прессы появились публикации о патриотической деятельности Православной церкви. Первая из них опубликована была в газете «Правда» 16 августа 1941 г. После этого стало уже обычным явлением размещение подобного рода информации не только о Православной, но и обо всех других церквях. В кинохронику, показываемую на фронте и в тылу, включались кадры

церковных служб, обращения к бойцам Красной Армии духовенства, встречи верующих и духовенства с иконами солдат-освободителей, крестные ходы.

Вслед за обращением главы Русской православной церкви митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского), прозвучавшего в первый же день начавшейся Отечественной войны, свою патриотическую позицию выразили и другие религиозные центры: Центральное духовное управление мусульман, Временный совет евангельских христиан и баптистов, Обновленческая церковь, Старообрядческая архиепископия¹.

По сложившейся довоенной традиции информацию о состоянии религиозных объединений в СССР собирал Наркомат внутренних дел. Ему же было поручено собирать информацию о религиозной политике немцев на оккупированной территории, о политической позиции религиозных центров, поведении духовенства и верующих на захваченной территории и в прифронтовых районах. Информация стекалась из самых различных источников: разведывательных органов, действующей армии, партизанских отрядов, подпольных организаций, местных партийных и советских органов.

Поступающая информация концентрировалась, обобщалась и анализировалась в центральном аппарате НКВД, а затем уже Наркомат доводил ее до правительства и ЦК ВКП(б), и он же выходил с инициативами по проведению тех или иных акций в отношении религиозных организаций во внутренних районах Союза ССР, на оккупированной советской территории и даже за пределами СССР. Как пример приведем выдержку из письма (октябрь 1942) заместителя наркома внутренних дел Б. З. Кобулова о «деятельности православных церквей на оккупированной территории Прибалтики», направленной в ЦК ВКП(б): «В фашистской газете "Островские известия" за 8 августа с. г., издаваемой в городе Острове, помещено сообщение о состоявшемся в Риге съезде епископов православной церкви, пославшем приветственную телеграмму Гитлеру. Руководитель съезда митрополит Сергей Воскресенский и другие епископы, не порывая связи с Московской патриархией, в юрисдикции которой они состоят, все же пытаются опорочить патриотические антифашистские обращения главы Русской православной церкви митрополита Сергия Страгородского и с этой целью распространяют провокационные слухи»².

---

¹ См.: Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны...

² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 93. Л. 18. Опубликовано: Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 66.

К концу 1941 г. отчетливо проявилась политическая значимость религиозного вопроса, как для ситуации на оккупированной немцами территории, так и для внутривойсковой обстановки в Советском Союзе. Она сконцентрировалась вокруг наиболее болевой проблемы — отношения немецких оккупационных властей и советского государства к самой крупной религиозной организации — Русской православной церкви, члены которой оказались разделенными фронтом и от политической позиции которых во многом зависел исход войны.

Думается, что именно этим объясняется то, что советское государство все в большей мере выделяло из общего числа религиозных объединений именно православные приходы, предоставляя им все большую степень свободы и разнообразия культовой и внекультовой деятельности.

Несмотря на осадное положение, в столице на Пасху 1942 г. распоряжением коменданта Москвы было разрешено беспрепятственное движение по городу на всю ночь. По данным Управления НКВД по Москве и Московской области, в действующих православных храмах на пасхальные богослужения собралось более 160 тыс. верующих. И как отмечалось в справке Управления, «верующее население и духовенство в связи с религиозным праздником Пасхи, а также полученным разрешением беспрепятственного хождения населения г. Москвы и районов Московской области в ночь с 4 на 5 апреля реагировало положительно»¹.

Православная церковь привлекается к участию в деятельности государственных и общественных организаций. 2 ноября 1942 г. митрополит Николай (Ярушевич) был приглашен в состав Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (всего 10 человек). Комиссии поручалось засвидетельствовать и учесть ущерб, причиненный оккупантами религиозным организациям страны, факты разрушения и осквернения культовых зданий, разграбления церковной утвари, издевательств, насилия и убийств духовенства и верующих. Уже в марте 1943 г. митрополит Николай в составе Комиссии выезжал в освобожденные районы Калининской и Смоленской областей. В написанных им докладах, статьях, сообщениях и публичных выступлениях передавалась страшная картина «разрушения и смерти», оставленная немецкими захватчиками на советской земле. Их и сегодня нельзя читать без боли и гнева².

---

¹ Москва военная. 1941–1945 гг. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 215–217.

² См., напр.: Журнал Московской патриархии. 1943. № 2. С. 24.

Церковь приняла активное участие в работе Всеславянского комитета борьбы с фашизмом, призванного способствовать сплочению славянских народов, переходу их на сторону антигитлеровской коалиции, объединению усилий общественных, в том числе религиозных, антифашистских сил в странах со славянским населением. В распоряжение Комитета предоставлялись материалы по темам «О свободе совести в СССР», «Бог благословляет народную справедливую войну против гитлеровских захватчиков», «Участие духовенства и верующих в помощи Красной Армии», «Немцы — злейшие враги христианства», авторами которых выступали митрополиты Алексей (Симанский), Николай (Ярушевич), архиепископы Лука (Войно-Ясенецкий), Фотий (Топиро) и др. Они печатались на страницах советских и зарубежных средств массовой информации, передавались по радио, распространялись в виде листовок на оккупированной территории и в странах антигитлеровской коалиции, в частях неприятеля, и в прифронтовой зоне.

По просьбе Комитета митрополит Московский Сергей в 1942–1943 гг. обращался с воззваниями к православным церквям Европы, к духовенству и верующим, к солдатам из Греции, Югославии, Чехословакии, Румынии, сражавшимся на Восточном фронте.

В мае 1943 г. митрополит Николай впервые появился в президиуме III Всеславянского митинга в Москве. В своей речи, которая позже была опубликована, он призвал к единению славян в борьбе с общим врагом. В день двухлетия начала войны в особом Послании «К братьям-славянам»¹ митрополит Николай писал: «Братья-славяне! Приблизился час великих событий на фронтах. Предстоят решающие бои. Пусть не будет ни одного среди нас, кто бы не содействовал всеми своими силами и возможностями победному разгрому нашего общего ненавистного врага и на полях брани, и в тылу, и мощными ударами народных мстителей-партизан. Будем все как один в предстоящих битвах! С нами Бог, дорогие братья!»

Постепенно стала традицией публикация в прессе приветствий от И. В. Сталина в ответ на обращения патриаршего местоблюстителя Сергея и других православных иерархов. 5 января 1943 г. в газете «Правда» была опубликована телеграмма митрополита Сергея к Сталину со словами: «Сердечно приветствую Вас от имени Православной церкви. Молитвенно желаю в Новом году Вам здоровья и успеха во всех Ваших начинаниях на благо вверенной Вам родной страны. Нашим особым посланием приглашаю духовенство, верующих жертвовать на постройку колонны танков имени Димитрия Донского. Для начала Патриархия вносит 100 тысяч

---

¹ Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 65–67.

рублей, Елоховский кафедральный собор в Москве — 300 тысяч, настоятель собора Колчицкий Николай Федорович — 100 тысяч. Просим в Госбанке открыть специальный счет. Да завершится победой над темными силами фашизма общенародный подвиг, Вами возглавляемый»¹.

Разрешение было дано, о чем сообщалось в центральной прессе, и православные приходы начали перечислять средства в патриотические фонды. В последующем информация о патриотических взносах стала регулярно поступать в Московскую патриархию. К примеру, протоиерей Покровской церкви г. Астрахани П. Нечаев сообщал в рапорте на имя митрополита Сергия: «Я как настоятель Покровской церкви внес на постройку танковой колонны им. Димитрия Донского 100 000 рублей. Общиной верующих внесено 400 000. Сбор средств продолжается». Протоиерей Костенич из г. Курска писал: «Пастыри и верующие г. Курска охотно отозвались своим всемерным участием к этому призыву и сразу же только по городу от духовенства и верующих было собрано и внесено в банк 125 000». Настоятель церкви в станице Нижне-Чирская Сталинградской области Г. Попов писал: «Движимые Вашим примером, о котором узнали из газет, духовенство собрало добровольных пожертвований на строительство танков им. Димитрия Донского более 50 тысяч рублей и сдало эти деньги в Госбанк». Священники Успенской церкви г. Новосибирска сообщали о приветственной телеграмме И. В. Сталина с благодарностью «за собранные в церкви пожертвования в фонд обороны, на раненых бойцов и строительство боевых самолетов»². Митрополит Ленинградский Алексий сообщал в письме митрополиту Сергию, что в ленинградских церквях было собрано около пяти с половиной миллионов рублей на постройку танковой колонны³.

В телеграмме Главнокомандующему Красной Армии И. В. Сталину по случаю ее 25-летия патриарший местоблюститель сообщал о собранных за короткое время 6 млн рублей на постройку танковой колонны и о продолжении сбора необходимых средств⁴.

Изменения в церковной политике государства были заметны не только советским людям, о них сообщали в Рейх немецкие армейские и разведывательные органы:

---

¹ Русская Православная церковь и Великая Отечественная война. М., 1943. С. 94.

² См.: Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны... С. 274–276, 288–289.

³ См.: Одинцов М. И. Крестный путь патриарха Сергия: документы, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 73.

⁴ Русская Православная церковь и Великая Отечественная война. С. 94–95.

Штаб полиции безопасности и СД (8 мая 1942) — «В последние месяцы советское правительство все больше ограничивало мероприятия, враждебные церкви. Недавно даже было объявлено о свободе церкви. Все сохранившиеся храмы были открыты, их посещает много народа. Регулярно проводятся богослужения, в которых звучат молитвы о свободе русской земли»¹.

Верховное командование армии (ноябрь 1942) — «Хорошо осознавая большое значение для русской массы церковного руководства в Москве, красная сторона теперь уже оказывает ему полное покровительство и использует для большевистских целей. Германское же руководство, напротив, очень сдержанно допускает существование Русской церкви на занятых территориях».

Штаб полиции безопасности и СД (май 1943) — «Советская пропаганда сумела ловко использовать религиозные чувства населения в своих целях. Церкви и массы все в большей степени получают поощрения. Как стало известно из Москвы, наплыв жителей в церкви в пасхальные дни был значительным. Этот факт пропагандистски весьма сильно используется и находит распространение прежде всего у союзников»².

Таким образом, патриотическая позиция духовенства и верующих Русской православной церкви и других религиозных организаций вступала в противоречие со стереотипами тех социально-политических воззрений, которые насаждались официальной пропагандой в общественном сознании накануне войны. Верующие ожидали, надеялись, наконец, требовали, чтобы государство сделало еще более решительные шаги навстречу Русской православной церкви и другим религиозным объединениям.

В начале 1943 г. общая политическая обстановка в стране и положение на фронтах, широкая патриотическая деятельность религиозных организаций подталкивали руководство Советского Союза к более решительным шагам по дальнейшей нормализации государственно-церковных отношений.

Кроме того, существовал и внешнеполитический фактор, проявивший себя уже в начальный период войны и влиявший на намерения и поступки советского государства в отношении религии и церкви. Прежде всего он связан с процессом формирования антифашистской коалиции. Планы президента США Ф. Рузвельта объявить войну Германии широко обсуждались в американском обществе и имели поддержку. Однако они встречали и определенное противодействие. Как пример можно привести резолюцию американского Совета церк-

---

¹ Москва военная. 1941–1945 гг. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 211.

² Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 277.

вей Христа, в которой указывалось, что участие США в войне на стороне Советского Союза недопустимо, ибо Советский Союз — это безбожное государство, где не обеспечена религиозная свобода. Опросы общественного мнения показывали, что хотя большая часть американцев выражала надежду на победу СССР, но вместе с тем до половины из них выступали против оказания американской финансово-технической помощи советской стране.

Ф. Рузвельт в обращениях к руководству СССР призывал уделить внимание вопросу расширения религиозной свободы, сделать все, чтобы ею могли пользоваться самые широкие слои советского общества. Это, по его словам, позволило бы преодолеть отрицательное отношение Сената к выделению средств на помощь СССР. Рузвельт поручил посольству США в Советском Союзе собрать и представить материалы, показывающие реальное положение различных религиозных общин в СССР.

Корделл Хэлл, бывший в годы войны государственным секретарем США, пишет в воспоминаниях об этих днях: «Президент откровенно объяснил Уманскому (советский посол в США) значительные трудности получения от Конгресса необходимых ленд-лизских ассигнаций для России из-за недоброжелательного отношения к России со стороны некоторых группировок США, пользующихся значительным политическим влиянием в Конгрессе. Указав, что в России имеются церкви и что Конституция СССР 1936 г. разрешает религию, президент сказал, что если бы Москва организовала информационную кампанию в США о свободе религии в СССР, это могло бы дать хороший просветительский эффект. Он предложил далее, чтобы такая кампания началась до обсуждения законопроекта об ассигнованиях по ленд-лизу в Конгрессе и до прибытия американской миссии во главе с А. Гарриманом в Москву для обсуждения советских военных потребностей. Уманский сказал, что он займется этим вопросом»¹.

Прибывший в Москву в конце сентября 1941 г. А. Гарриман в беседах со Сталиным и Молотовым подтверждал заинтересованность США в либерализации религиозной политики в Советском Союзе. Его собеседники воспринимали это с пониманием. Советским послам в странах формирующейся антигитлеровской коалиции было предписано донести до общественного мнения этих стран, что в СССР религиозные свободы будут в значительной степени восстановлены.

Публикации последних лет дают основание предполагать, что именно в это время советское правительство вступило в определенные

---

¹ Цит. по: Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990. С. 348.

контакты с Русской церковью по вопросу делегирования в Америку представителя Русской церкви для информирования американской общественности о позиции Церкви в войне и для расширения ее контактов с американской общественностью. По просьбе власти митрополит Сергей представил справку об Американской епархии Русской православной церкви. Митрополит убеждал власть, что сохранение епархии имеет не только церковное значение, но и общественное звучание в условиях войны, послужит «рассеянию разных недоразумений касательно и общей советской политики, и действий Московской патриархии»¹.

Митрополит считал необходимым направить в Америку в качестве заместителя экзарха митрополита Вениамина (Федченкова) одного из представителей Московской патриархии. Можно предполагать, что под этой кандидатурой подразумевался митрополит Николай (Ярушевич). Однако по не проясненным пока причинам со стороны США в визе было отказано.

Корреспонденты американских изданий неоднократно встречались с представителями религиозных организаций в СССР, публикуя информацию о религиозной жизни в стране. В конце декабря 1941 г. корреспондент агентства «Ассошиайтед пресс» взял интервью у архиепископа Саратовского Андрея (Комарова). Корреспондента интересовали вопросы: чем и как Церковь помогает государству в войне; каковы взаимоотношения Церкви с государством; существуют ли ограничения на деятельность Церкви и открыты ли новые возможности для церковной деятельности?²

К вопросу о религиозных свободах в России американский президент вновь обратился в последних числах декабря 1941 г., когда работал над проектом «Декларации 26 государств», которая должна была стать формальным завершением образования антигитлеровской коалиции. Рузвельт в разговоре с новым послом СССР в США М. М. Литвиновым предлагал и настаивал, чтобы в декларацию включено было словосочетание «свобода религии». Советская сторона согласилась с этим, и в окончательный текст «Декларации Объединенных наций», опубликованной в газете «Известия» 3 января 1942 г., была включена фраза: «Будучи убеждены, что полная победа над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости и **религиозной свободы** (выделено авт. в документе)».

---

¹ См.: Одинцов М. И. Неизвестный документ митрополита Сергея (Страгородского). Историческая справка об Американской епархии Русской православной церкви // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 152–157.

² Правда о религии в России. М., 1942. С. 120–122.

Еще одним элементом «информационной кампании» СССР стало издание литературы о религиозной жизни в стране. В начале марта 1942 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия в докладной записке на имя Сталина предлагал для «разоблачения клеветнических измышлений германских средств массовой информации о положении Православной церкви в СССР» издать «силами работников Московской патриархии книгу-альбом с материалами, изобличающими немцев в варварском отношении к Православной церкви и духовенству. Книгу-альбом предназначить для распространения в церковных кругах за границей, на территории, временно оккупированной немцами, а также и среди верующих в СССР»¹.

Сталин дал согласие, и в кратчайшие сроки книга была выпущена большим тиражом на нескольких иностранных языках. Она распространялась в европейских странах и в США, сыграв существенную роль в изменении отношения населения этих стран к внутренней политике Советского Союза.

В канун первой годовщины нападения фашистской Германии на Советский Союз, 20–21 июня 1942 г., 15 тыс. религиозных общин США устроили особые моления за русских христиан, чтобы поддержать их в справедливой борьбе с агрессором и чтобы поддержать ширящееся в Америке движение в поддержку народов Советского Союза.

По данным опроса Гэллага в Англии, например, уже в июле 1942 г. 62 % опрошенных считали, что Россия более популярна, чем США, а в 1943 г. «Святая Русь» стала в стране темой года². Симпатии усилились после впечатляющих побед Красной Армии под Сталинградом зимой 1942–1943 гг. В годы войны авторитет СССР, несшего основную тяжесть в мировой войне, неизмеримо вырос во всех странах мира. Сочувствие к сражающемуся народу изменило в глазах мировой общественности и образ советского государства в целом.

В июне 1943 г. постановление Государственного комитета обороны «Об утверждении мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР» впервые отнесло религиозные организации за рубежом к категории интересов советской внешней разведки. Понятно, что это надо было делать в преддверии освобождения советской территории и развития внешнеполитических связей с союзниками и другими странами.

---

¹ Цит. по: Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3. Тверь, 1999. С. 25–26.

² См.: Чумаченко Т. А. Внешнеполитическая деятельность Московской патриархии 1943–1946 гг. / Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 2. М., 2004. С. 574.

Сочетание внутренних и внешних факторов, сложившееся к лету 1943 г., предопределило шаги правительства в дальнейшем развитии государственно-церковных отношений.

Властям необходимо было определить, в отношении какой из религиозных организаций будет сделан первый шаг в установлении публичных официальных отношений. Собственно, речь могла идти только о русском православии, но либо о сергиевской («тихоновской») церкви, либо об Обновленческой церкви. Сталин подошел к выбору с прагматической позиции.

Обновленческая церковь, возглавляемая митрополитом Александром (Введенским), не пользовалась широкой поддержкой верующих. Да и за рубежом среди автокефальных православных церквей обновленцы не были признаваемы, воспринимались как «раскольники» и «узурпаторы власти церковной». В противоположность им «тихоновская» церковь имела широкую поддержку среди верующих. Зарубежные православные церкви именно ее рассматривали как наследницу тысячелетнего русского православия и желали восстановления с ней отношений. Принимался во внимание и тот факт, что на оккупированных территориях немцы закрывали обновленческие храмы, обвиняя его духовенство в политической поддержке советских властей. И одновременно не препятствовали открытию «тихоновских» храмов и монастырей, полагая, что священники и рядовые верующие этой церкви, испытывая резкую антипатию к большевикам, положительно воспримут оккупационный режим.

Таким образом, политическая и религиозная ситуация в стране и за рубежом диктовала Сталину выбор в пользу «тихоновской» церкви.

Среди тех, кого Сталин допустил к обсуждению вопроса о взаимоотношениях государства и церкви, были В. М. Молотов, заместитель Председателя Совнаркома СССР; Г. М. Маленков, начальник управления кадров ЦК ВКП(б); Л. П. Берия, нарком внутренних дел; В. Н. Меркулов, нарком госбезопасности. В тот же период решалось, какому органу поручить проведение новой религиозной политики. Первоначально решено было оставить это право за только что воссозданным (апрель 1943) Наркоматом государственной безопасности СССР (НКГБ). Этот наркомат еще в самом начале войны проводил специальные операции среди церковных организаций. Например, уже 22 июня 1941 г. в плане агентурно-оперативных мероприятий значилась задача ареста «сектантов-антивоенников и разного антисоветского элемента, интернирование всех германских подданных». Нет сомнений, что среди арестованных по этому плану были представители самых различных религиозных организаций. Наркомат также входил с представлениями о целесообразности распространения листовок, обращений, посланий, обращений различных религиозных организаций к верующим в СССР и за его пределами.

Но очень скоро стало ясно, что ему эта деятельность явно не удается (сказывались традиции 30-х гг.). К примеру, именно по требованию наркомата в мае 1943 г. запрещена была такая форма патриотического служения Русской церкви, как непосредственное шефство епархий над конкретными военными госпиталями, снабжение их продуктами питания, другими необходимыми предметами, проведение концертов и посещение раненых бойцов представителями приходов и духовенством. Все это было расценено как недопустимые попытки «со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными под видом шефства»¹.

К тому же среди религиозных организаций НКГБ воспринимался как «наследник» ВЧК–ГПУ–ОГПУ, оставивших столь трагичный след в истории религиозных организаций. Для внешнеполитического имиджа СССР тоже было лучше вывести (если не вовсе, то хотя бы внешне) религиозные организации из-под контроля спецслужб.

В конце концов было решено для связи правительства с Русской православной церковью создать новый специальный орган. Тогда же родилась идея встречи Сталина с иерархами Русской православной церкви. К ней начали интенсивно готовиться. Органами госбезопасности были собраны обстоятельные материалы о состоянии церкви, сведения о ее здравствующих иерархах, патриотической деятельности духовенства и т. д. С ними тщательно ознакомился Сталин, которого интересовали не только социально-политические взгляды церковных лидеров, но и подробности их личных судеб, быта и жизни в годы войны. Приведем краткую выдержку из биографической справки на митрополита Сергия, подготовленную для Сталина в недрах спецорганов: «Как крупный церковный деятель широко известен в СССР и за границей. Владеет несколькими иностранными языками (японским, финским, английским, греческим, древнееврейским). Вступив на пост патриаршего местоблюстителя, мало чем отличаясь от предшественников в своих антисоветских взглядах, он, однако, резко отошел от политики демонстративной и открытой борьбы с Советской властью, провозгласив новую церковную политику на основе т. н. лояльного отношения к Советской власти. В этом сказалась некоторая прогрессивность митрополита Сергия. Осуществляя этот принцип, он вместе с тем стремится возродить церковь в прежних ее масштабах. С начала войны сам занял патриотическую позицию, организовал патриотическую деятельность во всей церкви и этой деятельностью руководит в настоящее время»².

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 13.

² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 109. Л. 1–2. Опубликовано: Одинцов М. И. И. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1992. № 3. С. 145.

В канун планируемой встречи нарком госбезопасности В. Н. Меркулов активно ставил вопрос о возвращении в Москву из эвакуации руководителей религиозных центров, находившихся в тот момент в Ульяновске. В обращениях в ЦК ВКП(б) нарком, с одной стороны, отмечал «недовольство» митрополита Сергея длительным пребыванием вдали от Москвы, его «опасение» быть отстраненным от руководства церковью. С другой — необходимость перемещения церковных центров в Москву связывал с предполагаемым приездом в СССР делегации Англиканской церкви и необходимостью активизации патриотической работы через церковные структуры на оккупированных территориях, где были открыты многие культовые здания¹.

Летом–осенью 1943 г. общая политическая обстановка в стране и положение на фронтах, широкая патриотическая деятельность религиозных организаций, а также причины внешние: стремление сузить возможности немецкой пропаганды по использованию религиозных проблем, желание снять в общественных кругах стран-союзниц предубеждение в отношении церковного курса советского правительства и, наконец, намерение сплотить все антифашистские силы, включая и религиозные организации, — предопределили шаги Сталина по дальнейшей нормализации государственно-церковных отношений.

Судя по всему, предстоящая встреча и должна была стать первым шагом к налаживанию постоянных взаимоотношений между Русской православной церковью и советским государством.

---

¹ Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 78–79.

Глава III

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ СЕРГИЙ: ЦЕРКОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ, ОБРЕТЕНИЕ ДУХОВНОЙ СВОБОДЫ. 1943–1944 гг.

3.1. 4 сентября 1943 г.: встреча И. В. Сталина и иерархов Русской православной церкви

Параллельно с проработкой вопроса о возможных новых формах взаимоотношений с религиозными организациями в СССР шли поиски того, кто мог быть назначен на пост вновь создаваемого государственного органа по связям с Московской патриархией. Пока мы не имеем документальных свидетельств, как осуществлялся этот выбор, но в самом начале августа 1943 г. он был сделан в пользу мало кому тогда известного полковника госбезопасности Г. Г. Карпова. Очевидно, что выбор во многом был предопределен его биографией. Начиная с 20-х гг. Карпов работал в тех структурных подразделениях ВЧК–ОГПУ–НКВД, которые имели непосредственное отношение к деятельности религиозных организаций на территории северо-запада России. В 1938 г. за «выполнение важнейших заданий правительства» он был награжден орденом Красной Звезды, а в 1940 г. в порядке повышения по службе переводится в Москву, в Главное управление государственной безопасности НКВД СССР. В феврале 1941 г. ему было присвоено звание майора госбезопасности, а в феврале 1943 г. — полковника. В начале сентября 1943 г., в канун встречи Сталина с иерархами Православной церкви, он возглавлял 4-й отдел III Секретно-политического управления НКГБ СССР. По воспоминаниям родственников Карпова, с которыми автору приходилось встречаться, назначение на пост руководителя нового государственного органа для него было неожиданностью, поскольку летом 1943 г. он уже был направлен на службу в штаб партизанских отрядов на Украине.

Днем 4 сентября 1943 г. на своей ближней московской даче в Кунцево И. В. Сталин провел короткое совещание, на которое были приглашены Г. М. Маленков и Л. П. Берия. Можно предполагать, что

Сталин в их присутствии хотел устроить официальные «смотрины» кандидату на пост руководителя нового ведомства. О событиях этого судьбоносного дня и лично для Карпова, и для Русской церкви, и для всей системы государственно-церковных отношений Карпов оставил подробную записку. В течение многих десятилетий она находилась в секретных архивах, и содержащаяся в ней информация стала доступной для исследователей лишь в конце 1980-х гг.¹, а полностью записка была опубликована в 1992 г.²

После того как Карпов был представлен Сталину, между ними состоялся краткий разговор. Сталина интересовали характеристика митрополитов Сергия, Николая, Алексия, обстоятельства их жизни в условиях войны, авторитет в церковных кругах, количественные данные о Русской церкви в СССР.

Заданы были и вопросы, выдававшие намерение Сталина использовать предполагавшийся шаг навстречу Церкви во внешнеполитических акциях государства. Он спросил о зарубежных связях Русской церкви, в частности с Восточными автокефальными православными церквями.

Связи эти в годы войны постепенно восстанавливались. Традиционными стали обмены приветственными телеграммами по случаю религиозных праздников. Восточные патриархи выражали свое сочувствие и поддержку Русской церкви. Папа Александрийский Христофор писал в январе 1942 г. митрополиту Сергию: «Православная апостольская церковь Александрийская гордится продолжающимися блестящими победами русских армий, ведущими к полному разгрому могущества сил ада. Сердечно поздравляем Вас и православную церковь Русскую и благословляем ее подвиги, которые будут способствовать триумфу союзников и обеспечат миру мир»³.

В ответной телеграмме митрополит Николай писал: «По поручению митрополита Сергия, сегодня после литургии в переполненном кафедральном соборе Москвы была оглашена телеграмма Вашего Блаженства. С одушевлением пропето Вам многолетие. Русская православная церковь горячо молится о даровании победы над фашиз-

---

¹ См.: Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий... С. 29–71; его же: Другого раза не было (о встрече И. В. Сталина с руководством Русской православной церкви) // Наука и религия. 1990. № 2. С. 8–9; его же: О встрече И. В. Сталина с руководством Русской православной церкви 4 сентября 1943 г. / Атеистические чтения. М., 1999. № 19. С. 52–55.

² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10. Опубликовано: Одинцов М. И. И. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1992. № 3. С. 146–153.

³ Правда о религии в России. М., 1942. С. 268.

мом — извергом рода человеческого и верует в скорую победу. Ваши молитвы, совпадающие с нашими, и одинаковая с нами Ваша оценка общего врага как исчадия ада глубоко радует и трогает верующий русский народ. Желаем Вашему Блаженству многих лет здоровья, а славной Александрийской церкви — процветания»¹.

Интересовало Сталина положение в православных церквях в Румынии, Югославии, Болгарии. Нет сомнения, что интерес объяснялся приближающейся встречей руководителей стран антигитлеровской коалиции в Тегеране. Сталин был проинформирован, что там союзники вновь обратятся к проблемам религиозной свободы в СССР, и ему хотелось иметь свои «козыри» на этой встрече.

Глава правительства хотел знать мнение собеседника о том, какой орган необходимо создать для поддержания постоянных связей между государством и Русской церковью. Карпов выдвинул предложение об образовании при Верховном Совете СССР отдела по делам культов, т. е. вернуться к той схеме проведения религиозной политики, что существовала до 1938 г. и была упразднена вместе с ликвидацией Постоянной комиссии по делам культов при Президиуме ЦИК СССР. По мнению же Сталина, это в условиях военного времени было невозможно. Он предложил создать при правительстве Союза ССР специальный орган для связи с Русской православной церковью — Совет по делам Русской православной церкви. Его задача — осуществлять связь между правительством Союза ССР и главой Церкви. Совет не должен был принимать самостоятельных решений, а лишь докладывал те или иные вопросы правительству для получения по ним указаний.

Здесь же Сталин поинтересовался мнением присутствующих относительно своего намерения принять в ближайшее время митрополитов Сергия, Алексия и Николая. Все выразили согласие, и тотчас Карпов из кабинета Сталина позвонил митрополиту Сергию домой и сообщил о желании руководителя советского государства встретиться с иерархами Церкви «сегодня или в любой ближайший день». Нет сомнения, что накануне встречи со Сталиным Карпов или его сотрудники уже встречались с митрополитами и обговорили с ними линию их поведения. Вот почему в кабинете Сергия, куда звонил Карпов, оказались и митрополит Алексий, и митрополит Николай. Да и практически не задумываясь был дан ответ о желании встретиться со Сталиным в этот же день.

Поздним вечером 4 сентября митрополиты прибыли в Кремль, где были приняты Сталиным в его рабочем кабинете. На встрече также присутствовали В. М. Молотов и Г. Г. Карпов.

---

¹ Цит. по: Одинцов М. И. Власть и церковь. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005. С. 78.

В начале беседы Сталин сказал о том, что ему известно о проводимой Церковью патриотической деятельности, что советские люди (верующие и неверующие) в письмах, поступающих в правительство с фронта и из тыла, одобряют позицию Церкви и что он сам, и правительство дают этой деятельности положительную оценку. После этого вступления Сталин предложил иерархам высказаться.

Митрополиты прежде всего просили разрешения на проведение Архиерейского собора для избрания патриарха. Сталин не возражал, только уточнил, какой титул будет носить патриарх, как быстро может быть созван Архиерейский собор и нужна ли какая помощь со стороны государства. Отвечая, Сергей отметил, что все эти вопросы уже были предметом предварительного обсуждения между митрополитами. Думается, что эти слова Сергея свидетельствуют, что встреча не была спонтанным шагом, а имела глубокую предварительную проработку. После обсуждения присутствующие сошлись на том, что Собор будет собран 8 сентября.

Вторым вопросом со стороны иерархов стала проблема открытия духовных учебных заведений. Они говорили о желании открыть богословские курсы при некоторых епархиях. Сталин не возражал и даже, более того, предлагал подумать об открытии академии и семинарий. Но иерархи настояли, что начинать возрождение духовного образования следует с курсов.

Оживленно обсуждался и вопрос об открытии новых православных церквей. Иерархи указывали на то, что имеющееся незначительное число храмов было распределено по областям СССР неравномерно, что об открытии храмов просят верующие и епархиальные архиереи всех епархий, что в течение многих лет церкви не открывались, тогда как потребность в них огромна, что открывать церкви надо в первую очередь там, где их нет вовсе или очень мало. К удивлению иерархов, Сталин не спорил, а только произнес фразу: «По этому вопросу никаких препятствий со стороны правительства не будет».

В ходе беседы были удовлетворены и другие просьбы Церкви: об издании ежемесячного журнала, об организации свечных заводов и других производств, о предоставлении духовенству права быть избранным в состав исполнительных органов (церковные советы) религиозных обществ и наведении порядка в деле налогообложения священнослужителей, о предоставлении религиозным обществам большей свободы в распоряжении своими денежными средствами, в том числе в части увеличении отчислений религиозным центрам; о выделении транспорта для патриархии.

Встретила понимание и поддержку просьба митрополита Сергея о выделении помещения для патриарха и патриархии, причем он конкретно указал на бывший игуменский корпус в Новодевичьем монастыре, сославшись на мнение митрополита Алексия. Это

опять же дает основание предполагать, что и этот вопрос уже был предметом предварительного обсуждения и что эти помещения наверняка были осмотрены обеими сторонами, но каждая из них сделала свои выводы.

Сталин, ссылаясь на неблагоустроенность игуменского корпуса и необходимость его ремонта, предложил другой вариант — а именно отвести патриархии особняк в Чистом пер., д. 5, в котором до войны располагался немецкий посол Ф.-В. Шуленбург. Упреждая вопросы, Сталин подчеркнул, что здание «советское» и не являлось когда-либо собственностью посольства. При этом Патриархии передавалось и все имущество, которое находилось на тот момент в особняке.

В ходе беседы всплыли и «неудобные» вопросы: о судьбе иерархов, в разные годы осужденных и находившихся в тот момент в ссылке, лагерях, тюрьмах; о снятии ограничений в прописке и выборе мест проживания для священнослужителей, отбывших определенные судом сроки заключения. Сталин обещал разобраться в каждом отдельном случае и поручил Карпову лично заняться этим.

Когда со стороны приглашенных просьбы и пожелания были исчерпаны, Сталин сообщил, что для связи правительства с Церковью образуется специальный государственный орган — Совет по делам Русской православной церкви (далее — Совет), а его председателем назначается Г. Г. Карпов. Обращаясь к нему, Сталин произнес: «Подберите себе двух-трех помощников, которые будут членами вашего Совета, образуйте аппарат. Но только помните, во-первых, что Вы не обер-прокурор, а во-вторых, своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность церкви».

Относительно этих пожеланий можно сказать: это тот случай, когда говорят одно, а подразумевают другое. С созданием Совета как раз и возрождался институт обер-прокурорства, когда ни один мало-мальски важный вопрос в жизни Церкви не мог быть решен без предварительного обсуждения в Совете и без его санкции. Хотя заметим, что и вновь образуемый правительственный орган не обладал абсолютной самостоятельностью, а целиком зависел от «патрона».

В самом конце беседы Молотов задал вопрос о возможной дате приема руководством Русской церкви делегации Англиканской церкви, желающей нанести визит в Москву. Сама идея этого визита возникла еще в марте 1943 г. при встрече митрополита Николая (Ярушевича) с советником посольства Великобритании в СССР Баггалеом. Ее активно поддержал и проводил в жизнь посол Великобритании в СССР А. Керр. Советские власти время осуществления визита делегации Англиканской церкви увязывали с внешнеполитическими обстоятельствами, в частности, с проведением в ноябре–декабре 1943 г. Тегеранской конференции, где должен был обсуждаться вопрос об открытии Второго фронта, и мнение Англиканской церкви

о религиозной свободе в России создавало благоприятный фон переговоров. Условились, что приезд делегации Англиканской церкви может состояться в любое время после проведения Архиерейского собора и избрания патриарха.

Во втором часу ночи после сердечного прощания с хозяином кремлевского кабинета митрополиты возвращались в Елохово, где в одном из переулков проживал Сергей и располагалась Московская патриархия. Поздний час и усталость давали себя знать, но все были взволнованы, радостны и полны радужных ожиданий.

После непродолжительного отдыха ранним утром 5 сентября митрополит Сергей прибыл в Богоявленский кафедральный собор. Впервые после почти двухлетнего отсутствия москвичи хлебом-солью встретили владыку. Несмотря на ранний час храм был переполнен. Неясные слухи и предположения о состоявшейся ночной встрече уже носились в воздухе, все ожидали разъяснений от Сергея. По окончании торжественной службы Сергей сообщил верующим о состоявшейся беседе со Сталиным; о том, что на 8 сентября созывается Архиерейский собор и что отныне Московская патриархия будет располагаться в Чистом переулке, где уже начались работы по приспособлению бывшей резиденции германского посла для нужд Патриархии.

В этот же день на страницах газеты «Известия» была помещена небольшая заметка под названием «Прием товарищем И. В. Сталиным митрополита Сергея, митрополита Алексия и митрополита Николая». В заметке указывалось, что «во время беседы митрополит Сергей довел до сведения председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Русской православной церкви имеется намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания патриарха Московского и всея Руси и образования при патриархе Священного синода. Глава правительства товарищ И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны правительства не будет к этому препятствий»¹.

Так страна, да и весь мир узнали о встрече, коренным образом повлиявшей на судьбы Русской церкви и ее взаимоотношения с советским государством.

Митрополит Сергей и сопровождавшие его в поездке в Кремль митрополиты Алексей и Николай написали в этот же день «Дорогому Иосифу Виссарионовичу» письмо с «благодарностью» за «исторический день свидания» и подчеркнули, что «Русская церковь никогда не забудет того, что признанный всем миром Вождь — не только

---

¹ Известия. 5 сентября 1943 г.

Сталинской Конституцией, но и личным участием в судьбах Церкви поднял дух всех церковных людей к еще более усиленной работе на благо дорогого Отечества»¹.

Очевидно, что события прошедшей ночи и шаги, которые необходимо было предпринять для возрождения Церкви, вновь и вновь обсуждались и между иерархами, и совместно с другими церковнослужителями. Понятно, что наиболее сложным было наметить ту линию практических взаимоотношений с государством, которая позволяла бы реализовывать состоявшиеся договоренности и вместе с тем сохранить внутреннюю свободу Церкви.

3.2. Начало церковного возрождения

Архиерейский собор. 8 сентября 1943 г.

Сразу после встречи церковных деятелей с И. В. Сталиным началось практическое претворение в жизнь достигнутых договоренностей.

8 сентября в 11 утра пением тропаря Владимирской иконе Божией матери «Днесь светло красуется славнейший град Москва» открылись заседания Архиерейского собора Русской православной церкви. В новое здание Московской патриархии съехались девятнадцать иерархов: три митрополита, одиннадцать архиепископов и пять епископов, некоторые из которых оказались в Москве накануне, будучи возвращены из ссылки и заключения. В повестке Собора значилось семь вопросов, касавшихся устройства церковной жизни в стране, но все понимали, что главным будет вопрос об избрании патриарха.

Открыл Собор патриарший местоблюститель митрополит Сергей. Он кратко проинформировал собравшихся о формах патриотической деятельности Церкви за годы войны. В частности, напомнил о выпущенных им 23 посланиях и ряде посланий епархиальных архиереев; о сборах средств и других пожертвований на оборону, производившихся в приходах на патриотические цели, — содержание раненых, призрение детей, постройку танковой колонны имени Димитрия Донского. Отдельно прозвучала информация о встрече со Сталиным и достигнутых в ходе нее договоренностях. Думается, что ключевой при определении причин, объяснявших патриотическую позицию Церкви, в выступлении митрополита стала фраза: «О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться, потому что, прежде чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось — фашисты напали на нашу страну, ее опустошали, уводили в плен наших сооте-

---

¹ Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 77.

чественников, всячески их там мучили, грабили и т. д. Так что даже простое приличие не позволило бы нам занять какую-нибудь другую позицию, кроме той, какую мы заняли, то есть, безусловно, отрицательную ко всему, что носит на себе печать фашизма, печать враждебности к нашей стране»¹.

Затем перед иерархами с докладом «Долг христианина пред Церковью и Родиной в эпоху Отечественной войны» выступил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский). Все содержание доклада было посвящено ответу на вопрос, который перед собой сам же и поставил Алексей: «Где же и как выковывается победа?» Его ответ заключался в том, что для победы нужны не только «усовершенствованные орудия борьбы: воздушные истребители и бомбардировщики, бронепоезда и танки, пулеметы, артиллерия», но и «нравственные условия победы», дающие воодушевление воинству и народу, помогающие переносить лишения и жертвы и зовущие к Победе. А это — твердая вера в Бога, религиозный подъем духа, сознание правды ведомой войны, сознание долга пред Богом и Родиной².

По окончании доклада митрополит обратился к главной теме, ради которой, собственно, и собрались иерархи — об избрании патриарха. «Я думаю, — говорил Алексей, — что этот вопрос бесконечно облегчается для нас тем, что у нас имеется уже носитель патриарших полномочий, поэтому я полагаю, что избрание со всеми подробностями, которые обычно сопровождают его, для нас является как будто бы и ненужным. Я считаю, что никто из нас, епископов, не мыслит себе другого кандидата, кроме того, который положил столько трудов для Церкви в звании патриаршего местоблюстителя»³.

Обращение митрополита Алексея было встречено с восторгом, раздались возгласы: «Просим, просим! Аксиос! Аксиос! Аксиос!» Митрополит Сергей, привстав из-за стола, спросил: «Может быть, есть какое-то другое мнение?» В ответ раздалось: «У нас полное единение, епископат единодушен в своем мнении». И в подтверждение все встали и трижды пропели: «Аксиос! — Достоин!» Так произошло то, что еще недавно казалось несбыточной мечтой.

При патриархе был избран Священный синод в составе трех постоянных и трех временных членов. Постоянными членами стали — митрополиты Алексей и Николай, архиепископ Горьковский Сергей (Гришин). Временных членов предполагалось выбирать на полугодовые сессии от каждой из трех групп епархий: северо-восточной, центральной и южной, в порядке старшинства. Первыми, кто был при-

---

¹ Журнал Московской патриархии. 1943. № 1. С. 7–8.

² Там же. С. 9–10.

³ Там же. С. 17–18.

глашен, стали архиепископы Куйбышевский Алексей (Палицын), Красноярский Лука (Войно-Ясенецкий), Ярославский Иоанн (Соколов).

Одновременно Собор принял ряд важных церковно-общественных документов:

- Декларацию об осуждении изменников веры и Отечества из числа духовенства и верующих, запятнавших себя предательством и сотрудничеством с оккупантами;
- Обращение к Советскому правительству с выражением благодарности за внимание к «нуждам Русской православной церкви» и благословение на труды правительства СССР;
- Обращение ко всем христианам мира с призывом «дружно, братски, крепко и мощно объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом».

12 сентября, в день памяти святого Александра Невского, в Богоявленском Елоховском соборе состоялась интронизация новоизбранного патриарха. Встреченный всем Собором епископов и представителей московского духовенства, патриарх, приложившись ко кресту, поднесенному кафедральным протоиереем, взошел на кафедру посередине храма. Протоиерей Колчицкий огласил Деяние Собора об избрании митрополита Сергия и о присвоении ему звания Святейшего патриарха Московского и всея Руси. Митрополит Киевский Николай поднес патриарху куколь, тот возложил его на себя. Вслед за тем митрополит Ленинградский Алексей поднес Святейшему жезл.

Общее настроение и отношение к происшедшему выразил в своем слове архиепископ Саратовский Григорий (Чуков), который сумел соединить недавнюю церковную историю и день избрания нового патриарха. «Тяжелый крест выпал на долю митрополита Сергия, — говорил он, — скорбен был путь, которым пришлось идти ему — второму местоблюстителю, — и епископы не все признавали его, в народе враги Церкви старались возбудить против него злые слухи. Но он — глубоко убежденный православный канонист, твердо отмежевался от всякой нелояльной в отношении государства работы, на которую толкали его некоторые из его собратьев-епископов. Он помнил слова Христа: «Воздадите кесарево кесари и Божие Богу, и эти божественные слова легли в основу его деятельности как патриаршего местоблюстителя. Он занялся исключительно устройением Церкви и твердо держался строгой церковной жизни»¹.

В день интронизации Сергей обратился к пастве со своим первым патриаршим посланием. Извещая верующих о «восприятии патриаршего сана», Сергей призвал их «трудиться над очищением церковной

---

¹ Там же. № 2. С. 9.

ограды от всяких нестроений», устроить приходскую жизнь по церковным правилам, охранять православную веру, всемерно участвовать в общенародном подвиге противостояния захватчикам¹.

Казалось, в жизни Сергия после избрания его патриархом внешне ничего не изменилось. Но если в звании местоблюстителя он мог надеяться на то, что его человеческие слабости и ошибки будут исправлены законно избранным патриархом, то теперь, облеченный новыми правами и обязанностями, Сергей, не имея права на ошибку, должен был поступать по «правде Божией», чтобы вести людей к «вечному спасению». Легла на него и другая сложная и ответственная роль — предстательствовать перед государством за всю Церковь.

Избрание патриарха Московского воспринято было с одобрением не только в Советском Союзе миллионами верующих, но и большинством зарубежных автокефальных православных и иных христианских церквей. Поздравительные послания по случаю своего избрания Сергей получил от Константинопольского, Александрийского и Антиохийского патриархов. Эти свидетельства восстановления, пока заочно, связей с зарубежными религиозными центрами давали надежду, что в самом ближайшем будущем станут возможны и посещения Москвы главами и делегациями христианских церквей и поездки делегаций Русской церкви за рубеж.

Сталин мог сделать заключение о верности своего курса в религиозном вопросе и его воздействии на внешнеполитическую ситуацию в Европе по многочисленным откликам в зарубежных средствах массовой информации. На страницах газеты «Журнал де Женев» 13 сентября 1943 г. была опубликована статья — «Сталин и Русская церковь». В ней признавалось: «Отныне все православные сербы, болгары, румыны, часть поляков, греков и народов стран Прибалтики обращают свои взоры к митрополиту Сергию. В результате этого крупного маневра, восстанавливающего старый союз православной церкви с царской политикой, Сталин, может быть, сорвал все попытки создать тот самый “санитарный кордон”, который неотступно раздражает его. Таким образом, он подготавливает себе важный выход на юг и дает новое содержание традиционным намерениям России. Чувствуя, что военное счастье укрепляет его внутреннюю позицию, благоприятствует внешнеполитическим планам, советский режим может теперь позволить себе роскошь и допустить свободу вероисповедания»².

---

¹ Журнал Московской патриархии. 1943. № 2. С. 3–5.

² Цит. по: Волокитина Т. В. Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии (К проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е годы XX в.) / Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. М., 2003. С. 106.

Положительная оценка факту избрания патриарха была дана и в прессе союзников по антигитлеровской коалиции. Газета «Таймс» в передовице от 17 сентября 1943 г. писала: «Главное значение возрождения патриархии и Синода надо усматривать в национальной жизни внутри России. За последние 7–8 лет советские вожди критически пересмотрели идеи, которые были приняты в качестве догмы во время революции 1917 г., подкрепив и укрепив одни из них, изменив и отказавшись от других. Идея патриотизма и преданности родине освобождена от того пренебрежения, с каким к ней относились в первые годы большевизма, теперь она глубоко почитается. Восстановлена поруганная и осмеянная в свое время святость семьи и семейных уз... Частью этого общего процесса является новое признание религии как идеи, с которой должен считаться новый политический порядок, и при котором обоюдная лояльность вполне совместима. Избрание патриарха... можно понимать как признание русскими свободы вероисповедания»¹.

Избрание патриарха оказало воздействие и на религиозную политику немцев на оккупированной территории. Чтобы принизить значение факта обретения Русской православной церковью своего канонического главы, в октябре 1943 г. в Вене собралась конференция епископов Среднеевропейского митрополичьего округа (ранее Германская и Берлинская епархия) с участием епископов от Синода Зарубежной церкви. Председательствовал митрополит Серафим. Конференция объявила о своем непризнании решений Архиерейского собора в Москве, однозначно осудив новоизбранного патриарха Сергия (Страгородского) за сотрудничество с большевиками. А сам факт избрания признавался «не только неканоничным, но и нецерковным, а политическим, вызванным интересами советской партийной коммунистической власти». Одновременно в адрес немецких властей была направлена резолюция о «необходимых мерах для борьбы с безбожием». Ее 13 пунктов сводились к просьбам снять ограничения на деятельность духовенства Зарубежной церкви на оккупированной советской территории, отменить запрет на включение православных приходов на занятых территориях в состав Зарубежной церкви.

Одновременно осенью 1943 г. весьма осложнилось положение митрополита Сергия Воскресенского в Прибалтике. Оккупационные власти все более склонялись к мысли, что поддержка с их стороны Сергия не приносила ожидаемых политических выгод. Ему откровенно намекали, что вполне могут обойтись и без услуг с его сто-

---

¹ Цит. по: Якунин В. Н. Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001. С. 262.

роны. Имперская служба безопасности совместно с министерством оккупированных восточных областей настояла на проведении в ноябре 1943 г. совещания представителей православных церквей, действовавших на оккупированных территориях. От Сергея ожидали публичного осуждения Архиерейского собора в Москве, признания недействительным избрание патриарха, принятие заявления против гонений на религию в СССР и провозглашение анафемы советскому правительству.

Однако Сергей и архиереи экзархата не исполнили требуемого от них в полном объеме. Вновь была подтверждена каноническая связь с Русской церковью, хотя и сделано это было весьма витиевато: «каковая принадлежность сохраняет все свое значение, несмотря на то, что в настоящее время отсутствует возможность возносить имя ее предстоятеля просто потому, что остается до времени неизвестным, не подлежит ли недавно состоявшееся избрание патриарха каноническому оспариванию». Митрополит отнекивался от более осуждающих решений, ссылаясь на отсутствие материалов Собора, без которых нельзя принять решений. Более того, епископы-карловаки названы были схизматиками. Гестапо было недовольно поведением Сергея. Начался сбор материалов, ставящих под сомнение политическую лояльность митрополита Сергея¹.

Под давлением немецких оккупационных властей свое мнение о неканоничности избрания в Москве митрополита Сергея (Страгородского) патриархом Московским высказали и архиереи Белоруссии.

Однако зима 1943–1944 гг. свидетельствовала, что абсолютное большинство православных и иных христианских Церквей признали каноничность избрания митрополита Сергея главой Русской православной церкви и стремились к возобновлению связей с ним.

Восстановление внешних церковных связей

Первой за многие годы иностранной церковной делегацией, посетившей СССР, стала делегация Англиканской церкви в составе: архиепископ Йоркский д-р С. Ф. Гарбетт, священники Ф. Г. Хаус

---

¹ Имеющиеся документальные материалы дают основания предполагать, что решение о расправе с митрополитом было принято шефом Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннером. 28 апреля 1944 г. по дороге из Вильнюса в Ригу, недалеко от Каунаса, автомашина, в которой находились Сергей и его спутники, была обстреляна неизвестными лицами. Все находившиеся в ней были убиты. Власти не проводили должного расследования, и случившееся списано было на «неких советских террористов», одетых в форму немецкой армии.

и Г. М. Уаддамс¹. За те десять сентябрьских дней 1943 г., в течение которых делегация была в Советском Союзе, ее члены встречались с патриархом и иерархами Русской церкви, посещали московские церкви, участвовали в богослужениях в кафедральном соборе, выезжали в Ново-Иерусалимский монастырь в г. Истре и в с. Коломенском. Делегацию интересовали различные аспекты религиозной жизни в СССР, будь то наличие действующих церквей, восстановление разрушенных и открытие новых храмов, мобилизация духовенства в армию, возможность обучения религии в школах, наличие духовных учебных заведений и открытых монастырей, деятельность «Живой церкви».

При прощальной встрече с патриархом Сергием архиепископ Йоркский С. Ф. Гарбетт, выражая благодарность за гостеприимство, пригласил делегацию Русской церкви посетить Великобританию. Говоря о своих впечатлениях от Москвы, состоявшихся встречах и возрождающейся церковной жизни, он заявил: «По приезде в Англию меня будут осаждать корреспонденты, они будут спрашивать меня: “есть ли в России свобода отправления религиозного культа”, и я отвечаю, что, безусловно, да»².

Так и произошло, по возвращении архиепископ С. Ф. Гарбетт неоднократно выступал публично и на страницах печатных изданий, делился своими впечатлениями о церковной жизни в СССР. В одной из статей он писал: «Не может быть никакого сомнения в том, что церковная служба ничем не ограничена. Православные священнослужители говорили нам об этом со всей категоричностью. Сталин является мудрым государственным деятелем, который сознает, что Церковь больше не поддерживает старый режим, она лояльно принимает существующий строй, она душой и телом стала помогать общенародному делу, она возносит молитвы и трудится во имя победы, и сделала она это сразу, без малейших колебаний, в первый же день, как была объявлена война»³.

Внешнеполитический эффект от визита был огромным и, несомненно, он оказал воздействие на позицию союзников, готовившихся в эти дни к встрече в Тегеране для обсуждения злободневного вопроса об открытии Второго фронта⁴.

---

¹ См.: Пребывание делегации Англиканской церкви в Москве // ЖМП. 1943. № 2. С. 18–23; Одинцов М. И. Лондон—Москва: межцерковный диалог. Обмен делегациями Англиканской и Русской православной церквей. 1943–1945 г. // Исторический архив. 1995. № 1. С. 95–109.

² См.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 143.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 946. Л. 81–122.

⁴ Забегая вперед, отметим, что столь же успешным был и ответный визит делегации Русской церкви в Англию в мае 1945 г.

Избрание патриарха, став логической точкой в политике власти в выборе «основного партнера» из двух православных ветвей — «тихоновской» и «обновленческой», губительным образом отразилось на положении Обновленческой церкви. Все чаще духовенство и верующие сталкивались с проблемами при открытии храмов, регистрации священнослужителей по месту службы, издании религиозной литературы. Появились, пока единичные, случаи возвращения обновленческих храмов в патриаршую церковь. Некоторые из обновленческих иерархов вступили в негласные переговоры с иерархами патриаршей церкви об условиях возможного возвращения в патриаршую церковь.

Как выразился историк обновленчества, «на сентябрьском рубеже 1943 г. это слово («обновленчество». — М. О.) теряет смысл даже и для активнейших деятелей обновленчества, и они бегут из этого стана, как мыши с тонущего корабля¹. Свидетельство тому можно найти в переписке обновленческих иерархов. В частности, митрополит Василий (Кожин) сообщал еще в марте 1943 г. митрополиту Виталию (Введенскому): «Не могу не скрыть от Вас того обстоятельства, что издание Московской патриархией в 1942 г. книги “Правда о религии в России” и газетные сообщения о пожертвованиях тихоновских иерархов создали такое впечатление, как будто обновленчество сходит с исторической сцены и потому замечается определенное тяготение среди верующих и духовенства к “сергиевщине”»².

А в записке архиепископа Анатолия (Синицына) на имя обновленческого епископа Ташкентского Сергия (Ларина) говорилось: «У нас же в обновленчестве не чувствуется никакого руководства, утрачиваются последние приходы. В Московской области у староцерковников уже 109 приходов, а у нас не больше 9. Убийственное соотношение сил. Архиепископы и епископы у нас вместо назначения на кафедры получают настоятельские места или остаются не у дел. Обновленчество теряет свое лицо»³.

Добавим, что в середине 1943 г. в Обновленческой церкви насчитывалось всего 13 иерархов, и 10 состояли на покое. Тогда как еще пять лет назад, в 1938 г., обновленческий епископат насчитывал 60 человек.

Ряд иерархов Обновленческой церкви стремился найти пути спасения церковного корабля, для чего в Ташкенте, в резиденции

---

¹ См.: Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской церкви / «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 590.

² Цит. по: Там же. С. 585.

³ Там же. С. 591.

обновленческого епископа Ташкентского и Самаркандского Сергия (Ларина), в начале октября было созвано совещание. Намечено было в обход Александра Введенского избрать коллегиальный орган управления церковью, который должен бы войти в общение с патриаршей церковью о возможности воссоединения. Однако и среди собравшихся, и среди поступивших письменных отзывов преобладал пессимизм. Митрополит Ярославский и Костромской Корнилий (Попов) писал: «Лично я настроен относительно состояния Первоиерарха и обновления пессимистически, с назначением патриарха дела Первоиерарха в обновлении куда как не блестящи. Правда, конечно, то, что народная верующая масса, особенно здесь, около Москвы, тяготеет к патриарху: это слово «патриарх» для нашего народа какое-то очаровательное слово, вся святость в нем, думают они»¹. Признание этого иерарха особенно показательно, поскольку на протяжении длительного времени он был одним из давних и ярых сторонников обновленчества.

Вопрос о судьбе Обновленческой церкви стал одним из первых и в практической деятельности Совета по делам Русской православной церкви. Поступающая информация свидетельствовала, что в обновленческой среде преобладают настроения растерянности и безнадежности, нарастает ощущение близкого краха и, вместе с тем, ширится стремление возвратиться в патриаршую церковь. О судьбе обновленчества и условиях возможного приема обновленческого духовенства в патриаршую церковь Г. Г. Карпов интересовался во время одной из встреч у патриарха Сергия. Тот так сформулировал свое мнение: «а) женатых митрополитов и епископов, не лишая сана, отстранить от церковной деятельности, оставив за штатом; б) монашествующих (или вдовых) митрополитов и епископов принять в патриаршую церковь, не переводя митрополитов в архиепископы или епископы».

Обобщив поступившие в Совет материалы, Карпов в середине октября 1943 г. в докладной записке на имя Сталина, испрашивая его указаний, писал: «Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, исходя из того, что обновленческое течение сыграло свою положительную роль на известном этапе и последние годы не имеет уже того значения и базы, и принимая во внимание патриотические позиции сергиевской церкви, считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую сергиевскую церковь»².

---

¹ Цит. по: там же. С. 592.

² ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 8. Опубликовано: Одинцов М. И. «Русская православная церковь стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943–1946 гг. // Исторический архив. 1994 № 3. С.143–145.

Записка Сталину понравилась. Красный карандаш его начертал: «Правильно. Согласен с Вами». Такого же мнения придерживался и В. М. Молотов. 16 октября в адрес местных органов власти в республиках, краях и областях Советского Союза ушло следующее секретное указание: «Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркомом СССР сообщает для сведения, что в тех случаях, когда обновленческое духовенство по своему желанию переходит из обновленческой ориентации в патриаршую сергиевскую церковь, препятствовать не следует. Также не следует препятствовать переходу групп верующих или в целом приходов по желанию верующих из обновленческой в Сергиевскую церковь. Условия приема митрополитов, епископов и священников обновленческой ориентации устанавливает патриарх Сергей и на месте его епископат»¹.

Вопрос о возможности возвращения в лоно Православной церкви обновленческого епископата и духовенства обсуждался в Синоде уже в октябре–декабре 1943 г. По мнению патриарха Сергея, наступил тот момент, когда Церковь «выходит навстречу блудному сыну и содействует его обращению». Вместе с тем обновленческий епископат не мог рассчитывать на «автоматическое» прощение своих прегрешений перед Церковью. Патриарх в своей резолюции, наложенной на одну из многих записок обновленческого архиерея, жестко обозначил суть обновленчества, как «самочинного сборища», отколовшегося от Святой Церкви «и иной алтарь водрузило» (св. Апп. Прав. 31). «И не только водрузило алтарь для себя, но и всячески воевало против св. Церкви, стараясь отторгнуть за собой церковных овец. Это — грех, который не омывается, по учению святых отцов, даже мученической кровью». «Только через раскаяние, осознание этого греха и покаяние, — подчеркивал патриарх Сергей, — возможно просить «общения со Святой православной церковью»².

Тогда же разработаны были правила приема обновленцев. Согласно ним каждый из возвращающихся должен был покаяться перед духовником, указанным церковной властью, и отказаться от всех наград, полученных в расколе. Предусматривалось, что те клирики, которые «усмотрены будут содействующими для воссоединения других и постановление каноническими архиереями, могут быть приняты в сущем сане» и покаяние они должны будут принести до Пасхи 1944 г. Для некоторых из обновленческих деятелей предусматривались и «индивидуальные исключения». Единственным, кто не подпадал под все правила и исключения, был Александр Введенский.

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.- 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

² Журнал Московской патриархии. 1943. № 3. С. 7.

который не мог быть принят не только в сане епископа, но и священника, поскольку был трижды женат.

5 ноября 1943 г. в зале заседаний Священного синода в Москве был совершен чин приема в патриаршую церковь первого обновленческого архиерея — архиепископа Михаила (Постникова). Он публично принес покаяние за уклонение в обновленческий раскол. «Придя к сознанию всего совершенного мною, — читал он текст своего покаяния, — я глубоко сожалею, что находился с обновленческой корпорацией и искренно в этом раскаиваюсь. Ни на какие чины, полученные как награда, я не претендую, я только смиренно прошу принять меня в общение со святою православною церковью, причем заявляю, что всякое сношение с обновленчеством порываю»¹. Михаил был принят в сане епископа, как рукоположенный еще в 1922 г., до возникновения обновленческого раскола

Судьба обновленчества была постоянным предметом обсуждения во время встреч патриарха Сергия и Г. Г. Карпова. Встретившись 25 ноября 1943 г., Карпов спросил о наличии обращений в Патриархию обновленческих епископов и количестве принятых в патриаршую церковь. Сергий, как свидетельствует запись беседы, дал по этому вопросу развернутое пояснение, из которого следовало, как отметил Карпов, что «Сергий хорошо осведомлен о настроениях обновленческого духовенства и о предпринятых Введенским мерах»².

Через месяц путем покаяния последовали другие обновленческие архиереи: митрополит Корнилий (Попов), архиепископ Андрей (Румянцев), епископ Сергей (Ларин). Покаяния архиереев проходили, как правило, в зале заседания Синода. Всего его принесли 38 обновленческих архиереев. Покаяние рядового духовенства совершалось келейно — в алтаре храма. Епархии, особо «пораженные обновленчеством», принимались в состав патриаршей церкви специально назначаемыми Патриархией для этого епископами, которые принимали окончательное решение после их тщательной «ревизии». Спустя некоторое время по стране прокатилась волна ликвидации обновленческих общин, возвращения духовенства и верующих в патриаршую церковь.

Поздней осенью 1943 г. Александр Введенский возвращается в Москву из Ульяновска. Он вступил в управление Московской обновленческой епархией и каждое воскресенье служил в немногочисленных обновленческих храмах, проводя пышные богослужения, пользуясь патриаршими почестями, проповедуя, призывая духовенство

---

¹ Там же. С. 8.

² ГА РФ. Ф. Р.- 6991. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–10.

и паству укреплять церковь. По сложившейся традиции Введенский к годовщине Октябрьской революции направил поздравительную телеграмму в адрес И. В. Сталина. Ответная телеграмма была напечатана в центральных газетах, однако глава государства обращался к Введенскому со словами благодарности не как к церковному деятелю, а как к частному лицу. То был неблагоприятный симптом.

В декабре 1943 г. у Введенского родилась дочь. Он выхлопотал себе пропуск в Ульяновск, где до того времени находилась его семья, и уехал туда в надежде на скорое возвращение и активизацию усилий по спасению Обновленческой церкви.

Совет продолжал наблюдать за ситуацией, сложившейся в обновленческой среде. Карпов регулярно информировал Молотова о ходе распада обновленчества. При встрече в январе 1944 г. председатель Совета сообщил о переходе обновленческих приходов и иерархов в патриаршую церковь в Ленинградской, Московской, Тульской областях, в Краснодарском и Ставропольском краях, в Средней Азии. По его словам, обновленчество переживало глубокий кризис, но, вместе с тем, его интересовало, следует ли проводить «специальные мероприятия», прежде всего в Краснодарском и Ставропольском краях, оставшихся «оплотами обновленчества».

Думается, что одно из «специальных мероприятий» как раз и было связано с пребыванием А. Введенского в Ульяновске. При попытке вернуться в Москву уже на ульяновском железнодорожном вокзале при проверке документов произошла заминка: пропуск на въезд в Москву был признан недействительным, и Введенскому пришлось больше запланированного времени оставаться в Ульяновске. Каждый день он звонил в Москву и из разговоров с архиепископом Андреем (Расторгуевым) узнавал все новые и новые удручающие известия: московские храмы один за другим отходили от обновленчества и возвращались в патриаршую церковь. Не лучше обстояли дела и в провинции, Средней Азии, на Кубани и Северном Кавказе.

Когда вопрос о проезде в Москву был улажен и Введенский вернулся в Москву, его ожидали нерадостные известия: в Москве верными ему остались всего два епископа — митрополит Виталий (Введенский) и митрополит Северно-Уральский Филарет (Яценко). Фактически распались все обновленческие епархии, да и в самой Москве действовал только один обновленческий храм.

В феврале 1944 г. Введенский по собственной инициативе пришел в Совет на встречу с Карповым. Он вновь ставил вопрос о предоставлении ему одного из недействующих в Москве культовых зданий или возвращении Воскресенского храма в Сокольниках, о перемещении епископов и назначении новых епископов на обновленческие кафедры. Ответ Карпова был уже стандартным: здания передаются по просьбам верующих, а таковых от обновленческих общин не посту-

пало, а назначение епископов в регионы СССР, где нет действующих обновленческих общин, недопустимо¹.

Введенский пытается еще как-то реанимировать церковь. Ведет работу с остающимися ему верными иерархами и духовенством, заклиная их оставаться верными подлинной православной церкви — Обновленческой. Но это мало помогало. Продолжались возвращения иерархов в патриаршую церковь, а вслед за ними — духовенства и приходов. Порой обновленческие иерархи просто изгонялись из епархии как «обманщики и лиходеи церкви» возвращающимися в патриаршую церковь верующими.

Особенно тяжело в марте 1944 г. воспринят был Александром Введенским уход из обновленчества и принятие, через покаяние, в патриаршую церковь бывшего первоиерарха обновленческой церкви митрополита Виталия (Введенского), который своим авторитетом, как законный по рукоположению епископ, был идейной опорой обновленцев. Это было болезненно, поскольку Введенский помнил, как еще месяц тому назад он убеждал Карпова в жизнестойкости обновленческого Пименовского храма в Москве, где служил Виталий, и куда к нему на службу стекалось огромное число богомольцев; и свои слова, что митрополит Виталий «скорее умрет, чем перейдет в патриаршую церковь».

Оставшись в одиночестве, теснимый со всех сторон, Введенский предпринимает попытки примирения с патриаршей церковью, тем более что до окончательного срока приема обновленческих архиереев — Пасхи 1944 г. времени уже почти не оставалось. О первой из них мы узнаем со слов патриарха Сергия из письма епископу Александру (Толстопятову) от 20 апреля 1944 г.: «А. Введенский, — писал патриарх, — решил сделать нечто великое или, по крайней мере, громкое. Прислал мне к Пасхе телеграмму: “Друг друга обьемем!” Меня называет представителем русского большинства в нашем православии, а себя представителем меньшинства. А закончил какой-то арлекинадой, подписался первоиерархом, доктором богословия и доктором философии. Я ответил: “Введенскому А. И. Воистину Христос Воскрес! Патриарх Сергий”. Дело, мол, серьезное и дурачиться при этом совсем не к месту. Кстати, на второй день я служил в Сокольниках, в бывшем гнезде обновленцев. В числе сослужащих был епископ Виталий, их первоиерарх, а настоятелем Расторгуев, протоиерей — бывший архиепископ»².

---

¹ См.: Одинцов М. И. Справка о приеме председателем Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карповым митрополита (обновленческого) Александра Введенского // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 79–80.

² Патриарх Сергий и его духовное наследство. М., 1947. С. 228–229.

Безрезультатно закончилась эта попытка «личного воссоединения» Введенского с Русской церковью. Патриарх Сергей категорически отказался «воссоединяться» и настаивал на полном признании обновленцами своего «греха отступничества». Аналогичную твердую позицию в отношении обновленчества занял впоследствии митрополит Алексей, сначала, будучи местоблюстителем патриаршего престола, а затем и избранным патриархом Московским.

Обновленческий первоиерарх служил в единственном обновленческом храме Москвы — Пименовском храме вместе с митрополитом Филаретом (Яценко). Храм производил жуткое впечатление: давно не ремонтировавшийся, с осыпающейся штукатуркой, потускневшей живописью; стены храма от влаги, проникавшей внутрь через протекавшую крышу и смешивающейся с красками, имели красноватый оттенок. Храм нес на себе печать «мерзости запустения».

Постепенно в лоно патриаршей церкви стали возвращаться епископы и духовенство, относившиеся к числу т. н. «непоминающих», тех, кто отделился от нее в конце 20-х гг. после подписания митрополитом Сергием Декларации 1927 г. Наиболее авторитетный среди «непоминающих» епископ Афанасий (Сахаров) из Мариинских лагерей прислал Сергию поздравление по случаю избрания на патриарший престол и просил принять его в общение с Церковью. Вслед за ним на этот путь встали и другие епископы из числа «непоминающих». За ними пошла и паства.

Лишь небольшая часть, называя себя «истинными православными христианами», осталась вне патриаршей церкви. Их немногочисленные группы находились в Воронежской и Тамбовской областях, на Северном Кавказе и в Сибири. Властями они рассматривались как «антисоветские организации», в отношении которых допустимы меры административно-репрессивного характера. Так, летом 1944 г. по представлению наркома внутренних дел Л. П. Берия переселению из Рязанской, Воронежской и Орловской областей в Сибирь подлежали более 1600 человек (вместе с семьями) из организаций «истинно-православных христиан». Обосновывая такой шаг, Берия в записке Сталину писал: «Активные участники организации находятся на нелегальном положении, а рядовые участники живут в домах с замурованными окнами, мужчины отпускают волосы, женщины отвергают брак, но в своей среде ведут распутный образ жизни. Сектанты ведут паразитический образ жизни и проводят антисоветскую работу: налогов не платят, от выполнения государственных обязательств и от службы в Красной Армии уклоняются, на вызовы в советские органы не являются, советских документов не принимают. Из-за боязни советского влияния на детей участники организации не пускают их в школу и воспитывают в духе враждебности к советской власти. Аресты активных участников не оказывают должного воздействия на

членов организации в силу существующего у них поверия: «Кто арестован и сидит в тюрьме, тот избран Богом, находится на кресте и ему обеспечено Царство небесное»¹.

Возрождение институтов Церкви

В те восемь месяцев, что суждено было Сергию Страгородскому в сане патриарха возглавлять Церковь, началось действительное возрождение русского православия в СССР. На этом пути Православной церкви предстояло преодолеть целый ряд проблем. Многие из них можно было решить только во взаимодействии с Советом по делам Русской православной церкви.

У патриарха Сергия и председателя Совета Г. Г. Карпова сложились деловые, а в чем-то даже и доверительные отношения. Первая их официальная встреча состоялась 29 октября 1943 г., затем последовали еще семь. Сохранившиеся записи бесед свидетельствуют, что патриарх и председатель обсуждали все самые сложные проблемы жизни Русской церкви в СССР и за ее пределами. Прежде всего речь идет о епископских хиротониях, назначениях и перемещениях епископов, открытии духовных учебных заведений, издательской деятельности. Безусловно, Карпов в своих поступках не был свободен ни от властей предрежащих, ни от собственных заблуждений и ошибок во взглядах на роль и место Церкви в обществе, на формы и методы, дозволенные государству при регулировании деятельности религиозных организаций. Но неоспоримо, что он стремился проводить политику благоприятствования деятельности Церкви. Карпов не чурался и личных отношений с патриархом. В этом его поддерживал Молотов, подсказавший, в частности, идею отмечать дни рождения и юбилейные даты патриарха и других церковных деятелей. 24 января 1944 г., в день 77-летия патриарха Сергия, Карпов посетил его и вручил подарок от Совета, состоявший из золотых карманных часов, материала для пошива предметов патриаршего одеяния, продуктов питания.

Возрождение Церкви ставило перед Московской патриархией в качестве первоочередной кадровую проблему. Для вновь образованных или восстановленных епархий требовались правящие епископы. Часть из вакансий заполнялась либо епископами, воссоединенными с патриаршей церковью, либо рукоположенными из числа вдовствующего белого духовенства, но этого явно было недостаточно. По рекомендации Карпова патриарх Сергей в первоочередном порядке назначал епископов в епархии на освобождаемой от оккупантов территории. Епископские кафедры в «тыловых» областях страны оста-

---

¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 305–306.

вались длительное время незамещенными, или епископам приходилось окормлять приходы в двух, а то и в трех епархиях.

Еще одной попыткой решить «кадровый голод» стало стремление патриарха Сергия добиться освобождения иерархов, в разное время осужденных и отбывавших наказание в лагерях и тюрьмах. Помня слова Сталина на встрече о том, что каждое обращение по такому поводу будет рассмотрено, патриарх в октябре 1943 г. направил Карпову письмо с просьбой об амнистии ряда иерархов, которых он хотел привлечь к церковной работе. «Я не беру на себя решать вопрос, — писал Сергей, — насколько эти лица заслужили отбываемое ими наказание. Но я питаю уверенность, что оказанная им со стороны Правительства милость побудит их приложить все свое старание, чтобы показать свою лояльность Правительству Союза и без следа загладить прошлую вину»¹.

В январе 1944 г. Карпов сообщил патриарху предварительные сведения по рассмотрению его заявления. К сожалению, они были неутешительными: из упомянутых в списке лиц шесть человек умерли в местах заключения, двое отбыли «заключение по суду», и местоположение их было неизвестно, о четырех не были выявлены сведения ни о судимости, ни о нахождении в местах заключения и еще о четырех-надцати на тот момент сведений не имелось вовсе².

Усилия патриарха Сергия все же давали результат — уже к концу 1943 г. епископат состоял из 25 правящих архиереев, а в марте 1944 г. насчитывалось 29 архипастырей. И в последующие годы тенденция эта сохранялась.

В документах Совета мы постоянно встречаем характеристику политических настроений и предпочтений епископата. Интерес этот вполне понятен и не представляет из себя что-то особенное, присущее лишь СССР. Так было в Российской империи, так существует и поныне во всех странах, где имеются влиятельные религиозные объединения, опирающиеся на массовую поддержку населения.

В справках Карпова, предназначенных непосредственно Сталину, Молотову или в ЦК ВКП(б), неизменно отмечается, что в своем преобладающем большинстве епископат «вполне лоялен к советской власти». Это подтверждалось ссылками на патриотические послания епископов, их призывы жертвовать на оборону и восстановление страны. Но подмечались и другие составляющие поведения епископата. Часть архиереев, как отмечалось в материалах Совета, мало интере-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.- 6991. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. Опубликовано: Одинцов М. И. И. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1992. № 3. С. 157.

² Там же. С. 158.

совалась состоянием церковной жизни, плохо знала своих непосредственных подчиненных, благочинных, настоятелей крупных храмов. Другие епископы сосредотачивали внимание прежде всего на сборе средств на нужды собственно церковного аппарата, на отчисления в Московскую патриархию. Отдельные иерархи вели широкий образ жизни, создавали для себя пышную обстановку в собственных особняках, содержали большой штат обслуживающего персонала, в том числе профессиональные хоры.

Насущной заботой Московской патриархии стало стремление обеспечить каждый храм хотя бы одним священником. Это достигалось, во-первых, привлечением бывших священников, работавших в государственных учреждениях. Во-вторых, по просьбе патриархии военнослужащих Красной Армии, имевших духовный сан и изъявивших желание вернуться к церковному служению, демобилизовали из армии. В-третьих, патриархия просила власть освобождать священнослужителей от призыва в действующую армию.

Большинство приходского духовенства в годы войны занимало патриотическую позицию. Произносили проповеди, зачитывали послания патриарха и правящего архиерея в поддержку страны, призывали верующих к добросовестному труду, быстрейшей ликвидации последствий войны, оказанию помощи семьям воинов, детям погибших красноармейцев. Отдельные из числа духовенства принимали непосредственное участие в войне, партизанских отрядах, укрывали бежавших из плена, держали связь с подпольщиками, оказывали материальную помощь военным госпиталям. Они заслуженно имели государственные награды, поощрения от командования частей. Но, по наблюдению Уполномоченных, среди духовенства было немало тех, кто проявлял пассивность, стремление остаться в стороне от политических проблем. Были и те, кто вел себя непристойно, страдал «традиционными пороками»: пьянство, мздоимство, растраты церковных средств.

В решении кадровой проблемы патриархия большие надежды возлагала на духовные учебные заведения. Для руководства духовными школами в Синоде был создан Учебный комитет во главе с митрополитом Ленинградским Григорием (Чуковым), в составе Н. Ф. Колчицкого и профессора С. В. Савинского. Комитет, понимая, что в короткое время ему не удастся найти достаточное количество преподавателей, просил разрешения на въезд в СССР 4–5 профессоров-богословов из-за рубежа, но поддержки эта просьба не нашла. Уже в конце октября 1943 г. были разработаны основные документы, относящиеся к деятельности богословского института и богословско-пастырских курсов в Москве. Они активно обсуждались и в Синоде, и в Совете. Церковь первоначально надеялась, что под нужды школ будут возвращены здания бывших духовных учебных заведений: в Харитоньевском пере-

улке, на улице Ордынка или на территории бывшего Новодевичьего монастыря. В основу программ богословских школ были положены соответствующие программы дореволюционных академий и семинарий. По инициативе Карпова в программу введен был курс, посвященный изучению Конституции СССР и законодательства о религиозных культах. Перечень преподаваемых в них предметов выглядел следующим образом (таблица 3.1):

Таблица 3.1

**Сведения об учебных программах в Богословском институте
и на Богословско-пастырских курсах Русской православной церкви**

Богословский институт	Богословско-пастырские курсы
Священное Писание Ветхого и Нового завета	Чтение и объяснение избранных мест из Свя- щенного Писания Ветхого и Нового завета
История Христианской церкви	История Христианской церкви
История Русской церкви	История Русской церкви
Христианская апологетика	Христианская апологетика
Литургика	Литургика
Церковное проповедничество и научение истинам веры	Церковное проповедничество
История и разбор русского сектантства и раскола	Сектоведение и расколоведение
Чтение богослужебных книг на церковно-славянском языке	Церковно- славянский язык
Нравственное богословие	Православное веро- и нравоучение
Пастырское богословие	Практическое руководство для пастырей церкви
История религии	Библейская история
Церковное пение	Церковное пение и регентование
Аскетика	Православный катехизис
Конституция СССР ¹	Конституция СССР

Председатель Совета всемерно содействовал ускорению процесса открытия духовных школ. Ему приходилось преодолевать сопротивление отдельных сотрудников аппарата Совета, которые «не видели необходимости» в открытии духовных школ. Выступая на заседании членов Совета, Карпов говорил: «Отказать в этом вопросе — значит

¹ Кроме того, в Богословском институте преподавались дополнительные пред-
меты: Сравнительное богословие, Агиология, Каноническое право, История христи-
анского искусства, Христианская гимнология, Древние языки (греческий, латинский,
древнееврейский), Догматическое богословие, Чтение иностранной богословской,
апологетической и полемической литературы (католической, протестантской, англи-
канской), Патристика, История русской религиозной мысли, Введение в круг бого-
словских наук.

подчеркнуть обратное, а не декларируемую свободу совести. Церковь нуждается в кадрах. Подготовка новых священнослужителей несколько освежит и даст возможность иметь молодой состав, который родился и обжился в условиях советской современной обстановки. Они не вкусили ту психологию, мораль, политику, которая была в период монархизма»¹.

В ноябре 1943 г. разрешение на открытие в Москве Богословского института и Богословско-пастырских курсов было дано, и таким образом была возрождена прерванная на несколько десятилетий традиция духовного образования.

С осени 1943 г. начинается возрождение монастырской жизни. К концу войны насчитывалось 75 монастырей (42 женские), из которых 29 были открыты в период оккупации. Во всех монастырях насчитывалось около четырех тысяч монашествующих. В дни религиозных праздников монастыри посещало огромное количество паломников. Почти все монастыри вели свое хозяйство: земледелие, ремесла, различные промыслы. Московская патриархия ходатайствовала перед правительством не препятствовать их деятельности. На тот период времени такой же позиции придерживался и Совет. По его представлению правительство СССР своим особым постановлением предложило Совнаркомам республик, на территории которых находились монастыри, «впредь до особых указаний не препятствовать их деятельности и сохранить за ними занимаемые ими жилые и служебные помещения, находящиеся в их пользовании земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь и подсобные мастерские».

Активизируется в 1943–1944 гг. издательская деятельность Русской церкви. Выпускались настольные и настенные календари, молитвенники, венчики, богослужебная литература. Особое значение имели изданные Патриархией книги: «Правда о религии в России» (1942), «Русская православная церковь и Великая Отечественная война» (1943), а в последующем — «Патриарх Сергей и его духовное наследство» (1947).

На долгие годы основным официальным изданием Русской православной церкви стал «Журнал Московской патриархии» (ЖМП). Первый номер «Журнала», как указано на обложке, вышел 12 сентября 1943 г. В обращении редакции к читателям сообщалось: «По благословению Святейшего патриарха Московская патриархия, с Божией помощью, приступает к изданию печатного органа, который будет содержать официальные распоряжения Святейшего патриарха по церковным вопросам, его послания, постановления и определения

---

¹ ГА РФ. Ф. Р. - 6991. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

Святейшего патриарха и Священного синода, патриотические выступления Святейшего патриарха и других церковных деятелей, статьи богословского характера, календарные сведения и различные заметки, касающиеся жизни Церкви. Потребность в издании такого печатного органа давно назрела, и потому редакция надеется, что появление его будет встречено духовенством и всем церковным обществом с живейшим сочувствием»¹.

На страницах ЖМП публиковались статьи о патриотической деятельности Церкви, о героизме Красной Армии и советского народа, о преступлениях фашистов в отношении народов Советского Союза и в отношении религиозных объединений, информация об участии духовенства в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию немецких злодеяний. Постоянно присутствовало обращение к историческим темам, к культурному наследию славянских народов, к памятникам письменности, иконописи, храмоздательства.

Церковь информировала через журнал свою паству об антихристианской сущности фашизма. Публиковались статьи, в которых подвергались осуждению стремления идеологов нацизма построить «новую религию». Протоиерей Александр Смирнов в статье «Противники Креста Христова» так характеризовал ее содержание и направленность: «Вместо Христа — фюрер; вместо креста — языческая свастика; вместо вечной книги жизни Библии — фашистская книжонка “Моя борьба”; вместо воскресенья — вечер субботы; вместо священников, пасторов, капелланов, чтецов — одни лишь только лектора; вместо крещения, причащения, покаяния, венчания — произнесение фашистской клятвы с прикосновением правой руки к мечу и т. п. С такими новыми обрядами фашисты и вознамерились создать в Германии новую национальную церковь, которая должна, по их замыслам, служить одной только доктрине: “Народ и раса”, и не допускать на подвластной ей территории никаких других форм церковных объединений, в особенности же таких, в которых согласно завету Христа и Его апостолов проводится дух христианской интернациональности, то есть, где нет разницы в духовных правах ни для Еллина, ни для Иудея, ни для других национальностей (Колос. 3, 11)»².

Много материалов на страницах «Журнала Московской патриархии» посвящено было отношению оккупантов к историческим и церковным памятникам. В статье митрополита Николая (Ярушевича) «Фашисты — злейшие враги культуры» запечатлены его впечатления от увиденного в ходе поездки летом 1943 г. в освобожденные Красной

---

¹ Журнал Московской патриархии. 1943. № 1. С. 3.

² Там же. № 3. С. 27.

Армией районы Калининской, Тульской, Калужской, Смоленской областей. Он свидетельствовал о разграблении и уничтожении исторических, религиозных и культурных памятников на территориях, бывших под оккупацией¹.

Пройдет время и, откликаясь на заседания Нюрнбергского процесса над немецкими военными преступниками, в «Журнале Московской патриархии» будет озвучено то, за что Русская церковь предъявляет счет военным преступникам: «Разрушение бесчисленного количества храмов, зверские убийства ее священнослужителей, позорное святотатство, кощунственное отношение к ее святыням, попытки спровоцировать конфликты как внутри Церкви, так и в сношениях ее с внешним миром, зверские пытки верующих с целью ограбления скрытых церковных святынь, наконец, все бесчисленные страдания православного русского народа. И она предъявляет этот счет. Она хочет, чтобы мир знал, что Русская церковь на себе самой испытала, что проповедь зла не осталась отвлеченной идеей нацистской партии, но воплотилась во всем своем колоссальном объеме в гитлеровских деяниях, развратив почти весь немецкий народ»².

На страницах «Журнала Московской патриархии» сообщалось о боевом пути танковой колонны, построенной на средства верующих, о воинах, сражавшихся в ее составе³. 7 марта 1944 г. танковая колонна, построенная на церковные средства, была передана Красной Армии, 38-му и 516-му танковым полкам близ деревни Горелки в пяти километрах северо-западнее Тулы. Выступая перед танкистами, митрополит Николай говорил: «От имени патриарха Сергия, от имени всей нашей Церкви я хочу сказать вам, братья-воины, из глубины сердца: Бог в помощь вам в вашем светлом деле защиты Родины! Пусть эти боевые машины, руководимые вашей крепкой, как гранит, волей к победе, несут мщение и смерть фашистским палачам нашего народа, истерзавшим и залившим кровью часть нашей священной Родины, сатанистам — врагам культуры и народного счастья, врагам человечества, недостойным носить человеческое имя, недостойным жить на земле!»⁴

По этому поводу в Совете был устроен специальный прием, на котором присутствовали руководители Московской патриархии во главе с митрополитом Сергием, военачальники, ответственные сотрудники Совета.

---

¹ Там же. С. 20.

² Там же. 1945. №. С. 25.

³ Там же. № 9. С. 79.

⁴ См.: Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 50–51.

Менее чем за два месяца 38-й полк в боях в составе 2-го Украинского фронта за освобождение юго-западных областей Украины и части Бессарабии уничтожил до полутора тысяч гитлеровцев, 40 различных орудий, 10 пулеметов, подбил и захватил 38 танков и 17 бронетранспортеров фашистов, 101 транспортную машину, захватил 3 склада горючего и были взяты в плен 84 солдата и офицера. 24 апреля 1944 г. при освобождении молдавской деревни Жервень и форсировании реки Реут полк принял свой последний бой. Остались «в живых» две машины, которые продолжили боевой путь в составе стрелковых частей. За проявленные мужество и героизм 49 танкистов были награждены орденами и медалями СССР. 21 солдат и 10 офицеров пали в боях смертью храбрых, 19 человек из них сгорели в боевых машинах.

516-й отдельный огнеметный танковый полк начал боевые действия 16 июня 1944 г. в операции «Багратион». Он участвовал в Бобруйской наступательной операции по окружению и уничтожению 40-тысячной группировки немецко-фашистских войск. Прорвав сильно укрепленную оборону немцев южнее и юго-западнее Бобруйска, танкисты обеспечили успех стрелковых частей и подразделений 28-й армии. К 10 октября 1944 г. в составе полка оставалось только два танка, отправленные после тяжелого боя в глубокий тыл для капитального ремонта. За боевые заслуги 516-й полк 5 апреля 1945 г. был награжден орденом Красного Знамени. К этому времени в нем служили 13 кавалеров ордена Красного Знамени, 17 — ордена Отечественной войны, ордена Красной Звезды, 29 — ордена Славы, 137 — медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». На счету танкистов значилось уничтоженными около 4 тыс. офицеров и солдат, 48 танков и самоходных орудий, 130 орудий, 400 пулеметных точек, 47 дзотов, 37 минометов, взяты в плен более двух с половиной тысяч солдат и офицеров и 32 военных склада¹.

В работе территориальных комиссий по расследованию злодеяний фашистов участвовал не только митрополит Николай, но и другие иерархи и священнослужители Православной церкви. Их наблюдения, свидетельства и выводы передавались в государственные органы, помещались на страницах церковной литературы. К примеру, митрополит Ленинградский Алексий (Симанский), побывав в январе 1944 г. в освобожденных Петергофе и Пушкине, писал: «Прекрасный Петергофский собор стоит с разобранными куполами, с которых немцы содрали золоченые листы, с разбитыми стенами, зияющими окнами. Говорят, они простреливали из пистолетов иконы в

---

¹ См.: Васильева О. Ю. С именем Димитрия Донского // ЖМП. 1990. № 5.

Петергофском соборе. Другие церкви представляют еще более удручающее зрелище. Разбита церковь бывшего Серафимо-Дивеевского подворья, совершенно разрушена кладбищенская церковь в Старом Петергофе. Там собрались, спасаясь от бомбежек, верующие и все, кто только мог добежать до нее, — старики, дети. В неимоверной тесноте — их была не одна тысяча, — задыхаясь в спертом воздухе, в течение нескольких дней и ночей, выбегая, чтобы глотнуть свежего воздуха, просидели эти несчастные люди в храме. Но это их не спасло: немцы упорно бомбили храм, затем обстреливали его из орудий и в конце концов превратили его в груды развалин, под которыми нашли свой ужасный конец несчастные петергофцы. Теперь как памятник позорного фашистского зверства лежит на земле огромная груда красных, напоенных кровью русских жертв германского злодейства, кирпичей»¹.

С избранием митрополита Сергия на Московскую патриаршую кафедру приобрела особо масштабный и организованный характер патриотическая деятельность церкви. Повсеместно продолжался сбор средств на авиаэскадрилью им. Александра Невского. Возросли сборы и отчисления в Фонд обороны страны и в другие патриотические фонды, активизировались на местах епископы и местные общины. Все это объясняет, почему по инициативе Совета к награждению орденами и медалями стали представляться священнослужители и активные миряне. Первое большое награждение состоялось осенью 1943 г., когда отмечена была деятельность ленинградского духовенства в дни блокады города. Спустя год, в 1944 г., медалями «За оборону Москвы» награждены были представители московского и тульского духовенства.

По мере продвижения Красной Армии на запад православные общины в освобожденных районах включались в общецерковную патриотическую деятельность, помогая Родине продуктами питания, деньгами, ценностями, своим трудом. Общая сумма денежных средств, собранная православными верующими за годы войны, составила более 300 млн рублей. К этому следует добавить значительное число драгоценностей, цветных металлов, облигаций и т. п., переданных верующими в другие патриотические фонды.

Тогда же становятся известными факты патриотических поступков духовенства и верующих на оккупированных ранее территориях. О них сообщалось в поступающих в Московскую патриархию письмах от верующих и в докладах священнослужителей, посылавшихся на освобожденную территорию для организации церковной жизни.

---

¹ Журнал Московской патриархии. 1944. № 2. С. 20.

Ранним утром 15 мая 1944 г. в квартире в Доме на набережной, где жил Г. Г. Карпов со своей семьей, раздался звонок. Привыкший к утренним известиям Карпов поднял трубку и услышал трагическую весть: скончался патриарх Сергий. Через полчаса он прибыл в Чистый переулок. Здесь уже толпились близкие и родные патриарха. У одра покойного собрались члены Синода. Митрополит Ленинградский Алексей совершил первую литию по усопшему. Общее пение — тяжелое и скорбное — то и дело прерывалось слезами, которых никто не удерживал и никто не стеснялся.

Карпов прошел в рабочий кабинет патриарха и от келейника архимандрита Иоанна узнал об обстоятельствах кончины. Патриарх проснулся в шесть часов утра. Поскольку до визита домашнего врача оставалось много времени, Сергей решил прилечь. Когда келейник спустя час вошел в спальню, его поразила необычайная бледность лица патриарха. Подбежав и окликнув его, архимандрит с ужасом убедился, что Святейший мертв. Прибывший врач констатировал кровоизлияние в мозг.

В комнату вошел митрополит Алексей и пригласил председателя в кабинет патриарха, где их ждали митрополит Николай (Крутицкий) и протоиерей Н. Ф. Колчицкий. Председатель молча стоял у стены, пока производился осмотр кабинета. В одном из ящиков письменного стола, в глубине, был обнаружен конверт, скрепленный личной печатью патриарха. То было завещание Сергия, написанное им еще в 1941 г., в трагические дни эвакуации из Москвы в Ульяновск. Его первый пункт гласил: «В случае моей смерти или невозможности исполнять должность патриаршего местоблюстителя эта должность во всем объеме присвоенных ей патриарших прав и обязанностей переходит к преосвященному митрополиту Алексию Симанскому»¹. На экстренном совещании Синода было постановлено исполнить волю патриарха.

Карпов вернулся в Совет. Буквально в несколько минут он написал срочное секретное письмо на имя И. В. Сталина. Председатель, докладывая о скоропостижной смерти патриарха и его завещании, спешил уведомить, что Синод ставит в известность о смерти патри-

---

¹ Отметим наличие в завещании слов, специально характеризующих полномочия должности патриаршего местоблюстителя: «во всем объеме присвоенных ей патриарших прав и обязанностей». Уточнение, которое отсутствовало в распорядительных документах патриарха Тихона, митрополита Петра (Полянского), что в последующем приводило к сложнейшим коллизиям в вопросе о преемстве церковных прав, с чем пришлось столкнуться и самому митрополиту Сергию (Страгородскому) и от чего он желал избавить своего преемника.

арха Сергия и о вступлении в должность патриаршего местоблюстителя Ленинградского митрополита Алексия, как правящих архиереев по епархиям в СССР, так и телеграфно патриархов восточных автокефальных православных церквей. Одновременно уже в этом письме Совет высказал мнение о возможности захоронения почившего патриарха внутри кафедрального Богоявленского собора¹.

Днем 16 мая тело патриарха было перенесено в кафедральный Елоховский собор, с которым были связаны многие годы его жизни. В Никольском приделе собора уже была приготовлена могила. Гроб Святейшего, установленный посередине храма, был наполовину закрыт зеленой патриаршей мантией, на которой лежал венок из живых белых роз. В ногах на особом возвышении стояли икона и белоснежный патриарший куколь, патриарший крест и посох.

В течение двух дней сюда для прощания с главой Церкви потянулись тысячи верующих из Москвы, ближайших и отдаленных епархий Русской церкви. Забрел рассвет третьего дня и вновь тысячи богомольцев заполнили храм. На правой солее расположились представители дипломатического корпуса и военных иностранных миссий. Здесь же в качестве представителя советского правительства встал Г. Г. Карпов.

В час дня началось отпевание. Со словами прощания выступили протоиереи кафедрального собора Николай Колчицкий, архиепископ Григорий и митрополит Алексей. В надгробном слове митрополит Алексей выразил не только свое личное мнение о жизни и трудах почившего патриарха, но и мнение всей Церкви, миллионов верующих и духовенства: «Не только отца лишились мы с кончиною Святейшего патриарха, мы лишились в нем дорогого пастыря и мудрого кормчего корабля церковного. Церковь православная скорбит об его утрате. Он весь принадлежит Церкви Божией... На короткое время судил ему Господь воспринять звание патриарха Московского и всея Руси, главы Церкви Российской, как бы для того только, чтобы дать ему полноту славы церковной в воздаяние его великих заслуг церковных и для того, чтобы увенчать его церковные заслуги»².

После «слезного целования» — прощания с усопшим — священники подняли гроб и величественным крестным ходом обнесли его вокруг храма по улицам, наполненным густыми толпами народа. Впереди несли патриарший крест, хоругви и запрестольные иконы. Длинными рядами в белых облачениях, по два в ряд, шли дьяконы,

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.- 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 87 об. Опубликовано: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 316–317.

² Патриарх Серий и его духовное наследство. М., 1947. С. 170–171.

священники, митрофорные протоиереи и архимандриты, за ними архиереи. Шествие замыкал патриарший местоблюститель митрополит Алексей. За местоблюстителем несли гроб с телом патриарха, осеняемый рипидами.

Западными дверями крестный ход вернулся в собор, и гроб поднесли к могиле. После литии и посыпания тела перстью земной архиереи закрыли гроб крышкой, и он был опущен в могилу. Затем установили надмогильную плиту, расставили подсвечники и среди них поставили на аналое святую икону почившего патриарха, с которой он не расставался всю жизнь, — с изображением преподобных Сергия и Германа Валаамских.

Печальная церемония закончилась, но народ еще долго оставался у незабвенной могилы, и панихиды не прерывались, и бесчисленные свечи теплились над почившим — молитвенная жертва любящих сердец.

3.3. Совет по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров СССР

Формирование центрального аппарата Совета и аппаратов уполномоченных в регионах Советского Союза

14 сентября 1943 г. Совнарком СССР принял постановление об образовании Совета по делам Русской православной церкви¹. Место Совета в системе государственных учреждений и его статус были определены Государственной штатной комиссией при СНК СССР от 23 ноября 1943 г. — Совет был зарегистрирован как учреждение ведомства СНК и подчиненное непосредственно правительству СССР².

Все центральные учреждения и ведомства обязывались предварительно согласовывать проводимые ими мероприятия, связанные с вопросами, относящимися к ведению Совета, и предоставлять Совету запрашиваемые им материалы и сведения. На местах, в союзных и автономных республиках, краях и областях, учреждались должности уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви, которые непосредственно реализовывали функции Совета.

Несколько позже, 7 октября, было утверждено положение «О Совете по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР». На Совет возлагалась задача «осуществления связи между

---

¹ См.: Одинцов М. И. И. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1992. № 3. С. 153.

² ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 5. Л. 5.

Правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим разрешения Правительства СССР». В перечень полномочий Совета включалось:

- «п. 3. а) предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых патриархом Московским и всея Руси и требующих разрешения Правительства СССР;
- б) разработка проектов законодательных актов и постановлений по вопросам Русской православной церкви, а также инструкций и других указаний по их применению и внесение их на рассмотрение Совнаркома СССР;
- в) наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь на всей территории СССР законов и постановлений правительства СССР, относящихся к Русской православной церкви;
- г) представление Совнаркому СССР заключений по вопросам Русской православной церкви;
- д) своевременное информирование правительства СССР о состоянии Русской православной церкви в СССР, ее положении и деятельности на местах;
- е) общий учет церквей и составление статистических сводок по данным, представляемым местными органами власти»¹.

Со стороны правительства деятельность Совета в 1943–1945 гг. курировал В. М. Молотов — заместитель председателя СНК СССР и нарком иностранных дел. Он рассматривал представляемые Карповым доклады, записки, отчеты, письма. Как правило, решения принимались в момент личных встреч Молотова и Карпова, носивших достаточно регулярный характер. К ним Карпов тщательно готовился, составляя накануне перечень вопросов, которые он намеревался обсуждать, а по результатам встреч — итоговые записки, служившие своеобразным ориентиром в практической деятельности Совета.

К концу 1943 г. был сформирован центральный аппарат Совета, располагавшийся первоначально в двухэтажном особняке по улице Кропоткина, 20. В состав членов Совета, кроме его председателя Г. Г. Карпова, входили четыре человека: заместитель председателя, два члена и ответственный секретарь. Кандидатуры на эти посты утверждались непосредственно Совнаркомом по представлению Карпова. Отметим, что посты председателя и заместителя председателя Совета относились к номенклатурным должностям, и их утверждение проходило на заседании Секретариата ЦК ВКП(б). С согласия

---

¹ Там же. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 219. Л. 90–91. Опубликовано: Одинцов М. И. И. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1992. № 3. С. 154–155.

В. М. Молотова Карпов сохранил и должность начальника отдела в структуре НКГБ. Совмещение двух должностей, мыслимое первоначально как кратковременное, затянулось до марта 1955 г., вплоть до увольнения Карпова из КГБ СССР.

Штат центрального аппарата Совета: референтский, инструкторский и обслуживающий персонал, формировался усилиями отдела кадров Управления делами Совнаркома. Хотя Молотов в телефонном разговоре с управделами СНК Я. Чадаевым и распорядился «весь личный состав поставить в привилегированное положение», что означало предоставление отсрочки по мобилизации в действующую армию, повышенные должностные оклады, медицинское и продуктовое обслуживание, но его комплектование проходило медленно и трудно. В 1943–1944 гг. в центральном аппарате работали 25–27 человек, и только в 1945 г. удалось полностью заполнить штаты и набрать чуть более 40 человек. Медлительность, с которой шел процесс заполнения вакансий, объясняется отсутствием необходимого числа подготовленных кадров.

Методом проб и ошибок складывалась структура центрального аппарата. Лишь к февралю 1946 г. она сформировалась окончательно и была утверждена специальным распоряжением СНК СССР. Отныне в центральный аппарат входили: члены Совета; отделы а) по делам Центрального управления церкви, б) инспекторский, в) юридический; спецчасть; экспедиция; машбюро; хозяйственная часть; бухгалтерия; гараж.

В течение сентября–октября 1943 г. Карпов обдумывает систему формирования в республиках СССР органов, представляющих Совет по делам Русской православной церкви. Ему казалось, что целесообразно образовать в Белоруссии и на Украине непосредственно при Совнаркомов этих республик Советы по делам Русской православной церкви. Это объяснялось значительным числом действующих здесь церквей и чрезвычайной сложностью религиозной ситуации.

Однако предложение об образовании Советов по делам Русской православной церкви в Белоруссии и на Украине не было принято, и там, как и везде, вводились должности уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при исполнительных органах власти (Совнаркомы союзных и автономных республик, исполкомы краевых и областных Советов депутатов трудящихся).

Формирование института уполномоченных на местах шло не просто. По указанию В. М. Молотова в первоочередном порядке Уполномоченные назначались в области, освобождаемые от временной немецко-фашистской оккупации, и приоритет при выборе кандидатур отдавался сотрудникам чекистских органов. К подбору кадров привлекались и местные партийные органы. Процесс был медленным, сложным, поскольку кадров соответствующей квалификации не хватало.

тало. К началу 1944 г. была заполнена лишь половина выделенных вакансий — 43. Подчас Карпов сталкивался с нежеланием или нераспорядительностью органов власти на местах, а то и намеренной волокитой в деле подыскания кадров для назначения на должность уполномоченных. Отсюда постоянные «грозные» телеграммы Совета в адрес советских органов и жалобы в партийные инстанции. Только к концу 1946 г. была решена проблема кадров, и почти все выделенные вакансии были заполнены — в республиках, краях и областях действовали 112 уполномоченных. Правда, обустройство их рабочих мест, как правило, не отвечало требованиям инструкций Совета: не хватало помещений, мебели, оборудования и инвентаря. К тому же многие из уполномоченных постоянно привлекались местными партийно-советскими органами к выполнению не свойственных им обязанностям: посевные, хлебозаготовки, работа МТС и т. п. Вместе с тем их материальное обеспечение по сравнению с другими работниками соответствующих советских органов было явно ущемленным. Все это приводило к текучести кадров среди уполномоченных, сказывалось на авторитете Совета в целом и его деятельности по нормализации государственно-церковных отношений.

Согласно Положению о Совете его уполномоченные «наблюдали» за правильным и своевременным проведением в жизнь постановлений правительства и других указаний, касающихся деятельности Церкви; «представляли» заключения в СНК СССР по вопросам компетенции Совета; «вели» общий учет молитвенных зданий. В соответствии с этим на Уполномоченных в республиках, краях и областях СССР возлагалось:

- установление связей с епархиальными архиереями и благочинными;
- регистрация духовенства, церковнослужителей и другого обслуживающего персонала;
- рассмотрение заявлений верующих об открытии (закрытии) культовых зданий и регистрации религиозных обществ и подготовка необходимой документации в центральный аппарат Совета;
- учет и регистрация всех действующих и недействующих православных церквей и молитвенных домов;
- информирование Совета о деятельности религиозных объединений и местных органов власти по соблюдению законодательства о религиозных культах;
- реализация и контроль за исполнением принимаемых Советом решений.

От уполномоченных Совета требовалось ежеквартальное представление отчетов о состоянии религиозных объединений и о практике деятельности органов власти. Уже их первые информации в Совет

свидетельствовали о постепенном возрождении религиозной жизни на территории СССР, в том числе и в ранее оккупированных районах. Уполномоченные сообщали о количестве заявлений верующих с просьбой об открытии церквей и результатах их рассмотрения местными властями; об отношении духовенства и верующих к новому церковному курсу государства; о конфликтных ситуациях на местах; о фактах администрирования в отношении религиозных общин; о патриотической деятельности духовенства и верующих. Более подробно права и обязанности уполномоченных Совета регламентировались в особой инструкции Совета, принятой в начале 1944 г.

Материалы уполномоченных служили для центрального аппарата Совета основой при составлении докладных записок и иных документов в адрес СНК СССР и других ведомств. Укажем, что в них Карпов не уходил от острых проблем и писал о произволе по отношению к верующим и духовенству со стороны партийных и государственных органов, о несоблюдении на местах законодательства о религиозных организациях, о стремлении кое-где уклониться от реализации нового курса государства в церковных вопросах. Ставились вопросы о демократизации законодательства о культах и государственно-церковных отношений, о необходимости учитывать пожелания и настроение верующих в части открытия новых церквей.

Открытие церквей

Одной из наиболее важных для Совета проблем стал вопрос об открытии православных церквей.

Не было сомнений в том, что по мере того, как информация о нормализации государственно-церковных отношений и работе Совета будет распространяться среди верующих и религиозных объединений, будет и увеличиваться количество обращений по вопросам открытия церквей. Действительно, по данным Совета только за октябрь 1943 г. поступило 517 заявлений из 39 регионов Советского Союза. Больше всего — из Горьковской, Ивановской, Калининской, Кировской, Московской, Рязанской и Ярославской областей.

Первоначально Карпов рассматривал несколько вариантов порядка открытия молитвенных зданий по обращениям верующих, которые:

- а) рассматриваются и решаются на местах, в исполкомах краевых и областных Советов депутатов трудящихся;
- б) рассматриваются патриархом;
- в) рассматриваются в предварительном порядке в Совете; протокол о решении представляется в Совнаркоме и затем направляется для исполнения на места;
- г) рассматриваются и решаются Советом.

Карпову казался наиболее предпочтительным порядок рассмотрения заявлений, определяемый пунктом «в». В одной из докладной записок он так его раскрывает: «Полученные от патриарха, Синода или от верующих заявления рассматриваются аппаратом Совета, запрашивается местный исполком о состоянии храма, о гражданских правах заявителей и их мнение о целесообразности открытия храма. После этого дело рассматривается на заседании Совета и выносится предварительное решение. Протокол заседания утверждается в СНК (зам. Председателя). По утверждении протокола Совет дает указания в местный исполнительный орган о данном решении и праве на регистрацию, уведомляет заявителя»¹.

В середине октября 1943 г. на приеме у Молотова Карпов просит окончательно определить порядок рассмотрения заявлений верующих об открытии церквей, а также «линию в работе» в данном направлении. На тот момент и сам «куратор Совета» — В. М. Молотов был не готов к конкретным решениям, хотя признавал, что открывать церкви придется, но упирал на то, что не следует особенно при этом торопиться. Карпову было рекомендовано провести предварительно учет заявлений, разобраться, о каких храмах идет речь, в каком они состоянии и какова обстановка в каждом из населенных пунктов, откуда поступают заявления, узнать мнение властей и патриарха. Лишь после этого «представить правительству письмо, в котором показать обстановку и свои предложения, где Совет считает целесообразным открыть церкви. В последующем по вопросу открытия церквей входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы»².

Спустя месяц, в течение которого был проведен первоначальный учет культовых зданий, Карпов обратился к Молотову со специальной запиской, посвященной открытию церквей. В ней он сообщил, что возрастает поток обращений верующих, что местные власти, хотя и могут в соответствии с действующим законодательством самостоятельно решить этот вопрос, но, перестраховываясь, пересылают заявления в вышестоящие инстанции. Отсюда неоправданная волокита при рассмотрении заявлений об открытии церквей. Совет предлагал ускорить принятие правового акта, который внес бы ясность в вопрос об открытии церквей и определил обязанности всех сторон, участвующих в этом. На уполномоченных предполагалось возложить всю работу по приему, учету и предварительному рассмотрению заявлений, проведению проверки и составлению проектов заключений по ним.

---

¹ См.: ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22.

² Цит. по: Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 84.

В ноябре 1943 г. на рассмотрение Совнаркома был внесен разработанный Советом проект постановления «О порядке открытия церквей». 28 ноября он был принят. Сложилась своеобразная комбинированная система рассмотрения и принятия решения по вопросам открытия церквей, в которой все же начальное и самое главное решение о приеме к рассмотрению заявлений верующих осталось за местными органами власти. Хотя Уполномоченные и принимали непосредственное участие в предварительной работе по рассмотрению заявлений граждан, но они не обладали необходимыми полномочиями для пересмотра или отмены решений местных органов власти. Таким образом, большая часть заявлений и не доходила до Совета, и влиять на их судьбу он не мог¹.

Новый порядок открытия церквей, изложенный в постановлении Правительства СССР, предполагал и возможность участия в разрешении этих проблем епархиальных архиереев. Епископы могли принимать от верующих заявления об открытии церквей и самостоятельно определять, какие из них необходимо поддержать. В этом случае они передавали их уполномоченным. Свои предложения об открытии церквей неоднократно высказывал и патриарх Сергей при встречах с Карповым. В частности, по его просьбе рассматривались вопросы об открытии церквей в Удмуртской АССР, в Арзамасе Горьковской области, в Ташкенте и в других местах.

В соответствии с новым порядком открытия церквей Совет уже в феврале–марте 1944 г. представил в Совнарком список более полусотни церквей, открытие которых он поддерживал: в Архангельской, Горьковской, Ивановской, Кировской, Курской, Молотовской, Московской, Новосибирской, Тамбовской, Сталинградской, Челябинской областях, во Владивостоке и в Узбекской ССР².

По мере освобождения советской территории от оккупантов остроу приобретал вопрос о культовых зданиях, открытых там в годы оккупации. Совет внес в Совнарком свои предложения, которые сводились к тому, чтобы:

- «воздерживаться» от закрытия приходских церквей и молитвенных домов, являющихся типовыми культовыми строениями, а также от изъятия у верующих арендованных ими зданий, используемых под места богослужений;
- «разрешить изымать» из пользования церковных общин исключительно государственные и общественные здания (школы, театры, клубы и т. п.), занятые ими под церковные нужды, при этом в обяза-

---

¹ См.: Диспут. 1992. № 3. С. 155–157.

² См.: Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005. С. 343–345.

тельном порядке предоставлять верующим в течение месяца другие здания или помещения под культовые цели;

- в тех областях, где верующие настойчиво ставят вопрос об открытии церквей, идти на расширение сети действующих церквей до 2–3 на район;

- «разрешить открытие церквей», как в тех областях и краях, где число действующих церквей значительно, так и в тех, где их нет вообще;

- «разрешать слом» недействующих церквей в исключительных случаях;

- не препятствовать приходским общинам в ремонте зданий. Однако «строительство новых зданий не разрешать»¹.

Как и предполагалось, поток заявлений возрастал, возрастала и настойчивость верующих, тогда как количество открываемых церквей оставалось весьма незначительным — менее половины от числа просимых верующими. Нельзя не отметить, что Карпов относился к этому весьма встревоженно, считая, что процент удовлетворенных заявлений должен быть более высоким. Поскольку Совет не мог «приказать» или «обязать» местные власти увеличить число открываемых церквей, его председатель прибегал к своеобразной форме «давления» на Молотова, обрушивая на него цифры, факты и подталкивая к «нужному» решению. Так, во время их встречи в мае 1944 г. после обширного доклада Карпова о ходе рассмотрения обращений граждан об открытии церквей Молотов сказал то, что от него и ждал председатель Совета: «Вопросы об открытии церквей нужно будет рассматривать посмелее и, соответственно, проориентировать места через своих уполномоченных, а в нужных случаях переговорить от имени СНК с председателями Совнаркомов республик и с председателями обл(край)исполкомов»².

Выполняя указание заместителя председателя Совнаркома СССР, Совет разослал на места Уполномоченным и властям специальное циркулярное письмо, касавшееся вопросов открытия церквей. Но положение не слишком быстро менялось — за май—июль 1944 г. поступило 454 заявления; облисполкомами отклонено было 403, а удовлетворено «ввиду многократных и настойчивых ходатайств» 51 заявление.

Общая статистика за первое полугодие 1944 г. тоже не радовала. В Совет поступило 3045 ходатайств. Из таблицы, составленной по данным Совета, видны те области, которые были «лидерами» в этом процессе (таблица 3.2).

---

¹ См.: Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 138–139.

² См.: ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

Сведения об обращениях верующих граждан по вопросу открытия православных церквей, поступивших в Совет по делам Русской православной церкви

Области	Поступило заявлений	Имеется действующих церквей
Ярославская	122	162
Рязанская	127	26
Кировская	132	24
Воронежская	137	80
Калининская	140	81
Тульская	147	6
Горьковская	190	21
Московская	241	187
Ивановская	306	58

Учитывая, что за каждым из заявлений стояли подписи десятков, сотен, а иногда и тысяч верующих, следует признать, что обращения об открытии церквей были настойчивыми и массовыми. Из общего числа поступивших заявлений край(обл)исполкомами рассмотрено было 1432, из которых отклонено было 1280, а принято всего 152 решения об открытии церквей.

Эти данные показывают, что власти на местах заняли в большинстве случаев позицию игнорирования просьб верующих. В Марийской АССР, в Пензенской, Саратовской, Тамбовской и Тульской областях почти все обращения верующих отклонялись. Нередко делалось это грубо, с оскорблением чувств верующих и даже с помощью обмана. Например, в Курской области в Октябрьском районе Жерновецкий сельсовет в качестве условия открытия церкви выставил верующим требование бесплатно отремонтировать помещение сельсовета и клуба. Верующие выполнили полный ремонт обоих зданий, но в возвращении церкви им было отказано.

Нередко такое отношение властей к просьбам верующих толкало их на действия без регистрации. В информации В. М. Молотову Карпов писал: «В областях с незначительным количеством действующих церквей и в районах, где нет церквей, отмечается массовое распространение групповых богослужений в домах верующих или под открытым небом — на кладбищах, у здания закрытой церкви — с привлечением молящихся, причем в этих случаях для совершения обряда верующими приглашается не состоящее на регистрации духовенство. В ряде случаев такие богослужения совершаются систематически и иногда принимают уродливый характер¹.

¹ Цит. по: Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005. С. 388.

Действительно, к концу войны незарегистрированные объединения возникали во многих областях, это становилось весьма распространенным явлением, которое нельзя было не замечать и на него не реагировать. Нередко их количество в два-три раза превышало число зарегистрированных обществ в том или другом регионе страны. Карпов неоднократно в своих обращениях в Совнарком предлагал пойти на увеличение числа открываемых церквей. Как он выражался, «...в целях борьбы с нелегальными церковными группировками там, где они приняли широкие размеры, и в тех районах, где настойчиво ставится вопрос об открытии церквей, — пойти на расширение сети действующих церквей до двух-трех на район, не останавливаясь перед разрешением открытия церквей в областях и краях со значительным числом действующих церквей, но в тех районах, где их нет»¹.

Предложения Молотовым были поддержаны, и количество открываемых церквей несколько возросло, о чем можно судить на основании таблицы, составленной по данным Совета (таблица 3.3).

Таблица 3.3

Сведения о вновь открытых православных церквях в СССР

Годы	Поступило ходатайств	Открыто церквей
1944	6402	207
1945	6025	509
Всего	12 427	716

Но что же мешало более существенному росту числа положительно разрешенных заявлений? Можно указать по крайней мере на следующие факторы: сложный, требующий оформления множества документов, процесс рассмотрения заявлений; закрытый характер всех документов, на основании которых могли открываться церкви; отказы епископов поддержать заявления верующих ввиду отсутствия нужного количества приходского духовенства.

Однако основным было наличие открытого и скрытого противодействия властей (от сельсовета до областного Совета и республиканского Совнаркома). Официальные отказы в удовлетворении просьб верующих об открытии молитвенных помещений мотивировались тем, что в непосредственной близости имеется действующее культовое здание; что заявители не отражают настроения всех верующих; что просимое здание уже занято под иные цели или оно находится в ветхом состоянии, а средств на его восстановление власть не имеет; или что просто «нецелесообразно» открывать храм. Подобная позиция

¹ ГА РФ. Ф. Р.- 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 217.

имела питательную среду в настроениях советского чиновничества, партийных активистов, в мировоззренческом отношении испытывавших на протяжении многих лет давление партийно-антирелигиозной идеологии и практики.

Карпов видел, что имеющихся в распоряжении Совета полномочий недостаточно, чтобы преодолевать противодействие на местах в вопросах регистрации религиозных общин и открытия церквей. В одной из докладных записок он предлагал перенести центр тяжести при решении всех этих вопросов в сторону Совета: «Существующий порядок рассмотрения заявлений не дает возможности Совету оперативно регулировать открытие церквей, так как он целиком зависит от решения местных органов; Совет не имеет возможности рассматривать отклонение ходатайства. Учитывая, что многие местные руководители отрицательно смотрят на открытие церквей, Совет считает целесообразным, чтобы в дальнейшем за местными советскими органами было сохранено право высказывать мнение по ходатайству, а рассмотрение и окончательное решение вопроса предоставить Совету»¹. Но поддержки своему предложению он не встретил.

Изменение законодательства о культах

В первые же месяцы работы Совета стало очевидным, что новый курс правительства в отношении религии и церкви требует изменения своей правовой базы — законодательства о религиозных культах. Еще в декабре 1943 г. юрисконсульту Совета было поручено подготовить соответствующие предложения, заключающиеся в следующем:

«1. а) пересмотреть закон 1929 года в целом, изучить, что отменяется полностью, что видоизменяется, что сохраняется в прежнем виде;

б) составить на основании этой работы проект нового постановления СНК.

2. Подготовить вопрос о юридических правах церкви. Внести изменения в ч. II. п. 6; ч. III. п. 9 и целиком в пп. 10 и 12 декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

По итогам проделанной работы в январе 1944 г. Карпов представил в Совнаркоме проект нового союзного закона «О положении церкви в СССР». В докладной записке он обосновывал этот шаг тем, что Декрет об отделении церкви от государства (1918) и постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (1929) устарели и требовали исправления.

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.- 6991. Оп. 1. Д. 287. Л. 37.

По его мнению, законы союзных республик о религиозных объединениях должны быть заменены общесоюзным законом, что позволило бы проводить единую общегосударственную линию в вопросах взаимоотношения государства с религиозными объединениями. Очевидно, он был уверен, что вопрос о принятии закона предрешен, потому интересовался сроком вхождения в правительство с проектом союзного закона с тем, чтобы он был принят в самое ближайшее время ближайшей сессией Верховного Совета.

Предлагалась на рассмотрение правительства и инструкция для уполномоченных Совета, которая конкретизировала их практическую деятельность по надзору, контролю, учету, регистрации и отчетности по вопросам деятельности объединений Русской православной церкви. Мыслилось, что эта инструкция заменит инструкцию Постоянной комиссии по делам культов при ВЦИКе, разработанную и принятую еще в 1931 г.

Однако правительство, очевидно, восприняло эти предложения излишне кардинальными и так и не пошло на принятие общесоюзного закона о религиозных объединениях. Правда, по настоянию Совета Совнарком принял ряд секретных постановлений, которые изменяли или дополняли нормы постановления 1929 г.

Глава IV

МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬСТВО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ I. ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1945 г.

4.1. Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский) — местоблюститель патриаршего престола

В соответствии с завещанием патриарха Сергия (Страгородского) обязанности местоблюстителя патриаршего престола были возложены на митрополита Ленинградского Алексия (Симанского).

На следующий день после торжественного погребения патриарха Сергия, 19 мая 1944 г., митрополит Алексей направляет письмо на имя И. В. Сталина. В нем он информирует главу государства, что будет «неизменно и неуклонно руководствоваться теми принципами, которыми отмечена была церковная деятельность почившего патриарха». По словам Алексия, они заключаются, с одной стороны, — в следовании «канонам и установлениям церковным», а с другой — в неизменности сохранения «верности Родине и возглавляемому Вами Правительству нашему»¹.

28 мая митрополит Алексей обратился с первым посланием к пастве, в котором извещал о принятии на себя обязанностей местоблюстителя патриаршего престола. «Мы переживаем время, — писал митрополит, — когда Господь дарует нам утешение видеть близость победы нашего оружия над врагом. Усилим, братие, нашу молитву о небесной помощи нашему воинству; усилим и нашу, хотя малую, как капля в море, но если она дается от искреннего сердца, действительную помощь на нужды военные; и словом, и примером да не престаем призывать нашу паству к бодрости душевной, к непоколебимой вере в торжество правды, в победу нашего правого дела»².

В период своего местоблюстительства митрополит Алексей должен был выполнить две взаимосвязанные задачи. Первая — продолжить дело патриарха Сергия по возрождению Церкви, и вторая — обеспечить проведение Собора для избрания нового главы Церкви.

---

¹ Известия. 1944. 21 мая.

² Журнал Московской патриархии. 1944. № 6. С. 54.

Из отчетных материалов Совета, к примеру, из докладной записки Г. Г. Карпова заместителю председателя Совнаркома В. М. Молотову мы можем познакомиться с тем, в каком состоянии к этому времени находилась Русская церковь¹.

Массовое открытие церквей имело место на Украине, в Белоруссии, в некоторых подвергшихся оккупации областях РСФСР. Всего, по данным Карпова, открыто было около 6,5 тыс. (73,7 % от общей сети). На 1 августа 1944 г. в СССР действовали 8809 церквей (без данных по Прибалтийским республикам). Из них: в УССР — 5206 (от 250 до 500 в Одесской, Винницкой, Черниговской, Житомирской, Ровенской, Полтавской областях); в РСФСР — 1907 (от 100 до 283 в Ставропольском и Краснодарском краях, в Ростовской, Орловской, Курской областях); в Молдавской ССР — 1100; в БССР — 550; в других союзных республиках — 46 церквей.

Распределение церквей на территориях областей РСФСР также было неравномерным. Например, в Иркутской и Курганской областях, в Краснодарском и Хабаровском краях, в Марийской и Мордовской автономных республиках — по одной; по две было — в Алтайском и Приморском краях, в Пензенской и Новосибирской областях; по четыре — в Куйбышевской, Саратовской, Тамбовской, Чкаловской областях. От 16 до 187 — в Горьковской, Ивановской, Кировской, Молотовской, Московской, Рязанской, Свердловской, Ярославской областях. Неравномерность в размещении церквей проявлялась и внутри административных территорий. Например, в 23 районах Московской области не было ни одной действующей церкви, хотя на всей ее территории насчитывалось 187 церквей; в Орловской области при 108 действующих церквях в 33 районах не было ни одной зарегистрированной церкви; в Ярославской области всего действовали 162 церкви, но в 16 районах — ни одной.

Как отсутствие церковных зданий во многих регионах Советского Союза, так и неравномерное распределение уже открытых и зарегистрированных в годы войны были объективной причиной массового и настойчивого обращения верующих в самые различные инстанции, и прежде всего в Совет, с просьбами об открытии дополнительного числа церквей и молитвенных домов, причем большинство из них поступали из центральных областей РСФСР, только за первое полугодие 1944 г. таковых поступило 3045. Однако только в 152 случаях

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 215–223. Опубликовано: Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 134–139.

просьбы верующих были поддержаны местными властями и положительные заключения по ним представлены в Совет.

Резкий диссонанс между реальными желаниями и потребностями верующих, которых, кстати, всегда и активно поддерживали правящие архиереи и патриарший местоблюститель, толкал верующих на проведение молитвенных собраний без регистрации — «нелегально», по терминологии местных властей и партийных органов. В сотнях мест тысячи православных верующих собирались в любую погоду на кладбищах, возле закрытых зданий, устраивая «лесные», «пещерные», «катакомбные» церкви. Моления происходили и в частных домах верующих. Нередко руководителями подобных незарегистрированных групп становились священники, оппозиционно настроенные к власти светской, а то и к власти церковной. К примеру, в Тульской области «дикие» или «ползучие», как их именовали уполномоченные Совета в своих отчетах, священники называли патриарха Сергия и митрополита Алексия «большевиками от Церкви».

На местах власти пытались с помощью административных мер, угроз привлечения к уголовной ответственности и обложения доходов подобных священников прекратить деятельность незарегистрированных православных обществ.

Что касается Совета, то Карпов резко возражал против применения каких-либо репрессивных мер в отношении верующих, рекомендовал местным властям путем открытия дополнительных церквей снимать напряженность.

Синод со своей стороны разъяснял мирянам антиканоничность деятельности подобных объединений и даже предупреждал о возможности их отлучения от Церкви. Одновременно он видел возможность урегулирования ситуации с помощью учреждения штата разъездных священников, которые могли бы в «бесцерковных районах» совершать обряды и кормить паству. Однако эти предложения не были услышаны. Более того, правительство поручило Министерству финансов усилить контроль за деятельностью заштатных и незарегистрированных священнослужителей и разработать жесткий порядок обложения их подоходным налогом.

Продолжал набирать остроту и вопрос о культовых зданиях, открытых на оккупированной территории. Пользуясь тем, что нередко верующие в качестве таковых использовали бывшие общественные и государственные учреждения (клубы, школы, магазины, музеи, местные советы, администрации учреждений), власти настойчиво предлагали им покинуть эти помещения.

На Украине, к примеру, в Сталинской области до 60 % церквей размещалось в бывших государственных и общественных зданиях; в Харьковской области — до 50 %; в Киевской области — 30 %; в Полтавской области — до 40 %. Председатели колхозов и сель-

советов, не дожидаясь указаний из центра, основываясь на своих практических интересах и нуждах, начали «изгнание» религиозных обществ. В некоторых регионах, например, в ряде областей Украины (Винницкая, Ворошиловградская, Днепропетровская, Сумская, Черниговская), в Ставропольском крае эти действия приобретали характер жестких административных кампаний, нередко сопровождавшихся выбрасыванием предметов церковного имущества на улицу, запрещением духовенству совершать богослужения. Председатель Ставропольского крайсовета весной 1944 г. дал указание освободить все занятые здания, в которых проводятся молитвенные собрания, а если других зданий религиозным объединениям возможности предоставить нет, то общины эти распустить. По данным Совета, на оккупированной территории под молитвенные цели было занято 1701 общественное здание, а к концу войны изъятыми оказались 1150 (324 — церковных, 826 — нецерковных) зданий, т. е. верующим оставлено было лишь 551 здание.

Факты беззакония в отношении верующих содержались и в материалах поступавших патриаршему местоблюстителю митрополиту Алексию. Епископ Сумский Корнилий в докладе от 28 сентября 1944 г. сообщал о закрытии 30 храмов. При этом, как он писал, «одиозное отношение местных сельских соввластей выражается местами грубо: в селе Павленковы Хутора храм был закрыт накануне праздника Успения Пресвятыя Богородицы, что особенно возбудило верующих против местной соввласти. В некоторых местах представители соввласти выбрасывали иконы из храмов, с руганью обращались со священниками, ударяя кулаками по столу, кричали на председателей церковных советов и церковных старост, не стесняясь выпускать со своих уст грязную ругань по адресу последних»¹.

Такого рода решения вызывали недовольство верующих, рождали конфликтные ситуации, подрывали политическую лояльность людей на освобожденных территориях, а иногда их итогом становились столкновения верующих с органами милиции.

Обращения Совета непосредственно к руководителям партийных и советских органов этих регионов, призывы к уполномоченным противодействовать такого рода церковной политике, не приносили положительных результатов.

Карпов вынужден был обращаться в правительство, указывая на возможные политические последствия в случае бездействия центральных властей, и предлагал меры по смягчению ситуации.

---

¹ Цит по: Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 207.

1 декабря 1944 г. Совнарком СССР принял постановление «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации». Основопологающие идеи Карпова были сохранены. В частности, предусматривалось, что: а) если изымаемое здание когда-либо использовалось в качестве православного храма, то вопрос об его изъятии должен был решаться по согласованию с Советом и б) взамен изъятых зданий местные органы власти обязаны были предоставить другое помещение (на условиях договора)¹.

Постановление было «работающим», хотя власти не в полной мере исполняли обязательство по предоставлению помещений. Как правило, верующим взамен предоставлялось здание меньшей площади, на окраине города и иногда в таком состоянии, что церковная община, не имея средств на ремонт, вынуждена была отказываться от него. В этом случае религиозная община считалась «распустившейся», так как регистрация церковного общества допускалась лишь при наличии здания для молитвенных целей. Например, в Сумской области из 22 религиозных обществ, у которых по решению облисполкома, одобренному Советом, были изъяты здания, «самораспустились» 18².

Парадоксальность ситуации заключалась еще и в том, что, изгоняя верующих из общественных зданий, власти не возвращали им типовые культовые здания, почти три тысячи которых и в конце войны оставались не переоборудованными и не перестроенными под какие-либо хозяйственные и иные нерелигиозные нужды. И это несмотря на то, что верующие активно добивались их возвращения религиозным общинам.

Проблемы с молитвенными зданиями для религиозных объединений осложнялись тем, что на освобождаемой территории многие из них были перестроены, потеряли церковный вид, а то и просто разрушены. К уничтоженным в 30-х гг. культовым зданиям добавились сотни и сотни новых потерь. По данным (далеко неполным) Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, на временно оккупированной территории были сожжены или полностью уничтожены, разграблены или осквернены 1670 церквей, 237 костелов, 69 часовен, 59 синагог и 258 других зданий религиозных организаций. Среди них бесценные памятники истории, культуры и архитектуры, относящиеся к XI–XVII вв., в Новгороде, Чернигове, Смоленске, Полоцке, Киеве, Пскове. Только в Московской области уничтоже-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 24.

² Там же. Д. 52. Л. 39, 40.

но 50 православных церквей, а в Литве — 40 костелов. В груды развалин превращены церкви и монастыри Петергофа и Пушкина в Ленинградской области, древние монастыри в Новгородской области, Ново-Иерусалимский монастырь в Истре, Киево-Печерская лавра в Киеве. (Заметим, что эти и многие другие памятники были впоследствии восстановлены «безбожным» государством.) Немало культовых зданий было превращено в тюрьмы и места пыток, в конюшни и скотобойни, кабаре и казармы, гаражи и общественные уборные. Обо всем этом сообщалось в многочисленных докладах православного духовенства и верующих в Московскую патриархию. Часть из них позднее была опубликована на страницах «Журнала Московской патриархии», в книге «Правда о религии в России» и в других изданиях Московской патриархии.

При отступлении оккупанты вывозили из молитвенных зданий тысячами предметы культовой утвари, иконы, картины, книги, изделия из драгоценных металлов и пр. Они были выявлены, собраны и подготовлены к отправке специальными военными, полувоенными и гражданскими учреждениями и организациями — «Изобразительное искусство», «Наследие», «Восток», «Кунсткомиссия», «Остланд» и др. Им было предоставлено право «проверять библиотеки, архивы и иные культурные организации всех видов» и конфисковывать найденные там ценности для последующего их вывоза в Германию. Идеологами ограбления выступили министр по делам оккупированных территорий на Востоке А. Розенберг, министр иностранных дел Риббентроп, рейхсфюрер Г. Гиммлер¹. Заметим, что возвращение похищенного, за исключением единичных случаев, так и не состоялось.

В период местоблюстительства митрополита Алексия нашло свое завершение дело возрождения учебных духовных заведений. В июне 1944 г. в стенах московского Новодевичьего монастыря прошло торжественное открытие Богословского института и пастырских курсов. Митрополит Алексей, возглавивший церковное торжество, говорил о «прежней духовной школе» как о школе «серьезной, глубокой, строгой, а в иных случаях и суровой», давшей «сонм святителей, пастырей, ученых богословов, скромных, но трудолюбивых работников на всех поприщах церковной, государственной и общественной деятельности», но подчеркивал и присущие ей недостатки — сословность, подневольность для детей духовенства, зависимость от государства. Местоблюститель выражал надежду, что теперь, в новых общественно-политических условиях, те, «кто поступают в наши

---

¹ См.: Кудрина Т. А. Духовный потенциал Великой Победы // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 143–153.

духовно-учебные школы, поступая в них не подневольно, а следуя влечению своему послужить Святой Церкви в священном сане. Весь строй этих школ должен быть строго церковным, без всякого уклонения в сторону мирского, светского уклада, и все питомцы нашей школы должны будут ему подчиняться»¹.

Ректором Богословского института был назначен профессор протоиерей Т. Д. Попов. В качестве преподавателей приглашались настоятели и священники московских храмов, педагоги из светских высших учебных заведений. В первый учебный год в институте обучались 17 студентов, а на пастырских курсах — 15 учащихся. Но уже в следующем году было принято 74 человека.

Одним из тех, кто был в «первом наборе» учащихся богословских школ, оказался Константин Нечаев, впоследствии митрополит Волоколамский и Юрьевский. Он в таких словах вспоминал о первом наборе Богословского института: «Студенты пришли отовсюду. Среди них были и молодые, и совсем пожилые люди. Одни из них имели законченное гуманитарное образование, другие прошли курс Духовной семинарии в далеком прошлом, но были и такие, кто вообще не имел никакой подготовки, кто по зову сердца пришел с сельскохозяйственных работ, от станков тыловой промышленности или с передовых позиций Великой Отечественной войны — опаленные огнем военного пожара, с нашивками ранений, боевыми наградами. Среди студентов нашего курса был Павел Александрович Голубцов (впоследствии архиепископ Сергей), в выцветшей зеленой гимнастерке с погонами солдата технических войск. Были в числе студентов и специалисты с большим жизненным опытом, работавшие прежде в конструкторских бюро, и люди, много лет служившие на приходах псаломщиками. Были люди с широкой богословской эрудицией, путем самообразования глубоко изучившие святоотеческую письменность, и люди, едва умевшие читать по-славянски»².

Позднее, через два года, институт и курсы будут преобразованы, соответственно в Московскую духовную академию и Московскую духовную семинарию — традиционные для Русской церкви организационные формы духовных учебных заведений, о которых, кстати, говорил и Сталин в сентябрьскую встречу 1943 г. с иерархами Церкви. Тогда же духовные школы будут переведены в возвращенные в 1945 г. Церкви здания Троице-Сергиева монастыря в Загорске (ныне — г. Сергиев Посад).

---

¹ Цит. по: Московская духовная академия. 300 лет (1685–1985). Богословские труды. Юбилейный сборник. М., 1986. С. 149.

² Цит. по: там же. С. 25.

Впоследствии семинарии будут открываться и в других городах Советского Союза: Киеве, Ленинграде, Луцке, Львове, Минске, Одессе, Саратове, Ставрополе. В 1946–1947 учебном году в них учились (таблица 4.1):

Таблица 4.1

Сведения о духовных учебных заведениях в СССР

№ п/п	Духовное учебное заведение	Число	
		учащихся	преподавателей
1.	Московская академия	14	17
2.	Московская семинария	130	нет сведений
3.	Ленинградская академия	17	10
4.	Ленинградская семинария	57	нет сведений
5.	Луцкая семинария	49	10
6.	Одесская семинария	24	12
7.	Киевская семинария	15	4
8.	Жировицкая семинария	11	3
9.	Вильнюсская семинария	23	4
10.	Ставропольская семинария	15	3
	Всего:	355	63

Однако духовные школы работали на перспективу и еще несколько могли обеспечить потребности Церкви в образованном духовенстве в полном объеме, тогда как открывающиеся церкви каждый день испытывали острую потребность в кадрах. Стремясь обеспечить каждый храм священником, Московская патриархия просила Совет оказать содействие в освобождении священнослужителей от призыва в действующую армию. Карпов в августе 1944 г. в письме на имя Молотова ставит вопрос о принятии особого постановления Совнаркома по данному вопросу. 3 ноября 1944 г. Комиссия при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации приняла специальное постановление, гласившее: «Освободить от призыва по мобилизации священнослужителей православной церкви (военнообязанных запаса независимо от возраста и состава), имеющих иерейский и диаконский сан, при условии, если они зарегистрированы в установленном порядке и служат в церкви. Освобождение священнослужителей от призыва в Красную Армию производить на основании справок их регистрации при СНК республик, край(обл)

исполкомах»¹. С этого времени по спискам, которые представлял Совет в правительство, православное духовенство получало отсрочку от призыва в армию.

Пристальное внимание уделялось и развитию издательской деятельности. Митрополит Алексей упорно «проталкивал» идею воссоздания церковной типографии, чтобы минимизировать зависимость от государства. В 1944–1946 гг. еще оставалась надежда, что государство пойдет на это, и временами казалось, что нужен всего лишь один последний шаг. Но этого в конце концов не случилось. Церкви предложено было издавать религиозную литературу в государственных типографиях. Бумагу для нужд Патриархии отпускали с ведома и разрешения ЦК ВКП(б), содержание рукописей издававшейся церковно-богословской литературы предварительно цензурировалось в Совете. К тому же Церковь постоянно сталкивалась с неизбывным желанием партийных чиновников сократить объемы и уменьшить тиражи религиозных изданий, путем проволочек оттянуть сроки ее выпуска. Ситуация в издательском деле была подчас столь тяжелой, что Карпов не однажды вынужден был жаловаться в партийные инстанции на заведующего ОГИЗом Грачева, который, как это было, например, в 1946 г., «вообще отказался включить в план 1947 г. издание религиозной литературы».

Последовательно митрополит Алексей продолжал дело «уврачевания церковных расколов».

В Обновленческой церкви к августу 1944 г. насчитывалось только 147 приходов, из которых 86 — в Краснодарском крае, 42 — в Ставропольском крае, и единичные храмы в других регионах СССР. День ото дня их количество сокращалось. Об этом же в Московскую патриархию поступали заявления от духовенства. Так, протоиерей Н. Н. Адриановский из Свердловска писал в рапорте: «Обновленческих церквей к настоящему времени насчитывается до 5-ти приходов. Верующие этих приходов горят желанием выйти из обновления и примкнуть к Православной церкви, но главным тормозом присоединения к православию является обновленческое духовенство. За июль и август из обновленческой ориентации присоединены приходы г. Красноуфимска и с. Савиново»².

По мнению Карпова, одной из важнейших причин «упадка обновленчества» было «моральное разложение» обновленческого

---

¹ См.: Одинцов М. И. Совет министров постановляет: «Выселить навечно». М., 2002. С. 15.

² Цит. по: Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005. С. 378.

епископата и приходского духовенства. В письме Сталину в августе 1944 г. Карпов сообщал: «Поступают заявления от верующих и духовенства с жалобами на то, что митрополит Александр Введенский и его сыновья совершают службу в храме в пьяном виде, скандалят, сквернословят, дерутся и допускают другие хулиганские выходки, оскорбляющие чувства верующих»¹.

Одновременно председатель Совета испрашивал санкций на все новые и новые «специальные мероприятия по дальнейшему переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую церковь». Разрешения давались, и ареал распространения обновленчества сокращался день ото дня. Специально назначенные ранее патриархом Сергием, а затем и митрополитом Алексием архиереи посещали бывшие обновленческие епархии и принимали их в патриаршую церковь.

Глава Обновленческой церкви, первоиерарх Александр Введенский, пытался затормозить распад обновленчества, для чего даже планировал ввести институт патриаршества. Стремясь «заинтересовать» государство, убедить его в «нужности» своей церкви, он несколько раз посещал Карпова и пытался добиться от него поддержки обновленчества. Но тот от каких-либо обещаний и советов уклонялся, ссылаясь на то, что процесс распада обновленчества есть результат выбора верующих масс, и государство ему препятствовать не намерено.

К середине 40-х гг. фактически исчезло и другое церковное движение, отколовшееся в свое время от патриаршей церкви — григорианство, последователи которого, не посягая на православное вероучение, богослужебные обряды, отказывались подчиняться митрополиту, а затем и патриарху Сергию.

В практическую плоскость вступил и вопрос о ликвидации униатства на западно-украинской территории, воссоединения Грекокатолической церкви с Русской патриаршей церковью. Конечно, для государства этот вопрос был вопросом политическим, частью непростых отношений с Ватиканом. Однако Г. Г. Карпов не однажды во время встреч с митрополитом Алексием вел зондаж его отношения к позиции власти. Знал митрополит Алексей и о переговорах делегации Униатской церкви в Москве в самом конце 1944 г., и о существовании среди униатов группы священнослужителей и мирян, настроенных на преодоление унии, и о приходах, где уже началось противостояние униатов и православных. Знал и высказывался весьма благожелательно, понимая, что весьма скоро от Церкви потребуются конкретные поступки и дела.

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1 Д. 3. Л. 137–139. Опубликовано: Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны... С. 370–372.

Уже 7 августа 1944 г. делегация Церкви посетила Совет для обсуждения возможного порядка избрания патриарха Московского. По мнению Алексия и его спутников — митрополита Николая и управляющего делами Н. Ф. Колчицкого, избрание патриарха должно свершиться на Поместном соборе. Ему же должен предшествовать Архиерейский собор. Предполагалось, что на Поместном соборе будут участвовать все правящие архиереи, представители приходского духовенства и мирян, всего около 150 человек. То есть мы видим, что предложения Церкви вполне укладывались в правила и порядок устройства Поместного собора 1917–1918 гг.

Несколько позже Московская патриархия представила подробный план созыва Собора и необходимых для его подготовки организационных мероприятий. Одновременно она просила оказать содействие в обеспечении проезда в Москву и выезда из нее участников Соборов, в предоставлении гостиницы для их размещения и в организации питания. Совет по делам Русской православной церкви поддержал эти предложения и представил их в виде докладной записки на имя заместителя председателя Совнаркома В. М. Молотова¹.

Безусловно, без поддержки со стороны государства проведение Собора в условиях продолжающейся войны было бы невозможным. Архивы свидетельствуют, что Совет по делам Русской православной церкви с августа 1944 г. был целиком занят оказанием поддержки и содействия Православной церкви в подготовке Собора. На прием делегаций, обустройство, транспортные и прочие расходы правительство выделило значительные денежные средства.

В конце ноября 1944 г. в здании Патриархии (Чистый пер., 5), состоялся Архиерейский собор с участием 50 епископов. Митрополит Алексий в своем выступлении так охарактеризовал положение Русской православной церкви: «Условия для развития церковной жизни — благоприятны, со стороны правительства нашего мы видим полную поддержку в наших церковных и патриотических начинаниях. За последний год по всему нашему Союзу открыто сверх имеющихся более 200 церквей, все ходатайства об открытии храмов тщательно рассматриваются; дело это продолжается и будет продолжаться и впредь. Открыт в Москве Богословский институт и Богословско-пастырские курсы; такие же курсы могут быть открываемы и в епархиях, и, таким образом, можно надеяться, что у нас

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.- 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 299–301. Опубликовано: Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 124–126.

постепенно пополняются кадры пастырей, которые пойдут на это служение не по принуждению, не по необходимости, а по искреннему влечению к работе на церковной ниве»¹.

С докладом о проекте «Положения об управлении Русской православной церкви» выступил архиепископ Саратовский Григорий (Чуков). С сообщением о подготовке к открытию духовных школ выступил протоиерей Т. Д. Попов. Отчет о деятельности «Журнала Московской патриархии» представил протоиерей А. П. Смирнов. Управляющий делами протоиерей Н. Ф. Колчицкий представил доклад о порядке избрания и чине наствования патриарха. В частности, предполагалось, что каждый из епископов от своего имени, клира и паствы своей епархии должен будет назвать имя избранника. По обсуждении всех этих вопросов Собор утвердил программу Поместного собора.

24 ноября участников Архиерейского собора принял председатель Совета Карпов. Он убеждал иерархов, что «те явления, которые сейчас происходят в жизни Церкви, во взаимоотношениях между Церковью и государством, не представляют чего-то случайного, неожиданного, не носят временного характера, не являются тактическим маневром, как пытаются представить это дело некоторые недоброжелатели или как это иногда выражается в обывательских рассуждениях. Эти мероприятия вытекают из той тенденции, которая наметилась еще до войны и которая получила свое развитие во время войны. Эти мероприятия советского правительства, относящиеся к жизни Русской православной церкви, находятся в полном соответствии с Конституцией СССР и носят характер одобрения той позиции, которую Церковь заняла в отношении советского государства в последнее десятилетие перед войной и, в особенности, во время войны, направленной на скорейшее достижение победы над врагом»².

Стремясь максимально содействовать успешному проведению Собора, Совет по собственной инициативе уже в первые январские дни 1945 г. входит в правительство с представлением об открытии двадцати девяти православных храмов в Башкирской, Дагестанской, Марийской, Северо-Осетинской, Удмуртской автономных республиках, в областях — Архангельской, Астраханской, Воронежской, Кировской, Курской, Омской, Пензенской, Ростовской, Тамбовской, Тульской, Челябинской, Чкаловской, а также в Краснодарском крае.

Тогда же Карпов поставил перед правительством и другой вопрос — о производстве колокольного звона. Дело в том, что на ранее захваченных немецко-фашистскими войсками советских террито-

---

¹ Журнал Московской патриархии. 1944. № 12. С. 5–6.

² Цит. по: Патриарх Сергий и его духовное наследство. М., 1947. С. 308–309.

риях колокольный звон в православных церквях был разрешен оккупационными властями. По мере их освобождения власти не препятствовали производству колокольного звона в храмах. Сложнее складывалась ситуация в открываемых церквях во внутренних регионах Советского Союза. Власти нередко препятствовали верующим, что порождало конфликты и многочисленные жалобы в Московскую патриархию и в Совет. С доводами Карпова власть согласилась, и вопрос о колокольном звоне был решен положительно¹.

18 января 1945 г. Карпов направляет Сталину докладную записку с перечислением «вопросов патриарха» в связи с проведением Поместного собора и с изложением мнения по ним Совета. На следующий день Карпов вместе с Молотовым были на приеме у Сталина. Председатель Совета просил положительного разрешения по следующим вопросам:

- об участии представителей Совета во встречах Восточных патриархов;
- о проведении официального приема в Совете для представителей зарубежных православных церквей;
- о выступлении представителя государства с приветствием на открытии Собора;
- о выделении Восточным патриархам в качестве подарков ценных культовых предметов из запасников музеев;
- об организации для участников Собора экскурсий в музеи Москвы, в метрополитен и духовного концерта.

Все эти предложения были рассмотрены в ходе встречи, положительно восприняты, и Совету дано было указание обеспечить их выполнение.

Подготовка Собора не осталась незамеченной и за пределами СССР. Одни с надеждой воспринимали доходившие до них известия о возрождении православия в России, Вот почему новый импульс получил процесс воссоединения с Московской патриархией ранее порвавших с ней связь церковных учреждений: велись переговоры с представителями Мукачевско-Пряшевской епархии, с монахами Валаамского монастыря в Финляндии, с митрополитом Феофилом (США), с карловацким духовенством в Европе, Китае, Японии, переговоры с митрополитом Евлогием (Георгиевским) во Франции.

Другие всячески пытались замолчать и «возрождение Церкви», и подготовку к избранию нового патриарха. Не случайно в Германии

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–7 об. Опубликовано: Одинцов М. И. «Прошу Ваших указаний». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1943–1945 гг. // Исторический архив. 2000. № 2. С. 175–176.

в конце января 1945 г. М. Борман распорядился «не высказывать по поводу выборов Московского патриарха ни в прессе, ни по радио никакой точки зрения»¹.

4.2. Поместный собор Русской православной церкви 1945 г.

31 января 1945 г. в московском храме Воскресения, что в Сокольниках, открылся Поместный собор Русской православной церкви. Его работа продолжалась до 2 февраля. Участвовал 171 делегат от 89 епархий: 46 архиереев, 87 священников и 38 мирян. Основными были два вопроса: избрание патриарха и утверждение «Положения об управлении Русской православной церкви».

В первый день, после торжественного открытия и приветствия почетных гостей и участников Собора, патриарший местоблюститель митрополит Алексей предоставил слово представителю правительства СССР — председателю Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпову. Его выступление стало сенсацией². По-существу, впервые перед церковной отечественной и зарубежной общественностью предстал человек, о котором многие слышали и от которого, как все понимали, многое зависело в церковной жизни. Он произнес свою речь в гробовой напряженной тишине. То был акт чрезвычайной политической важности, могущий сыграть огромную роль и для Церкви внутри страны, и для православия далеко за ее рубежами.

Сегодня, когда мы знаем, о чем говорили Сталин и три митрополита Русской православной церкви в Кремле в ночь с 4 на 5 сентября 1943 г., есть основание утверждать, что с трибуны Карпов фактически озвучил основные принципиальные положения «конкордата», заключенного между государством и Церковью. И в их развитие он предрекал новые гармоничные государственно-церковные отношения и вселял надежду на безоблачность религиозно-церковной жизни. По завершении своего выступления Карпов трижды, по-русски, поцеловался с председателем Собора митрополитом Алексием.

Один из участников Собора, экзарх Русской православной церкви в США митрополит Вениамин (Федченков), в своих заметках о заседаниях Поместного собора написал о Карпове: «Осталось еще одно значительное лицо на Соборе. Это — представитель советской власти по делам Православной церкви Георгий Григорьевич Карпов.

---

¹ См.: Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. Сб. документов. М., 2003. С. 222.

² Известия. 1945. 4 февраля.

Это верный представитель Государственной власти, как и подобает ему быть таковым. Но сверх сего и лично это — человек совершенно искренний, откровенный, прямой, твердый, ясный, почему он сразу внушает всем нам доверие к себе, а через себя и к советской власти. Но и это еще не все. Он, как и вообще правительство, открыто желает помочь Церкви в устройении ее на началах Советской Конституции и в согласии с нуждами и желаниями церковного народа. Горячо верю и желаю ему полного успеха. И убежден: так и будет»¹.

В ответном Обращении Поместного собора к правительству СССР выражалась благодарность за «доброжелательное и внимательное отношение ко всем церковным начинаниям со стороны государственной власти» и подтверждалась патриотическая позиция Церкви в таких словах: «Русская православная церковь на протяжении всей русской истории жила со своим народом одной жизнью. И сейчас, в дни Великой Отечественной войны, в дни напряженной борьбы всего миролюбивого человечества с кровавым фашизмом, наша церковь всю себя отдает на служение дорогой Родине и нашему народу. Она счастлива тем, что в общее дело победы в годину тяжелых испытаний и она, вместе со всей страной, вкладывает свою посильную долю»².

С кратким, но очень проникновенным и эмоциональным словом о патриотической деятельности Церкви в годы войны выступил митрополит Алексей. Впервые публично и в обобщенном виде предстала перед слушателями картина всецерковного патриотического делания за годы Отечественной войны.

Патриарший местоблюститель, развивая идеи, выраженные им в ходе заседания исторического Архиерейского собора 1943 г., особо подчеркивал, что «вещественные жертвы» Церкви, выразившиеся в сборах денежных средств, продуктов питания, драгоценностей и других предметов на нужды обороны страны и Красной Армии, были лишь малой долей в общем деле помощи, какую оказала Церковь в годину военного испытания Отечеству. Главным стал «духовный вклад» на алтарь Победы, выразившийся в том, что Церковь «поднимала дух безмерной любви к Родине, волю к победе», давала «утешение страждущим, скорбящим, унывающим». Исполнили свой долг, говорил Алексей, и пастыри церкви, которые «неленостно выполняли свое святое послушание, невзирая на неимоверные трудности, связанные с военным положением, особенно в местностях, в которых или близ которых происходили военные действия; ежедневно, и не один раз в день, исполняя просьбы своих пасомых, совершали они

---

¹ Журнал Московской патриархии. 1945. № 3. С. 22.

² Правда. 1945. 5 февраля.

богослужения, молясь за живых и за умерших, совершая церковные таинства в духовное подкрепление страждущих душевно»¹.

В постановлении по прозвучавшему докладу Собор призвал всех верующих к продолжению «беззаветного служения дорогой Родине»².

После этого слово было предоставлено архиепископу Псковскому Григорию для представления соборному собранию проекта «Положения об управлении Русской православной церкви». Положение включало в себя четыре раздела. Первый — определял порядок избрания, права и обязанности главы Церкви; второй — состав, порядок избрания и компетенцию Священного синода. Третий — функции епархиальных органов церковного управления: избрание и назначение епархиального архиерея, деятельность епархиального совета. Четвертый — устройство органов управления приходской общиной: приходского собрания, церковного совета, ревизионной комиссии. После обсуждения Положение было единогласно утверждено и отныне заменяло соответствующие Определения Поместного собора 1917–1918 гг.

Заседание Собора 2 февраля было посвящено избранию патриарха. На вопрос о кандидате, с которым к присутствовавшим иерархам, начиная от младшего по хиротонии, поочередно обращался протоиерей Н. Колчицкий, все, от себя и от лица клира, и мирян своих епархий, дали один и тот же ответ: «Избираем патриархом Московским и всея Руси высокопреосвященнейшего Алексия, митрополита Ленинградского и Новгородского»³.

Интронизация новоизбранного патриарха состоялась 4 февраля в Богоявленском соборе, как бы подчеркивая преемственность предшествующему патриарху Сергию (Страгородскому), который покоем в этом храме; его церковному и гражданскому служению. Об этом же свидетельствовали митрополит Киевский Иоанн и митрополит Крутицкий Николай, вручавшие новому патриарху знаки патриаршего отличия — куколь и жезл, и отмечавшие, что Алексий продолжает дело «незабвенного старца патриарха Сергия», духовная помощь которого является залогом правильности церковного курса и поддержкой в служении Родине.

Здесь же избранный и новопоставленный патриарх огласил свое первое послание. Смысл своего нового церковного призвания он определил так: «Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, делом и словом в себе самом наглядно выражающий Истину. Задачею

---

¹ См.: Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 40.

² См.: Там же. С. 40–42.

³ Там же. С. 49.

его является сохранение в благочестии и святости тех, кого он принял от Бога. Цель его — спасти вверенные ему души. Подвиг его — жить во Христе и для мира быть распятым. Долг патриарха — хранить неизменность и неприкосновенность церковного учения, священных канонов и преданий церковных; охранять вверенную ему Поместную церковь от разделений и расколов; насаждать доброе житие в своей пастве; иных “страхом спасать”, иных, по Апостолу, “обличать”, “запрещать”, “да всяко некий спасутся”»¹.

Собор принял два важных документа общеполитического значения:

- Обращение к христианам мира;
- Обращение к народам мира.

Отметим, что в Обращениях затронута была и тема отношения к Ватикану. Если в Обращении к христианам мира содержалась завуалированная критика тех людей, «которые имеют смелость считать себя христианами» и призывают «во имя всепрощения» простить преступления фашизма, то в Обращении к народам мира уже прямо было написано: «Представители православных автокефальных церквей, присутствовавшие на созванном в Москве Соборе Русской православной церкви для избрания патриарха Московского и всея Руси, имея в виду теперешнее международное положение, возвышают свой голос против усилий тех — особенно Ватикана — кто, пытаясь в своих выступлениях оградить гитлеровскую Германию от ответственности за все совершенные ею преступления и взывая к милосердию в отношении гитлеровцев, заливших кровью невинных жертв всю Европу, хочет тем самым, по нашему мнению, оставить после войны на земле фашистское, человеконенавистническое, антихристианское учение и его носителей»².

На Поместном соборе присутствовали иностранные гости — патриархи: Александрийский Христофор, Антиохийский Александр III, Грузинский Каллистрат; делегации от ряда автокефальных православных церквей: Константинопольской, Иерусалимской, Сербской, Румынской. Это было внове для всех — Русская православная церковь получила возможность общаться напрямую с православными и иными церквями. Гости вживую увидели русское православие, которое и спустя трагические десятилетия оставалось духовной силой православных народов России и демонстрировало возможность и желание исполнять свое историческое предназначение.

---

¹ Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 5.

² Там же. С. 17.

Руководители всех церковных делегаций, но особенно Восточные патриархи, были награждены просто царскими подарками. Им были преподнесены историко-художественные предметы из запасников государственных музеев: панагии, кресты, книги, иконы, облачения. Идея о таком награждении — акт, соотносимый с давней традицией общения православных церквей, — принадлежала митрополиту Алексию, но реализованной она могла быть только при поддержке Карпова. Он отстаивал это предложение местоблюстителя вполне осознанно, хотя и не всегда это ему приходилось делать в благоприятной обстановке. Одновременно, на будущее, председатель добился ежегодного выделения на подобного рода подарки 100 тыс. рублей, сумма по тем временам весьма и весьма немалая.

Впечатление иностранных церковных гостей было восторженным. Собор продемонстрировал возможности Русской церкви быть «лидером» в православном мире в послевоенную эпоху, способным собрать вокруг себя автокефальные православные церкви и представлять православный мир в контактах с инославным миром. Церковные делегации могли убедиться, что Русская православная церковь пользуется поддержкой со стороны советского государства. Это было залогом для последующего организационного укрепления Церкви внутри страны и одновременно создавало для нее предпосылки к активной и успешной внешней деятельности, в том числе и в части оказания материальной поддержки православных церквей Востока и Европы.

Как выразился митрополит Алеутский и Североамериканский Вениамин, «не перенес ли Глава Церкви, Господь Иисус Христос, центр ее в Москву? Не суждено ли первопрестольной исполнить давнее пророчество инок Филофея: “Москва — третий Рим”? Конечно, это еще более и сильнее обязывает Русскую церковь быть на деле достойной такого высочайшего положения в данный и ближайший момент истории. Но факт остается фактом: подобное собрание всей Церкви теперь могло быть лишь в белокаменной Москве. Радовало и единение в любви и согласии всех Церквей. Как давно мы, православные народы, отдалились друг от друга! Как мало было общения между нами! И вот теперь мы явились свидетелями объединения... А может быть, скоро будет создан и некий объединительный совещательный центральный орган из представителей всех православных церквей, о чем перед своей смертью предрекал великий усопший патриарх Сергей в своей замечательной статье о том, что папа римский не есть “наместник” Христа на земле. Дай Бог этого»¹.

---

¹ Там же. № 3. С. 21–22.

О подобного рода настроениях свидетельствовал и Карпов в записках в Совнарком: «Многие члены заграничных делегаций высказывали предположение о том, что центр вселенского православия необходимо перенести в Москву, поскольку Русская православная церковь является самой многочисленной и богатой в материальном отношении»¹. Да и патриарх Алексий в беседах с Карповым, сообщая о впечатлениях от своих поездок на Ближний Восток и европейские страны, подчеркивал, что его собеседники единодушно говорили о возможности созыва Вселенского собора и избрании на нем Вселенского патриарха. Он должен был, по их мнению, пройти в Москве, куда и следовало бы перенести центр вселенского православия. Близкое окружение патриарха в этот период не однажды слышало от Алексия слова о его мечте создать «Московский Ватикан». К этому предпринимались и практические шаги. Патриарх ходатайствовал перед правительством о выделении в Москве земельного участка и строительстве на нем дома, где могли бы разместиться покои патриарха, помещения для Синода и синодальных учреждений, духовные школы, типографии и мастерские².

Безусловно, для церковных делегаций, побывавших в Москве, не было откровением, что особую роль в государственно-церковных отношениях играл Совет по делам Русской православной церкви и его председатель Г. Г. Карпов. Так, летом 1945 г. экзарх Болгарской православной церкви Стефан был в Москве, где состоялись его встречи в Московской патриархии с членами Совета по делам Русской православной церкви и дважды с Г. Димитровым, на которых обсуждались проблемы строительства государственно-церковных отношений в новых политических условиях в Болгарии. По возвращении Стефан выступил с большой речью по Софийскому радио. В ней он следующими словами охарактеризовал деятельность Совета и Карпова: «Этот, без сомнения, большого значения Совет возглавляется высокоинтеллигентным русским общественником Георгием Григорьевичем Карповым, который в ранге министра умело поддерживает гармонию между духовной и гражданской властями, так, чтобы Русская церковь была поднята на завидную высоту... Организатор первой величины господин Карпов вполне достоин своей высокой миссии. Он создает новую эпоху в большом процессе церковного бытия в душах верующего русского народа, вызывая все церковные

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 946. Л. 101.

² ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 29. Л. 172. Опубликовано: Одинцов М. И. «Прошу Ваших указаний». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 1943–1945 гг. // Исторический архив 2000. № 2. С. 184.

живительные силы прошлого и настоящего к восстановительной и творческой работе»¹.

Прошедший Собор имел не только внешнеполитический отзвук, он оказал существенное воздействие на настроения непосредственно и в советском обществе.

Материалы о церковном мероприятии в изобилии печатались на страницах официальной советско-партийной прессы. В различных регионах страны повсеместно проходили собрания верующих с присутствием представителей власти, где читались информационные сообщения о Соборе.

Снят был документальный фильм о Соборе, показанный затем неоднократно на экранах Москвы, в клубах и кинотеатрах других российских городов. Он неизменно вызывал интерес у зрителей. Так, в Курской области вместо запланированного трехдневного показа фильма его показывали шесть дней, и все время количество желающих было огромным, и всем так и не удалось его посмотреть. Одна из верующих заявила после просмотра: «Все, что я видела, наглядно показывает крепость нашей православной веры. Что бы там ни говорили, а поцелуй патриарха председателем Совета Карповым — очень многое значит. В жизни даром поцелуев не дают»².

Но этот упомянутый верующей эпизод, как и в целом выступление Карпова на Соборе, в среде партийно-советских идеологов и антирелигиозников воспринимался далеко не благожелательно. Даже такой известный религиовед, советский государственный и партийный деятель, с именем которого связан благоприятный для «сектантов» период взаимоотношения с советской властью, как В. Д. Бонч-Бруевич, не принял изменений в государственной политике в отношении религии и церкви. В обнаруженных в его личном архиве записках выражено резко негативное отношение к «потеплению» взаимоотношений между советским государством и Русской церковью; уничижительно говорилось о деятельности «несчастливого» Карпова, впавшего в «гнилой компромисс».

Откликаясь на опубликованную в центральных газетах речь Карпова на Поместном соборе и широко показанный на экранах столицы фильм о Соборе, Бонч-Бруевич записал: «Все в этой речи фальшиво и противоречиво с совершенно твердо и давно, еще при Ленине, установленной партийной точкой зрения на все и всяческие

---

¹ Цит. по: Волокитина Т. В. Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии (К проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е гг. XX в.) / Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003. С. 114.

² ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 37. Л. 58, 66, 85.

церковные организации. ...Зачем нам, коммунистам, социалистам, материалистам, атеистам, советским людям, высказывать “наилучшие пожелания” усиленной плодотворной работе по устройству высшего церковного управления, т. е. “управления” верхушки церковного аппарата, при посредстве которого все это «общество» явных духовных мошенников, плутов в рясах и камилавках, явных белогвардейцев и контрреволюционеров, всегда устраивавших всяческие погромы, для чего им мы публично теперь желаем всяческого благополучия?»¹

Можно упомянуть и о докладной записке, направленной в июле 1945 г. в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) известным в 20–30-х гг. «антирелигиозником» Б. Кандидовым. В ней он резко отозвался о новом курсе государства в церковном вопросе, писал о «самоуспокоенности» властей, тогда как, по его мнению, нужна «борьба с церковниками». Последние характеризовались им как «опорная точка иностранной разведки», «бывшие люди», «тунеядцы». В его представлении патриарх Алексий — «сторонник кнутофила Филарета», человек, судимый советской властью, а митрополит Вениамин (Федченков) — «белогвардеец». Патриотическая деятельность Церкви характеризовалась всего лишь как «самореклама и обман». Уничажительной критике подвергал Кандидов деятельность Совета по делам Русской православной церкви, а выступление Карпова на Поместном соборе назвал «повторением поповских утверждений»².

О смятении в умах партийных работников и пропагандистов в связи с появлением в центральной прессе материалов о Поместном соборе свидетельствуют справки, представлявшиеся в различные партийные инстанции³. Хотя в них отмечалось, что «подавляющая часть рабочих, инженерно-технических работников, служащих предприятий и учреждений правильно оценивает лояльное отношение Советского правительства к Церкви, которое вызвано военной обстановкой и сложившимся международным положением нашей страны», но здесь же давался длинный перечень «недоуменных вопросов», с которыми приходилось встречаться партийным работникам в различных аудиториях: будут ли восстанавливаться монастыри и церкви; будет ли разрешен повсеместно колокольный звон; будет ли

---

¹ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 67. Д. 2. Опубликовано: Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 2005. С. 445–448.

² См.: Там же. С. 106.

³ См.: Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 498–499.

введено преподавание богословских дисциплин в школе; будут ли внесены изменения в программу партии и в Конституцию СССР; можно ли вести антирелигиозную пропаганду; имеют ли равное право в нашей стране другие религии; изменилось ли отношение партии и государства к религии; как теперь понимать лозунг: «Религия — опиум народа»; можно ли коммунистам ходить в церковь и совершать религиозные обряды?»¹

Подобного рода мнения и оценки были достаточно широко распространены в партийно-государственной среде, и они дополнительно осложняли положение Совета, способствовали сохранению антицерковных, антирелигиозных настроений в обществе.

Впечатления участников Поместного собора от российских епархий были разнообразными. Были среди них те, кто искренне верил, что «времена гонений» позади и впереди безоблачность отношений с советским государством. Были сомневающиеся в благоприятном исходе «союза» с государством. Некоторые же, хотя и радовались происходящему на их глазах, но воспринимали это как преходящее и кратковременное явление, вызванное исключительно обстоятельствами военного времени. Приведем слова епископа Херсонского Михаила (Рубинского), говорившего в беседе с Уполномоченным: «Только незначительное меньшинство “соборян” принимало все эти торжества и все виды внимания как прямое признание института Церкви со стороны Правительства и установление полной веротерпимости, а подавляющее большинство духовенства и мирян, в недалеком прошлом почти поголовно репрессированных, отнеслись ко всему этому очень критически, с большой осторожностью, с большим сомнением и даже полным недоверием, считая, что все это вызвано к жизни какими-то неясными еще моментами политической необходимости. При этом на местах сильно расхолаживало верующих отношение к делу религии представителей гражданской власти, которые твердо стояли и стоят на своем: “Кончится война, кончатся и церкви”»².

10 апреля 1945 г. делегация Русской церкви в составе патриарха Алексия, митрополита Николая (Ярушевича) и управляющего делами Московской патриархии протоиерея Николая (Колчицкого) была принята в Кремле И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. От Совета ее сопровождал заместитель Карпова С. К. Белышев. Обсуждались вопросы патриотической деятельности Церкви в условиях заканчивающейся войны, а также перспективы возобновления и развития связей Церкви с православными церквями Европы и Ближнего Востока. Для Сталина канвой для обсуждения служили соображе-

---

¹ См.: Там же. С. 497–504.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 313. Л. 163.

ния Карпова, изложенные им в докладной записке по итогам Собора. А именно — просьба поддержать такие направления внешней деятельности Церкви:

- воссоединение русских православных церквей за границей;
- установление тесных и дружественных связей с православными церквями славянских стран;
- укрепление связей с автокефальными православными церквями.

Казалось, все свидетельствовало о том, что характер государственно-церковных отношений, складывавшийся после сентябрьского конкордата 1943 г., приобретал устойчивость и определенность. Государство и Церковь находили поле общих интересов. Видимым знаком тому было и присутствие патриарха Алексия на трибуне мавзолея В. И. Ленина во время проведения на Красной площади Москвы 24 июня 1945 г. Парады Победы, а несколько позднее — и награждение патриарха Алексия за патриотическую деятельность в период войны орденом Трудового Красного Знамени¹.

Высокую оценку у руководства страны получила и деятельность Совета по делам Русской православной церкви. В феврале 1945 г. председатель Совета Г. Г. Карпов был награжден высшим государственным знаком отличия — орденом Ленина, в июле этого года ему было присвоено звание генерал-майора госбезопасности. К различным государственным наградам (ордена Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», медаль «За трудовую доблесть») были представлены сотрудники центрального аппарата Совета и его уполномоченные на местах.

В первые послесоборные месяцы положительно для Церкви были разрешены и некоторые проблемы правового закрепления и обеспе-

---

¹ В записке, представленной патриархом Алексием в 1945 г. в Совет по делам Русской православной церкви, указывались следующие данные о взносах Церкви в патриотические фонды за годы Великой Отечественной войны:

«На Красный Крест — 7 618 398

На танковую колонну — 134 811 695

Подарки Красной Армии — 9 701 437

Семьям /бойцов/ Красной Армии — 67 405 353

Прочие нужды Обороны — 8 770 303

Облигациями — 825 003

Продуктами — 11 660 878

Ценностями — золото, платина, серебро, медь, бронза, драг[оценные] камни (без перевода на денежные знаки)

Итого: 273 793 067 /рублей/».

Опубликовано: Одинцов М. И. «Проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей Родине и своей вере народ». Патриарх Алексий I (Симанский) о патриотической деятельности Русской православной церкви в 1941–1945 гг. // Исторический архив. 2006. № 2. С. 66–80.

чения практических потребностей религиозных объединений. Так, в августе 1945 г. Совнарком вынес постановление о предоставлении религиозным объединениям прав юридического лица в части приобретения транспортных средств, производства и продажи церковной утвари и предметов религиозного культа, аренды, покупки в собственность и строительства домов для нужд религиозных объединений. Этим же постановлением Совнарком республик и обл(край)исполкомам предложено было, во-первых, не препятствовать церковным общинам производить колокольный церковный звон в городах и селах, используя имеющиеся колокола, и не препятствовать приобретению их; а во-вторых, при планировании предусматривать, в пределах возможного, необходимость снабжения строительными материалами приходских общин для ремонта церковных зданий, обусловленного договором с общиной, по представлениям уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР.

Хотя подобного рода решения носили секретный характер, но их основное содержание доводилось до сведения Патриархии, а в некоторых случаях оно подробно комментировалось на страницах «Журнала Московской патриархии».

Вне всяческих сомнений, это и другие подобные решения облегчали положение православных общин, способствовали возрождению религиозной жизни в СССР.

Глава V

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В 1946–1953 гг.

5.1. Патриарх Алексий I: первые годы патриаршества. 1946–1949 гг.

Импульс положительного развития государственно-церковных отношений, данный сентябрьской встречей 1943 г., еще некоторое время продолжал оказывать благотворное влияние на их развитие. Отметим, что между патриархом Алексием и Г. Г. Карповым сохранялись ровные и даже в чем-то дружеские отношения, связывавшие их на протяжении многих лет. Патриарх не раз бывал у Карпова, проживавшего в известном Доме на набережной, был знаком с его семьей. В письмах патриарха Карпову (а всего только за период 1945–1948 гг. их насчитывается 180 и 65 телеграмм) неизменно присутствует просьба передать приветы членам семьи, интерес к их самочувствию, готовность помочь. Традиционными были обмены приветствиями, поздравлениями, подарками по случаю государственных и религиозных праздников, дней рождения, приглашения на различного рода торжества.

Можно засвидетельствовать, что положительная эволюция государственно-церковных отношений продолжалась вплоть до 1949 г. Однако эти годы уже нельзя назвать безоблачными, постепенно между двумя институтами появляется непонимание, которое все нарастало и нарастало, осложняя общую религиозную ситуацию в стране. Это можно проследить на различных примерах продолжающихся усилий Церкви стабилизировать свое положение в советском обществе и возникающих при этом проблемах во взаимоотношении с Советом по делам Русской православной церкви и советским государством в целом.

Открытие храмов и монастырей, возвращение святых мощей

Поместный собор 1945 г. способствовал активизации верующих, которые все чаще обращались с заявлениями об открытии

церквей. Многие из них поступали в Синод. Как правило, по наиболее массовым обращениям митрополит Алексей информировал руководство Совета и передавал туда заявления. В конечном итоге заявления верующих передавались в местные органы власти, которые в соответствии с действовавшим законом и обязаны были их рассматривать.

Но в среде местных советских и партийных работников дух неприятия религии и церкви был преобладающим. И переломить эти настроения и продолжающую проявлять себя инерцию 30-х гг. было почти невозможно. О настроениях местных властей откровенно свидетельствовали уполномоченные Совета.

К примеру, уполномоченный по Волгоградской области С. Косицын в одном из своих информационных докладов указывал, что власти не желают юридического оформления религиозных общин, а потому безразличны к росту незарегистрированных «самовольно действующих» православных групп и не подталкивают их к регистрации; либо, получая ходатайства от верующих об открытии церквей и молитвенных домов, «дальнейшего им хода не дают»¹.

Это находит подтверждение и в официальной статистике Совета, в информационных материалах Карпова в партийные и советские высшие органы (таблица 5.1).

Таблица 5.1

**Сведения о заявлениях верующих, поступивших в Совет по делам
Русской православной церкви**

Годы	Поступило ходатайств	Открыто церквей
1944	6402	207
1945	6025	509
1946	5105	369
Всего	17 532	1085

Благодаря активным усилиям Совета количество православных молитвенных зданий и монастырей, официально признанных государством и потому имевших возможность функционировать, увеличивалось день ото дня. Об этой динамике свидетельствует таблица, составленная в Совете по делам Русской православной церкви (таблица 5.2).

¹ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6284. Оп. 2. Д. 4. Л. 10–11.

Сведения о действующих православных церквях в республиках СССР

Годы	1943 сентябрь	1944 август	1945 июль	1946 январь	1947 январь
Всего	9829 ¹	8809	10 243	10 547	13 813
в республиках:					
Белоруссия	нет сведений	550	633	621	нет сведений
Молдавия	нет сведений	1100	615	582	нет сведений
Прибалтика	нет сведений	нет сведений	343	343	нет сведений
РСФСР	нет сведений	1907	2297	2816	3082
Украина	нет сведений	5206	6072	6007	8815
Всего монастырей	нет сведений	нет сведений	75	75	99

Четко проявлявшаяся в стране тенденция противодействия открытию православных храмов и молитвенных домов вызвала поток жалоб верующих. В конце 1946 г. Г. Г. Карпов отмечал в докладной записке в правительство, что ходатайства в открытии примерно 1200 храмов не прекращаются с 1944 г. Ходоки от этих групп верующих идут с жалобами во все инстанции (в Верховный Совет, СМ СССР, ЦК ВКП(б), к К. Е. Ворошилову, Генеральному прокурору)². Группы верующих, потеряв надежду на открытие церкви законным путем, самовольно занимали пустующие храмы; шли на подкуп представителей власти подарками и деньгами. В стране увеличивалось количество нелегально действующих молитвенных домов³.

Руководство Совета по делам Русской православной церкви придерживалось мнения и не раз ставило в известность о нем правительство, что многократный отказ в удовлетворении ходатайства об открытии церкви ведет лишь к закреплению религиозных убеждений и усиливает религиозный фанатизм. Г. Г. Карпов настаивал, что «существующий порядок рассмотрения заявлений не дает возможности Совету оперативно регулировать открытие церквей, так как он целиком зависит от решения местных органов. Учитывая, что многие местные руководители отрицательно смотрят на открытие церквей, Совет считает целесообразным, чтобы в дальнейшем за местными советскими органами было сохранено право высказывать мнение по ходатайству, а рассмотрение и окончательное решение вопроса предоставить Совету»⁴.

¹ В цифру включены 6,5 тыс. церквей, действовавших на оккупированной территории.

² ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 81. Л. 102.

³ Там же. Д. 30. Л. 108; Оп. 2. Д. 8. Л. 29; Оп. 2. Д. 12. Л. 56; Оп. 2. Д. 13. Л. 153.

⁴ Там же. Д. 149. Л. 87.

С осени 1947 г. положительные заключения с мест стали просто единичными. Как считал Карпов, в значительной мере это было следствием исполнения местными органами власти «директивы» ЦК ВКП(б) об атеистическом воспитании населения, спущенной тогда же в низовые парторганизации. Председатель Совета, хотя внутренне и понимал, что «этот долгожданный документ дал право органам власти на местах считать, что церкви открывать теперь не надо»¹, но все же не сдавался. В начале 1948 г. он обращался лично к К. Е. Ворошилову, И. В. Сталину, в Совмин СССР с вопросом, «подлежат ли изменению принятые постановления, касающиеся открытия церквей». И хотя конкретного ответа председатель Совета не получил, последующие события показали, что обеспокоенность его была небезосновательной.

27 марта 1948 г. по представлению Совета министров СССР вынес распоряжение об утверждении принятых местными органами власти решений об открытии 18 церквей и 10 молитвенных домов в 28 населенных пунктах страны. Трагичности ситуации добавлял тот факт, что спустя полгода, 28 октября 1948 г., это распоряжение союзного Совмина было отменено постановлением Политбюро ЦК ВКП(б). Тем самым ставилась точка в вопросе легализации фактически действующих на протяжении длительного времени и вновь образуемых верующими православных общин. Одновременно становилось понятным, что партийные установки и мнения становятся определяющими для решения практических вопросов государственной вероисповедной политики.

На 1 января 1948 г. в СССР учтено было 14 187 православных церквей и молитвенных домов. Из них 3021 не прекращали своей деятельности и до Великой Отечественной войны; 7405 — начали функционировать во время немецко-фашистской оккупации; 2491 — бывшие храмы Греко-католической церкви; 1270 — открыты распоряжением СНК (СМ) СССР².

Новым явлением в государственно-церковных отношениях послевоенного периода стало возвращение Церкви «святых мощей» и предметов культа из музейных фондов. С 1946 г. патриарх Алексий настойчиво просил об этом. Уступая патриарху, решено было в «порядке исключения» вернуть мощи Сергия Радонежского в Троице-Сергиеву лавру.

В канун празднования 800-летия Москвы патриарх вновь обращается с просьбой о возвращении мощей. В письме Г. Г. Карпову он писал: «Всем известно, какое сильное впечатление произвело на верующих и какую с их стороны вызвало благодарность Правительству возвращение мощей святителя Феодосия в Чернигове, Виленских

---

¹ Там же. Д. 153. Л. 21.

² Там же. Д. 30. Л. 158; Д. 81. Л. 41; Д. 149. Л. 81; Д. 153. Л. 2.

мучеников в Вильно, Святителя Тихона в Орле, и, как это особенно чувствовалось в Москве — мощей Преподобного Сергия в Лавру»¹. По мнению патриарха Алексия, юбилей Москвы, который торжественно готовилась отмечать и Церковь, должен был ознаменоваться «каким-либо священным событием». И в связи с этим он просил о передаче в патриарший собор мощей князя Даниила — основателя Москвы и Алексия, митрополита Московского. В соответствии с распоряжением СМ СССР ходатайство патриарха Алексия в части передачи мощей митрополита Московского Алексия из Успенского собора Кремля в патриарший Богоявленский собор было удовлетворено.

Сам Карпов относился к этой проблеме довольно отрицательно, допуская даже возможность уничтожения «не востребовавшихся мощей». Не случайно в инструктивном письме уполномоченным оговаривалось, что «никакого массового возвращения мощей не может иметь места, уполномоченным не следует проявлять инициативу в части розыска мощей в музеях и других организациях»².

Однако в своей практической деятельности Карпов не мог игнорировать просьбы Церкви и идти против реально выявленного желания огромных масс верующих. По данным Совета, в музеях страны насчитывалось 245 мощей святых, изъятых в ходе кампаний начала 1920-х и последующих годов. Совет подготовил проект специального распоряжения о возвращении мощей, который был принят правительством³. В соответствии с ним состоялось возвращение Церкви более десяти чтимых верующими мощей.

Архиерейские кадры

В конце 1944 г. и в течение 1945–1946 гг. и общее число архиереев достигло 61 человека. Из материалов Совета мы можем почерпнуть сведения о социально-демографических характеристиках епископата Русской православной церкви (таблица 5.3).

Таблица 5.3

Сведения о епископах Русской православной церкви

По возрасту	По церковному стажу	По образованию
до 50 лет — 12	до 10 лет — 4	с высшим духовным — 25
от 50 до 60 лет — 12	до 20 лет — 8	со средним духовным — 19
старше 60 лет — 37	до 30 лет — 16	с высшим светским — 17
	свыше 30 лет — 33	кандидаты богословия и магистры — 16

¹ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 606. Л. 5–6.

² Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 62.

³ Там же. Д. 147. Л. 57.

В период 1943–1947 гг. вопросы назначений и перемещений иерархов решались в Совете в целом свободно. Отрицательное мнение Г. Г. Карпова по той или иной кандидатуре было достаточно редким. Более распространенной была такая реакция Совета: «Возражений со стороны Совета нет». Иногда само согласование затягивалось, в том случае, когда, по мнению правительства, не находилось достойной кандидатуры на освободившуюся кафедру. Так было с вопросом о замещении митрополита Николая (Ярушевича) на кафедре экзарха Украины после его избрания постоянным членом Синода осенью 1943 г. В течение полугода шло «согласование» по линии НКГБ Украины, ЦК и СНК Украины. Только в феврале 1944 г. архиепископ Ярославский Иоанн (Соколов), возведенный в сан митрополита, был назначен экзархом Украины.

Но все же многие епископские кафедры оставались незамещенными. В 1946 г., например, из 83 епархий 17 не имели своего управляющего архиерея. Некоторым епископам приходилось брать «под свое водительство» приходы двух, а то и трех областей.

На 1 января 1948 г. епископат Русской православной церкви представляли 3 митрополита, 24 архиепископа, 42 епископа во главе с патриархом. Из них 52 были посвящены в архиерейский сан в 1941–1947 гг.

Как показывают архивные документы, Совет по делам РПЦ владел более полной информацией о деятельности и личной жизни архиереев, чем церковное руководство (на представителей высшего духовенства в Совете имелись «наблюдательные личные дела»). О многом патриарх узнавал впервые на приемах в Совете; более того, патриарх Алексей не раз просил Карпова предоставить отзыв уполномоченного о том или ином иерархе в качестве дополнительных сведений к имеющимся в Синоде.

По результатам инспекторских проверок дел на местах Совет принимал рекомендации в отношении управляющих епархиями, и именно они определяли дальнейшую судьбу архиерея¹.

Руководство Совета поддерживало и личные отношения, прежде всего с патриархом и членами Синода. Их положение волею власти было фактически поднято на уровень политической элиты того времени. Как из рога изобилия падали на них различные блага: квартиры, машины, «подарки», дачи, возможность отдыха и лечения в лучших

---

¹ Например, член Совета Г. Т. Уткин после командировки в августе 1945 г. в Чкаловскую область предлагал вследствие «неприязненных» отношений между епископом Мануилом (Лемешевским) и протоиереем Архангельским перевести последнего в другую епархию, а «епископу Мануилу объяснить его ошибки и помочь их устранить» (ГА РФ. Ф. Р. -6991. Оп. 2. Д. 35. Л. 62).

санаториях страны¹. Не оставались без внимания и правящие архиереи: традицией становились поздравления с возведением в сан, днем тезоименитства. Высшие церковные деятели представлялись к государственным наградам.

Патриарх Алексей как глава Православной церкви одной из главных своих задач считал сохранение сложившегося статус-кво в отношениях между государством и Церковью. Тем самым, руководство Московской патриархии становилось звеном, через которое Совет мог определять и направлять жизнедеятельность религиозных организаций в Советском Союзе в «нужном» для государства направлении. Иерархи Церкви также прекрасно понимали, что многие вопросы они не в состоянии решить, не имея поддержки Совета и его уполномоченных на местах. Потому иерархи расценивали внимание со стороны Совета не столько как непосредственно к себе, сколько как дань уважения и признательности патриотической и иной социально значимой деятельности Церкви.

Но, конечно, взаимоотношения Совета и его уполномоченных с иерархами не всегда были безоблачными. Активная деятельность некоторых архиереев по возрождению религиозной жизни во вверенных им епархиях — например, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), епископ Мануил (Лемешевский), архиепископ Григорий (Чуков), вызывала озабоченность Совета, скорее даже не его, а партийно-идеологических инстанций, и в отношении таковой деятельности предпринимались меры по ограничению, а то и недопущению.

В целом же, характеризуя епископат Русской церкви, Г. Г. Карпов информировал правительство, что преобладающее его большинство проявляет лояльное отношение к советской власти, что «руководство Русской православной церкви и абсолютное большинство епископата беспрекословно проводят в своей деятельности предложения и рекомендации Совета и его уполномоченных на местах и часто по своей инициативе согласовывают документы и вопросы»².

В первые послевоенные годы актуальными для епископата были вопросы налогообложения. Согласно ст. 19 Указа «О подоходном налоге с населения» они приравнивались к некооперированным кустарям-одиночкам и ставка налогообложения была значительно выше по сравнению с «обычными» гражданами. Патриарх Алексей неоднократно входил в Совет с предложением о переквалификации налогообложения духовенства с 19-й на 18-й статью (более щадящую). Под давлением Совета Минфин направил на места Циркулярное письмо «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» (3 декабря 1946). В нем конкретно перечислялось, из чего складывается доход

---

¹ См., напр.: Митрополит Мануил (Лемешевский). Божий виноградник. Дневниковые записи. Покаянный плач. СПб., 1999. С. 146, 152.

² ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 82; Д. 453. Л. 186.

священника, который должен облагаться подоходным налогом; также оговаривались те формы дохода, которые облагаться налогом не могут. Отныне православные архиереи стали облагаться подоходным налогом как рабочие и служащие, приходское духовенство — по ст. 19, как не-кооперированные кустари. В последующие годы патриарх Алексий не раз ставил вопрос о переводе налогообложения духовенства со ст. 19 на ст. 18 Указа ВС СССР «О подоходном налоге с населения». Интересна в этом отношении точка зрения Г. Г. Карпова, высказанная им на заседании Совета по вопросу о налогообложении духовенства 22 апреля 1947 г.: «Считаю, что надо не только опустить пресс, то есть ст. 19, а снять его совсем. ...Мы должны подчеркнуть, что государство строит, восстанавливается за счет доходов от промышленности, производства, на доходы от населения, и в том числе духовенство принимает участие в этих доходах как граждане Советского Союза... Это мелкий вопрос, но вопрос политический... Поэтому поставить вопрос перед товарищем Сталиным, чтобы приравнять духовенство к категории служащих, мы должны»¹. Однако, как ни старался Совет, это вопрос так и не был решен положительно в советский период.

Кадры приходского духовенства

Все предпринимавшиеся Патриархией действия по разрешению кадрового голода дали свои результаты, и к 1 июля 1946 г. приходское духовенство насчитывало 9434 человека. Треть из них начала церковную службу в годы войны. Об образовательных и возрастных характеристиках духовенства можно судить по данным, приведенным в таблице 5.4.

Таблица 5.4

Сведения о приходском духовенстве Русской православной церкви

По возрасту		По образованию	
до 40 лет	666	с высшим духовным	305
от 40 до 50 лет	1415	со средним духовным	3289
от 50 до 60 лет	2864	с высшим светским	468
старше 60 лет	4489	со средним светским	1950
		без образования	3422
Всего:	9434	—	9434

На 1 января 1948 г. в СССР, по данным Совета, насчитывалось 11 827 священников и диаконов². Но по-прежнему численность при-

¹ Там же. Д. 147. Л. 14–26.

² См.: Там же. Д. 153. Л. 8.

ходского духовенства оставалась меньшей, чем количество действующих храмов. Приходы, не имея возможности «получить» священника из Патриархии, прибегали к услугам незарегистрированных или, как тогда говорили и писали в документах Совета, — «ползучих» священников. Многие епископы обращались к уполномоченным с просьбой пресечь их деятельность. Председатель Совета советовал изучать этот вопрос, «ставить перед епархиальным архиереем вопрос о принятии им мер по церковной линии, в нужных случаях ставить в известность органы милиции»¹. Со своей стороны Синод также неоднократно обсуждал этот вопрос и пришел к выводу, что единственный метод борьбы с самозваными священниками — иметь в епархиях разъездных священников «для удовлетворения религиозных нужд всех верующих приписных приходов». В апреле 1946 г. Синод принял постановление: «Просить Совет по делам РПЦ разрешить ввести институт разъездных священников»². Однако в данный период вопрос этот так и не был решен правительством.

Московская патриархия стремилась решить кадровую проблему через расширение сети своих образовательных учреждений. Однако столкнулась с противодействием со стороны власти: отклонены были ходатайства патриарха об открытии семинарий в г. Черновицы УССР, в Казахской ССР, Краснодарском крае, в Ярославской, Смоленской и Ростовской областях. Не имея возможности готовить образованное приходское духовенство, иерархи на местах вынужденно принимали в клир, особенно сельских церквей, людей случайных, не имеющих должного духовного, а то и светского образования. Отсюда постоянные жалобы и конфликты в церковных общинах в связи с «нехристианским» поведением духовенства, «уклонение от богослужебной нормы», отсутствие проповеднической работы³. Только в 1947 г. решением Синода были лишены сана 105 священников; арестованы 76; сняли сан 12; перешли на работу в учреждения 28⁴.

Внешняя церковная деятельность, преодоление расколов

Процесс расширения внешней деятельности Русской церкви развивался в двух направлениях. Во-первых, возобновились связи с автокефальными православными церквями и другими христи-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 7. Л. 33.

² Там же. Оп. 2. Д. 34а. Л. 54.

³ См.: Там же. Д. 2а. Л. 1, 99; Д. 34а. Л. 53, 57; Д. 53. Л. 31; Д. 59а. Л. 63.; Оп. 1. Д. 81. Л. 50, 54; Д. 153. Л. 10; Д. 212. Л. 37, 69.

⁴ См.: Там же. Оп. 1. Д. 153. Л. 12.

анскими организациями Востока и Запада. В 1945–1946 гг. 17 делегаций Русской православной церкви (52 человека) выезжали во Францию, Англию, Австрию, Финляндию, Манчжурию, Германию, США, Югославию, Болгарию, Румынию, Венгрию, Китай, страны Ближнего Востока. Впервые в истории Русской православной церкви патриарх Московский и всея Руси Алексей в мае 1945 г. отправился в паломничество на Святую землю, посетив Ливан, Сирию, Палестину и Египет¹.

Во-вторых, создались предпосылки для начала переговоров с зарубежными православными общинами и епархиями о возвращении в патриаршую церковь. Среди важнейших событий: прекращение так называемой Эстонской схизмы (март 1945); присоединение в августе 1945 г. митрополитов Евлогия (Георгиевского) и Серафима (Лукиянова), архиепископа Александра (Немоловского) с подчиненными им православными приходами, Дальне-Восточной Православной церкви за границей (октябрь 1945); воссоединение монахов Валаамского монастыря (октябрь 1945); переход в ведение Русской православной церкви Чешской православной церкви (январь 1946) и Мукачевско-Пряшевской епархии Сербской православной церкви (октябрь 1945); ликвидация Брестской унии (март 1946).

Ответственность за организацию визитов делегаций Московской патриархии нес Совет. Во время встреч Г. Г. Карпова и патриарха Алексия обсуждались основные приоритеты внешнеполитических мероприятий, конкретные задачи, которые необходимо было решить во время визитов, возможные варианты их реализации, согласовывался состав делегаций, кандидатуры их руководителей и т. д. Поражает то количество вопросов и согласований с различными инстанциями, которые необходимо было решить Совету при подготовке зарубежных визитов делегаций Церкви: получение виз, финансирование, определение персонального состава делегаций, «разъяснение» членам делегации порядка их поведения за границей, контроль за информацией о пребывании делегации, наконец, обеспечение охраны. Все вопросы решались через Наркомат иностранных дел, для сотрудников которого это направление деятельности также являлось новым. Оперативному решению вопросов способствовало то, что «церковную проблему» в этот период курировал нарком иностранных дел В. М. Молотов — решения принципиального характера проводились, как правило, за его подписью или его заместителя А. Я. Вышинского.

---

¹ См.: «Работа Совета по делам Русской православной церкви носила политический характер. Доклад об итогах работы Совета по делам РПЦ при СМ СССР в ЦК ВКП(б) за 1946 год. 14 февраля 1947 г. / публ. М. И. Одинцова, Т. А. Чумаченко // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 2. М., 2005. С. 470; Цыпин В. История Русской Церкви. М., 1997. С. 348–353.

Немаловажным было и то обстоятельство, что Г. Г. Карпов по-прежнему возглавлял 5-й отдел НКГБ СССР, и карьера его как офицера госбезопасности успешно продвигалась в эти годы. Постановлением СНК СССР от 9 июля 1945 г. Карпову было присвоено звание генерал-майора НКГБ. Возможности этого ведомства позволяли председателю Совета без проволочек решать многие вопросы: транспортные (в масштабах страны), кадровые (в том числе и проверка кандидатов в состав делегации с точки зрения их благонадежности), получение информации из различных источников, организация связи с членами делегаций и их охраны.

Преодоление «церковных расколов» было также одним из направлений внешнеполитической деятельности Церкви.

Оптимистические прогнозы председателя Совета по поводу возможного и скорого присоединения к Русской церкви православных приходов Европы (более 60), Америки (370), Юго-Восточной Азии основывались на анализе политической ситуации в мире. Патриотические настроения, которые охватили русскую эмиграцию под впечатлением побед Красной Армии, усилили стремление верующих воссоединиться с Матерью-Церковью. Этому стремлению способствовал и процесс нормализации государственно-церковных отношений в СССР, а также и тот факт, что Заграничный архиерейский синод (Карловацкий синод) скомпрометировал себя в глазах духовенства и верующих сотрудничеством с гитлеровцами, и большая часть епископата и верующих порвали с ними.

Проблема преодоления «церковных расколов» имела и внутренний вектор и была связана с отношением Русской православной церкви к Обновленческой церкви. Патриарх Алексий продолжал ту же линию поведения, что и ранее патриарх Сергей.

Глава Обновленческой церкви, митрополит Александр Введенский, пытался затормозить процесс распада церкви. В дни работы Поместного собора 1945 г. он упрашивал Карпова разрешить ему присутствовать на соборных заседаниях, надеясь не только пообщаться с патриархом Алексием, но и с Восточными патриархами. Однако во всех его просьбах ему было отказано. После этого Введенский капитулировал: стал поминать во время богослужения имя вновь избранного патриарха Алексия, а в июне 1945 г. написал ему письмо с просьбой о приеме в юрисдикцию Московского патриархата. То была вторая попытка А. Введенского «примириться» с Церковью. Патриарх поручил все предварительные переговоры с Введенским управляющему делами Московской патриархии Н. Ф. Колчицкому. Спустя некоторое время лидер обновленчества получил приглашение посетить патриархию.

Вот как описывается в «Истории русской церковной смуты» этот путь в Каноссу: «Получив приглашение, А. И. Введенский в белом клобуке, в панатии направился в Чистый переулок, в патриархию. Патриарх

Алексий, однако, его не принял: он в это время сидел в саду и не вышел к посетителю. А. И. Введенского принял Н. Ф. Колчицкий. Любезно показав гостю помещение патриархии, Н. Ф. Колчицкий усадил его в зале — начались переговоры. Первоначальный проект А. И. Введенского — быть принятым в сане епископа (причем А. И. Введенский изъявлял готовность изменить свое семейное положение) отпал сразу. Тогда был выдвинут новый проект: вопрос о сане оставить открытым и принять А. И. Введенского в качестве профессора Духовной академии. Однако и этот проект не удовлетворил Н. Ф. Колчицкого, разыгравшего из себя этакое «неусыпного стража православия». Он потребовал покаяния. На этом первое свидание было окончено»¹.

Ихотя в вопросе поиска компромисса «возвращения» Введенского в патриаршую церковь ему и пытался помочь митрополит Николай (Ярушевич), но сломить сопротивление Н. Ф. Колчицкого не удалось. Позиция Московской патриархии осталась непреклонно жесткой. В сентябре 1945 г. Колчицкий позвонил и сообщил окончательное решение — Введенский может быть принят после покаяния лишь мирянином и сможет занять место рядового сотрудника в редакции «Журнала Московской патриархии». На это первоиерарх пойти не мог.

Но окончательно он еще не сдается: выстраиваются некие планы-фантазии об объединении обновленчества со старообрядцами, католиками, или, на крайний случай, сохранение в качестве «секты» внутри русского православия. Но все напрасно.

Тяжелые переживания последних двух лет, сложные семейные обстоятельства отразились на состоянии здоровья Введенского — 8 декабря 1945 г. его разбил паралич. Практически зимой и весной 1946 г. он безвыездно оставался дома. Потом, правда, в Страстную неделю и на Пасху стал служить в Пименовском храме. Но полностью оправиться от болезненного состояния он уже не мог.

25 июля 1946 г. Александр Введенский умер. Отпевание Главы обновленчества совершилось 28 июля, в воскресенье, в храме св. Пимена. Служили два архиерея: митрополит Филарет (Яценко) и состоявший на покое и проживавший в Москве архиепископ Алексей (Мигулин) и 12 заштатных священников. Погребен Введенский был на Калитниковском кладбище, около церкви, с алтарной стороны, в одной могиле с матерью — З. С. Неруш.

9 октября в Пименовском храме состоялась последняя обновленческая литургия. Вскоре эта «крепость обновленчества» перешла в патриаршую церковь. Здание было капитально отремонтировано,

---

¹ Левитин (Краснов) А. Э., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 655.

освящено. Оставшиеся там священнослужители в большинстве своем были приняты в лоно Православной церкви. Сыновья Введенского, после принесения ими покаяния, были приняты как миряне и затем удостоены рукоположения, Андрей и Владимир — поставлены во священники, а старший сын Александр — во диакона.

Так на двадцать пятом году своей истории обновленчество перестало существовать как церковная организация. Сразу же после смерти Введенского из его канцелярии были изъяты практически все документы, относящиеся к истории обновленческого движения, и, как свидетельствуют сохранившиеся акты, они были уничтожены.

Львовский церковный собор

На период первых лет патриаршества Алексия I пришла еще одна очень сложная проблема — униатский вопрос на территории Западной Украины. Патриарх отчетливо понимал, что в условиях конца войны и первых послевоенных лет тяжесть ее разрешения падет на государство, которое к тому же отдает предпочтение политикосиловым методам. И Церковь осознанно отошла на второй план, указывая государству, что речь идет и о свободе духовного, церковно-юрисдикционного выбора верующего человека, и о разрешении церковно-исторической проблемы.

Практические шаги «наступления» на католицизм в СССР, по «ликвидации» униатства и в «борьбе» с Ватиканом государство начало предпринимать с весны 1945 г., когда были рассмотрены, обсуждены и одобрены И. В. Сталиным предложенные Советом по делам религиозных культов и Советом по делам Русской православной церкви инициативы¹.

К примеру, Г. Г. Карпов, несмотря на критическое отношение к историческому опыту Русской православной церкви в противодействии униатству и католицизму, все же считал, что Церковь «может и должна сыграть значительную роль в борьбе против Римско-католической церкви (и против униатства)». Правда, такое возможно исключительно при тесном взаимодействии Церкви и государства в разрешении следующих задач:

- «оторвать» греко-католические приходы от Ватикана и присоединить их к Русской православной церкви;

---

¹ См. подробнее: Одинцов М. И. Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. М., 2003; Его же: Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М.: РОИР, 2005; Отдельский М. И. Советский Союз и Ватикан, положение католических и униатских церквей в СССР в годы войны / Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 2. М., 2005.

- инициировать создание на территории СССР групп «старокатоликов» и противопоставить их действующим там же католическим общинам;
- способствовать вхождению в юрисдикцию Русской православной церкви православных приходов, действовавших за рубежом;
- поддерживать внешние церковные связи Московской патриархии;
- организовать всемирную конференцию христианских церквей с принятием решений, направленных против Ватикана и ведущих к его изоляции;
- разрешить Русской православной церкви широкую миссионерскую деятельность и содействовать ей со стороны местных органов власти.

Каждый из этих пунктов имел подробную проработку и перечень тех мероприятий, которые председатель Совета считал необходимым осуществить. Например, «отрыв» униатов мыслился через такие последовательные шаги:

а) организовать в г. Львове православную епархию, поставив во главе ее епископа с титулом епископа Львовского и Тернопольского, который объединит православные приходы Львовской, Станиславской, Дрогобычской и Тернопольской областей;

б) предоставить епископу и всем священнослужителям данной епархии права на проведение миссионерской работы;

в) предоставить в распоряжение епархии в г. Львове в качестве кафедрального собора один из греко-католических (униатских) соборов;

г) укрепить Почаевскую лавру православную в г. Кременец Тернопольской области, сделав настоятеля ее викарием Львовского епископа;

д) от имени патриарха и Синода Русской православной церкви выпустить специальное обращение к духовенству и верующим униатской церкви и широко распространить его по униатским приходам;

е) организовать внутри униатской церкви инициативную группу, которая должна будет декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие¹.

Решение о судьбе Греко-католической церкви, принятое в Москве, в западных областях Украины трансформировалось в конкретные репрессивные и административно-запретительные меры. После того как митрополит Иосиф (Слипый) отказался от сделанного ему вла-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 29. Л. 101–109. Опубликовано: «Русская православная церковь стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943–1946 гг. // Исторический архив. 1994. № 4. Публикация М. И. Одинцова.

стями предложения «самоликвидировать» Униатскую церковь, в течение апреля—мая 1945 г. по обвинению в «активной предательской и пособнической деятельности в период немецко-фашистской оккупации» он, правящие епископы и ряд священников были арестованы.

Одновременно внутри самой Униатской церкви разгорелась борьба между сторонниками и противниками воссоединения с православной церковью. В мае 1945 г. во Львове образовалась Инициативная группа по воссоединению Греко-католической церкви с Русской православной церковью в составе протопресвитера Гавриила Костельника, священников Антония Пельвецкого и Михаила Мельника, профессора Сергея Хруцкого.

В своем обращении к властям Группа просила оказать поддержку ее деятельности, направленной на воссоединение с Православной церковью, дать возможность преодолеть состояние «анархии», в котором униаты оказались после ареста руководства Церкви и для проведения широкой разъяснительной работы среди приходского духовенства и мирян. Совнарком Украины официально признал Инициативную группу как временный церковно-административный орган, за которым признавалось право руководства всеми греко-католическими епархиями и приходами, и предоставил ей возможность легально проводить свою деятельность.

Тогда же Группа обратилась к греко-католическому духовенству западных областей Украины с информацией о начале своей деятельности. Она призывала духовенство и верующих присоединяться к ней, а в качестве конечной цели определила созыв Собора, где и должны были решиться вопросы существования Унии и возвращения в Русскую православную церковь.

Что же представляла собой Униатская церковь в тот период? Согласно архивным материалам Совета по делам Русской православной церкви статистические данные о ней могут быть представлены в таблице 5.5.

Таблица 5.5

Сведения о Греко-католической (униатской) церкви в СССР

Области УССР	Количество				
	приходов	деканов	священников	монастырей/ в них монашествующих	православных обществ
Львовская	520	26	320	—	11
Дрогобычская	596	30	293	—	2
Станиславская	462	22	298	—	5
Тернопольская	576	20	258	—	154
Всего:	2154	98	1689	45/928 чел.	172

В течение 1945 г. Инициативной группой было проведено около 80 совещаний священников по благочиниям (деканатам), т. е. охвачена была большая часть духовенства. Основной вопрос, который обсуждался — разрыв с Ватиканом, выход из юрисдикции Римского папы и присоединение к Русской православной церкви. К началу 1946 г. более 70 % духовенства подало заявления о присоединении к Инициативной группе, из 98 деканов (благочинных) присоединилось 78 человек. Хотя некоторая часть священников и отказывалась присоединяться к Инициативной группе, ссылаясь на церковные и политические соображения¹.

Заметим, что Московская патриархия не была сторонним наблюдателем противоуниатских действий государств. Весной 1945 г. патриарх Алексий подготовил специальное послание к униатам, которое было представлено Карпову и правительству. Затем оно было тиражировано в 10 тыс. экземпляров и распространялось на Западной Украине. В нем патриарх призывал: «Молю вас, братие, соблюдайте единство духа с нами в союзе мира. Порывайте, расторгните узы с Ватиканом, который ведет вас к мраку и духовной гибели своими религиозными заблуждениями, хочет поставить вас спиной ко всему миру».

В связи с образованием Инициативной группы патриарх считал необходимым представить Карпову свои соображения относительно ее деятельности. Патриарх считал «нецелесообразным» проведение какого-либо специального Всеуниатского собора, а решение вопроса о воссоединении должен решать каждый приход на епархиальном съезде. Последние, по мысли патриарха, собирать необходимо, так как они «могут иметь не только смысл, но и пользу, как показатель того, что воссоединение совершается по свободному волеизъявлению униатского духовенства, а не под давлением православного духовного начальства при поддержке гражданской власти». Развивая план практических мер, патриарх указывал, что патриархия и экзархат могут:

«а) прежде всего — шире открыть врата православной церкви, не ограничивать прием через “узкую дверь” инициативной группы, и по заявлениям принимать, и в индивидуальном порядке;

б) мы не будем настаивать на быстром и насильственном изменении внешних форм богослужения и даже внешнего вида священнослужителей (бритье бороды и усов); важно существенное: православный символ веры, непоминование папы, поминование патриарха и своего епископа, празднование Пасхи по восточным пасхалиям;

в) посвящение в епископский сан тех священников, которые удовлетворяют требованиям»².

---

¹ См.: ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 33. Л. 197.

² Там же. Д. 29. Л. 181–183.

Ситуация с униатами специально обсуждалась на состоявшихся в Киеве в мае—августе 1945 г. республиканских совещаниях Уполномоченных, перед которыми выступили Г. Г. Карпов и И. В. Полянский. Суть принятых решений сводилась к максимальному ограничению деятельности католических приходов и духовенства; к отказу в регистрации греко-католических обществ и запрету ксендзам обслуживать греко-католические общины; к поддержанию ходатайств православных «двадцаток» о передаче им бывших костельных и других культовых зданий.

Год 1945 развел порознь членов делегации греко-католиков, бывших вместе в декабре 1944 г. в Москве на переговорах в Совете по делам религиозных культов¹. Если Гавриил Костельник возглавил Инициативную группу, то Климентий Шептицкий и Иван Котив остались в Греко-католической церкви и боролись за ее сохранение. Они собирали подписи под многочисленными обращениями в Киев и в Москву, убеждали, что Церковь не участвует в политике и в какой-либо противоправославной деятельности, тем более что она не является борцом за мировое господство и гегемонию в послевоенном мире. Они просили «заступиться» и за Церковь, которую «преследуют», и за арестованных весной 1945 г. членов епископата во главе с Иосифом (Слипым).

Полянский, которому поступали такие заявления, поручил Уполномоченному при Львовском облисполкоме дать «подписантам» ответ, суть которого сводилась к указанию на то, что «руководство Греко-католической церкви заняло по отношению к советской власти враждебную позицию, используя всю Церковь соответственно своим политическим интересам», и что в настоящее время образовавшаяся Инициативная группа под руководством Г. Ф. Костельника ведет работу по воссоединению Греко-католической церкви с Православной церковью².

С разрешения Совета 23 февраля 1946 г. в Киеве митрополитом Киевским и Галицким Иоанном были воссоединены с Русской православной церковью протоиерей Гавриил Костельник, священники Михаил Мельник, Антоний Пельвецкий и еще 10 униатских священнослужителей. Затем последовал постриг отцов Михаила и Антония, а 24–25 февраля хиротония их во епископы.

---

¹ См.: Униаты // Аргументы и факты. 1989. № 40; Одинцов М. И. Униаты и советская власть (Встреча в Москве. Декабрь 1944 г.) // Отечественные архивы. 1994. № 3; его же: Греко-католическая (униатская) церковь // История религий в России. М., 1998.

² ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 3. Д. 16. Л. 58.

Некоторое время спустя, 8 марта 1946 г., в соборе святого Юра (Львов) открыл свою работу собор Греко-католической церкви. Прибыли 216 священников (из 225 намеченных делегатов), 19 мирян (из 22 делегатов) из всех трех греко-католических епархий (Львовской, Самборско-Дрогобычской и Станиславской). Председательствовал на соборных заседаниях протоиерей Гавриил Костельник. Среди участников Собора были недавно рукоположенные православные епископы Антоний (Пельвецкий) и Михаил (Мельник) и воссоединившиеся с Русской православной церковью бывшие униатские священнослужители. В течение трех дней на Соборе обсуждался вопрос: быть или не быть Униатской церкви? В своем Решении Собор постановил: отменить решения Брестского Собора 1596 г., ликвидировать унию, аннулировать зависимость от Рима и возвратиться в нашу отеческую Святую Православную веру и в Русскую Православную Церковь»¹.

По завершении Собора в Свято-Юрском соборе священники, накануне воссоединенные с Православной церковью, приняли исповедь у униатов-участников Львовского собора. Епископы Михаил и Антоний, Львовский Макарий и Мукачевский Нестор приняли отречение от «римско-католических заблуждений» у 204 священников греко-униатов, участвовавших в Соборе. 5 апреля 1946 г. патриарх Алексий принял делегацию Львовского собора во главе с протоиереем Костельником. Через день они сослужили ему за божественной литургией в Богоявленском соборе.

После ликвидации Брестской унии греко-католические приходы и монастыри в границах СССР оставались только в Закарпатской области. Здесь униатство официально утвердилось в 1649 г. в результате заключения Ужгородской унии. В июне 1945 г. Закарпатье вошло в состав СССР, в октябре того же года Сербская церковь передала Мукачевскую епархию в юрисдикцию Русской православной церкви. Тогда же началось брожение в верующей массе по вопросу о воссоединении униатов с «верой дедов» — православием.

Конечно, как на Западной Украине, так и в Закарпатье чисто церковная проблема имела и политический подтекст. Для властей термины «униат», «униатская церковь» были синонимами понятий — «антисоветчик», «антиправительственная организация». Министерство госбезопасности УССР вскоре после Львовского собора разработало план полной ликвидации униатства в Закарпатье. Начало его реализации намечалось на вторую половину 1948 г. Жесткость намечаемых действий была столь очевидной, что против них неоднократно вы-

---

¹ Львовский церковный собор. Документы и материалы. 1946–1981. М., 1982. С. 96.

ступали и Карпов, и Полянский, призывая «украинских товарищей» смягчить противоуниатские меры. Обращались они за поддержкой в ЦК ВКП(б) и в Совет министров СССР, но эти организации заняли позицию невмешательства и, более того, постоянно одергивали Советы. Окончательная ликвидация Ужгородской унии совершилась 28 августа 1949 г. при стечении множества верующих в ходе торжественного богослужения в Мукачевском Свято-Николаевском монастыре на Чернечьей горе.

Крушение Греко-католической церкви в СССР имело оглушительный внешнеполитический эффект. Как писал позднее в своей книге один из непосредственных участников событий 1945–1949 гг. С. Т. Даниленко, «неожиданное сообщение прессы о ликвидации Брестской унии собором униатской церкви во Львове произвело ошеломляющее впечатление в Ватикане. Это был удар такой силы, какого давно не знал Ватикан. Утратить сразу около четырех миллионов верующих и целую церковь со всем клиром — такого не припомнили со времен «бешеного Лютера!»¹

Но успех государства перекрывал полностью какую-либо возможность конструктивного диалога между СССР и Ватиканом. Дрейф Римско-католической церкви в сторону тех политических сил на Западе, что объявили холодную войну Советскому Союзу, заметно ускорился, и с конца 40-х гг. она становится активным участником многих и многих последующих политико-пропагандистских антисоветских акций. Негативизм внешней политики СССР по отношению к Ватикану неотвратимо рождал напряженность во взаимоотношениях властных структур с католическими общинами в республиках и областях Советского Союза.

Церковные решения о возвращении в православие не могли моментально быть реализованы в жизни верующей паствы. Во многих районах Западной Украины униатские общины продолжали существовать и без регистрации, собираясь на богослужения в частных домах, на кладбищах, в лесу. Изгнанные из монастырей монахи осели в селах, образуя тайные униатские монастыри, поддерживаемые населением. Сохранялись униатская иерархия, духовенство, распространялась религиозная литература. Церковная жизнь на территории западных областей Украины сопровождалась многочисленными конфликтами между униатами и православными; между униатами, ставшими православными, и униатами, оставшимися преданными своей вере.

Многое в утверждении новой церковной ситуации на территории Западной Украины зависело от активности Русской православной

---

¹ Даниленко С. Т. Униаты. М., 1972. С. 185.

церкви. Однако ее явно не хватало. Епископы и приходское духовенство более надеялись на помощь государства, нежели сами хотели и могли проявлять активность в противоуниатской деятельности.

В справках Карпова за 1946–1947 гг. очень часто встречаются высказывания, свидетельствующие о его недовольстве медленным ходом процесса присоединения униатов к православию и регистрации бывших униатских приходов и духовенства. Да и церковному руководству Карпов неоднократно указывал, что «в западных областях Украины слишком медленно проходит процесс воссоединения униатов с православием», и просил принять меры для его ускорения. Недоволен он был и тем, что не складывались отношения между Костельником и архиепископом Львовским Макарием (Оксиюк), что Церковь в борьбе с униатами уж слишком надеется исключительно на проповедническую деятельность и др.¹

Конфликты на религиозной почве осложнялись и общеполитической ситуацией в западных областях Украины, где до середины 1950-х гг. вооруженные националистические формирования Украинской повстанческой армии (УПА) вели войну с властью и армией, совершали террористические акты по отношению к мирному населению.

Только в начале 1948 г. Карпов доложил в правительство, что «формально воссоединение приходов в основном закончено и цель — ликвидация подчинения этой церкви Римскому папе — достигнута». По его данным на 2 января 1948 г., из 2718 униатских храмов в западных областях Украины воссоединились с Православной церковью — 2491. Остальные 227 приходов отказались воссоединяться, 188 из них продолжали функционировать, службы проводились по униатскому обряду. Верующие категорически отказывались сдать ключи от храмов и защищали их от давления со стороны властей. Насчитывалось 75 униатских священников, упорно не «воссоединявшиеся» с православием. Из них только 18 могли совершать службы в оставшихся униатских храмах. Остальные бывшие униатские священники находились на иждивении родственников или занимались сельским хозяйством, или работали в гражданских учреждениях.

Однако в действительности униатская проблема не была, да и не могла быть решенной с помощью тех приемов и методов, которые были использованы в 1945–1948 гг. И с новой силой она дала о себе знать спустя четыре десятилетия, в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., в годы кризиса советской системы².

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 83. Л. 27, 46.

² См.: Одинцов М. И. Греко-католическая (униатская) церковь // История религий в России. М., 1998.

5.2. Религиозный вопрос в деятельности Коммунистической партии Советского Союза. 1946–1953 гг.

Антирелигиозные инициативы ЦК КПСС

По инициативе И. В. Сталина весной 1946 г. в ЦК была принята серьезная реорганизация управленческих структур в сфере агитации и пропаганды. Перед идеологическим аппаратом были поставлены новые задачи: мобилизовать советских людей на восстановление экономики, погасить критический настрой в обществе, а также выработать формы и методы противостояния западной пропаганде в условиях разгорающейся холодной войны.

В Центральном комитете партии оживляется работа, связанная с религиозной сферой общества. В июле 1947 г. решением ЦК ВКП(б) было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, которому были переданы в том числе и функции бывшего Союза воинствующих безбожников. ЦК ВЛКСМ начал работу по сбору информации о религиозности молодежи. Ее результаты были изложены позднее, в августе 1948 г., в обстоятельной записке «О состоянии атеистической пропаганды в комсомоле», которая констатировала «активизацию церковников» при «полном бездействии партийных организаций в антирелигиозной пропаганде»¹.

Партийные органы на местах стали открыто проявлять недовольство и критиковать не только работу уполномоченных Совета, но и его центрального аппарата. Деятельность Совета и его Уполномоченных характеризуется как «способствующая церковному влиянию», укреплению «реакционной поповщины», «она не приносит никакой пользы государству, а лишь ущерб благосостоянию народа, так как государство вынуждено оплачивать политически вредную работу».

Представляется, что именно в русле нового идеологического курса и в связи с «антицерковными» настроениями в партийной среде деятельность Совета по делам Русской православной церкви попала в поле внимания идеологических партийных структур. В начале 1947 г. материалы Совета — доклад о работе Совета за 1946 г., докладные записки «О состоянии духовных учебных заведений Московской патриархии» и «О нарушениях местными советскими организациями и работниками постановлений правительства о культах» — были впервые официально затребованы в ЦК партии.

Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров, проработав полученные документы, сделал вы-

---

¹ См.: Алексеев В. А. Штурм небес отменяется? Критические заметки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1993. С. 200, 203–205.

вод: «Совет не совсем правильно понимает свои задачи и в этом отношении его следует поправить», и с этим передал их секретарю ЦК А. А. Жданову, который распорядился рассмотреть вопрос на Секретариате ЦК ВКП(б)¹. Уже 28 октября 1947 г. это было сделано. От Совета присутствовал заместитель председателя Совета С. К. Бельшев, так как Карпов был болен². Все критические замечания начальника Управления остались в силе, и Секретариат постановил, что в документах Совета «содержатся политически неправильные и ошибочные положения». В частности, Совет, по мнению ЦК, преувеличивает как состояние религиозности населения («имеет тенденцию к росту»), так и «степень лояльности православного духовенства к власти»³.

Такая оценка работы Совета по делам Русской православной церкви при явно выраженном недоверии к предоставляемой им информации была явной неожиданностью для руководства Совета. В первую очередь потому, что практически каждый свой шаг Совет согласовывал в правительстве. Об этом свидетельствовали многочисленные документы, письма, проекты распоряжений с традиционной концовкой: «Жду Ваших указаний».

Председатель Совета, вероятно, получивший информацию о «мнении» Г. Ф. Александрова еще до рассмотрения вопроса на Секретариате, 14 октября, представил на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова проект документа «Директивы Совету по делам Русской православной церкви при СМ СССР по его дальнейшей работе». В этом документе Карпов, с учетом того, что деятельность возглавляемого им ведомства фактически вышла за рамки «Положения о Совете» от 7 октября 1943 г., сформулировал и просил утвердить новые задачи деятельности Совета.

Основные направления внутренней работы председатель Совета сформулировал в целом в русле проводившейся политики в отношении к Православной церкви, причем те направления деятельности Совета, которые ЦК подверг критике, Г. Г. Карпов оставил в неизменном виде, подчеркивая тем самым собственную позицию в отношении того, какие задачи и как должен решать Совет⁴.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 946. Л. 153.

² Длительная болезнь сердца Г. Г. Карпова явилась причиной его увольнения из МГБ. Министр госбезопасности СССР Абакумов В. С. в письме в ЦК ВКП(б) от 19 августа 1947 г. просил утвердить начальником Отдела «О» МГБ СССР Дубровина Б. В., а Карпова Г. Г. «зачислить в запас МГБ СССР по состоянию здоровья». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 912. Л. 136.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 946. Л. 153.

⁴ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 150. Л. 113–117.

Одобрение «Директив» и тем самым оказание поддержки руководству Совета на правительственном уровне для Карпова было принципиально важным. Однако К. Е. Ворошилов, получив проект «Директив» как курирующий деятельность Советов, не осмелился вынести самостоятельное решение. Он передал его копии В. М. Молотову и в ЦК — А. А. Жданову, не отреагировал и В. М. Молотов, а Жданов вернул «Директивы», заявив, что ЦК рассматривать их не будет¹.

Критика деятельности Совета на Секретариате ЦК, игнорирование «Директив», отсутствие четкой ориентировки от правительства привели к тому, что среди сотрудников аппарата Совета в неофициальных разговорах стала мушкетироваться тема о «новой линии» в отношении к религиозным организациям, о том, что «работа Совета не нужна, она идет вразрез с линией нашей партии»².

Все это, безусловно, беспокоило руководство Совета. На протяжении нескольких месяцев Г. Г. Карпов и его заместитель С. К. Бельшев добивались приема «в верхах». Наконец, только 18 февраля 1948 г. заместитель председателя Совмина СССР К. Е. Ворошилов принял С. К. Бельшева и председателя Совета по делам религиозных культов И. В. Полянского. Ворошилов пытался успокоить руководителей Советов и заверил их в том, что «работа Советов — нужное, полезное дело, по крайней мере еще на 20–30 лет его еще хватит»³.

Под впечатлением сказанного С. К. Бельшев 21 февраля собрал совещание руководящего состава Совета, на котором расценил настроения отдельных своих сотрудников как клевету на ЦК. Однако ход дальнейших событий показал, что основания для беспокойства у сотрудников Совета по поводу его будущего были небеспочвенными. С этого времени деятельность Совета будет постоянно находиться в сфере ревнивого внимания идеологических структур партии, а руководство Совета будет стараться делать все для того, чтобы доказать необходимость и «выгодность» с точки зрения государственных интересов как деятельности Русской православной церкви, так и существования Совета и его Уполномоченных.

Но раз зародившееся в недрах партийного аппарата сомнение в «целесообразности» вероисповедного курса, который проводил Совет, как и вообще в «надобности» этого органа, уже не исчезало. Осенью 1948 г. в недрах Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) под руководством секретаря ЦК М. А. Суслова началась работа над проектом постановления ЦК КПСС «О мерах по усилению про-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 286. Л. 1.

² См., напр.: Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 1.

паганды научно-атеистических знаний». То, что разработка этого проекта началась именно в это время, связано с проведением летом 1948 г. в Москве Совещания глав автокефальных церквей. Оно не оправдало надежд советского руководства на подтверждение лидерства Московской патриархии в мировом православии, и этот факт стал для идеологического актива ЦК еще одним аргументом в пользу о необходимости изменения религиозной политики в стране.

В кризисной для Совета ситуации его председатель попытался заручиться поддержкой первого человека в стране. 5 ноября 1948 г. он пишет докладную записку на имя И. В. Сталина. Содержание этой записки на семи страницах не оставляет впечатления ни просьбы, ни оправдания. Скорее наоборот, тон документа свидетельствует об уверенности автора в необходимости продолжения того дела, за которое он по долгу службы отвечает, об осознании им государственной важности вопроса, по существу которого он и обращается к главе государства.

Письмо Карпова начинается с констатации того факта, что «установленная форма связи между государством и церковью себя оправдала». Далее председатель Совета отмечает, что «среди партийного и советского руководства распространено мнение, что, поскольку в нашей стране уничтожены социальные корни, порождающие религиозную идеологию, последняя утратила под собой почву, и с ней дело покончено... Возобновившаяся антирелигиозная работа направляется не столько на борьбу с религиозными предрассудками, сколько носит антицерковный характер и сопровождается политическими выпадами против духовенства».

По мнению председателя Совета, «не время искусственно ухудшать отношения между церковью и государством, возбуждая недовольство верующих масс». Более того, Карпов подчеркивал, что «Совет считает возможным, в пределах политической целесообразности, не препятствовать обрядовой, издательской, учебной и другой деятельности православной церкви». Основанием для такой позиции являлись, по мнению Карпова, «довольно глубоко укорененные религиозные верования среди некоторой части населения», возможная организация подпольных молитвенных домов, «которые обслуживают сомнительные и подозрительные люди», рост сектанства и, наконец, тот факт, что «занятая церковью позиция по отношению к государству, и особенно выраженная в период Великой Отечественной войны ее патриотическая работа, не могут быть сброшены со счета в данных условиях».

Г. Г. Карпов, отдавая дань появившемуся «мнению», отмечал, что задачи Совета носят временный характер. Но все же для их успешного выполнения необходимо укрепление структуры Совета, повышение престижа и служебно-правового положения сотрудников

Совета и его уполномоченных. Карпов просил одобрить ряд конкретных предложений, в частности, увеличить штат центрального аппарата на 15 человек, фонд заработной платы Совета — до 18 тыс. рублей в месяц, а также установить, что назначение и освобождение от должности уполномоченного может производиться на местах только по согласованию с Советом, и кроме того, запретить использование уполномоченных на другой работе.

В качестве еще одного предложения председатель Совета выдвинул идею объединения двух Советов и создания на этой основе Совета по делам религиозных объединений. Г. Г. Карпов мотивировал это тем, что «наличие двух Советов создает дополнительные трудности во внешней работе Русской православной церкви и затрудняет осуществление задач, связанных с церковной политикой внутри СССР»¹.

Ответа Сталина не последовало. Можно предполагать, что он передал письмо Карпова в партийные структуры для рассмотрения. В пользу этого говорит то обстоятельство, что председатель вызывался в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), где ему было указано на «нецелесообразность» его предложений и «даны соответствующие разъяснения»².

Между тем в начале 1949 г. проект постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний» был готов и ждал своего утверждения на заседании Политбюро. В проекте отмечалось, что во многих областях страны «имеет место оживление религиозной идеологии», свидетельствующее «об усилении активности церковников, добивающихся расширения религиозного влияния на отсталые слои населения». Подвергнуты критике партийные и комсомольские организации на местах, центральные и местные газеты, культурно-просветительные и образовательные учреждения за «ослабление», «пассивность» в пропаганде научно-атеистических знаний. ЦК партии требовал «покончить с запущенностью научно-атеистической пропаганды» и предлагал конкретную программу по устранению отмеченных недостатков³.

Но основной удар в проекте наносился по Совету по делам Русской православной церкви. Вся его деятельность расценивалась как «неправильная линия», лишь способствующая «оживлению деятельности церковников», поскольку Совет во главу угла поставил задачу «оказании содействия церковным организациям».

Предлагались и конкретные «воспитательные меры» в отношении Совета: ликвидировать институт уполномоченных Совета по всей

---

¹ См.: ГА РФ. Р.-6991. Оп. 1. Д. 291. Л. 243–249.

² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 323. Л. 230.

³ Там же. Оп. 132. Д. 10. Л. 21–23.

стране; ограничить деятельность Совета осуществлением связи между правительством и церковью; объявить выговор Г. Г. Карпову, одновременно предложив ему представить новое «Положение о Совете»¹. Проект свидетельствовал о стремлении идеологических структур партии поставить под свой непосредственный контроль и вероисповедную политику государства в целом, и практическую деятельность Совета.

Председатель Совета предпринял еще одну попытку переломить ситуацию, причем на самом высоком уровне. Поздно вечером 24 февраля он был принят И. В. Сталиным в его Кремлевском кабинете. Можно предположить, что поддержку Карпову оказали В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов. Возможно, они исходили из того, что кампания Отдела ЦК ВКП(б) по дискредитации прежнего вероисповедного курса и деятельности Совета по делам Русской православной церкви затронет и их, поскольку оба непосредственно курировали Совет на протяжении ряда лет.

Г. Г. Карпов находился в кабинете главы правительства 25 минут. Представляется, что членами Политбюро обсуждался только один вопрос — и именно связанный с деятельностью Совета, — поскольку члены Политбюро собрались в кабинете И. В. Сталина за пять минут до Г. Г. Карпова и покинули кабинет через пять минут после его ухода. По крайней мере, два документа было представлено Карповым членам Политбюро на обсуждение: Положение о Совете по делам Русской православной церкви при СМ СССР и План по внешней работе Совета на 1949 г.

Невозможно полностью реконструировать ход обсуждения представленных Карповым документов, но последующие события показали, что прием в кабинете Сталина не принес ожидаемого положительного результата — точка в разворачивающейся кампании поставлена не была. Этот вывод подтверждается и тем, что уже 28 февраля на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) был заслушан вопрос «О недостатках в работе Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР» и был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б) «О неправильной работе Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР». В последнем документе сохранены были все «политические обвинения» в адрес Совета и его председателя, а также меры воздействия и исправления ситуации².

Мы вправе предполагать, что среди партийно-идеологических работников, готовивших документы по вопросам деятельности Совета,

были как сторонники, так и противники столь резких мер. Наверно, на тот момент их соотношение было равновесным. Да и не все, очевидно, хотели, чтобы к громким политико-идеологическим «делам» того времени — «Ленинградское дело», «Дело Госплана», уже лихорадившим советское общество, добавилось «Дело Совета по делам Русской православной церкви», которое могло иметь катастрофические последствия для внутренней жизни миллионов граждан СССР и для внешнеполитического реноме страны. Так или иначе, но решение Оргбюро ЦК от 28 февраля так и осталось проектом.

Правда, это не означало, что Отдел пропаганды ЦК «отстал» от Совета. На протяжении марта—апреля 1949 г. Карпов принужден был представлять планы мероприятий, которые должны были соответствовать духу, хотя и не принятым, но всем известным в партийной верхушке документов. Это предложения по сокращению числа духовных учебных заведений Церкви и уменьшению объема издательской продукции Московской патриархии, по ликвидации в стране монастырей и изъятию у религиозных общин ранее переданных им общественных зданий.

Точка в травле Совета была поставлена лишь 13 мая 1949 г. Именно эта дата стоит под надписью, сделанной красным карандашом, очевидно, рукой М. А. Суслова, на проекте Положения о Совете по делам Русской православной церкви при СМ СССР: «Решения не принималось. Вопрос был т. Маленковым лично доложен т. Сталину»¹. Вслед за этим, в июле 1949 г., Бюро по культуре, рассмотрев ранее высказываемые председателем Совета предложения, сочла их «несвоевременными и нецелесообразными» и поручило Совету продолжать руководствоваться в своей деятельности «Положением о Совете» от 7 октября 1943 г.² Чуть позже, в ноябре 1949 г., Президиум Совмина СССР снял с обсуждения предложения Совета по сокращению числа монастырей, монашествующих в них «как несвоевременные и неактуальные»³.

Совет по делам Русской православной церкви: 1950–1953 гг.

Преодолев весьма непростое для себя время, Совет наконец-то смог перейти к своей повседневной деятельности и назревшим вопросам. Первостепенное внимание было направлено на кадры Уполномоченных. Совету удалось получить одобрение со стороны

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 10. Л. 26.

² См.: ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 451. Л. 257.

³ См.: Там же. Д. 450. Л. 43.

Секретариата ЦК на возобновление проведения совещаний уполномоченных¹. Этот факт свидетельствовал о стабилизации ситуации для аппарата Совета, но нетрудно заметить, что ориентиры, которые давал центральный аппарат Совета своим уполномоченным, приобрели существенную «политико-идеологическую окраску». Теперь всякого рода неофициальное проявление религиозности — «мистическое шарлатанство» — расценивалось как «вражеский акт, направленный к тому, чтобы в какой-то мере задержать наше продвижение вперед»; а чрезмерная защита интересов верующих со стороны Уполномоченных оценивалась как «полная потеря политической бдительности».

Внешне казалось, что жизнь Совета вошла в прежнюю колею. Небольшой коллектив жил жизнью подобных ему организаций того времени: сообща отмечали праздники и выезжали за город; участвовали в собственной художественной самодеятельности и сажали картошку на выделенном Совету участке земли; проводили товарищеские матчи по шахматам и волейболу с Советом по делам религиозных культов; организовали соцсоревнование; работали кружки политучебы и по изучению биографии И. В. Сталина.

Регулярно, как того требовала эпоха, проводились партийные и профсоюзные собрания, на которых самой обсуждаемой проблемой было укрепление трудовой дисциплины. Председатель Совета Г. Г. Карпов, выступая на собраниях коллектива, не устал подчеркивать специфичность условий работы Совета, государственную и общественную важность его деятельности. По его предложению коллектив Совета по делам Русской православной церкви активно привлекал к проводимым им мероприятиям (совещания, семинары, встречи) коллектив Совета по делам религиозных культов.

Кампания дискредитации, организованная Отделом пропаганды и агитации ЦК, не могла не отразиться на отношениях Совета с руководством Московской патриархии. В 1949–1950 гг. не состоялись традиционные приемы руководства Московской патриархии в Совете, председатель Совета отсутствовал и на тезоименитстве патриарха в феврале 1949 г., и на его дне рождения в ноябре. Отказался Карпов и от совместной поездки с патриархом на теплоходе по Волге и Оке, а также от приглашения приехать к патриарху на дачу в Одессу. Докладывая в правительство о том, что патриарх переживает «надлом», «срыв», Карпов отмечал, как бы ожидая одобрения, что надо от-

---

¹ В 1948–1949 гг. Уполномоченные Совета работали в 105 обл(край)исполкомах, в 1950 г. — их число сократилось до 92 человек.

вечать на поздравления иерархов, бывать на официальных приемах, принимать в Совете — «надо, чтобы в отношениях была теплота»¹.

Однако, как выяснилось, не все сотрудники Совета разделяли позицию своего руководителя, в том числе и по вопросу «человеческих отношений» с «церковниками». Эту тему вновь поднял старейший работник Совета И. И. Иванов, направив в августе 1951 г. письмо в ЦК КПСС с выражением недовольства тем, что председатель обменивается подарками с патриархом. Письмо обсуждалось на партбюро партийной организации Совета, и вопрос после разъяснений Карпова был исчерпан. Но новый виток ему придал М. А. Суслов своим указанием «разобраться». И вновь председатель пишет в партийные инстанции справки, поясняя и разъясняя, почему принял, почему вручил тот или иной подарок и где находится тот или иной патриарший дар.

Понимая, что новые обстоятельства требуют внесения определенных коррективов в правовые акты, определявшие полномочия Совета, и в сам характер сложившихся государственно-церковных отношений, Карпов предпринимает раз за разом попытки по реализации своих предложений, тем самым давая понять, что он не считает ранее вынесенный партийный вердикт окончательным и справедливым.

В сентябре 1950 г. он направляет на имя И. В. Сталина и еще в семь высших государственно-партийных ведомств письмо с просьбой дать «указания» Совету по его деятельности в новых условиях. Ни из одной инстанции ответа не последовало, тогда как председатель Совета остро нуждался в «руководящих указаниях». И не потому, что он не видел дальнейших перспектив в деятельности Совета как органа, призванного реализовывать государственную религиозную политику. Опыт, им приобретенный, как раз позволяет сделать обратный вывод. Но в условиях советской действительности тех лет наличие ориентирующих указаний властных органов было равнозначно покровительству, разделению ответственности, гарантией выживания. И напротив, их отсутствие — при учете специфики работы Совета — создавало возможность непредсказуемых ситуаций.

В июне 1951 г. председатель Совета опять пишет письмо на имя И. В. Сталина и Г. М. Маленкова. Формальным поводом для этого послужили очередные трансформации в правительственных структурах: в марте 1951 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) было ликвидировано несколько подразделений, в числе которых оказалось и Бюро по культуре, официально курировавшее работу Совета.

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 453. Л. 345. Несмотря на сложность ситуации начала 1949 г. Г. Г. Карпов все же счел возможным подарить патриарху Алексию в день его тезоименитства 25 февраля подарок — телевизор «за 4 тыс. рублей». См.: РАГСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 110. Л. 27.

Г. Г. Карпов в письме излагает свое видение ситуации: задачи, поставленные в 1943–1945 гг., выполнены; внутренняя и внешняя обстановка рождает новые проблемы, и требуются иные подходы к их разрешению. В частности, по мнению Карпова, назрела необходимость объединения двух Советов в один орган, что повысит эффективность мероприятий в религиозной сфере. Однако и в этот раз председатель не был услышан: в Отделе пропаганды и агитации ЦК, куда его пригласили «для беседы», ему было указано на «несвоевременность слияния двух Советов». Относительно же поднимаемого вопроса об открытии храмов и молитвенных домов было указано «нецелесообразность» роста сети религиозных организаций¹.

В феврале 1952 г. Г. Г. Карпов обращается к секретарю ЦК М. А. Суслову с просьбой рассмотреть представленные им «принципы взаимоотношений» государства и Церкви. Тот переслал их в Президиум Совмина СССР, предлагая специального решения не принимать, а просто «согласиться» с предложением Г. Г. Карпова. В какой-то степени Карпову удалось заручиться официальным мнением партии и государства, так как признано было целесообразным сохранить прежний (до 1947 г.) порядок взаимоотношений Совета и патриарха: приемы в Совете «по инициативе самого патриарха», поздравления письмами и телеграммами, участие в приемах у патриарха в честь заграничных церковных делегаций, неофициальные приемы 1–2 раза в год в Совете и т. д. Одобрение прежнего характера отношений с патриархом было единственным указанием «свыше» в период с 1948 г.

Думается, что к концу 1940-х гг. отчетливо проявилось охлаждение интереса власти и лично И. В. Сталина к религиозному вопросу и к возможностям использовать «религиозный фактор» во внешней политике СССР. Этим тотчас же и воспользовались идеологические структуры партии, вознамерившиеся изменить вероисповедную политику государства и вновь актуализировать «антирелигиозную деятельность». Их попытка низвести Совет по делам Русской православной церкви до уровня целиком и полностью им подотчетного органа и его руками добиваться «затухания» религиозной жизни в стране, оказалась не вполне завершенной. Однако она положила конец поступательному развитию государственно-церковных отношений в Советском Союзе.

---

¹ Там же. Д. 1114. Л. 173.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На 1953 г. выпадала юбилейная дата, связанная со встречей главы советского государства с иерархами Русской православной церкви и образованием Совета по делам Русской православной церкви, что повлекло за собой нормализацию государственно-церковных отношений.

Можно было предполагать, что она станет удобным поводом для советских и партийных инстанций, чтобы «подвести итоги и наметить новые цели» в государственной вероисповедной политике. Но этого не произошло — никто не вспомнил, новые партийные и советские лидеры были озабочены своими взаимоотношениями, борьбой за первенство, выработкой программы развития страны «без вождя».

Лишь патриарх Алексей настоял на «скромном» приеме в Совете руководства Московской патриархии по случаю десятилетия событий 1943 г. В приветственном адресе «досточтимому Георгию Григорьевичу Карпову» от патриарха Алексея и членов Священного синода отмечалось: «Созданный для связи между Церковью и Правительством, руководимый Вами орган явился для Церкви нужным и полезным учреждением»¹. Так, с достоинством и благодарностью, лишь архиереи Русской православной церкви оценили работу своего «контролирующего» органа.

В конце сентября 1953 г. по инициативе руководства Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов состоялось совместное заседание сотрудников центральных аппаратов. Общее настроение выражалось в стремлении, во-первых, сохранить то положительное, что ранее было достигнуто в государственно-церковных отношениях и, во-вторых, сделать новые шаги в направлении конструктивного их развития. В частности, говорилось о возможности отмены постановления 1929 г.; принятия нового законодательного акта, регулирующего деятельность религиозных объединений, и новых положений о Советах, расширяющих их воз-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1013. Л. 137–138. Патриарх Алексей хотел опубликовать адрес в «Журнале Московской патриархии», но Г. Г. Карпов счел это нецелесообразным. Так и остался он неизвестным для широкой общественности и в безвестности хранился в архивах Совета.

можности и компетенцию; предлагалось возобновить регистрацию религиозных объединений, хотя бы по 10–20 в год. Все эти и некоторые другие предложения предполагалось обобщить и войти со специальной запиской в ЦК КПСС.

В полной мере реализовать задуманное не удалось, поскольку возглавлявшие союзное правительство Г. М. Маленков (1953–1955) и Н. А. Булганин (1955–1958) по существу не вникали в государственно-церковные отношения. Даже встречаясь с патриархом Алексием и обещая положительно отнестись к просьбам Церкви, например: об ускорении выселения из Троице-Сергиевой лавры людей, проживавших в бывших церковных зданиях; о возвращении всех святых мощей из недействующих храмов в действующие; об открытии новых храмов и уменьшении налогового бремени на духовенство, они не предпринимали каких-либо реальных шагов к тому. Просьбы просто переадресовывались Совету, прекрасно понимая, что тому в одиночку, да к тому же при противодействии партийно-идеологических структур, этих вопросов не решить.

Такая позиция объяснялась не только тем, что советские руководители не считали государственно-церковные отношения первостепенной проблемой внутренней политики государства, но и тем, что в государственном и партийном аппаратах завершалась переориентация в отношении к религиозному вопросу. Если для Сталина и Молотова в церковной политике не требовалось санкций партийных органов. Более того, в отношениях с религиозными объединениями они подчеркнуто выступали от имени государства, то с 1954 г. вопросы церковной политики закрепляются в сфере партийного влияния и увязываются с целями и задачами «антирелигиозной работы».

Государство в лице и Маленкова, и Булганина окончательно дистанцировалось от проблем в религиозной сфере общества, отказывалось взять на себя инициативу в формировании церковной политики. Полагая, что это прерогатива партийного руководства, государство лишь выражало готовность исполнять указания партийной элиты.

В ней же выявилось противостояние двух точек зрения. Хотя сторонники каждой из них считали, что религия в советском обществе — явление, «чуждое социализму», и в силу объективных социально-экономических условий и субъективных — атеистической (антирелигиозной) деятельности партии, она будет исчезать. То в методах воздействия на религиозный феномен они расходились.

Одни, чья позиция достаточно определенно была изложена в постановлении ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению» (от 7 июля 1954), настаивали на продолжении, в традициях 20–30-х гг. XX в., политической войны с религией, церквями, «церковниками с сектантами».

Другие признавали религиозные объединения политически лояльными организациями, а потому говорили о недопустимости ставить под «политическое сомнение» и выражать «политическое недоверие» духовенству и верующим. Во-вторых, указывали на определенное различие в подходах государства и партии к церковной политике. Если государство должно исходить из принципа отделения церкви от государства, конституционных положений о свободе совести, обеспечивая и защищая права и интересы верующих и неверующих граждан, то за партией признавалось право на ведение научно-атеистической деятельности в рамках действовавших законов. В-третьих, характеризуя «антирелигиозную работу», подчеркивали, что она должна быть освобождена от какой-либо политизации и быть исключительно идеологической борьбой материалистического и религиозного мировоззрений. Считалось недопустимым привнесение в нее мер административного давления, оскорбления религиозных чувств граждан, неправомерного ограничения прав религиозных объединений.

Эти идеи нашли отражение в постановлении ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (от 10 ноября 1954). Кстати сказать, гуманное содержание основных положений этого документа, стремление определить конструктивную и лояльную по отношению к религиозным объединениям всех направлений государственную политику вызвали положительный отклик у патриарха Алексия, приславшего свою и Синода благодарность в адрес правительства.

Неопределенность ситуации, хрупкое равновесие соперничающих партийных группировок и выжидательная позиция правительства чрезвычайно осложняли положение Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов. Какое-то время они были предоставлены сами себе и, пользуясь этим, стремились сохранить тот курс, что был выработан в середине 40-х гг. Прежде всего требовалось не допустить повторения кампаний 30-х гг. по массовому закрытию культовых зданий, и в определенной мере в 1954–1958 гг. это им удалось сделать, о чем свидетельствуют приводимые статистические данные о зарегистрированных религиозных обществах в СССР (таблица 6.1).

Таблица 6.1

Сведения о действующих православных церквях в СССР

Годы	Количество религиозных обществ	
	всего	в том числе — православных
1953	18 591	13 509
1954	18 475	13 423
1955	18 452	13 376

Годы	Количество религиозных обществ	
	всего	в том числе — православных
1956	18 563	13 416
1957	18 611	13 430
1958	18 564	13 414
1959	18 352	13 324

После XX съезда КПСС (1956) повеяло ветром перемен. Из мест заключения и ссылок возвращаются сотни и тысячи верующих и служителей культа, возросли число обращений о регистрации и количество регистрируемых религиозных общин, не чинилось особых препятствий действующим без официальной регистрации обществам, власти публично обещали в рамках процесса демократизации расширение религиозных свобод, удовлетворение просьб и ожиданий религиозных объединений.

Г. Г. Карпов продолжал поддерживать тесные связи с патриархом, стараясь подчеркивать, что сложившиеся отношения между государством и Церковью не подвержены изменениям. Постоянным оставался круг обсуждавшихся вопросов: о назначениях и перемещениях епископов, встречах иностранных церковных делегаций, контактах с православными и инославными церквями, об открытии новых церквей и разрешении конфликтных ситуаций с органами власти, об устройении церковной жизни в центре и на местах. Патриарх Алексей определенные надежды связывал с Н. С. Хрущевым и его реформами и высказывал желание встретиться ним. В мае 1958 г. такая встреча состоялась, и патриарх смог изложить свои просьбы и высказать позицию относительно общего положения Церкви.

Заметное оживление религиозно-церковной жизни в стране воспринималось Советом по делам Русской православной церкви как должное. Более того, он официально поддержал ряд ходатайств Церкви, например, о предоставлении прав юридического лица религиозным обществам, об открытии дополнительных духовных учебных заведений, о передаче Патриархии одной из государственных типографий и комплекса зданий Донского монастыря. Все это свидетельствовало о том, что Совет был на стороне той части партийного аппарата, которая выступала за смягчение государственной церковной политики.

Однако изменения в духовной атмосфере общества, возросшая активность религиозных объединений, более свободное выражение людьми своих религиозных убеждений, практическая деятельность Совета стали своего рода катализатором усиления активности той части партийного аппарата, что выступала за жесткую линию. Ее влияние при решении принципиальных вопросов государственно-церковных

отношений становилось определяющим. В 1957 г. она «вспомнила» о Советах и вознамерилась внести коррективы в их деятельность, определив главным направлением не оказание помощи и защиту интересов религиозных организаций, а содействие партии в борьбе за «угасание религиозных чувств населения».

Г. Г. Карпов, как мог, противился этим устремлениям и тем самым вызвал огонь на себя. К примеру, в мае 1957 г. на совещании Уполномоченных, не соглашаясь с навязываемым ему порядком действий, Карпов следующим образом изложил свое понимание задач Совета: «Главное — для этого Совет, собственно, и образован, но очень часто, к сожалению, это забывается, и не только на местах — это обеспечить стойкие, нормальные отношения между государством и церковью и путем связи с патриархом и другими руководителями церкви в лице епископов... обеспечить, чтобы церковь, как религиозное объединение в стране, и духовенство, как ее кадры, не скатились и не вернулись бы на позиции давно прошедших лет, т. е. на позиции реакционной политики по отношению к государству. И совсем уж будет не только недопустимым, а преступным, если бы это произошло в результате наших неправильных, непродуманных, поспешных или каких-либо других ошибочных действий»¹.

Однако в общественную жизнь страны сначала робко, а затем все более широким потоком возвращаются идеи 30-х гг. о бесклассовом безрелигиозном обществе и особой роли в его построении антирелигиозной пропаганды. На страницах журналов, газет, по радио началось массированное антирелигиозное наступление с обвинениями, угрозами и насмешками в адрес верующих и духовенства.

К осени 1958 г. советское общество в сфере обеспечения свободы совести фактически было отброшено к авторитарным традициям 30-х гг. XX в., а религиозные общества лишались возможности воспользоваться даже элементарными, общепринятыми нормами «буржуазной» свободы религии. Все то, что с таким трудом было достигнуто в нормализации государственно-церковных отношений в 1943–1953 гг., объявлялось «деформацией церковной политики советского государства», «наследием сталинизма», с которыми повелась самая ожесточенная борьба. Вновь Совет по делам Русской православной церкви подвергся нападкам за «неправильную политическую и тактическую линию», приведшую к укреплению религии и церкви, активизации «явных и тайных врагов советской власти» среди духовенства.

---

¹ Цит. по: Одинцов М. И. Государство и церковь в России XX век. М., 1994. С. 117–118.

В итоге объявленные и проводимые в 1958–1964 гг. партией и правительством реформы в различных сферах жизнедеятельности советского общества, за которыми закрепился термин «оттепель», обернулись для верующих и церквей временем нового воинствующего антирелигиозного натиска.

Но это уже другая история Русской православной церкви, в так называемый период «хрущевских церковных реформ».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Источники

Сборники законодательных актов, архивных и церковных материалов и документов. Воспоминания. Дневники. Письма. Журнальные публикации архивных документов. Жизнеописания. Биографии. Хрестоматии. Антологии.

Агафонов П.

Архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник. Пермь, 1996.

Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М.: ПСТБИ, 1994. 1063 с.

Алексий I, патриарх Московский и всея Руси

Слова, речи, послания. Т. 1–4. М.: Издание Московской патриархии, 1948–1963.

Алексий II, патриарх Московский и всея Руси

Сборник избранных трудов к годовщине интронизации. 1990–1991 гг. М.: Планета, 1991. 191 с.

Принимаю ответственность за все, что было // Известия. 1991. 10 июня.

Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения.

Т. 1, 2. М.: Издательство Московской патриархии, 1999, 2000.

Россия. Духовное возрождение. М., 1999. 215 с.

Аманжолова Д. А.

«Горячо живу и чувствую...». Петр Гермогенович Смидович. Опыт исторического портрета. М.: Новости, 1998. 307 с.

Андрienко Л. А.

Атеист ленинской школы (Жизнь и атеистическая деятельность П. А. Красикова). М.: Мысль, 1976. 151 с.

Антоний (Храповицкий), митрополит

Жизнеописание. Письма к разным лицам 1919–1936 годов. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 288 с.

Апушкин Е. В.

Беседы старого священника / комментарии и публикация документов. М.: Паломник, 1995. 222 с.

Арсений (Веретельников)

Патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. Загорск. Машинопись, 1976.

Арсений (Жадановский), епископ

Воспоминания. М.: ПСТБИ, 1995. 294 с.

Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922–1925. Кн. 1, 2 / сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров.—Новосибирск—М.: Сибирский хронограф, РОССПЭН, 1997–1998.

Атеистический словарь / под общ. ред. М. П. Новикова. М., 1983. 559 с.

Бабкин М. А.

«Божием испытанием пока останемся мы в междуцарствии». Из переписки епископа Пермского и Кунгурского Андроника и обер-прокурора Св. Синода В. Н. Львова. Март—апрель 1917 г. / Комментарии и публикация документов // Исторический архив. 2003. № 1.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви. М.: Индрик, 2006. 504 с.

Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2007. 532 с.

Письма монархистов Поместному собору православной Российской церкви. Август—октябрь 1917 г. / Комментарии и публикация документов // Исторический архив. 2007. № 4.

Бакусов Г. А.

Вы хуже большевиков... // Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Вып. 3. Псков, 2002.

Баламутенко В. А., Чижова О. Г.

«АРА к нам идет без задних мыслей, но возни с ней будет много». Деятельность Американской администрации помощи в России / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1993. № 6.

Баринов Н. П., Герасимов Б. П.

О деятельности Ф. Нансена по оказанию помощи голодающим в России (1921–1922 гг.) / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1962. № 3.

Бахтурин А. Ю.

Сведения о том, что пережито в 1917/1918 учебном году. Доношения председателя правления Самарского духовного училища в Учебный комитет при Святейшем Синоде / Комментарии и публикация документа // Исторический архив. 1997. № 2.

Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В.

Русская Православная Церковь. XX век. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 792 с.

Белادي Л., Краус Т.

Сталин. М.: Политиздат, 1989. 0 318 с.

Беляев В. П., Елкин А. С.

Ярослав Галан (1902–1949). М.: Молодая гвардия, 1973. 239 с.

Бенедиктов Н. А.

«Причины сохранения религиозности очень глубоки». Отчет отдела агитации и пропаганды Горьковского обкома ВКП(б) об итогах антирелигиозной работы за 1934 — начало 1937 гг. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1999. № 6.

Бернев К. К.

Православная миссия в оккупированном Пскове. Докладная записка Управления НКГБ по Ленинградской области. 1944 г. / комментарии и публикация документа // Исторический архив. 2008. № 5.

Бовкало А. А.

Последний год существования Петроградского богословского института / Минувшее: Исторический альманах. Вып. 24. СПб.: Феникс, 1998.

Богословские труды. Сборник, посвященный 175-летию Ленинградской духовной академии. — М.: Издание Московской патриархии, 1986. 350 с.

Богословские труды. Юбилейный сборник к 120-летию со дня рождения Святейшего патриарха Алексия. К 80-летию восстановления патриаршества. М.: Издательство Московской патриархии, 1998. 388 с

Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского Охранного отделения. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990. 335 с.

Бонч-Бруевич В. Д.

Воспоминания. М.: Художественная литература, 1968. 234 с.

Булгаков С. Н.

Автобиографические заметки. Дневники. Статьи / сост. А. П. Олейникова. Орел: Издательство Орловской государственной телерадиовещательной компании, 1988. 476 с.

Бычков С. С.

«Ради правды не пожалею ни зарубежной, ни русской церкви». Конфликт в Свято-Сергиевом богословском институте в переписке Г. П. Федотова. 1939 / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 2003. № 1.

Вайль Б.

«Меняем сепараторы на храм». О несостоявшейся сделке, предложенной М. М. Литвиновым датскому правительству. 1924–1925 гг. / Комментарии и публикация документа // Исторический архив. 2007. № 4.

Василевская В. Я.

Катакомбы XX века. Воспоминания. М., 2001.

Василий (Кривошеин), архиепископ

Митрополит Николай (Ярушевич) // Церковно-общественный вестник (Приложение к Русской мысли). 1997. № 16, 17.

Воспоминания. Письма. Нижний Новгород: Издательство братства во имя святого князя Александра Невского, 1998. 498 с.

Васильева О. Ю., Горинов М. М.

«Не стеснясь никакими средствами». Материалы комиссии ЦК РКП(б) по вопросам отделения церкви от государства. Октябрь–декабрь 1922 г. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1993. № 2.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / под ред. Г. Н. Голикова, М. И. Кузнецова. М.: Советская энциклопедия, 1977. 712 с.

Венимин (Милов), епископ

Дневник инок. Письма из ссылки. Свято-Троицкая лавра, 1999.

Вениамин (Федченков), митрополит

На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. 447с.

«За православие помилует меня Господь...». Дневниковые записи. СПб.

Царское дело, 1999. 126 с.

Записки епископа. СПб.: Воскресение, 2002. 479 с.

Россия между верой и безверием. М., 2003.

Вешнева М. А.

Это память о днях в Донском // Юность. 1990. № 9.

Вестник Священного синода православной Российской церкви (Москва). 1926–1928.

Виноградов Василий, протопресвитер

О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности святейшего патриарха Тихона (1923–1925 гг.) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1.

Письма епископу Иоанну (Шаховскому) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1.

Владимирский губернский съезд духовенства и мирян 1923 г. Что постановил Владимирский губернский съезд духовенства и мирян 27 марта 1923 г. Владимир: Владимирское епархиальное управление, 1923. 15 с.

Волков С. А.

Последние у Троицы. Воспоминания о МДА (1917–1920). М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 317 с.

Возле монастырских стен. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2000.

Волкогонов Д. А.

Ленин: политический портрет. Кн. 1, 2. М.: Новости, 1994.

Троцкий. Политический портрет. Кн.1, 2. М.: Новости, 1994.

Семь вождей: Галерея лидеров СССР. Кн.1, 2. М.: Новости, 1995.

Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. Т.1, 2 М.: Родник, 1993. (Репринт).

Вострышев М. И.

Божий избранник: Крестный путь святителя Тихона, патриарха Московского и всея России. М.: Современник, 1991. 189 с.

Патриарх Тихон. М.: Молодая гвардия, 1995. 302 с.

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. I (1944–1948 гг.), Т. II (1949–1953 гг.). М.: Новосибирск, 1997, 1998.

Всесоюзная перепись 1937 года. Краткие итоги. М., 1991.

Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990.

Второй Московский съезд староцерковников, признающих Высший временный церковный совет, бывший в Москве в Донском монастыре 15–18 ноября 1927 г. М., 1928.

Гаврилин А. В.

Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.; Тихвин: издательская служба Тихвинского монастыря, 2009, 464 с.

Галамай Е. Н.

ГПУ и обновленческая церковь на Подолье. 1922–1926 гг. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 2002. № 6.

Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М.: Прогресс-Культура, 1995. 417 с.

Гидулянов П. В.

Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик. 3-е изд. М.: Юриздат, 1926. 172 с.

Глотова О. А.

«Учитывая наличие крупных недостатков в постановке пропаганды и агитации». Документы ЦК ВКП(б) о реорганизации идеологического аппарата партии. 1946 г. / комментарии и публикация документа // Исторический архив. 2003. № 5.

Голиков А., священник, Фомин С.

«Кровью убеленные». Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг. Жизнеописания и материалы к ним. М., 1999.

Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 328 с.

Гордун С., священник

Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 // ЖМП. 1993, № 1, 2.

Государственное совещание. М.; Л., 1930.

Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке.

Сборник документов и материалов / сост. О. Ю. Редькина, Т. А. Савина. Волгоград: Издатель, 2002. 536 с.

Григорий (Яцковский), архиепископ

Документы, относящиеся к образованию Высшего временного церковного совета в Москве. М.: Издание автора, 1926. 16 с.

Гроян Т.

Царю Небесному и земному верный. Митрополит Макарий Московский, апостол Алтайский (Парвицкий-Невский). 1835–1926 гг. М., 1996.

Гузанов Е. Л.

«Все силы безбожников Губсовета бросить на работу в районе Толгского монастыря» (Документы о закрытии и сносе ярославских церквей в 20–30-е гг.) / Комментарии и публикация документов // Ярославская старина. 1994. Вып. 1.

Дамаскин (Орловский), иеромонах

Житие священномученика Фаддея, архиепископа Тверского (1872–1937). Тверь: Булат, 1997. 95 с.

XX съезд КПСС: стенографический отчет. М., 1956. Т. 1, 2.

- Декреты** советской власти. Т. 1–14. М.: Госполитиздат, РЦХИДНИ, 1957–1997.
- «**Дело**» митрополита Вениамина. М.: Студия «ТРИТЭ»; Российский архив, 1991. 94 с. (Репринт).
- Деяния** Второго Всезарубежного Собора Русской православной церкви за границей. Белград, 1939. 745 с.
- Деяния** II Всероссийского Поместного собора православной церкви. М.: Высший совет Российской православной церкви, 1923. 20 с.
- Деяния** Священного собора Российской православной церкви 1917–1918 гг. Т. 1–10. М.: Новоспасский монастырь; ГА РФ, 1994–2000.
- Деяния** Совещания глав и представителей автокефальных православных церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской православной церкви. 8–18.VII. 1948 г. Т. 1, 2. М.: Издание Московской патриархии, 1948.
- Деяния** III Всероссийского поместного собора православной церкви на территории СССР от 1–10 октября 1925 г. Самара, 1925.
- Деятели** Октября о религии и церкви (Статьи. Речи. Беседы. Воспоминания). М.: Мысль, 1968. 238 с.
- Дневники** императора Николая II. Составление, комментарии и примечания В. П. Козлова, Т. Ф. Павловой, З. И. Перегудовой. М.: ЦГАОР; Орбита, 1991. 736 с.
- Дни** примирения. Митрополит Николай в Париже (24 августа — 5 сентября 1945 г.). Сб. материалов. Париж: Издание Союза советских патриотов, 1946.
- Документы** внешней политики. 1940 — июнь 1941. Т. XXII. Кн.1. М., 1995.
- Документы** и материалы Львовского церковного собора // Религия в СССР. Ежемесячный бюллетень АПН, № 7. 1987.
- Документы** обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. Сб. ст. Минск: Беларусь. 1964. 272 с.
- Документы** по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917–1998). Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края. 1999. 384 с.
- Евлогий (Георгиевский)**, митрополит.
- Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий, 1994. 620 с. (Репринт).
- Евтухова К.**
- Церковь и революция. Документы из архива Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 / комментарии и публикация документов // Минувшее: исторический альманах. Вып. 12.
- Елевферий (Богоявленский).**
- Неделя в патриархии. Впечатления и наблюдения от поездки в Москву. Париж: Православное издательство, 1933. 182 с.

Жизнеописание священномученика и исповедника архиепископа Вереяского Илариона (Троицкого) (1886–1929). СПб.: Вера, 1997. 34 с.

Житие епископа Серафима (Звездинского). Письма и проповеди. Париж: Имка-Пресс, 1991. 201 с.

Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937. СПб.: Сатисъ, 1997. 112 с.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии: В 5 кн. Тверь: Булат, 2002–2004.

Журавский А.

Жизнеописания новых мучеников Казанских. Год 1918-й. Изд. 2-е. М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 1996. 205 с.

Во имя правды и достоинства церкви. Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М.: Издание Сретенского монастыря, 2004. 864 с.

Журнал Московской патриархии. 1931–1935 годы. М.: Издательский совет Русской православной церкви, 2001. 272 с.

Журнал Московской патриархии в 1931–1935 и 1943–1983. Т. 1–3. Систематический библиографический указатель / сост. И. Н. Судоса. М., 1984. Машинопись.

Законодательство о религиозных культах. М.: Юридическая литература, 1969. 304 с. (изд. 2-е, 1971).

Записки священника Сергия Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В. С. Бобринской. М.: ПСТБИ, 1999. 296 с.

За Христа пострадавшие в земле Владимирской. Гонения на Русскую православную церковь. 1917–1956. Синодик и биографический справочник. Александров, 2000. 80 с.

За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую православную церковь, 1917–1956. Биографический справочник. М.: Издательство Свято-Тихоновского Богословского института, 1997. Кн. 1. 696 с.

Зеленогорский М. Л.

Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М.: Терра, 1991. 334 с.

Зелов Н. С., Чернобаева Т. П.

Перед Комитетом ставились следующие задачи...». Всеславянский комитет в 1941–1945 гг. / Публикация документов // Исторический архив, 2010. № 3.

Зосима (Давыдов), иеромонах

Положил основание на камне (1876–1906). Архиепископ Феодор (Поздеевский). Жизнь. Деятельность. Труды. М.: Даниловский благовестник, 2000. 192 с.

Иванов Д. В.

«Безполитики Соборэтотнеобойдется». Письмаделегата Священного Собора Православной Российской церкви Я. А. Кремнева. Август—сентябрь 1917 г. / Комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1999. № 5.

Иванов Ю. А.

Местные власти и церковь в 1922–1941 гг. (по материалам архива Ивановской области) / комментарии и публикация документов // Отечественные архивы. 1996. № 4.

Игнатия (Петровская)

Высоко-Петровский монастырь в 20–30 годы / публикация А. Л. Беглова // Альфа и Омега, 1996. № 1 (8).

О святейшем патриархе Алексии I / публикация А. Л. Беглова // Альфа и Омега. 2000. № 1 (23).

Патриарх Сергей и Высоко-Петровский монастырь / публикация А. Л. Беглова // Альфа и Омега. 1999. № 3 (21).

Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917–1921 гг. Сб. документов. М.: Госполитиздат, 1958. 511 с.

Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век. Сб. документов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001. 260 с.

Из истории христианской церкви в России и за рубежом в XX столетии. Сб. Материалы по истории Церкви. Кн. 5.

Из переписки заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского)... // Церковь и время. 1998. № 2–4; 1999. № 1, 3; 2000. № 1; 2001. № 3; 2003 № 2, 4.

Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сб. документов из фонда Реввоенсовета Республики. М.: ПГСТУ, 2006. 304 с.

Иннокентий (Павлов), игумен

Церковная жизнь Ленинграда во время блокады 1941–1944 гг. Ленинградская духовная академия. 1983. Машинопись.

Иоанн (Разумов), архиепископ

Патриарх Сергей и его значение в истории Русской православной церкви. Псков, 1963. Машинопись.

Иоанн (Снычев), митрополит

Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. СПб., 1993. 302 с.

Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб.: Царское дело, 1994. 216 с.

Жизнь и служение митрополита Мануила. Биографический очерк. Самара, 1997. 319 с.

Пою Богу моему. Акафисты. Портреты русских архиереев. Дневниковые записи. СПб.: Царское дело, 1997. 438 с.

Наука смирения. Письма монашествующим. СПб.: Царское дело, 1998. 316 с.

Иоанн Сан-Франциский (Шаховской)

Избранное. Собрание сочинений в двух томах. Н.-Новгород: Издательство братства во имя святого князя Александра Невского, 1999.

Иосиф Виссарионович Сталин

Краткая биография / сост. Александров Г. Ф. М.: ОГИЗ, 1947. 243 с.

Исторический архив. 1919–2001 гг. Указатель опубликованных материалов / сост. И. А. Кондакова, А. А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2002. 192 с.

Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. Сб. ст. и отчетов. М., 1922.

Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М.: ЦСУ, 1927.

Их страданиями очистится Русь. Сб.; М.: Издательство имени Игнатия Ставропольского, 1996. 266 с.

Казем-Бек А. Л.

Жизнеописание Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия I / Богословские труды. Вып. 34. М., 1998.

Келер Людмила

Никем не сломленный. Жизнь и мученическая кончина архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). М.: Издательство Игнатия, 1999. 63 с.

Керенский А. Ф.

Потерянная Россия. М.: Вагриус, 2007. 540 с.

Китер Наталия

Православная церковь в СССР в 1930-е годы // Церковно-исторический вестник. 1988. № 1.

Козлов Ф. Н.

«Прошу принять на регистрацию». Из истории церковного раскола в Чувашии. 1924–1931 гг. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 2008. № 6.

Константинов Дм., протоиерей

Записки военного священника. Канада, 1980.

Константиновский Виктор, протоиерей

Православие и епископ Андрей, бывший князь Ухтомский. Уфа: Октябрьский натиск, 1926. 39 с.

Конституции Союза ССР и союзных республик. М.: Власть Советов, 1932. 149 с.

Косик О. В.

«Я боролся с неверием...» Следственное дело по обвинению епископа Афанасия (Сахарова) / комментарии и публикация документов // Богословский сборник. Вып. 3. М.: ПСТБИ, 1999.

Вернувшийся домой. Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова) / автор-сост. О. В. Косик. М.: Издательство ПСТГУ, 2005. Т. 1, 2.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1–9. М.: Политиздат, 1983–1985.

Кравецкий А. Г.

К предыстории обновленческой смуты. Записка прот. В. Д. Красницкого «О направлении политики советской власти в отношении Православной церкви // Ученые записки Российского православного университета им. ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000.

Краснов-Левитин А.

Лихие годы: 1925–1941. Париж, 1977. 456 с.

Воспоминания: Рук твоих жар. Тель-Авив, 1977.

Кривошеева Е. Г.

«Отблеск русского пламени ложится на каждого из нас». Письмо писателя Н. Я. Рощина митрополиту Евлогию. 1944 г. / комментарии и публикация документа // Исторический архив. 2000. № 3.

Кривошеева Е. Г., Мазырин А. В.

«Это есть скорбь для Церкви, но не ее смерть...». Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) / Комментарии и публикация документов // Богословский сборник. Вып. 8. М.: ПСТБИ, 2001.

Крикота Николай, иерей

«Я готов отдать свою жизнь за Церковь». Жизнеописание священномученика Владимира, митрополита Киевского и Галицкого. М., 2002.

Кушникова М. М., Тогулев В. В.

Плач золотых звонниц. Церкви Кузбасса: страницы непарадной истории. 1940–1960 гг. в архивных документах. Кемерово, 1997. 180 с.

Лубянка: ВЧК–ОГПУ–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: 1917–1960. Справочник / сост. А. И. Кожурин, Н. В. Петров. М.: международный фонд «Демократия», 1997. 352 с.

Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ

«Я полюбил страдание». Автобиография. М.: Русский хронограф, 1995. 207 с.

Луначарский А. В.

Христианство и коммунизм. Диспут с митрополитом А. Введенским. Л.: ГИЗ, 1926. 74 с.

Об атеизме и религии. (Сборник статей, писем и других материалов) / сост. Л. К. Дунаевский. М.: Мысль, 1972. 509 с.

Львовский церковный собор. Документы и материалы. 1946–1981. М.: Издание Московской патриархии, 1982. 224 с.

Любовью побеждая страх

Жизнеописания новомучеников Российских / сост. В. Королев. Фрязино: Содружество Православный паломник, 1998. 176 с.

Мазырин А. В.

«Я иду только за Христом...». Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Комментарии и публикация документов // Богословский сборник. Вып. 9. М.: ПСТБИ, 2002.

«Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову». Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / комментарии и публикация документов // Богословский сборник. Вып. 11. М.: ПСТБИ, 2003.

Мануил (Лемешевский), митрополит

«Божий виноградник». Дневниковые записи. Покаянный плач. СПб.: Изд-во «Царское дело», 1999.

Марковчик М.

«Политических разговоров не замечено». Дело «Донской монастырь»: рапорты агентов наружного наблюдения / комментарии и публикация документов // Источник. 1996. № 5.

Марцинковский В. Ф.

Записки верующего. Санкт-Петербург: Библия для всех, 1995. 272 с.

Метельский Г.

Неповторимый. Повесть о Петре Смидовиче. М., 1976.

Милуков П. Н.

Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.

При свете двух революций. История кадетской партии на всем протяжении ее деятельности в России и до 1921 года — в эмиграции / Комментарии и публикация документа Н. И. Канищевой, К. Г. Ляшенко, В. В. Шелохаева // Исторический архив. 1993. № 1, 2.

История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.

Митрополит Антоний (Храповицкий). Жизнеописание. Письма к разным лицам 1919–1939 годов. СПб.: издательство Олега Абышко, 2006. 288 с.

«Молю о тех, кого ты дал мне...». Владыка Серафим (Звездинский) в воспоминаниях духовной дочери, схимонахини Иоанны (Анны Сергеевны Патрикеевой) / сост. Т. С. Ануфриева-Мирлас. М.: Даниловский благовестник, 1999. 208 с.

Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995.

Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000.

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19–30 октября 1943 г. Сб. документов. М., 1984.

Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1–4. М.: Издательство Главархива Москвы, 2000–2006.

Набоков В.

Временное правительство. Воспоминания. М., 1924.

Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. II. М.; СПб.: Феникс, 1995. 478 с.

Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1999.

Неизвестная Россия. XX век. Т. 1–3. М.: Историческое наследие, 1992.

Неколебимый камень Церкви. Патриарший местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский), священномученик, на фоне русской церковной истории XX века / сост. О. Б. Сокурова. СПб.: Светослав, 1998. 95 с.

Нестор Камчатский, епископ

Расстрел Московского Кремля. М.: Столица, 1995. 87 с. (Репринт).

Нестор (Анисимов), митрополит

Мои воспоминания: Материалы к биографии, письма / подготовка текста и документов к публикации М. И. Одинцова М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. 191 с.

Николай (Ярушевич), митрополит

Слова, речи, послания. М.: Издание Московской патриархии, 1947–1957. Т. 1–4.

Николай Муралов / сост. Н. С. Полещук. М.: Московский рабочий, 1990. 239 с.

Никон (Рклицкий), епископ

Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 1–7. Нью-Йорк, 1956–1961.

Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. 1863–1936. Кн. первая. Нижний Новгород: издательство братства во имя св. Александра Невского, 2003. 716 с.

Новомученики и исповедники Ярославской епархии. Ч. 1–3. Тутаев: Православное братство св. блгв. кн. Бориса и Глеба, 2000.

Новые мученики российские / сост. Польский. Т. 1, 2 М.: Товарищество Светлячок, 1999. (Репринт).

Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1–8. М.: Юридическая литература, 1997–1999.

Обвинительное заключение по делу граждан: Белавина Василия Ивановича, Феноменова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Георгиевича и Гурьева Петра Викторовича по 62 и 119 ст. Уголовного кодекса. М.: Типография ГПУ, 1923. 55 с.

Обновленческая церковь. Ленинградская группа. Программа церковных обновленцев. Л.: Типография им. т. Урицкого, 1925. 19 с.

«**Обновленческий** раскол» (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / сост. И. В. Соловьев. Материалы по истории Церкви. Кн. 27. М.: Общество любителей церковной истории и издательство Крутицкое подворье, 2002. 1064 с.

О Вячеславе Менжинском. Воспоминания, очерки, статьи / сост. М. А. Смирнов. М.: Политиздат, 1985. 272 с.

Одинцов М. И.

«Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти» (Материалы к биографии патриарха Тихона) / вступительная статья, комментарии и публикация документов // Вопросы научного атеизма. Вып. 39. М.: Мысль, 1989.

Декларация митрополита Сергия (Страгородского): Документы и свидетельства современников / вступит. статья, комментарии и публикация документов // Диспут. 1992. № 1, 2.

И. В. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» / вступительная статья, комментарии и публикация документов // Диспут. 1992. № 3.

- Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее / вступит. статья, комментарии и публикация документов // Отечественная история. 1992. № 6.
- «Дело патриарха Тихона / вступит. статья, комментарии и публикация документов // Отечественные архивы. 1993. № 6.
- «Церковь отделяется от государства». Доклады эксперта Наркомюста М. В. Галкина. 1918 г. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1993. № 6. 1994. № 1.
- «Доверительно сообщая Вам». Письма российского посланника в Ватикане А. И. Лысаковского. 1919–1921 гг. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1994. № 2. С. 137–167.
- Крестный путь патриарха Сергия: Документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) / вступит. статья, комментарии и публикация документов // Отечественные архивы. 1994. № 2.
- Униаты и советская власть (Встреча в Москве. Декабрь 1944 г.) / Вступит. статья, комментарии и публикация документов // Отечественные архивы. 1994. № 3.
- «Русская православная церковь стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943–1946 гг. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1994. № 3, 4.
- Поездка на Всероссийский церковный собор. Дневник настоятеля Сухумского кафедрального собора протоиерея Г. С. Голубцова. Январь–апрель 1918 г. / Комментарии и публикация документа // Исторический архив. 1994. № 5. 1995. № 5–6.
- Лондон — Москва: межцерковный диалог. Обмен делегациями Англиканской и Русской православной церквей. 1943–1945 гг. / Комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1995. № 1.
- Государство и церковь в годы войны. Докладные записки председателей Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. 1945 г. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1995. № 4.
- Откровения бывшего штурмбаннфюрера СС, доктора теологии и философии Карла Нейгауза / вступит. статья и публикация документа // Наука и религия, 1995. № 8.
- Религиозные организации в СССР накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.) / Вступительная статья, комментарии и публикация документов // Отечественные архивы. 1995. № 2.
- Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) / Вступит. статья, комментарии и публикация документов // Отечественные архивы. 1995. № 3.
- «рю Дарю, 12, Париж». Письма митрополиту Евлогию. 1921–1927 гг. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1996. № 1.

- Московский Кремль, осажденный революцией. Октябрь—ноябрь 1917 г. Свидетельства очевидцев / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1997. № 3.
- «Подвергнуть аресту и привлечь к судебной ответственности». ВЧК—ГПУ и патриарх Тихон. 1917—1925 гг. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1997. № 5—6.
- Крестный путь патриарха Сергия. Документальная повесть // Наука и религия. 1997. № 4—12; 1998. № 1—8.
- Ему отмерен был библейский срок. Документальная повесть о патриархе Алексии I (Симанском) // Наука и религия. 1999. № 4—8.
- Третий рейх: власть и религия. «Заявление» бывшего начальника отдела IV управления РСХА К. Нейгауза / комментарии и публикация документа // Исторический архив. 1998. № 1.
- Неизвестный документ митрополита Сергия (Страгородского). Историческая справка об Американской епархии Русской православной церкви. / вступит. статья, комментарии и публикация документа // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4—5.
- Достойный сын земли Нижегородской. Материалы к биографии патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). 1901—1944 гг. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1999. № 6.
- «Видно, не испили мы до дна всю чашу положенных нам испытаний». Письма епископа Ямбургского Алексия (Симанского) митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому) / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 2000. № 1.
- «Прошу Ваших указаний». Докладные записки Председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 1943—1945 гг. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 2000. № 2.
- «Я все время стоял довольно в близких отношениях к московскому духовенству...» Из воспоминаний Н. П. Розанова. 1905—1907 гг., 1917 г. / комментарии и публикация документа // Исторический архив. 2000. № 3.
- «Почти все пожелания Римской Курии... получают ныне полное удовлетворение». Из секретной переписки Русской миссии в Ватикане. Февраль—октябрь 1917 г. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 2000. № 4.
- «Мне так хочется сложить свои старые кости в родной земле». Митрополит Евлогий (Георгиевский) и Московская патриархия. 1944—1946 гг. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 2000. № 6.
- Подборка документов из публикаций в журналах «Диспут» и «Отечественные архивы» / Москва послевоенная. 1945—1947. Архивные документы и материалы. М., 2000.

- Совет министров СССР постановляет: «выселить навечно». Сб. документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985 гг.). М.: Объединение исследователей религии; Арт-Бизнес-Центр, 2002. 240 с.
- Высокопреосвященнейший Арсений (Стадницкий), митрополит Ташкентский и Туркестанский (1862–1936 гг.). Биографический очерк // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9.
- Справка о приеме Председателем Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карповым митрополита (обновленческого) Александра Введенского / публикация документа // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9.
- Деятельность Совета по делам Русской православной церкви в 1943–1958 гг. / публикация документов // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 (Дискуссионные аспекты). М.: Институт славяноведения РАН; Объединение исследователей религии, 2003.
- «Работа Совета по делам Русской православной церкви носила политический характер» / комментарии и публикация документа (в соавторстве) / Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. докладов и материалов международных, общероссийских и межрегиональных научно-практических семинаров и конференций. 2004–2005 гг. Вып. 2. М.: Российское объединение исследователей религии, 2005.
- «Отношения с Ватиканом должны быть урегулированы». Из переписки наркома иностранных дел Г. В. Чичерина. 1920–1928 гг. / комментарии и публикация документов (в соавторстве) // Исторический архив. 2005. № 1.
- «Проявляйте себя, как подлинно Божий, преданный своей Родине и своей вере народ». Патриарх Алексей I (Симанский) о патриотической деятельности Русской православной церкви в 1941–1945 гг. / комментарии и публикация документа // Исторический архив. 2006. № 2.
- «Без отделения церкви от государства и от школы нет освобождения от пут духовного рабства» (Из материалов Томского губернского Народного Собрания. Май 1917 г.) / Публикация документа // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Выпуск 6. Сб. статей. М.; СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2008.
- О Емельяне Ярославском: Воспоминания, очерки, статьи / сост. П. С. Фатеев, В. В. Королев. М.: Политиздат, 1988. 303 с.**
- Орлеанский Н.**
- Закон о религиозных объединениях в РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М.: Безбожник, 1930. 224 с.
- Осипова И. И.**
- «В язвах своих сокрой меня...» Гонения на Католическую церковь в СССР. По материалам следственных и лагерных дел. М.: Серебряные нити, 1996. 240 с.

- «Сквозь огонь мучений и воду слез...» Гонения на Истинно-православную церковь. По материалам следственных и лагерных дел заключенных. М.: Серебряные нити, 1998. 432 с.
- Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России / Комментарии и публикация документов // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3.
- «О, Премилосердый... Буди с нами неотступно...» Воспоминания верующих Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви конца 1920-х — начала 1970-х годов. М.: Братонез, 2008. 464 с.
- «Возлюбив Бога и следуя за Ним...». М.: Серебряные нити, 199. 352 с.
- Основные** положения программы группы православного духовенства и мрян «Живая церковь». Казань: «Живая церковь», 1923. 7 с.
- Основы** религиоведения / под ред. И. Н. Яблокова. М.: Высшая школа, 1998.
- Падение** царского режима. Л.; М., 1924–1927. Т. 1–7.
- Памяти** протопресвитера Георгия (Шавельского) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1.
- Патриарх** Сергей и его духовное наследство. М.: Издание Московской патриархии, 1947. 415 с.
- Патриарх** Тихон и история Русской церковной смуты / сост. М. Е. Губонин. Кн. 1. СПб.: Сатис, 1994. 447 с.
- Переписка** председателя Совета Министров с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1976.
- Петров С. Г.**
Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви. (1921–1925 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 408 с.
- Пикер Г.**
Застольные беседы Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.
- Письма** во власть. 1917–1927 гг. Сб. документов. М.: РОССПЭН, 1997. 664 с.
- Письма** патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров Совете министров СССР. 1945–1953 гг. Т. 1 / под. ред. Н. А. Кривовой. М.: РОССПЭН, 2009. 847 с.
- Письма** патриарха Алексия своему духовнику. М.: Издание Сретенского монастыря, 2000. 304 с.
- Письмо** патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского), митрополитов Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) генералиссимусу И. В. Сталину от 5 сентября 1943 г. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9.
- Политбюро** ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. П. Кошелева, А. И. Минюк, М. Ю. Презуменщиков, Л. А. Роговая, С. В. Соменова. М.: РОССПЭН, 2002.
- Политические** партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.

Польский М., протоиерей

Новые мученики российские. Джорданвилль, 1957. Т. 1, 2.

Поместный собор Российской православной церкви 1923 года: Бюллетени. М., 1923. 32 с.

Поповский М. А.

Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, епископа и хирурга. СПб.: Сатисъ, 2002. 509 с.

Послания святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси. М.: Донской монастырь, 1991. 32 с.

Правда о религии в России. М.: Издание Московской патриархии, 1942. 457 с.

Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии: 1917–1950. Сб. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. 298 с.

Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1999–2010. Т. I–XXI.

Православное духовенство в Латвии. 1920–1940. Сб. документов / отв. ред. А. Кадикис. Рига: Латвиздат, 1962. 192 с.

Преступления немецко-фашистских войск оккупантов в Белоруссии в 1944 г. Минск, 1965.

Программа и устав христианско-социальной рабочей партии. М., 1918.

Программа церковных обновлений. Самара: Издательство «Церковная жизнь», 1926. 6 с.

Простите, звезды Господни. Исповедники и соглядатаи в документах, или зачем русскому церковь? / сост. В. Королев. Фрязино: Содружество Православный паломник, 1999. 320 с.

Протоиереи Иоанн Кочуров (1871–1917). Протопресвитер Александр Хотовицкий (1872–1937). СПб.: Ноах, 1996. 62 с.

Проханов И. Г.

В котле России: 1869–1933. Гуммерсбах, 1992. 263 с.

Проценко П. Г.

Биография епископа Варнавы (Беляева). В Небесный Иерусалим. История одного побега. Нижний Новгород: Издательство братства во имя святого князя Александра Невского, 1999. 558 с.

Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Сб.: В 6 т. М.: Л., 1927.

Религиоведение / под ред. И. Н. Яблокова. М.: Республика, 1998. 220 с.

Религиоведение: энциклопедический словарь. М., 2006.

Религия народов современной России. Словарь / под ред. М. П. Мчедлова и др. М., 2002.

Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке. Сб. документов / сост. О. Ю. Редькина, Т. А. Савина. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. 316 с.

Религия и власть на Дальнем Востоке России. Сб. документов Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск, 2001. 400 с.

Рид Джон.

Десять дней, которые потрясли мир. М.: Правда, 1988. 544 с.

Ричард (Фома) Юэitte, Марченко В.

Духовник царской семьи. Святитель Феофан Полтавский (1874–1940). М.: Издательский отдел Валаамского общества Америки в России, 1994. 286 с.

Рожденный на Земле Нижегородской. Патриарх Сергей / сост. арх. Тихон (Затекин), О. В. Дегтева. Нижний Новгород: Нижегородский Вознесенский Печерский мужской монастырь, 2007. 270 с.

Рождественский А.

Святейший Тихон патриарх Московский и всея России. (Воспоминания). София: Российско-болгарское книжное издательство, 1922. 24 с.

Российская православная церковь. Поместный собор, 3-й. Москва. 1925. Деяния. Самара: Самарское епархиальное управление, 1925. 31 с.

Российская православная церковь. Временный высший церковный совет. Послание епископов-староцерковников, признающих Временный высший церковный совет, собравшихся в Донском монастыре г. Москвы 11–13 мая 1927 г. ко всем верным чадам святой церкви. М.: Красный Октябрь, 1927. 10 с.

Российская церковь в годы революции (1917–1918 гг.): Сб. / подготовка текста к публикации М. И. Одинцова. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995.

Российское законодательство X–XX веков (Тексты и комментарии). Т. 1–9. М.: Юридическая литература, 1984–1994.

Русская православная церковь. М.: Издательство Московской патриархии, 1980. 255 с.

Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. Сб. документов / сост. О. Ю. Васильева и др. М.: Издательство Крутицкого подворья, 2009. 765 с.

Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.): Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. Штриккер. Кн. 1, 2. М.: Пропилеи, 1995.

Русская православная церковь. XX век / сост. Беглов А. Л. и др. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. 800 с.

Русская православная церковь за рубежом. 1918–1968. Т. 1, 2. / под ред. А. А. Соллогуб. Нью-Йорк: Русская духовная миссия в Иерусалиме, 1968, 1970.

Русская православная церковь и Великая Отечественная война: Сб. церковных документов. М.: Издание Московской патриархии, 1943. 99 с.

Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Издательство ББИ, 1996. 352 с.

- Русское Зарубежье.** Золотая книга эмиграции первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / под ред. В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. 742 с.
- Санкт-Петербургская** епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов. 1917–1941 / сост. Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский. СПб.: Лики России, 2000. 268 с.
- Сахаров М. С.**
Жизнь и деятельность митрополита Иосифа (Петровых). Биографический очерк. СПб., 2001. 130 с.
- Сборник** по вопросам антирелигиозной пропаганды. М., 1922.
- Сборник** указов и постановлений Временного правительства. Вып.1. Пг.: 1917. 557 с.
- СВАГ** и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии. 1945–1949. Сб. документов. М.: РОССПЭН, 2006. 592 с.
- Свенцицкий В. П.**
Предсмертные письма / комментарии и публикация документов Р. Крепса // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1990.
- Святейший** патриарх Московский и всея России Тихон в воспоминаниях современников. М., 2000.
- Святейший** Тихон, патриарх Московский и всея России, к 100-летию со дня рождения. Джорданвилль, 1965.
- Святитель** Серафим (Соболев). 1881–1950. Житие, подвиги и чудеса. М.: Трим, 1993. 80 с.
- Святитель** Тихон — Патриарх Московский и всея Руси. Сб. / сост. О. В. Орлова. М.: Сретенский монастырь, 1995. 224 с.
- Священномученик** архимандрит Кронид (Любимов), (наместник Свято-Троицкой лавры). Свято-Троицкая лавра, 2000. 103 с.
- Священномученик** Иосиф. Митрополит Петроградский. Жизнеописание и труды / сост. М. С. Сахаров и Л. Е. Сикорская. СПб.: Кифа; Издательство Олега Абышко, 2006. 352 с.
- Священный** Синод и бывший патриарх Тихон. (Современный русский раскол). В вопросах и ответах. Казань: Казанское епархиальное управление, 1924. 30 с.
- Священный** собор православной Российской церкви. Деяния. Т. 1–10. М.; Пг.: Московская синодальная типография, 1918.
- Священный** Собор Православной Российской церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний / под ред. Г. Шульца. В 3 кн. М.: Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2001–2002.
- XVII съезд** ВКП(б) и задачи антирелигиозной работы. М., 1934.
- Сергий (Ларин)**, епископ
Православие и гитлеризм. Политика гитлеровских оккупантов по религиозным вопросам во временно-захваченных районах СССР и ее итоги. Одесса. Машинопись, 1946–1947.

Сидоров Н.

«Взять на учет все духовенство» / комментарии и публикация документов // Источник. 1994. № 6.

Сидоров Н.

«Вызвало среди верующих волну радостных переживаний». Переписка патриарха Алексия с Г. Г. Карповым / комментарии и публикация документов // Источник. 1998. № 2.

Симбирская Голгофа / сост. В. Дмитриев. М.: Издательство братства им. свт. Игнатия Ставропольского, 1997. 206 с.

Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с.

Смирнов А. П., протоиерей

Воспоминания. М., 2000.

Собрание определений и постановлений Священного собора православной Российской церкви. 1917–1918 гг. Вып. 1–3. М., 1918.

Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). В 7 т. М.: ИРИ РАН; ЦА ФСБ РФ, 2001–2004.

Советская военная администрация в Германии и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии. 1945–1949. Сб. документов / отв. редактор и автор вступ. ст. В. В. Захаров. М: РОССПЭН, 2006. 592 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939, Документы и материалы. Т. 1–4. М.: РОССПЭН, 1988.

Советская жизнь 1945–1953. Сб. документов. М.: РОССПЭН, 2003.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1 (1944–1948). М., 1999.

Совещания Коминформа. 1947. 1948. 1949. Документы и материалы / сост. Г. М. Адибеков, А. Ди Бяджо, Л. Я. Гибианский. Ф. Гори, С. Понс. М., 1998.

Современники о патриархе Тихоне / сост. М. Е. Губонин. М.: ПСТГУ, 2007. Т. 1, 2.

Солопов А. Н.

Бухарин: человек, политик, ученый. М.: Политиздат, 1990. 414 с.

Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской православной церкви, а также в секретных документах руководителей Советского государства: 1888–1932 / сост. М. Складорова. СПб.: Борей, 1994. 464 с.

Союз воинствующих безбожников. Стенографический отчет о II съезде СВБ. М.: Безбожник, 1929. 103 с.

Спутник антирелигиозника. М.: ОГИЗ, ГАИЗ, 1939. 335 с.

Сталин И. В.

О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1944.

Сочинения. Т. 1–12. М.: Политиздат, 1952.

Сталинская Конституция и свобода совести. (Материал для докладчиков).

Минск: Госиздат Белоруссии, 1939. 15 с.

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. документов / сост. О. В. Хлевнюк и др. М.: АИРО–XX, 1995. 340 с.

Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946.

Тихон, патриарх

Послания святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси (1917–1919 гг.). М.: Донской монастырь, 1991.

Трофимчук М. Х.

Академия у Троицы. Воспоминания. 1944–2004. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2005. 638 с.

Троцкий Л. Д.

Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1, 2. М.: Панорама, 1991. 624 с.

Дневники и письма / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. 256 с.

Труды первого всероссийского съезда или собора союза «Церковное возрождение». Л., 1925. 82 с.

Ученые записки Российского православного университета им. Иоанна Богослова. Вып. 6. Церковная история XX века и обновленческая смута. М., 2000.

Феодор (Поздеевский), архиепископ

Жизнеописание. Избранные труды / сост. иеромонах Роман (Лукин) Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2000. 400 с.

Феодосий (Алмазов), архимандрит

Мои воспоминания (Записки соловецкого узника) / вступит. статья и публикация документов М. И. Одинцова. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. 259 с.

Филимонов В. П.

Крестом отверзается небо... Жизнь и подвиги новомученика протоиерея Философа Орнатского. СПб.: Сатисъ, 2000. 238 с.

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

Фиолетов Н. Ю.

История одной жизни // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. М.; СПб.: Atheneum, Феникс, 1992.

Флоренский П., священник

Детям моим. Воспоминания прошлых лет / сост. Андроник (Трубаев) и др. М.: Московский рабочий, 1992. 560 с.

Фомин С. В.

Божией милостию архиереев Русской церкви: три жизни митрополита Нестора Камчатского. М., 2002.

Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) М.: Правило веры, 2003. 1007 с.

Ходаковская О. И.

Священномученик Пимен (Белоликов), епископ Семиреченский и Верненский. Свято-Троицкая лавра, 2000. 43 с.

Христианство: Словарь. М.: Республика, 1994. 559 с.

Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 1–3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995.

Хроника России. XX век / сост. А. П. Корелин и др. М.: Слово/Slovo, 2002. 1104 с.

Чельцов М., протоиерей

Воспоминания «смертника» о пережитом. М.: Издательство им. св. Игнатия Ставропольского, 1995. 160 с.

В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. / Комментарии и публикация документа В. В. Антонова // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 17. М.; СПб., 1995.

Когда отменили расстрел... (Письма к жене из заключения) / комментарии и публикация документа В. В. Антонова // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 24. СПб.: Феникс, 1998.

Чернобаев А. А.

Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь. Саратов: Летопись, 1998. 440 с.

Черные дни русского православия. Документы и материалы притеснения служителей культа и религиозных объединений Тюменского края в годы Советской власти. 1917–1965 гг. / сост. А. В. Чернышов. Тюмень: Лад, 1992. 215 с.

Чуков Н.

Один год из моей жизни: Страницы из дневника / Комментарии и публикация документа В. Антонова / Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб., 1994.

Шабалин Н. В.

Святейший патриарх Алексей и духовная школа. Сб. статей, посвященных 50-летию архиерейского служения. Загорск: Московская духовная академия. Машинопись, 1963–1964.

Шавельский Г.

Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Материалы по истории церкви. Кн. 11. Т. 1, 2. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. (Репринт).

Шапиро Л. А.

Они сберегли сокровища Кремля. Документы о хранителях Кремлевских музеев в октябре 1917 г. / комментарии и публикация документов // Исторический архив. 1961. № 2.

Шейнис З. С.

Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989. 432 с.

Шелестов Д.

Время Алексея Рыкова. Эскиз политического портрета. М.: Прогресс, 1990. 352 с.

Шкаровский М. В.

Иосифлянское движение и оппозиция в СССР (1927–1943). вступит. статья и публикация документов // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб.: Феникс, 1994.

В огне войны. Русская православная церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии) / комментарии и публикация документов // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб.: Logos, 1994.

Истинно-православные в Воронежской епархии / комментарии и подготовка текста к публикации // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 19. М.: Феникс, 1996.

Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете материалов 1935–1945 годов. Сб. документов. М.: Издательство Крутицкого патриаршего подворья, 2003. 365 с.

Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской православной церкви в судьбах его участников. Архивные документы. СПб.: Сатись; Держава, 2006. 588 с.

Шульгин В. В.

Годы. Дни. 1920 год. М.: Новости, 1990. 832 с.

Энциклопедия религий. М.: Академический проект. 2008. 1520 с.

Энциклопедия Третьего рейха / сост. С. Воробьев. М.: Локид-Миф, 1996. 587 с.

Эрбиньи М.

Церковная власть в Москве. Париж, 1926. 115 с.

Юбилейный сборник в память 150-летия Русской православной церкви в Северной Америке. Т. 1, 2. Нью-Йорк, 1944–1945.

2. Литература

Монографии. Брошюры. Сборники статей.

Материалы научных и церковно-богословских конференций, семинаров и «круглых столов». Собрания сочинений.

Абросенко К. П.

Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск, 1938.

Агиенко А. Ф.

Религия под флагом социализма (О богостроительстве). М.; Л., 1930.

Адамов Д.

Политическое обоснование церковного обновленчества. Воронеж: Типография газеты «Воронежская коммуна», 1925. 21 с.

Алексеев В. А.

Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. 398 с.

«Штурм небес» отменяется?: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Россия молодая, 1992. 299 с.

Алексеев В. И., Ставру Ф.

Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. М.; Нью-Йорк, 1980. № 11, 12; 1981. № 13–16; 1982, № 17.

Алексий I, патриарх

Православие в Эстонии. М., 1999.

Алов А. А., Владимиров Н. Г.

Православие в России. М.: Институт наследия, 1995. 143 с.

Аметистов Т. А.

Каноническое положение Православной Русской церкви за границей. Париж: Издательство епархиального управления Западно-Европейского митрополичьего округа, 1927. 96 с.

Амосов Н. К.

Октябрьская революция и церковь. М.: ГАИЗ, 1939. 72 с.

Андреев И. М.

Заметки о Катакомбной церкви в СССР. Джорданвилль, 1947. 180 с.

Андреев И. М.

Благодатна ли советская церковь? Нью-Йорк; Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1948.

Краткий обзор истории русской церкви от революции до наших дней.

Джорданвилль: Издательство Свято-Троицкого монастыря, 1951. 180 с.

О положении Православной церкви в Советском Союзе. Катакомбная церковь в СССР. Нью-Йорк, 1951.

Андроник (Трубачев), игумен

Заккрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мошей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М.: Издательский совет РПЦ, 2008. 432 с.

Ансвесул В.

Церковь и гражданская война на Урале. Свердловск: Свердловгиз, 1937. 31 с.

Антирелигиозный сборник на 1929 год. С материалами для антирождественской кампании / под ред. А. Т. Лукачевского. М.: Безбожник, 1929. 126 с.

Аркадий Маковецкий, протоиерей

Белая Церковь: вдали от атеистического террора. СПб.: Питер, 2009. 320 с.

Артамонов Д. С.

Северные церковники на службе у царизма. Архангельск: Архгиз, 1940. 69 с.

Ахмедов Р. М.

Государство и церковь в российском обществе XX столетия. Уфа, 2002. 116 с.

Бабинов Ю. А.

Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность.
Симферополь: Таврия, 1991. 124 с.

Баделин В. И.

Золото церкви: Исторические очерки. Изд. 2-е. Иваново: Рыбинское подворье, 1995. 400 с.

Бакаев Ю. Н.

История государственно-церковных отношений в России. Учеб. пособие.
Хабаровск: Хабаровский государственный технический университет, 1994. 84 с.

Власть и религия. История отношений (1917–1941). Хабаровск: Изд-во Хабаровского государственного технического университета, 2002. 199 с.

Бакаев Ю. Н., Симорот С. Ю.

Власть и религия: история отношений (1941–1990). Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2006. 139 с.

Бакшеева Е. Б.

Религия и власть на Дальнем Востоке России. Хабаровск: Частная коллекция, 2001. 398 с.

Балевиц З. В.

Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944 гг.). Рига: Знание, 1967. 92 с.

Барменков А. И.

Свобода совести в СССР. М.: Мысль, 1979. 223 с. (Изд. 2-е, 1986.)

Беглов А. В.

В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Арфеа, 2008. 352 с.

Беднов В. А.

Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina). Минск: Лучи Софии, 2002. 430 с.

Беликова Н. Ю.

Православная церковь и государство на Юге России. (Конец XIX — первая треть XX вв.). Краснодар, 2004. 162 с.

Белов А. В., Крапов А. Д.

Под флагом антисоветизма. М., 1980.

Белов А. В., Шилкин А. Д.

Диверсия без динамита. М.: Политиздат, 1973. 230 с.

Карловацкий раскол: прошлое и настоящее. М.: Знание, 1975. 64 с.

Беляев В.

Против контрреволюционной деятельности церковников. Л.: Изд-во Ленинградского Совета РК и КД, 1939. 42 с.

Беляев В. П.

Я обвиняю! М.: Политиздат, 1980. 160 с. (Изд. 2-е, 1984.)

Берия: конец карьеры / сост. В. Ф. Некрасова. М.: Политиздат, 1991. 416 с.

Бобков Ф. Д.

КГБ и власть. М., 1995. 280 с.

Боголепов А. А.

Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958. 204 с.

Бойцов Н.

Святейшая контрреволюция. М.; Л., 1931.

Бонч-Бруевич В. Д.

«Живая церковь» и пролетариат. М.: Жизнь и знание, 1927. 62 с.

Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. 343 с.

Борис (Рукин)

О современном положении Русской православной патриаршей церкви. М.: Издание автора, 1927. 16 с.

Бошко В. И.

Отделение церкви от государства. Киев: Типография товарищества И. Н. Кушнарёв и К., 1917. 24 с.

Боярский А. И.

Церковь и государство. Пг.: Соборный разум, 1918. 32 с.

Брихничев И.

Патриарх Тихон и его церковь. М.: Красная новь, 1923. 21 с.

Буров Я.

Что означает закон о свободе совести и отделении церкви от государства. М.: Госиздат, 1921. 16 с.

Бухарин Н. И.

Реконструктивный период и борьба с религией. Доклад на 2 Всесоюзном съезде безбожников. М., 1929. 30 с.

Бычков С. С.

Русская Церковь и императорская власть (Очерки по истории Православной Российской Церкви. 1900–1917 гг.). Т. 1. М., 1998. 217 с.

Большевики против Русской церкви: очерки по истории Русской церкви (1917–1941 гг.). Т. 2. М., 2006. 430 с.

Васильева О. Ю.

Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: РАН ИРИ, 1999. 212 с.

Васильева О. Ю., Книшевский П. Н.

Красные конкистадоры. М.: Соратник, 1994. 270 с.

Введенский А.

Анархизм и религия. Пг.: Соборный разум, 1918. 47 с.

Введенский А. И.

Революция и церковь. Пг.: Типография при Смольном, 1922. 31 с.

За что лишили сана бывшего патриарха Тихона. М.: Красная новь, 1923. 60 с.

Церковь и государство (Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 гг.). М.: Мосполиграф, 1923. 253 с.

Церковь патриарха Тихона. М., 1923. 77 с.

Веверс Я. Я.

Православная духовная миссия — агентура фашистской разведки. Рига: Знание, 1973. 80 с.

Венедиктов Д.

Палачи в рясах. М., 1923.

Попы: провокаторы, тюремщики, погромщики. М.: Атеист, 1930. 119 с.

Палачи в рясах. (Прошлое русского духовенства). Л.: ЛОИЗ, 1933. 175 с.

Верховский П. В.

Церковь в обновленном государстве. Пг.: Изд-во при Святейшем Синоде, 1917. 16 с.

Патриарх Тихон. М.: Новая Россия, 1919. 11 с.

Винтер Э.

Политика Ватикана в отношении СССР. 1917–1968. М.: Прогресс, 1977. 252 с.

Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958.

Дискуссионные аспекты. М.: Институт славяноведения, Объединение исследователей религии, 2003. 360 с.

Володина Н. В.

Конституционно-правовые основы государственно-церковных отношений в России (XX век). М.: РАГС, 2000. 162 с.

Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.

Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2008. 807 с.

Вопросы истории религии и атеизма. Сб. ст. / отв. ред. В. Д. Бонч-Бруевич. Т. 1–12. М.: АН СССР, 1950–1964.

Вопросы научного атеизма. Вып. 1–39. М.: Мысль, 1966–1989.

Вопросы религии и религиоведения. Вып. I. Антология отечественного религиоведения. Ч. 1–3. М.: МедиаПром, 2009.

Воронцов Г. В.

Ленинская программа атеистического воспитания в действии (1917–1937 гг.). Л.: Издательство ЛГУ, 1973. 170 с.

Вуйц А.

Русский патриархат на Московском соборе 1917–1918 гг. Рим, 1941.

Галанза П.

Православие и самодержавие. М., 1925.

Гаман О. В.

Бюрократия Российской империи: вехи эволюции. Учебное пособие. М.: РАГС, 1997. 69 с.

Георгий (Тертышников), священник

Русская православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб.: Ноах, 1995.

Гидулянов П. В.

Церковь и государство по законодательству РСФСР. М.: Издательство НКЮ, 1923. 100 с.

Гоглов А., священник

Владимирское лихолетье. Православная церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. М., 2008. 430 с.

Головушкин Д. А.

Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. СПб.: Политехника-сервис, 2009. 267 с.

Голубцов С. А.

Троице-Сергиева лавра за последние сто лет. М.: Издательство православного братства Споручницы грешных, 1998. 223 с.

Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917–1922 гг. М.: Издательство Православного братства Споручницы грешных, 1999. 192 с.

Московская духовная академия в н. XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М.: Мартис, 1999. 124 с.

Московская духовная академия в революционную эпоху. По материалам архивов, мемуаров и публикаций. М.: Мартис, 1999. 247 с.

Профессора МДА в сетях ГУЛАГа и ЧеКа. М.: Издательство православного братства Споручницы грешных, 1999. 96 с.

Горбатов А. В.

Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. Томск: ТГПУ, 2008. 408 с.

Гордиенко Н. С. и др.

Политиканы от религии. Правда о «русской зарубежной церкви». М.: Мысль, 1975. 191 с.

Гордиенко Н. С.

Эволюция русского православия (20–80-е годы XX столетия). М.: Знание, 1984. 64 с.

Гордиенко Н. С., Комаров П. М.

Обреченные: О русской эмигрантской псевдоцеркви. Л.: Лениздат, 1988. 207 с.

Горев М.

Карловацкий собор. М., 1922.

Церковные богатства и голод в России. М.: Госиздат, 1922. 20 с.

Горчаков М.

Итоги политики митрополитов Сергия и Евлогия. Вып. 1, 2. Париж: Долой зло, 1929–1930.

Государственно-церковные отношения в России. Сб. ст. / под ред. Н. А. Трофимчука. М.: Луч, 1993. 134 с.

Государственно-церковные отношения в России: Курс лекций. Ч. 1, 2. М.: РАГС, 1995.

Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М.: РАГС, 1996. 252 с.

Граббе Г.

Правда о Русской церкви на родине и за рубежом. Нью-Йорк, 1961. 180 с.

Грекулов Е. Ф.

Московские церковники в годы реакции. М.: ОГИЗ; Московский рабочий, 1932. 48 с.

Православная церковь — враг просвещения. М.: Издательство АН СССР, 1962. 191 с.

Православная инквизиция в России. М., 1964.

Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX — начало XX века). М.: Наука, 1969. 184 с.

Григоренко А.

Уния в истории Украины—Руси. Краткий исторический очерк. Новосибирск: Паритет, 1991. 190 с.

Гущина А. В.

Эволюция отношений государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1996.

Даниленко С. Т.

Унииаты. М.: Политиздат, 1973. 223 с.

Данилов А. А.

Черное воинство (Отделение церкви от государства. Борьба монахов против народа). М.: ВЦИК, 1918. 42 с.

Двадцатилетие отделения церкви от государства. Сб. ст. М.: ОГИЗ–ГАИЗ, 1938. 96 с.

Детчуев Б. Ф., Мансуров В. Г.

Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990-е гг.). Петрозаводск, 1999.

Диверсанты в рясах. Сб. ст. Горький: Областное изд-во Полиграфа, 1938. 64 с.

Дмитриев А. Д.

Церковь и идея самодержавия в России. Рязань: Атеист, 1930. 231 с.

Дмитрук К. Е.

Свастика на сутанах. М.: Политиздат, 1976. 192 с.

С крестом и трезубцем. М.: Политиздат, 1980. 224 с.

Униатские крестоносцы: вчера и сегодня. (Греко-католическая церковь на землях Украины и Белоруссии). М.: Политиздат, 1988. 381 с.

Добрычев В. П.

В тени святого Юра. М.: Политиздат, 1971. 136 с.

Дозорцев П. Н.

Развитие светской государственности в России: история и современность. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД РФ, 1998. 136 с.

Дударёнок С. М., Сердюк М. Б.

Религиозная жизнь советского Дальнего Востока (1941–1954). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2009. 208 с.

Дьяконов Л. П.

Советские законы и церковь. Л.: Госиздат, 1926. 56 с.

Дягилев Д.

Церковники и сектанты на службе контрреволюции. Челябинск: Областное книжное изд-во, 1939. 24 с.

Жуков Ю. Н.

Сохраненные революцией. Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917–1921 гг. М.: Московский рабочий, 1985. 208 с.

Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917–1920 гг. М.: Издательство АН СССР, 1989. 301 с.

Зайцев К.

Православная церковь в Советской России. Ч. 1. Шанхай, 1947.

Время святителя Тихона. М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 1996. 189 с.

Зарин П. К.

Политическая маскировка религиозных организаций. М.: ГАИЗ, 1934. 107 с.

Зин Н. В., Пухова Е. А., Тихонов А. К.

Владимирская епархия в 1943–1964 гг. Владимир: Изд-во Владимирского государственного университета, 2007. 128 с.

Зин Н. В.

Государство и церковь во Владимирском крае в 1943–1953 гг. Владимир: Собор, 2010. 196 с.

Зубкова Е. Ю.

Общество и реформы. 1945–1964. М.: Россия молодая, 1993. 200 с.

Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 2000. 230 с.

Зыбковец В. Ф.

Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М.: Наука, 1975. 205 с.

Иакинф Дестиваль, священник

Поместный собор Российской православной церкви 1917–1918 гг.: принцип соборности. Материалы по истории Церкви. Кн. 41.

Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии.

Материалы по истории церкви. Кн. 5. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. 320 с.

Иоанн (Береславский)

Церковь в катакомбах: Истинно-Православная церковь времен гонений (1917–1996 гг.). М.: Новая Святая Русь, 1997. 63 с.

Иоанн (Снычев), митрополит

Церковные расколы в Русской церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. (Изд. 2-е). Сортавала: Изд-во Сортавальской книжной типографии, 1993. 271 с.

Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб.: Изд-во Л. С. Яковлевой, 1994. 352 с.

Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб.: Царское дело, 1994. 216 с.

Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб.: Царское дело, 1995. 248 с.

Иоанн XXIII и современный мир: христианское свидетельство, сосуществование и сотрудничество / под ред. А. А. Красикова и А. Меллони. М.: Интердиалект, 2002. 417 с.

История религий в России. Учебное пособие / под ред. Н. А. Трофимчука. М.: Агент, 1998. Ч. 1, 2. (Изд. 2-е, 2000.)

История религий в России. Учебник. М.: Изд-во РАГС, 2001. 591 с. (2-е изд, 2004).

История Русской православной церкви в XX веке (1917–1933). Мюнхен: Издание обители преп. Иова Почаевского, 2002.

История Русской православной церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. Т. 1. 1917–1970 / под ред. М. Б. Данилушкина. СПб.: Воскресение, 1997. 1020 с.

Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. Сб. ст. и отчетов. М., 1922.

Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М.: ЦСУ, 1927.

И. Ш. (Шпицберг)

Церковники и их агенты перед народным им революционным судом. Вып. 5. М.: Изд-во НКЮ, 1920.

Каиль М. В.

Власть и православные верующие в российской провинции начала 1920-х годов (Голод. Изъятие церковных ценностей. Раскол. Процесс смоленских церковников на Смоленщине). Смоленск: СмолГУ, 2008. 252 с.

Кандидов Б. П.

Церковный фронт в годы мировой войны. М.: Атеист, 1927. 147 с. (Изд. 2-е, 1929).

Религия в царской армии. (2-е изд.). М.: Безбожник, 1929. 92 с.

Церковь и Октябрьская революция. М.: Безбожник, 1929. 31 с.

Религиозная контрреволюция и интервенция 1918–1920 гг. (Очерки и материалы). М.: Безбожник, 1930. 198 с.

Церковно-белогвардейский собор в Ставрополе в мае 1919 г. М.: Московский рабочий, 1930. 94 с.

Церковь и контрразведка. Контрреволюционная и террористическая деятельность церковников на юге в годы гражданской войны. М.: Госиздат, 1930. 93 с.

Октябрьские бои в Москве и церковь (Очерки). М.: Безбожник, 1931. 40 с.

Церковь и Врангель. Харьков: Пролетар, 1931. 98 с.

Церковь и гражданская война на Юге (материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). М.: Безбожник, 1931. 295 с.

Меньшевики и поповщина в борьбе против Октябрьской революции. (Очерки). М.; Л.: ОГИЗ; Московский рабочий, 1931. 109 с.

Вредительство, интервенция и церковь. М.: Безбожник, 1931. 72 с.

Голод 1921 г. и церковь. М.; Л.: Московский рабочий, 1932. 92 с.

- Японская интервенция в Сибири и церковь. М.: ГАИЗ, 1932. 64 с.
- Церковь и Февральская революция. Классовая позиция православной церкви в период февраль—август 1917 г. Материалы и очерки. М.: ГАИЗ, 1934. 120 с.
- Церковь и шпионаж. О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозных организаций. М.: ОГИЗ; ГАИЗ, 1937. 95 с.
- Церковь и шпионаж. О некоторых фактах контрреволюционной деятельности религиозных организаций. М.: Военное издательство, 1940. 141 с.
- Карпов Г. Г.**
О Русской православной церкви. М., 1946.
- Катунин Ю. А.**
Русская православная церковь в первые послевоенные годы (1945–1949 гг.). Симферополь, 2003.
- Кашеваров А. Н.**
Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945 гг. СПб.: СПб. ГТУ, 1995. 138 с.
Государственно-церковные отношения в советском обществе. СПб.: Изд-во СПб. ГТУ, 1997. 45 с.
- Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы Советской власти. СПб.: СПб. ГТУ, 1999. 327 с.
- Православная Российская церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. 437 с.
- Каширин П.**
О свободе совести. М.: Молодая гвардия, 1939. 47 с.
- Клишко В.**
О вражеской деятельности церковников и сектантов. Петрозаводск, 1938.
- Клочков В. В.**
Закон и религия: От государственной религии в России к свободе совести в СССР. М.: Политиздат, 1982. 160 с.
- Социалистическое государство. Право и религиозные организации. М.: Знание, 1984. 64 с.
- Ковалев Б. Н.**
Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1945 гг. М.: Изд-во АСТ, 2004. 483 с.
- Ковалев Ф.**
Православие на службе самодержавия в России. М.: Безбожник, 1930. 64 с.
- Коган Ю., Мегружан Ф.**
О свободе совести. М.: ГАИЗ, 1938. 68 с.
- Коголь Т. Н.**
Русская православная церковь и государство. 1917–1927. Томск, 1995. 217 с.
- Ко** дню церковного празднования 800-летия Москвы. М.: Издание Московской патриархии, 1948.
- Кони А. Ф.**
Собрание сочинений. Т. I–VIII. М.: Юридическая литература, 1966–1969.
- Коновалов Б. Н.**
Развитие массового атеизма в СССР. М.: Знание, 1973. 46 с.
К массовому атеизму. М.: Наука, 1974. 167 с.

Константинов Д.

Гонимая церковь (Русская православная церковь в СССР). Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1967. 381 с.

Конференция всех церквей и религиозных объединений в СССР, посвященная вопросу защиты мира. Загорск. 1952. Материалы. М.: Издание Московской патриархии, 1952. 312 с.

Корзун М. С.

Русская православная церковь. 1917–1945: изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения. Минск: Беларусь, 1987. 111 с.

Корнилов А. А.

Преображение России. О религиозном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944). Нижний Новгород, 2000.

Коровин В. В.

История отечественных органов безопасности. Учеб. пособие. М.: Норма-Инфра, 1998. 256 с.

Костельник Г.

Ватикан и православная Церковь. М., 1948. 23 с.

Римская церковь и единство Христовой церкви. М.: Издание Московской патриархии, 1948.

Кострюков А. А.

Русская Зарубежная церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской патриархией при жизни патриарха Тихона. М.: ПСГТУ, 2007. 398 с.

Коэн С.

Бухарин. Политическая биография. 1988–1938. М.: Прогресс, 1988. 574 с.

Крапивин М. Ю.

Противостояние: большевики и церковь (1917–1941 гг.). Волгоград: Перемена, 1993. 100 с.

Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917–конец 1930 гг.). Волгоград: Перемена, 1997. 367 с.

Красиков П. А.

Крестьянство и религия. М.: Наркомюст, 1920. 16 с.

На церковном фронте (1918–1923). М.: Юриздат, 1923. 311 с.

Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1970. 269 с.

Красная книга ВЧК. Сб. (2-е изд.). М.: Политиздат, 1989. Т. 1, 2.

Крахмальникова З. А.

В поисках утраченного рая. (Очерки по истории Русской православной церкви XX века). М.: Протестант, 1993. 80 с.

Горькие плоды сладкого плена. Очерки по истории Русской православной церкви XX века. М.: Изд-во Православной церкви Божией Матери Державная, 2001. 104 с.

Кривова Н. А.

Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО–XX, 1997. 248 с.

Крупская Н. К.

Из атеистического наследия. М.: Наука, 1964. 307 с.

Крывелев И. А.

История религий. Т. 1, 2. М.: Мысль, 1975. (Изд. 2-е, 1988).

Русская православная церковь в первой четверти XX века. М.: Знание, 1982. 64 с.

Кузнецов Н. Д.

Церковь, народ и государство в России. М., 1918. 48 с.

Лавринов В., протоиерей

Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945). М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2007. 308 с.

Лавров В. М. и др.

Иерархия Русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М.: Русская панорама, 2008. 376 с.

Левитин-Краснов А., Шавров В.

Очерки по истории русской церковной смуты. Материалы по истории церкви. Кн. 9. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. 672 с.

Лукин Н. М.

Революция и церковь. М.: Красная новь, 1923. 36 с.

Луначарский А. В.

Об атеизме и религии. (Сборник статей, писем и других материалов) / сост. Л. К. Дунаевский. М.: Мысль, 1972. 509 с.

Религия и просвещение. Сб. ст. М.: Советская Россия, 1985. 544 с.

Лунин А.

О делах тихоновских. М., 1922.

Мазырин А., иерей

Высшие иерархи о преемстве власти в Русской православной церкви в 1920-х — 1930-х годах. М.: Издательство ПСТГУ, 2006. 441 с.

Макаров Ю. Н.

Органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ и Российская православная церковь (1919–1927 гг.). Сочи: издание СГУТ и КД, 2007. 252 с.

Маковецкий А. В., протоиерей

Белая церковь вдали от атеистического террора. История Русской православной зарубежной церкви. СПб.: Питер, 2009. 320 с.

Мальков П. Д.

Записки коменданта Кремля. М., 1962.

Мельгунов С. П.

Как создавалась в России государственная церковь. М., 1917. 19 с.

Церковь в новой России. Изд. 2-е. М.: Задруга, 1917. 14 с.

Красный террор в России. 1918–1923. М.: СП РИУСО, 1990. 207 с.

Мефодий (Герасимов)

По поводу признания Московской церковной властью Советской власти. Харбин, 1928. 51 с.

Мигович И. И.

Преступный альянс. О союзе униатской церкви и украинского буржуазного национализма. М.: Политиздат, 1985. 190 с.

Клерикальный национализм на службе антисоветизма (На примере униатско-националистического альянса). М.: Знание, 1987. 63 с.

Митрофанов Георгий, священник

Русская православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб.: Ноах, 1995. 144 с.

История Русской православной церкви: 1917–1927. СПб.: Сатисъ, 2002. 444 с.

Михаил, священник

Положение церкви в Советской России. Очерк бежавшего из России священника. СПб., 1995. 134 с. (Репринт).

Московская академия. 300 лет (1685–1985) Богословские труды. Юбилейный сборник. М.: Издание Московской патриархии, 1986. 336 с.

Мосс В.

Православная церковь на перепутье (1917–1999). СПб.: Алетейя, 2001. 415 с.

Нансен Ф.

Россия и мир. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 146 с.

На пути к свободе совести. Сб. ст. М.: Прогресс, 1989. 494 с.

Нежный А. И.

Комиссар дьявола. М.: Протестант, 1993. 272 с.

Допрос патриарха. М.: Издательский дом «Грааль», 1997. 572 с.

Нечаев М.

Красный террор и церковь на Урале. Пермь: Изд-во Пермского государственного педагогического института, 1992. 16 с.

Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь: Уральский государственный университет, 2004. 335 с.

Никитин А. К.

Нацистский режим и русская православная община в Германии (1933–1945 гг.). М., 1998. 421 с.

Николай (Минин), архиепископ

Влияние обновленчества на религии в мировом, вселенском масштабе. Семипалатинск, 1926.

Николин А.

Церковь и государство (История правовых отношений). М.: Сретенский монастырь, 1997. 430 с.

Новиков Н. С.

Колыбель опального патриарха. Псков: Робин, 1999. 153 с.

Нуруллаев А. А., Нуруллаев Ал. А.

Религия и политика. Учеб. пособие. М.: КМК, 2006. 330 с.

Об антирелигиозной пропаганде: Сб. ст. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

Обозный К. П.

История Псковской православной миссии 1941–1944 гг. Материалы по истории церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2008. 607 с.

Окулов А. Ф.

Ленинское атеистическое наследие и современность. М.: Политиздат, 1986. 126 с.

Одинцов М. И.

Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). М.: Знание, 1991. 64 с.

Государство и церковь в России. XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.

Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: РАГС, 1995. 222 с.

Русские патриархи XX века. (Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов). М.: РАГС, 1999. 334 с.

Алексий I (Симанский С. В.), патриарх Московский и всея Руси. Биография / Православная энциклопедия. Т. I. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000.

Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: Центральный институт непрерывного образования, 2002. 312 с.

Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М.: РОИР, 2005. 540 с.

Мы проповедуем: «Русь — для Христа» (История Армии Спасения в России, с приложением документов и материалов). СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2008. 328 с.

Олещук Ф. Н.

Кто строит церкви в СССР. М.; Л.: Московский рабочий, 1929. 96 с.

XVII съезд ВКП(б) и задачи антирелигиозной работы М.: ГАИЗ, 1934. 100 с.

Десять лет Союза воинствующих безбожников СССР. М.: ГАИЗ, 1936. 79 с.

Борьба церкви против народа. М.: Воениздат, 1941. 159 с.

Орловский П.

Послание патриарха Тихона к архипастырям и пастырям церкви Российской. М., 1919.

Основные положения программы группы православного духовенства и мрян «Живая церковь». Казань, 1923.

Парнищев А.

Церковная контрреволюция и гражданская война. М.; Л., 1930.

Перельгин А. И.

Русская православная церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). Орел: «Труд», 2007. 213 с. (Изд. 2-е, 2008).

Персиц М. М.

Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 198 с.

Петляков П. А.

Униатская церковь — орудие антикоммунизма и антисоветизма. Львов: Вища школа, 1982. 168 с.

Петров М. Н.

Крест под молотом. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. 446 с.

Петюкова О. Н.

Церковь—власть—общество в российской деревне в 1920-е годы. М., 2007. 222 с.

Пихоя Р. Г.

Советский Союз: история власти. 1945–1991. М.: РАГС, 1998. 736 с.

Плаксин Р. Ю.

Крах церковной контрреволюции в 1917–1922 гг. М.: Наука, 1968. 192 с.

Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны. Л.: Лениздат, 1987. 206 с.

Поварин С.

У истоков живой религии. Пг., 1918.

Польский М.

Современное состояние православной церкви в СССР. Б. м., 1946. 33 с.

Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей.

Джорданвилль: Типография пр. Иова Почаевского, 1948. 194 с.

Попов М. В.

Церковь в годы реакции и революции. Опыт краеведческого исследования. М. Иваново: ОГИЗ, 1931. 91 с.

Попов Ф. К.

Попы-провокаторы. (По ярославским и др. архивным материалам). Иваново-Вознесенск, 1932. 64 с.

Поспеловский Д. В.

Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996.

Православная церковь в истории Руси, России и СССР. Учеб. пособие. М.: ББИ, 1996. 408 с.

Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг.

Сб. Материалы по истории церкви. Кн. 14. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. 298 с.

Путинцев Ф. М.

О свободе совести. М.: ОГИЗ, 1939. 58 с.

Рар Глеб (Ветров А.)

Плененная церковь: Очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. 113 с.

Регельсон Л.

Трагедия Русской церкви. 1917–1945. Материалы по истории церкви. Кн. 15. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. 630 с.

Религия и классовая борьба. М., 1930.

Религия и национализм. Сб. ст. М.: Институт религии и права, 2000. 240 с.

Рейснер М. А.

Государство и церковь (Сборник статей по пролетарской революции и праву. № 1–4). СПб.: Издание НКЮ, 1918.

Рожицин П.

Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция. М.; Л.: Госиздат, 1926. 30 с.

Розенбаум Ю. А.

Советское государство и церковь. М.: Наука, 1985. 174 с.

Розова Л. К.

Великий архидиакон. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1994. 79 с.

Русак В. (Степанов)

Пир сатаны. Русская православная церковь в «ленинский» период (1917–1924). М.: Заря, 1991. 313 с.

Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Ч. 1–3. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1993.

История Российской церкви. Со времени основания до наших дней. Джорданвилль, 1993. 580 с.

Русская православная церковь за границей. 1918–1968. Т. 1, 2 / под. ред. А. А. Соллогуб. Нью-Йорк: Русская духовная миссия в Иерусалиме, 1968, 1970.

Русское православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989. 719 с.

Рыбкин Г. Ф.

Православие на службе самодержавия в России. М., 1930.

Савельев А. Н.

Емельян Ярославский— пропагандист марксистского атеизма. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1976. 103 с.

Савинова И. Д.

Лихолетье. Новгородская епархия и советская власть. 1917–1991. Историческое исследование. Новгород, 1998. 112 с.

Сборник по вопросам антирелигиозной пропаганды. М., 1922.

Свен Н.

Церковь и государство. М., 1918.

Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. ст. М.; СПб.: Российское объединение исследователей религии. Вып. I–VII. 2004–2009.

Сергий (Ларин), епископ

Православие и гитлеризм. Политика гитлеровских оккупантов по религиозным вопросам во временно-захваченных районах СССР и ее итоги. Одесса. Машинопись, 1946–1947.

Скворцов-Степанов И.

Религия, духовенство, его доходы, его проклятия благословения. М., 1918.

О «живой церкви». М: Московский рабочий, 1922. 39 с.

Избранное. М.: Известия, 1970. 254 с.

Смолич И. К.

История русской церкви. 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 647 с.

Смолярчук В. И.

А. Ф. Кони и его окружение. (Очерки). М.: Юридическая литература, 1990. 400 с.

Анатолий Федорович Кони (1844–1927). М.: Наука, 1981. 214 с.

Соколов В.

Антинародная деятельность церковников. Орел, 1940. 16 с.

Солженицын А. И.

Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт духовного исследования. Т. 1, 2. М., 1990.

Солоухин В. А.

При свете дня. М., 1992. 222 с.

Сосковец Л. И.

Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск: Изд-во Томского университета, 2003. 346 с.

Сталин И.

Сочинения Т. 1–12. М.: Политиздат, 1952.

Степанов И.

Религия, духовенство, его доходы, его проклятия и благословения. М.; Пг.: Коммунист, 1918. 112 с.

Стратонов И.

Русская церковная смута. 1921–1931. Берлин, 1932. 205 с.

Происхождение современного устройства Русской патриаршей церкви. Париж, 1933.

Стучка П. И.

Учение о советском государстве и его конституции. М.; Л.: Госсоэкиздат, 1931. 288 с.

Избранные произведения по марксистской теории права. Рига: Латгосиздат, 1964. 748 с.

Стучка П. — революционер, мыслитель и государственный деятель. Сб. ст. Рига, 1965. 88 с.

Судоплатов А.

Разведка и Кремль. М., 1996.

Тайная жизнь генерала Судоплатова. М., 1998.

Судоплатов П. А.

Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997.

Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001.

Сулацков А. А.

Пишут письма провокаторы. (Критические заметки об истории и идеологии карловацкого раскола). Алма-Ата: Казахстан, 1973. 216 с.

Такер Р.

Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М.: Прогресс, 1991. 480 с.

Тальберг Н. Д.

К сорокалетию пагубного евлогинского раскола. Джорданвилль, 1966. 128 с.

Тимофеев В. Д.

Марксистско-ленинское учение о свободе совести. М.: Знание, 1983. 64 с.

Ленинские принципы политики в отношении религии, церкви, верующих. М.: Знание, 1987. 63 с.

Титлинов Б. В.

Новая церковь. Пг.; М.: типографская артель Л. Я. Гансбург, 1923. 85 с.

Православие на службе самодержавия в русском государстве. Л.: Госиздат, 1924. 210 с.

Церковь во время революции. М.; Пг.: Былое, 1924. 192 с.

Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905 гг. Л.: ГИЗ, 1924. 166 с. (Изд. 2-е, 1925.)

Церковное разделение и мир церкви. Пермь, 1926.

Смысл обновленческого движения в истории. Самара: Полиграфпром, 1926. 6 с.

Тронцкий К.

Церковь и государство в России. М.: Красная новь, 1923. 60 с.

Тронцкий С. В.

Почему и как закрываются храмы в советской России. Белград, 1930. 54 с.

О неправде карловацкого раскола. Париж, 1960. 147 с.

Трубецкой Г. Н.

Красная Россия и Святая Русь. Париж: ИМКА–Пресс, 1931. 86 с.

Тубанов С.

Церковь на службе врагов народа. Свердловск: Свердловгиз, 1940. 100 с.

Ульянов И.

Казаки, церковь и советская власть. М.: Госиздат, 1920. 15 с.

Уэллс Г. Д.

Россия во мгле. Сб.; М.: Прогресс, 1970. 220 с.

Тюрина Л. В.

Государство и Русская православная церковь: эволюция отношений. 1917–2000. Курск, 2000.

Федотов А. А.

Ивановская, Владимирская и Костромская епархии Русской православной церкви в 1917–1990-е годы. Иваново, 2000.

Из истории Русской православной церкви в XX веке. Церковно-историческое сочинение. Иваново: Ивановское епархиальное православное духовное училище, 2002. 226 с.

Русская православная церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). Иваново, 2005.

Феодосий (Процюк)

Обособленческие движения в Православной церкви на Украине с 1917 г. по 1943 г. Т. 1–5. Смоленск. Машинопись. 1978–1979.

Федотов Г. П.

Судьба и грехи России. (Избранные статьи по философии, русской истории и культуре). Т. 1, 2. СПб.: София, 1991.

Филиппов Н.

Вражеские происки церковников. Куйбышев: Облиздат, 1939. 77 с.

Фиолетов И. П.

Церковь и государство по советскому праву. Ч. 1, 2. М.: Саратов, 1923–1924.

Фирсов С. Л.

Время в судьбе: Святейший Сергей, патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе «сергианства» русской церковной традиции XX века. СПб.: Изд-во СПУ, 1999. 206 с.

Апостасия: «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. СПб., 2004. 286 с.

Хенкин Е. М.

Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921–1922). Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1988. 171 с.

Церковная революция (К расколу среди православного духовенства). Калуга, 1923.

Церковники и их агенты перед народным и революционным судом. М.: Наркомюст, 1920. 16 с.

Цыпин В., протоиерей

История Русской православной церкви. 1917–1990.: учебник для православных духовных семинарий. Чехов: Хроника, 1994. 254 с.

Русская православная церковь (1917–1925). М.: Издание Сретенского монастыря, 1996. 336 с.

История Русской церкви. 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.

Русская православной церковь. 1925–1938. М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. 430 с.

История Русской православной церкви. Синодальный период (1700–1917). Новейший период (1917–2000). Учеб. пособие. М.: Изд-во Учебного комитета Русской православной церкви, 2004. 839 с.

История Русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 816 с.

Чеботарев С. А.

Тамбовская епархия 40–60 гг. XX века. Тамбов: ООО Изд-во ЮЛИС, 2004. 380 с.

Черные дни русского православия / сост. А. В. Чернышов. Тюмень: Лад, 1992. 215 с.

Чудновцев М. И.

Церковники и сектанты в борьбе и против культурной революции. М., 1930.
Политическая роль церковников и сектантов в СССР. М.: Безбожник, 1936. 110 с.

Чумаченко Т. А.

Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО–XX, 1999. 248 с.

Шабалин Н. В.

Русская православная церковь и советское государство в середине сороковых—пятидесятые годы XX века (на материалах Кировской области). Киров, 2004. 128 с.

Шангин М. С.

Террор против совести. Об уничтожении духовенства и трудового крестьянства в г. Омске и области. Омск: Книжное издательство, 1994. 319 с.

Шаповалова А. А.

Очерки по истории Русской православной церкви новейшего периода. Машинопись. М.; Л., 1954. Ч. 1, 2.

Шах М.

Рыцари мракобесия в борьбе с комсомолом. Л., 1930.

Шахнович М. И.

Ленин и проблемы атеизма. Критика религии в трудах В. И. Ленина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 671 с.

Шейнман М. М.

Коминтерн и религия. М.: Безбожник, 1929. 31 с.

Шелтон К., Шелтон Д.

Русская церковь и Советское государство. 1917–1950 гг. / пер. с англ. Бостон, 1958.

Шиленок Д. Ф., священник

Из истории православной церкви в Белоруссии (1922–1939). («Обновленческий раскол» в Белоруссии). Материалы по истории церкви. Кн. 38. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2006. 218 с.

Шимон И. Я.

Отношение советского государства и Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. ^

Шипов Я.

Тихоновская церковь и Врангель. Исторический очерк на основании архивных документов, найденных в Крыму. М.: Красная новь, 1923. 434 с.

Шишаков В.

Религия и колхозное строительство. М.; Л., 1931.

Шишкин А. А.

Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань: Изд-во Казанского университета, 1970. 367 с.

Шкаровский М. В.

Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 гг.

От «перемирия» к новой войне. СПб.; М.: ДЕАА+АДИА, 1995. 215 с.

Иосифлянство: течение в Русской православной церкви. СПб.: НИЦ Мемориал, 1999. 400 с.

Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). Материалы по истории церкви. Кн. 24. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 400 с.

Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. СПб.: Нестор, 1999. 100 с.

Нацистская Германия и православная церковь (Нацистская политика в отношении православной церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002.

Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Сатисъ; Держава, 2005. 620 с.

История русской церковной эмиграции. СПб.: Алетея, 2009. 359 с.

Шкуратов С. Б.

Взаимоотношения советского государства и Русской православной церкви в 40–60-е годы XX в. М., 2006.

Элиашевич И. Я.

Религия и война. М., 1930.

Строительство социализма и отмирание религии в СССР. Л., 1931.

Эйнгорн И. Д.

Октябрьская революция и позиции церковников Западной Сибири. (Материалы в помощь лекторам и докладчикам). Новосибирск: Зап.-Сиб. книжное издательство, 1969. 16 с.

Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937). Томск: Изд-во Томского университета, 1982. 224 с.

Юбилейный сборник в память 150-летия Русской православной церкви в Северной Америке. Т. 1, 2. Нью-Йорк, 1944–1945.

Яковлев А. Н.

По мощам и елей. М., 1995. 240 с.

Якунин В. Н.

За Веру и Отечество. Самара: Духовный собеседник, 1995. 170 с.

Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: Изд-во Самарский университет, 2001. 400 с.

Вклад Русской православной церкви в победу над фашизмом и укрепление государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тольятти, 2002.

Внешние связи Московской патриархии и расширение её юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2002. 200 с.

Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историография и источниковедение проблемы. Тольятти: Современник, 2002. 168 с.

Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Учеб. пособие по курсу «Отечественная история». Тольятти: ТГАС, 2004. 272 с.

Ярославский Е.

На антирелигиозном фронте. Сб. статей, докладов, лекций, циркуляров за 5 лет. 1919–1924. М.: Красная новь, 1924. 222 с.

Против религии и церкви. Т. 1–5. М., 1932–1935.

Сталинская Конституция и вопрос о религии. М.: ГАИЗ, 1936.

О религии / вступ. статья, общ. ред. М. М. Шейнмана. М.: Госполитиздат, 1957. 640 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Необходимая предыстория.	6
Глава I. Время патриарха Московского и всея России Тихона 1917–1925 гг.	45
1.1. Поместный собор Российской православной церкви	45
Первая сессия, завершение работы. Ноябрь–декабрь 1917 г. ...	45
Вторая сессия. Январь–апрель 1918 г.	48
Третья сессия. Июль–сентябрь 1918 г.	66
1.2. Государство и Церковь в годы Гражданской войны.	71
1.3. Голод 1921–1922 гг. в России.	83
Изъятие церковных ценностей.	
Зарождение обновленческого раскола.	83
1.4. Судебное дело патриарха Тихона. 1922–1924 гг.	112
1.5. Последний год патриаршества: стремление к легализации. ...	133
Глава II. Православная церковь в период междупатриаршества 1925–1943 гг.	145
2.1. Церковные нестроения и расколы	145
Местоблюститель патриаршего престола — митрополит Крутицкий Петр (Полянский).	145
Митрополит Сергей (Страгородский) вступает в права заместителя патриаршего престола	149
2.2. Декларация митрополита Сергея и Временного патриаршего Синода. 29 июля 1927 г.	155
2.3. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». 8 апреля 1929 г.	171
Попытки реформирования советского законодательства о культах.	171
Партийное руководство и «религиозный вопрос»	176
Вероисповедные реформы в РСФСР	180
XIV Всероссийский съезд Советов.	185
II съезд Союза воинствующих безбожников.	189

2.4. Государство и Церковь в Советском Союзе. 1930–1940 гг.	193
Центральные и местные комиссии по вопросам культов	194
Образование Постоянной комиссии по рассмотрению культовых вопросов при Президиуме ЦИК СССР	206
Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. и вопросы свободы совести	208
Русская православная церковь и другие религии и церкви в СССР в 1930-х гг.	218
2.5. Религиозный вопрос в годы Второй мировой войны.	227
Религиозная политика нацистской Германии накануне войны ..	227
22 июня 1941 г. — начало Великой Отечественной войны	232
Религиозная политика на оккупированных советских территориях	235
Рейхскомиссариат «Остланд»	242
Рейхскомиссариат «Украина»	248
2.6. Московская патриархия в эвакуации. Ульяновск: октябрь 1941 г. — июль 1943 г.	252
2.7. Советское государство в поисках новых отношений с религиозными организациями. 1941–1943 гг.	261

Глава III. Патриарх Московский и всея Руси Сергей: церковное возрождение, обретение духовной свободы.

1943–1944 гг.	273
3.1. 4 сентября 1943 г.: встреча И. В. Сталина и иерархов Русской православной церкви	273
3.2. Начало церковного возрождения	279
Архиерейский собор. 8 сентября 1943 г.	279
Восстановление внешних церковных связей.	284
Преодоление церковных расколов	286
Возрождение институтов Церкви	293
Кончина патриарха Сергия	302
3.3. Совет по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров СССР	304
Формирование центрального аппарата Совета и аппаратов уполномоченных в регионах Советского Союза	304
Открытие церквей	308
Изменение законодательства о культах	314

Глава IV. Местоблюстительство патриарха Алексия I.

Поместный собор 1945 г.	316
4.1. Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский) — местоблюститель патриаршего престола.	316
Продолжение дела возрождения Церкви	317
Подготовка к Поместному собору.	326
4.2. Поместный собор Русской православной церкви 1945 г.	329

**Глава V. Русская православная церковь и советское государство
в 1946–1953 гг.**

в 1946–1953 гг.	340
5.1. Патриарх Алексий I: первые годы патриаршества.	
1946–1949 гг.	340
Открытие храмов и монастырей, возвращение святых мощей	340
Архиерейские кадры	344
Кадры приходского духовенства	347
Внешняя церковная деятельность, преодоление расколов	348
Львовский церковный собор	352
5.2. Религиозный вопрос в деятельности	
Коммунистической партии Советского Союза. 1946–1953 гг.	360
Антирелигиозные инициативы ЦК КПСС	360
Совет по делам Русской православной церкви: 1950–1953 гг.	366
Заключение	370
Источники и литература	376

Научное издание

История сталинизма

Одинцов Михаил Иванович

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
накануне и в эпоху сталинского социализма
1917–1953 гг.**

Ведущий редактор *Н. А. Богатырева*

Редактор *Т. Б. Рябикова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *А. Ю. Титова*

Корректор *Т. Г. Суворова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 02.12.2013.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 9485.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел./Факс 8(499) 685-15-75

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Русская
православная церковь
накануне и в эпоху
Сталинского
социализма
1917–1953 гг.**

Одинцов Михаил Иванович – историк-религиовед, доктор исторических наук, профессор. Областью научных интересов является история России (СССР) XX столетия, и прежде всего – изучение политики государства, в том числе и в ее практическом воплощении в сфере свободы совести, во взаимоотношении с религиозными организациями, духовенством и верующими. На протяжении многих лет ведет исследовательскую работу в архивах России, постоянно публикуя вновь выявленные документы. Вводимые в научный оборот материалы становятся документальной основой для работ по истории российских религиозных организаций – Русская православная церковь и обновленческое движение, протестантские церкви и деноминации, мусульманские объединения. Ряд научных исследований посвящены таким темам, как свобода совести и права человека. К настоящему времени им опубликовано более 300 научных работ, в том числе более 10 монографий.

Библио-Глобус
ООО «Беркут»
Тел. (315) 799-22-05.
КТК:
031
785824 318210
Одинцов М.И. Русская прав
Цена: 409,00